

ГОДЪ

LII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 37.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года сентября 11-го дня.

Содержаніе: I. Отклики на современность Н. Гумилевскій.—II. Изъ наблю-
деній надъ жизнью сектантовъ-баптистовъ. Свящ. В. Пестряковъ.—
III. Изъ Апостола. М. Скабаллановича.—IV. Замѣтка. Во что вѣ-
рять наша интеллигенція.

Отклики на современность.

Вся благомыслящая Россія потрясена и возмущена гнуснымъ убійствомъ вѣрнаго слуги Царскаго—Предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина. Это преступленіе тѣмъ болѣе омерзительно, что оно совершено *въ присутствіи Государя Императора и Его Августѣйшихъ дѣтей*. Но ужаснѣе всего то, что это злодѣяніе не есть единичный фактъ: оно стоитъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ террористическихъ вы-
ступленій. Вспомнимъ недавнюю „конференцію“ соц.-револю-
ціонеровъ въ Парижѣ, постановившую продолжать въ Россіи революцію; вспомнимъ убійства тюремнаго инспектора Ефи-
мова, прокурора Скопинскаго и др.; вспомнимъ возобновив-
шіяся экспропріаціи,—и для насъ станетъ ясно, что намъ

угрожаетъ повтореніе, и можетъ быть въ гораздо болѣе ужасныхъ размѣрахъ, революціи 1905 г. Мы не можемъ оставаться безучастными къ такому положенію дѣла. Скажутъ, что же мы можемъ сдѣлать?—Конечно, единолично каждый изъ насъ ничего не въ состояніи сдѣлать, кромѣ возношенія молитвы Господу объ умиротвореніи нашей дорогой Родины. Но въ „единеніи—сила“. Пора оставить нашу инертность, наше обломовское самоуспокоеніе, что за насъ кто-то другой работаетъ; пора объединиться для общей борьбы съ безпощадными врагами всего русскаго, всего православнаго, или, еще лучше, примкнуть къ уже существующимъ патріотическимъ организаціямъ. Уже одно это объединеніе, одно дружное выраженіе своихъ дѣйствительныхъ чувствъ ясно покажетъ врагамъ, что патріотическое настроеніе массы русскаго народа—не мифъ, какъ говорятъ лѣвыя газеты, а фактъ, и что, напротивъ, нагло лгутъ революціонеры—гнусные убійцы, утверждающіе, что они дѣйствуютъ отъ лица русскаго народа. А сколько еще нужно работы, чтобы это настроеніе, у большинства выражающееся только въ сердечныхъ порывахъ, сдѣлать вполне сознательнымъ и, что еще важнѣе, заставить его выражаться въ соотвѣтствующей жизнедѣятельности! Такая работа посильна не отдѣльнымъ личностямъ, а цѣлымъ союзамъ.

Но это сплоченіе требуетъ инициативы, и такими инициаторами въ селахъ, естественно, должны быть представители духовенства, какъ ближе всего стоящіе къ простому народу¹⁾. Къ числу лжей, выдвинутыхъ нашимъ, такъ называемымъ освободительнымъ движеніемъ, относится положеніе, будто духовенство не должно заниматься политикой, будто оно должно стоять внѣ партій. Но развѣ священнослужитель можетъ и имѣть право безразлично относиться къ благу своей отчизны, къ вопросамъ, отъ того или иного рѣшенія которыхъ зависитъ ея жизнь или смерть? Развѣ защита пра-

¹⁾ Если не возьметъ руководство въ свои руки духовенство, то возьмутъ его (руководство) другіе, незваные руководители. *Ред.*

вославної вѣры, Помазанника Божія—самодержавнаго Царя и русской народности есть политическая партійность?—а такими именно цѣлями задаются патріотическія организаціи. Развѣ можно назвать партійными людьми патр. Гермогена, архим. Діонисія, Аврамія Палицына, руководившихъ русскимъ ополченіемъ противъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ? Развѣ можно назвать партійными людьми святителей московскихъ Петра и Алексія, содѣйствовавшихъ возвышенію Москвы? Развѣ можно назвать партійнымъ дѣятелемъ преп. Сергія Радонежскаго, котарый увѣщевалъ удѣльныхъ князей покориться князю московскому? Вотъ великіе образы, хотъ немного приблизиться къ которымъ дай Богъ каждому священнослужителю! Впрочемъ, „освободители“, требующіе безпартійности духовенства, сами обнаруживаютъ свою неискренность, превознося такихъ „безпартійныхъ“ священнослужителей, къ счастью—немногихъ, которые, устами произнося предъ престоломъ Божиимъ молитвы „о самодержавнѣйшемъ Государѣ нашемъ“, въ сердцѣ не признаютъ Царя самодержавнымъ, которые требуютъ уничтоженія церковныхъ школъ, которые отстаиваютъ равноправіе и, слѣдовательно, равноцѣнность всѣхъ религій съ православіемъ и т. п.

Сплотимся же единомушно для защиты нашихъ на родныхъ святынь отъ надвигающейся на насъ вражьей силы.

Н. Гумилевскій.

Изъ наблюдений надъ жизнью сектантовъ-бапти- стовъ.

Въ вопросѣ объ успѣшной борьбѣ съ сектантствомъ однимъ изъ необходимыхъ условій является внимательное его изученіе, знаніе его положительныхъ (по крайней мѣрѣ для вѣшняго наблюденія) и отрицательныхъ сторонъ. Отсюда и небольшое по району наблюденіе сектантской жизни и дѣятельности имѣеть свое значеніе, расширяя и увеличивая опытъ и наблюденія.

спеціалистовъ-миссіонеровъ, этихъ передовыхъ борцовъ съ врагами православія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія частныя наблюденія могутъ быть даже обстоятельнѣе миссіонерскихъ наблюденій, такъ какъ, по обширности районовъ, миссіонеры, естественно лишены возможности наблюдать сектантство въ одномъ и томъ-же пунктѣ продолжительное время; отсюда мѣстный колоритъ сектантства можетъ и ускользнуть отъ ихъ наблюденій.

Сектантство я наблюдаю восемь лѣтъ въ большомъ пригородномъ селѣ, гдѣ, какъ въ калейдоскопѣ, сходятся представители разныхъ губерній и мѣсть. Населеніе здѣсь—фабрично-заводскіе служащіе, мастеровые, мелкіе торговцы, вообще среда, въ которой и наблюдать, а тѣмъ болѣе работать не легко.

До такъ называемыхъ освободительныхъ годовъ сектанты въ приходѣ, о которомъ мы говоримъ, семействъ 15, жили замкнутою жизнью, на окружающее населеніе никакого вліянія не имѣли, пропагандой не занимались; вообще жили смиренно. Православные ихъ обходили и, если говорили о нихъ, то всего чаще въ отрицательномъ или проническомъ тонѣ. Оживляется дѣятельность мѣстнаго сектантства съ объявленіемъ такъ называемой религіозной свободы. Для простого православнаго народа эта религіозная свобода и до настоящаго времени осталась пустымъ звукомъ, лишеннымъ содержанія. И теперь ревнители православія изъ простецовъ, наблюдая открытыя собранія сектантовъ, пропаганду, только высказываютъ глубокое удивленіе,—„куда смотритъ начальство“, „почему штундамъ такая воля пошла“? Болѣе грамотные и сознательные изъ тѣхъ же православныхъ горюютъ и высказываютъ иныя мысли. По ихъ мнѣнію, чиновничество, не желая разстаться со своими преимуществами: землей, жалованьемъ и чинами, отдало социалистамъ на расхищеніе то, что для чиновничества стоить дешевле всего, т. е. вѣру православную. Сектанты—тѣ свободу религіозную истолковали въ самомъ для

себя благопріятномъ смыслѣ, какъ признаніе того, что ихъ вѣра есть лучшая и что имъ теперь все позволено.

Религіозная свобода въ моемъ приходѣ повела къ тому, что дала возможность опредѣленнѣе заявлять себя тѣмъ сектантамъ, которые прежде, по тѣмъ или другимъ практическимъ соображеніямъ, скрывали свое сектантство. Изъ таковыхъ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ мѣстный богачъ, ворочающій теперь сотнями тысячъ рублей, нѣкто Ф. И. Въ восьмидесятыхъ годахъ, когда въ моемъ приходѣ появились единичные случаи отпаденій въ штундизмъ, Ф. И. явился въ приходъ изъ Австріи искать хлѣба и счастья. По вѣрѣ католикъ, по національности чехъ, онъ естественно былъ для мѣстнаго населенія чужимъ, не могъ сродниться съ нимъ и всегда смотрѣлъ на него, только какъ на средство наживы. О штундизмѣ въ то время только заговорили, много писали; для оборотистаго, съ тощимъ кошелькомъ и волчими зубами искателя наживы штундизмъ представлялъ и кое-какія заманчивыя черты: „братская“ касса, взаимная помощь и поддержка, и все это безъ векселей,—только „переходи къ намъ“,—видимо, понравилось и Ф. И. сталъ сектантомъ. Дѣла его, благодаря русской простотѣ и коммерческой неопытности скоро пошли въ гору.

Сектантское настроеніе Ф. И. не осталось секретомъ для населенія; времена были другія и за оказательство сектантства сажали въ узилище. Увѣренно рассказываютъ старожилы, что на одномъ сектантскомъ собраніи былъ накрытъ и Ф. И. Сектантовъ попросту арестовали и выслали; но Ф., спрятавшись подъ диванъ, пожалъ оттуда руку представителю мѣстной власти и при этомъ передалъ послѣдному нѣчто небольшое по вѣсу, но значительное по напечатанной монетнымъ дворомъ цифрѣ. Такъ онъ уцѣлѣлъ; а чтобы еще больше разсѣять ходившіе о немъ слухи, отправился въ городъ и тамъ въ одинъ день былъ принятъ въ лоно православія. Съ той поры Ф. сталъ скромень и крайне остороженъ; благодаря нажитымъ деньгамъ, онъ получилъ возможность вліять въ сектантскомъ

духъ на широкой кругъ людей — многочисленныхъ своихъ служащихъ, но все это такъ хитро и ловко, что было совершенно неуловимо. Только съ объявленіемъ религиозной свободы, Ф. И. сталъ открыто вести сектантскія рѣчи гдѣ попало, соблазнять обѣщаніемъ помощи, службы, мѣста, критиковать и поносить православіе и занять среди мѣстныхъ сектантовъ вліятельное, господствующее положеніе. Такъ какъ большому кораблю большое плаваніе, то Ф. И., нажившись въ селѣ, перекочевалъ въ городъ, но по прежнему занимаетъ среди нашихъ сектантовъ самое вліятельное положеніе. Мѣстное православное населеніе въ нашемъ селѣ Ф. И. отблагодарилъ тѣмъ, что года два тому назадъ устроилъ въ болѣе отдаленной отъ церкви части прихода сектантской молитвенный домъ, истративъ на это тысячъ до двадцати. Кромѣ зала для собраній, тутъ имѣется нѣсколько бесплатныхъ квартиръ для бѣдныхъ, соблазняемыхъ къ переходу въ штундизмъ. Предпочтеніе отдается людямъ многосемейнымъ, не потому, что они бѣднѣе другихъ, а потому, что увеличиваютъ сектантскую колонію и даютъ матеріалъ для евангелизаціи дѣтей. Кстати, такъ какъ для открытія молитвеннаго дома требуется известное число лицъ, входящихъ въ общину, какого числа на мѣстѣ у насъ не оказалось, то подиси подъ прошеніемъ о регистраціи собирались и на сторонѣ.

Да не подумаетъ, впрочемъ, читатель, что Ф. И. воспользовался благами дарованной свободы совѣсти и вышелъ изъ числа православныхъ. Ничуть не бывало. По документамъ онъ православный. Для крупнаго капиталиста, имѣющаго широкое знакомство въ официальномъ и коммерческомъ кругу, неудобно считаться сектантомъ, а главное — вотъ въ чемъ. Отказавшись отъ православія, Ф. И., какъ иностранный выходецъ, можетъ потерять въ Юго-Западномъ краѣ право покупать земли, лѣса, давать деньги подъ закладныя, къ чему въ послѣднее время онъ чувствуетъ большое влеченіе.

Таковъ голова и главный коноводъ сектантства въ моемъ приходѣ. Не выдвигался значительно впередъ, онъ за кулисами ворочаетъ всѣми сектантскими дѣлами, помогаетъ деньгами, совращаетъ православныхъ, даетъ у себя пристанище сектантскимъ гастролерамъ—проповѣдникамъ.

Что представляетъ собою сектантство въ моемъ приходѣ прежде всего въ религіозномъ отношеніи?

Намъ не приходилось встрѣчаться и говорить съ идейными руководителями сектантства; быть можетъ, у нихъ есть своя опредѣленная религіозная система, извѣстныя [продуманныя] убѣжденія. Что касается рядовыхъ простыхъ сектантовъ, то здѣсь насъ всегда поражала крайняя неустойчивость и незнаніе основныхъ сектантскихъ положеній, что дѣлаетъ очень трудными бесѣды съ ними. Напримѣръ, приходилось мнѣ бесѣдовать съ ними о Богоучрежденной іерархіи, какъ объ институтѣ, безъ котораго не можетъ быть Церкви. Сектанты отвѣчаютъ, что у нихъ пастыри есть и что это пастырство ведетъ свое начало (?) отъ Апостоловъ. Приходилось выслушивать мнѣніе о томъ, что у сектантовъ есть таинство Причащенія и что въ немъ сектанты причащаются дѣйствительнаго Тѣла и Крови Христовыхъ. Пришлось говорить съ однимъ закоренѣлымъ сектантомъ о заблужденіи сектантовъ, думающихъ, будто человекъ спасается одною вѣрою въ искупительныя заслуги Христа, на что я получилъ буквально такой отвѣтъ: „напрасно вы думаете, что мы не признаемъ добрыхъ дѣлъ. Посмотрите на евангельскихъ христіанъ; мы не пьемъ, не ругаемся, не куримъ, не развратничаемъ такъ, какъ вы, православные“...

Общія черты, какія пришлось наблюдать во *всѣхъ* сектантахъ, это увѣренность въ спасеніи и ненависть къ православію. „Я спасенъ“, мы „спасены“—эти слова спрягаются сектантами во всевозможнѣйшихъ формахъ, и въ сектантскихъ вѣроучительныхъ бесѣдахъ занимаютъ центральное мѣсто. На эту тему даже простецы изъ нихъ могутъ говорить подолгу и съ убѣжденіемъ. Духъ гордыни, погубившій нѣкогда

свѣтлыхъ ангеловъ, и нынѣ является главною причиною духовной гибели заблудшихъ.

Нравственность сектантовъ одною частью нашей печати всегда возводилась на какой-то недосыгаемый пьедесталъ: тутъ и честность, и трезвость и всѣ добродѣтели; далеко не то видишь при болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними. Прежде всего трезвость, — внѣшняя, пожалуй, у штундистовъ есть; сектанта пьянаго на улицѣ не увидишь, но „жизненную влагу“ они потягиваютъ втихомолку и умѣренно. Ф. И., о которомъ была рѣчь выше, не стѣсняется въ своемъ домѣ держать трактиръ. Богатая сектантка А. очень расположена съ коньяку, который у нея сходитъ за вино, на которое-де нѣтъ запрета. Рассказываютъ православные о трезвой сектантской свадьбѣ, гдѣ за свадебнымъ столомъ не было никакихъ напитковъ. Только за ужиномъ мужчины часто отлучались въ сосѣдную комнату и къ концу ужина отъ этихъ прогулокъ были совсѣмъ веселы и... пьяны.

Слѣдуетъ замѣтить, что сектанты, большинство, по крайней мѣрѣ, живутъ довольно зажиточно, а то и богато. Однимъ изъ очень развитыхъ въ ихъ средѣ занятій является ростовщичество. Закладныя, векселя, скупка земель—это излюбленное занятіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе крупныхъ. У богатыхъ учатся уму разуму и набираются опыта бѣдные; при этомъ христіанское милосердіе вовсе игнорируется. Знаю случай, гдѣ сумма въ двѣ тысячи обезпечивается векселемъ въ три тысячи. Нужно-ли говорить о томъ, что векселедатель—православный? ..

Хваленая сектантская благотворительность, дѣйствительно, существуетъ. На сектантскихъ собраніяхъ бываютъ тарелочные сборы, надъ которыми нѣтъ никакого контроля. Эти сборы частью идутъ на благотворительность, но она имѣетъ односторонній характеръ и направляется, главнымъ образомъ, на совращаемыхъ православныхъ. Одному изъ православныхъ бѣдняковъ одинъ изъ сектантовъ открыто предлагалъ мѣсто

за переходъ въ штунду и по три рубля за каждого, кого онъ совратить въ сектанство ..

Слѣдуетъ, далѣе, замѣтить, что всѣ сектанты большіе прогрессисты. Читаются ими исключительно еврейскія лѣвыя газеты, — ихъ мыслями и настроеніемъ насыщены штундисты. Газеты праваго направленія въ рукахъ сектантовъ встрѣчать не приходилось.

Отношеніе сектантовъ къ православнымъ — пренебрежительное и презрительное. Уже по внѣшности сектанты стараются отличиться отъ простаго православнаго народа съ ясной тенденціей походить на баръ, съ ихъ скюртуками, глаженными манишками и т. д. Нѣкоторая развитость, благодаря знакомству съ газетами, а самое главное, горделивое сознание своего религіознаго мнимаго превосходства, увѣренность въ постигнутой будто-бы истинѣ подаютъ сектантамъ поводъ относиться къ православнымъ свысока, какъ людямъ, пребывающимъ во тьмѣ и заблужденіи...

Среди какихъ элементовъ пользуется успѣхомъ сектанство? Прежде всего среди пришлаго элемента — рабочихъ, мастеровыхъ, среди людей, оторванныхъ отъ родной деревни и вліянія православной атмосферы. Жизнь фабрикъ и заводовъ складывается такъ, что рабочіе почти лишены возможности бывать въ храмѣ, на богослуженіи. Иновѣрцы и инородцы, иногда и свой русскій, прогрессивно настроенный владѣлецъ или начальникъ завода всячески мирволить и покровительствуетъ сектантамъ, надѣясь этимъ путемъ развить и отрезвить рабочую массу, но вмѣсто этого, въ дѣйствительности, только разлагаетъ и портитъ людей. Значительнымъ успѣхомъ пользуется сектанство и среди смѣшанныхъ семействъ: полякъ, женатый на православной, еврей — выкрестъ и ихъ семейства обычное явленіе въ сектанствѣ.

Далеко не всѣ изъ совращенныхъ въ сектанство находятъ себѣ здѣсь удовлетвореніе и миръ душевный. Бываютъ случаи, что совращенный, съ задатками критическаго ума, войдя въ сектантскую среду, узнаетъ всѣ ея слабыя стороны,

лицемѣріе, ханжество и самъ диву дается, какъ онъ могъ поддаться соблазну? Но къ сожалѣнію, рѣдки бываютъ случаи обратнаго возвращенія въ православіе прозрѣвшихъ сектантовъ. Мѣшаетъ этому, прежде всего, ложный стыдъ, опасеніе показаться человѣкомъ неустойчивымъ и непостояннымъ, какъ передъ сектантами, такъ и передъ православными. Сектанты совращаемыхъ ведутъ, обычно, черезъ глумленіе, осмѣяніе и критику православія и этимъ стараются покрѣпче закрыть передъ ними дверь обратно въ православіе. Сектантскій вожакъ въ бесѣдѣ со мною говорилъ какъ-то, что у православія (какъ и у баптистовъ) есть благодарная почва для миссіонерской работы, это—невѣріе и толстовщина.

На самомъ дѣлѣ штундизмъ такъ же ведетъ къ невѣрію. Знаемъ недавній случай, гдѣ православный, совращенный штундистами, понявъ ложь сектантства, окончилъ полнымъ невѣріемъ.

Таковы сектанты нашего села. Какъ видно, неподкупной искренности, чистоты чувствъ и дѣйствій въ нихъ въ большинствѣ нѣтъ, — тамъ царятъ расчетъ, тенденціозность и прямо обманъ.

Свящ. В. П.

Изъ Апостола.

Посланіе къ Евреямъ о скинии, священствѣ и жертвѣ.

Евр. 8, 1—5; 9, 1—14; 13, 11—12.

Это посланіе разсматриваетъ весь, можно сказать, обрядовой ветхозавѣтный законъ съ точки зрѣнія подготовленія имъ Христова искупленія. Чтобы разительнѣе представить всѣ блага Христова искупленія, апостоль привлекаетъ всѣ идущія сюда частности ветхозавѣтнаго культа. Онъ разсматриваетъ эти установленія, конечно, не въ какомъ либо систематическомъ порядкѣ, а дѣлаетъ замѣчанія о нихъ мимоходомъ, но нѣсколько разъ, въ разныхъ мѣстахъ объ одномъ и томъ же предметѣ.

Со времени Моисея ветхозавѣтныя жертвы сосредоточиваются исключительно въ скинии, по плану которой былъ построенъ впоследствии храмъ. Апостолъ въ посланіи къ Евреямъ сообразно съ этимъ много мѣста отводитъ скинии—ея значенію. Какъ необходима была для ветхозавѣтныхъ жертвъ скинія, такъ необходимо было и священство: жертва, принесенная не священниками, была недѣйствительна. Поэтому, не менѣе вниманія, чѣмъ скинии, священный писатель удѣляетъ и священству. Онъ останавливается также на взаимоотношеніи скинии и священства—и послѣ раскрытія смысла той и другого переходитъ къ жертвамъ, рассматриваетъ ихъ разные виды, преимущественно тѣ, которые имѣли непосредственное отношеніе къ грѣху и очищенію его: т. е., жертву очищенія и освященія (по этой причинѣ въ посланіи не упоминается пасхальный агнецъ).

Скинии посланіе отводитъ цѣлый отдѣлъ (9, 1—10). Апостолъ даетъ живое и полное одушевленія и восторга предъ великолѣпіемъ и святынями скинии описаніе ея (9, 1—7). Но, уже начиная описаніе скинии, апостолъ даетъ понятъ настоящей ея характеръ наименованіемъ святилища *козрѣкъ*— „людскимъ“ (слав. пер.), „земнымъ“ (рус.), въ противоположность „небесному“ святилищу. Правда, „черезъ примѣненіе къ богослуженію земное и внѣшнее получаетъ отношеніе къ вѣчному“. Скинія внѣшнимъ богатствомъ—обиліемъ золота въ ней—возводила мысль къ небесной славѣ. Но все внѣшнее великолѣпіе богослуженія не восполняло въ ней недостатка истиннаго богообщенія. Все устройство въ ней, отдѣленіе святилища завѣсою отъ святаго святыхъ, разграниченіе—строгое—между народомъ, священниками и первосвященникомъ, свойство священнодѣйствій, ритуаль и церемоніаль этихъ дѣйствій неопровержимо показывали, что примиреніе съ Богомъ, — пока еще только представленное, обѣщанное и выраженное чувственными образами. Особенно апостолъ останавливается на томъ, что въ скинію въ собственномъ смыслѣ, въ святое святыхъ, въ непосредственную близость къ Богу могъ

входить только разъ въ годъ первосвященникъ и то не безъ крови, приносимой въ очищеніе себя и народа. „Симъ Духъ Св. показываетъ, что не открытъ путь во святилище (т. е. настоящее, небесное), пока стоитъ первая скинія“, или доколѣ между святымъ святыхъ и дворомъ стоитъ преграда въ видѣ святилища. И затѣмъ апостоль продолжаетъ: „яже притча во время настоящее утвердися, въ неже дарове и жертвы приносятся, не могущія по совѣсти совершити служащаго (не могущія доставить нравственнаго совершенства, успокоенія совѣсти), точію въ брашнахъ и питіяхъ и различныхъ омовеніяхъ и оправданіяхъ плоти, даже до времени оправданія (δικαιοσύνης) надлежащая“ (ἐπιχειρέουσα т. е. δῶρα—установленные дары Богу; Евр. 9, 8—10). Здѣсь апостоль ветхозавѣтную скинію считаетъ притчей — *παραβολή*, знакомъ, знаменіемъ того, что пока она существуетъ, будутъ приноситься жертвы и дары, не успокаивающіе совѣсти; но все это, по апостолу, будетъ только „до времени исправленія“ всего этого Богомъ, до времени, когда Богу угодно будетъ замѣнить это чѣмъ либо соотвѣтственнымъ христіанству. „Еще не погибшая Израильская теократія, лучшимъ выраженіемъ которой было святилище съ обрядовыми постановленіями, по апостолу, образовала какъ бы внѣшнее мѣсто для возникшаго въ ея нѣдрахъ христіанства“ (*Moll, Der Brief an die Hebräer*, въ Комментаріи *Lange*, на это мѣсто).

Въ другомъ мѣстѣ посланія—въ 8 гл.—апостоль указываетъ и причину несовершенства ветхозавѣтной скиніи, равно какъ съ другой точки зрѣнія опредѣляетъ объемъ ея значенія въ домостроительствѣ нашего спасенія. Онъ называетъ ее „образомъ и тѣнью небеснаго“ (ὁμοεικόμη καὶ σκιά τῶν ἐπουρανίων), какъ сказано было Моисею, когда онъ приступалъ къ устройству скиніи: „смотри, сдѣлай все по образу, показанному тебѣ на горѣ“ (Евр. 8, 5; Исх. 25, 40). Слѣдующія главы Исхода ясно показываютъ, что „не небесныя“ мѣстности, но небесныя отношенія и божественныя мысли разсматриваются здѣсь какъ первообразъ, осуществленный Христомъ и симво-

лизированный Моисеемъ“. „Моисею показанъ былъ въ скинии образъ домостроительства“ (Златоустъ). „Скиния служила отраженіемъ небснаго міра, относящагося къ первосвященству Христову“ (Деличъ по Моллю). Небесная скинія по отношенію къ земной опредѣляется у апостола 1) какъ истинная — ἀληθινή (8, 2); ἀληθινός не то, что ἀληθής (по гречески тоже истинный); ἀληθής противоположно неистинному и недѣйствительному; ἀληθινός предполагаетъ въ своей противоположности, въ данномъ случаѣ—въ земной скинии, только несоотвѣтствіе, неполное соотвѣтствіе идеѣ. 2) Небесная скинія опредѣляется, какъ нерукотворенная, съ поясненіемъ: „не такого устройства“ (слав. „не сея твари“)—οὐ ταύτης τῆς κτίσεως (—9, 11), не такого созданія, какъ нашъ міръ, а особаго (такого, какъ небесный міръ). 3) По всему этому, скинія та больше и совершеннѣе (μείζων καὶ τελειώτερα) ветхозавѣтной.

Священству посл. къ Евр. хотя совнѣ отводитъ меньше мѣста, чѣмъ скинии, но болѣе раскрываетъ его значеніе для христіанскаго спасенія. Собственно и вся идея посланія—священство Христово, точнѣе первосвященство Его. Еврейское названіе священника *cohen* заключаетъ идею представительства, посредничества: отъ корня „сип“—стоять съ усиленіемъ основы (по греч. μεσίτης, ἔγγυος, приближающийся къ Богу). По мысли Моисеева законодательства въ его первоначальныхъ законахъ о посвященіи Аарона и его сыновей въ собственномъ смыслѣ священникомъ долженъ быть Ааронъ, сыновья только помощники и преемники его: „и возьми къ себѣ Аарона, брата твоего, и сыновъ его съ нимъ, отъ среды сыновъ Израилевыхъ, чтобы онъ былъ священникомъ Мнѣ“ (Исх. 28, 1). Такимъ „священникомъ“--предстателемъ за народъ и показалъ себя Ааронъ, когда однажды, пройдя по стану съ камильницей, остановилъ пораженіе отъ Господа. Первосвященникъ и ежегодно являлъ себя такимъ предстателемъ, когда въ одѣяннн кающагося за народъ, безъ золотой одежды своей, въ облакахъ дыма отъ куреній, какъ бы въ огнѣ самосож-

женія, съ кровію жертвеннаго животнаго входилъ предъ лице Божіе во святое святыхъ въ день очищенія. Возмущеніе Корея противъ Аарона основывалось именно на отрицаніи единоличнаго представительства за народъ. Одинъ Мидрашъ влагаетъ въ уста Моисея и Корея такой разговоръ. Моисей говоритъ: „Если бы Ааронъ, мой братъ, самъ принялъ на себя священство, то вы бы имѣли право роптать на него, но самъ Богъ далъ ему его и кто возстаетъ на него, возстаетъ на Бога“. Корея возражаетъ: „вы полагаете, что я думаю присвоить это достоинство себѣ? Я требую, чтобы оно дѣлало кругъ между всѣми нами“ (*Молль*). При такой организаціи Ааронова священства оно постоянно должно было внушать ветхозавѣтному человѣку, что онъ не можетъ обойтись безъ посредника, приблизиться къ Богу, „устоять“ (сип) предъ лицомъ Божиимъ.

Апостолъ въ посланіи и раскрываетъ прежде всего идею посредничества в.-з. первосвященника между Богомъ и народомъ и ея завершеніе въ служеніи Христа. Апостолъ обращаетъ особенное вниманіе на двусторонность въ этомъ служеніи: столь же тѣсное отношеніе къ Богу, какъ, и къ народу, вызываемое нуждою послѣдняго въ очищеніи (Евр. 5, 1 и д.). Грѣхъ—вотъ что вызываетъ это служеніе, это учрежденіе. Но очищеніе грѣховъ жертвою чрезъ первосвященника не должно было быть и въ Ветхомъ Завѣтѣ столь же внѣшнимъ и бездушнымъ, какимъ было въ язычествѣ. Отъ священника требовалась и способность „спострадать“ людямъ (не одно механическое исполненіе обязанностей). „Спострадать“, *μετριοπαθεῖν*, „умѣренно страдать“—терминъ изъ философіи перипатетиковъ—заключаетъ въ себѣ отрицаніе двухъ противоположностей—стоическаго безстрастія (*ἀπάθεια*) и житейской, чрезмѣрной страстности (*πάθος*). Столь возвышенное „спостраданіе“ и долженъ былъ ветхозав. первосвященникъ проявлять по отношенію къ „невѣжествующимъ и заблуждающимся“. Онъ долженъ былъ освѣдомляться о грѣхѣ, опредѣлить, принадлежитъ ли онъ къ числу загла-

ждаемыхъ грѣховъ (были грѣхи, которые наказывались смертию виновнаго или удаленіемъ изъ общества) и какой жертвы онъ требуетъ, а главное—перечувствовать вмѣстѣ съ виновнымъ всю тяжесть грѣха. Средство для этого дано первосвященнику въ „немощи“, въ природной нравственной слабости, независимой отъ его воли, которою онъ „обложенъ“, какъ кожей. Эта немощь дѣлала необходимой для первосвященника жертву и за себя, особенно въ день очищенія, когда его ходатайственное служеніе достигало своего зенита. По преданію первосвященникъ, принося въ день очищенія за себя и за грѣхъ народа жертву, сопровождалъ ее такой молитвой: „О Іегова! Я беззаконвалъ, преступалъ и грѣшилъ предъ Тобой, я и домъ мой. О Іегова, прости беззаконія и преступления и прегрѣшенія, коими я грѣшилъ предъ Тобою, я и домъ мой, какъ написано въ законѣ Моисея, раба Твоего (Лев. XVI, 30): ибо въ сей день очищаютъ васъ, чтобы сдѣлать васъ чистыми отъ всѣхъ грѣховъ“. За эту молитвою слѣдовали молитвы за народъ; ихъ сохранено преданіемъ до 185. Вся эта умилительная картина всенароднаго покаянія первосвященника въ грѣхахъ сначала своихъ и своей семьи, а потомъ и народа, предносилась апостолу, когда онъ писалъ, что первосвященникъ „долженъ, какъ за народъ, такъ и за себя приносить жертвы о грѣхахъ“.

Апостоль указываетъ затѣмъ второе требованіе отъ первосвященника: богоизбранность. „И никто самъ не пріемлетъ этой чести, но призываемый отъ Бога, какъ и Ааронъ“ (Евр. 5, 4). Вышеприведенная передача въ Мидрашѣ библейскаго разсказа о возмущеніи Корея—наглядный комментарий этому мѣсту. Замѣчательно также, что помазаніе Аарона совершаетъ Моисей—пророкъ. Отъ чрезвычайнаго служенія получаетъ санкцію служеніе постоянное. „Для правомѣрнаго совершенія первосвященническаго служенія требовалось прежде всего законосообразное призваніе, которое свой источникъ беретъ отъ Бога и черезъ Бога получаетъ возстановленіе въ періоды разстройства. Что Богъ дѣйствуетъ, какъ

Богъ порядка, показываетъ примѣръ Христа и отношеніе Его первосвященства къ Аарону и Мелхиседеку. Аароново первосвященство съ его законнымъ преемствомъ и левитскою особенностью ясно отмѣчаетъ себя, какъ предуготовительная, промежуточная ступень“ (*Молль*).

Всѣ указанная особенности и условія первосвященническаго служенія, по апостолу, были выполнены какъ въ ветхозавѣтномъ служеніи Аарона, такъ и въ новозавѣтномъ служеніи Христовомъ, въ послѣднемъ—кромѣ грѣха. Такъ какъ первосвященство Христово было гораздо совершеннѣе Ааронова, поскольку Христосъ былъ первосвященникомъ великимъ, прошедшимъ небеса (не земное лишь святилище), Сыномъ Божиимъ, то, очевидно, первое готовило человѣчество ко второму, замѣняло второе въ періодъ младенчества человечества, когда оно питается молокомъ, а не твердою пищею (Евр. 5, 11 и д.). Въ Пс. 109 ясно выражено чаяніе возстановленія Мелхиседекова первосвященства въ лицѣ Мессіи и это не единственное мѣсто въ В. З. такого рода: пр. Іеремія предсказываетъ о Мессіи: „и будетъ вождь его (Іакова) изъ него самаго и владыка его произойдетъ изъ среды его, и Я приближу его и Онъ приступитъ ко Мнѣ“ (30, 21). Такія чаянія получили полное осуществленіе въ лицѣ Первосвященника, Который съль одесную Бога, вступивъ этимъ въ такую близость къ Богу, которая обезпечивала полный успѣхъ ходатайства его за вѣрныхъ (ср. выраженіе изъ прощальной бесѣды Спасителя: „его же аще хотите, просите (отъ Отца) и будетъ вамъ...“ „уне есть вамъ, да азъ иду...“ Іоан. 15, 7; 16, 7).

Чаянія такого первосвященства, по мысли посланія къ Евр., поддерживались постояннымъ служеніемъ ветхозавѣтнаго священника и многократными жертвами. „Всякій священникъ ежедневно *стоитъ* въ служеніи и многократно приносить однѣ и тѣ же жертвы, которыя никогда не могутъ истребить грѣховъ“ (Евр. 10, 11). Во внутреннемъ дворѣ никто не имѣлъ права сидѣть, посему обозначеніе левитскаго

служенія „стоять“ (amad) предъ лицомъ Іеговы“ (Вт. 10, 8; 18, 7) имѣло буквальное значеніе. Кромѣ этого „стояніе“ ветхозавѣтнаго священства характеризовалось множествомъ (иногда тысячами) жертвъ. Стояніе и множество жертвъ — это низшія черты ветхозавѣтнаго священства подлѣ высшихъ: „спостраданія“ и „богоизбранія“. Такъ же, какъ и тѣ черты, и эти подготовляли къ явленію Первосвященника, Который, „принесши одну жертву, навсегда возсѣлъ одесную Бога“ (Евр. 10, 12). Подготовленіе это совершалось очевидно такимъ образомъ, что воспитанный на такомъ священствѣ человѣкъ не могъ не оцѣнить всѣхъ преимуществъ новаго служенія. Весь духъ посл. къ Евр. говоритъ о томъ, какъ смѣло и увѣренно можно было строить на такъ подготовленномъ (ветхозавѣтнымъ священствомъ) фундаментѣ новое зданіе Церкви Христовой.

Что касается самаго смысла и цѣли ветхозавѣтной жертвы, то апостолъ въ посланіи не исчерпываетъ ее съ такой полнотой, какъ то дѣлаетъ со скиніей и священствомъ, но все же онъ много даетъ и для вопроса о значеніи жертвы въ подготовленіи спасенія, указывая преимущество предъ ветхозавѣтной жертвой жертвы Христовой. Исходная точка апостола здѣсь: „все почти по закону очищается кровью и безъ пролитія крови не бываетъ прощенія“ (Евр. 9, 27). Суть жертвы, главное въ ней—это пролитіе крови. По библейскому взгляду такое пролитіе не есть лишь чисто фیزیологическое прекращеніе жизни животнаго. Въ крови животнаго душа его (Лев. 17, 11) и потому ее строго запрещается вкушать человѣку. Она и при обыкновенномъ убіеніи животнаго въ пищу должна проливаться предъ Господомъ, очевидно—въ знакъ возвращенія Господу данной имъ животному жизни и души, такъ что „пролитіе крови здѣсь означаетъ скорѣе жизнь, чѣмъ смерть“ (Молль). Оно говоритъ о „преданіи грѣховной жизни Богу черезъ зависящую отъ Него историческую смерть, которая есть оброкъ грѣха“. Этотъ высокій духовный моментъ въ закланіи животнаго (возвращеніе Богу души животнаго) и дѣлаетъ изъ этого закланія

жертву. Смерть животнаго въ закланіи настолько велика, по апостолу, что только она и могла сообщить дѣйствительность заключенному Богомъ съ избраннымъ народомъ при Моисеѣ завѣту. „Гдѣ завѣщаніе, тамъ необходимо, чтобы послѣдовала смерть завѣщателя, потому что завѣщаніе дѣйствительно послѣ умершихъ; оно не имѣетъ силы, когда завѣщатель живъ. Почему и первый (завѣтъ) былъ утвержденъ не безъ крови“ (Евр. 9, 16—18). Апостоль передаетъ исторію утвержденія Синайскаго завѣта (Исх. 24 гл.), дополняя рассказъ Моисея нѣкоторыми данными изъ іудейской традиціи (сохранившимися и въ „Древностяхъ“ Іосифа Флавія 3, 8, 6). По произнесеніи всѣхъ заповѣдей (букв. „великой заповѣди“), сообразно съ закономъ, т. е. раньше даннымъ на Синаѣ („по закону“), Моисей взялъ кровь тельцовъ (по Исходу, только что принесенныхъ юношами изъ сыновъ Израилевыхъ) и—прибавляетъ апостоль къ Исходу--козловъ (можетъ быть имѣется въ виду козелъ за грѣхъ начальника Лев. 4, 23, или козелъ отъ народа при посвященіи Аарона Лев. 9, 2,—или такая же жертва при освященіи скинїи отъ начальниковъ). По Исходу одною этою кровью Моисей окропилъ жертвенникъ и народъ; по апостолу, Моисей смѣшалъ ее съ водою (какъ это дѣлалось съ пепломъ рыжей телицы—Числ. 19) и кропилъ шерстью червленною и иссопомъ (какъ то дѣлалось при кропленіи очистительною водою съ пепломъ телицы и кропленіи очистившагося прокаженнаго кровію заколотой птицы) и окропилъ книгу и народъ, скинїю и всѣ ея сосуды, говоря: „это кровь завѣта, который заповѣдалъ вамъ Богъ“ (Исх. 24, 8; Евр. 9, 19—21). По апостолу это освященіе кровью перваго завѣта указывало на то, что и при заключеніи новаго завѣта имѣла быть какая-то жертвенная, искупительная смерть (15 ст.).

Въ какой степени кровь ветхоз. жертвъ очищала грѣхъ, и чѣмъ разнится это очищеніе отъ Христова, этого вопроса апостоль въ посланіи къ Евреямъ не ставитъ, но все же касается его мимоходомъ. Чтобы ясно было рѣшеніе этого

вопроса, нужно сдѣлать ретроспективный взглядъ на происхожденіе и сущность жертвы, по ученію Ветхаго Завѣта. Безспорно, что жертва изначала не была положительно божественнымъ установленіемъ, но одною изъ формъ естественной религіи. Откровенная религія беретъ изъ естественной эту форму, давая ей свое освященіе и нѣкоторое измѣненіе, какъ то она дѣлаетъ съ клятвою и бракомъ. О Каинѣ и Авелѣ разсказывается, что они приносили жертвы, но нигдѣ имъ не заповѣдуются жертва. Такъ и при возрожденіи чело- вѣчества въ лицѣ Ноя. И въ законодательствѣ Моисея жер- твенный культъ не предписывается, но только регулируется (Исх. 20, 24). Освященіе жертвъ откровенной религіей есть скорѣе противодѣйствіе жестокимъ жертвамъ язычества, что опредѣленно выступаетъ въ Авраамовомъ жертвоприношеніи Исаака. Въ своемъ сынѣ Исаакѣ Авраамъ долженъ былъ отдать Богу самого себя въ своей любви, жизненной радости и надеждѣ. Это такая жертва, къ которой способенъ и призывается и истинный христіанинъ въ силу жертвы Христовой (Евр. 9, 4). И въ Ветхомъ Завѣтѣ откровеніе часто настаиваетъ на этой духовной сторонѣ жертвы (1 Цар. 15, 22; Пс. 50), а позднѣе съ особенной силой обращается вниманіе на извращенность одной лишь внѣшней жертвы (Исх. 1 гл.), на сведеніе ея на одну внѣшность, лишенную духа (Ис. 66). Теократическая жертва облагораживаетъ жертву естественной религіи, пока она не исполняется въ таинствѣ св. жизни Христовой. Духовный смыслъ жертвы все сильнѣе и сильнѣе выдвигается подъ правымъ руковод- ствомъ Слова Божія, въ то время какъ языческая жертва все болѣе подпадаетъ грубѣйшимъ перетолкованіямъ и демо- нической порчѣ.

При такой сущности и такомъ генезисѣ ветхозавѣтной жертвы будетъ понятна двойкость въ оцѣнкѣ ея у апостола въ посл. къ Евр.—то очень низкая, то признаніе существен- наго значенія за нею въ исторіи спасенія. „Законъ, имѣя тѣнь будущихъ благъ, а не самый образъ вещей, однѣми и

тѣми же жертвами, ежегодно приносимыми, не могъ сдѣлать совершенными входящихъ съ ними“ (Евр. 10, 1). Жертвы, законъ были далеки отъ того, чтобы давать то вкушеніе еще здѣсь на землѣ силъ будущаго вѣка (Евр. 6, 5), которое составляетъ увѣренный залогъ полнаго обладанія ими въ будущемъ. Христіанство въ противоположность закону—живой историческій видъ (образъ—εἶδόν), въ которомъ невидимая сущность приходитъ къ своему выраженію и представленію. Законъ не имѣетъ возможности доставить человѣку совершенства, т. е. разъ навсегда достаточное очищеніе для богообщенія. Иначе перестали бы приносить жертвы, потому что приносящія жертву, бывши очищены однажды, не имѣли бы уже никакого сознанія грѣховъ: „ни едину къ тому имущихъ совѣсть о грѣхахъ“ (συνείδησις—мученіе совѣсти).— но въ нихъ воспоминаніе грѣховъ на коеждо лѣто бываетъ“ (ст. 2. 3); подъ „воспоминаніемъ“—ἀνάμνησις разумѣется публичное исповѣданіе грѣховъ въ день очищенія. Христіанское сознаніе своимъ содержаніемъ, напротивъ, имѣетъ не грѣхъ и боязнь наказанія, а примиреніе по благодати искупленія, прощеніе грѣховъ. Жертвы ветхозавѣтныя не очищали и грѣховъ, ибо „невозможно, чтобы кровь тельцовъ и козловъ уничтожала грѣхи“ (Евр. 10, 4). Жертва эта была тѣнью жертвы, не дающею прощенія грѣховъ, какъ и законъ. Но изъ всего хода разсужденій апостола ясно, что такое утвержденіе не можетъ быть безусловнымъ. Если кровь козловъ и тельцовъ и пепель телицы не могли очищать, какъ кровь Христова, то все же и эта кровь „черезъ окропленіе освящала оскверненныхъ, чтобы чисто было тѣло“ (Евр. 9, 13). Дѣйственнымъ въ жертвенной крови была не матерія или субстанція ея, но движущаяся въ ней и посредствомъ особеннаго, къ теченію природы не принадлежащаго, акта, предаваемая смерти жизнь. Въ этомъ отношеніи жертва Христова отличалась отъ ветхозавѣтной тѣмъ, что Онъ Самъ приносилъ Себя, непорочнаго, Духомъ Св., почему эта жертва очистила насъ не только отъ грѣховъ, но и отъ мертвыхъ дѣлъ закона, не заключающихъ

въ себѣ жизни и не производящихъ ея. Въ ритуалѣ В. З. между средствами очищенія и слѣдствіями не было внутренней связи; связью было только божественное установленіе. Цѣлое имѣло характеръ внѣшности, какъ въ средствахъ, такъ и въ результатахъ. Кровь же Христова, очищая объективно, очищаетъ и субъективно нравственное сознание, совѣсть; искупленный освящается не въ единичныхъ дѣйствіяхъ, но во всей своей личности, черезъ новый духъ посвящаетъ себя Живому Богу.

Вотъ основныя положенія апостола въ посл. къ Евр. относительно существа и значенія в.-з. жертвы. Къ этому апостоль прибавляетъ еще, почти мимоходомъ, сопоставленіе жертвы Христовой съ одной не незначительной частью в.-з. ритуала, съ требованіемъ сжигать внѣ стана жертвенныхъ животныхъ, кровь которыхъ вносится въ святилище „Ихъ же бо кровь животныхъ вносится во святая за грѣхи первосвященникомъ, сихъ тѣлеса сожигаются внѣ стана (Евр. 13. 11)“. Такъ дѣлалось съ жертвой тельца за грѣхъ священника (Лев. 4, 5), всего общества (5, 13—20) и съ тельцомъ и козломъ дня очищенія. При этомъ сожженіе обозначается не гл. qatar, означающимъ жертвенное сожженіе, употребляющимся для обозначенія сожженія на жертвенникѣ, воскуренія оиміама, возженія свѣтильника, а глаголомъ saraph — означающимъ обыкновенное горѣніе. Въ этой частности ветхоз. культа апостоль видитъ причину, почему Христось „изволилъ внѣ вратъ пострадати“. Чтобы понять это положеніе необходимо нѣкоторый экскурсъ въ область ветхозавѣтнаго ритуала.

Полагая сущность жертвы въ крови ея (такъ въ большинствѣ жертвъ; въ другихъ суть была въ сожженіи), законъ обращалъ особенное вниманіе на употребленіе пролитой при жертвоприношеніи крови, устанавливая строгую здѣсь градацию. Кровь жертвы всесожженія остается на внѣшнемъ дворѣ; она кропится кругомъ алтаря. Кровь малой жертвы за грѣхъ частію проливается у жертвенника, частію вносится во святилище и возлагается на роги алтаря кадилаго.

Такъ и съ жертвой вины. Въ собственномъ смыслѣ кровавыми жертвами можно назвать великія жертвы за грѣхъ—жертвы за первосвященника и цѣлое общество. Здѣсь часть крови выливается у жертвенника, часть возлагается на роги алтаря кадилаго и при этомъ еще священникъ кропитъ ею 7 разъ предъ завѣсою святаго святыхъ. Наконецъ, въ день очищенія кровь вносилась въ самое святое святыхъ. Чѣмъ дальше и глубже проникаетъ въ скинію кровь, тѣмъ очищеніе отъ нея полнѣе и совершеннѣе, тѣмъ болѣе жертва,—значить,—принимаетъ на себя грѣхи народа и человѣка и тѣмъ болѣе все тѣло этой жертвы становится нечистымъ. Отсюда и необходимость сожигать ее внѣ стана. Даже сожигающей такую жертву, равно и касающийся ея пепла считается нечистымъ, оскверняется. Подобному же уничтоженію предавалось и все преданное проклятію, херему. Херемъ—это та же жертва, но жертва не милости, а гнѣва и суда Божія,—проклятія. Какъ можетъ проклятіе входить въ составъ понятія жертвы? Безъ сомнѣнія, по-стольку, по-скольку оно посвящается суду Божию; отсюда херемъ—гибель условная, только для этого міра. Между египетскими первенцами могли бы невинныя, малыя дѣти. И хананеи обречены были херему только потому, что были непреодолимымъ соблазномъ для Израиля. Такъ и въ день очищенія, при искупленіи всѣхъ неизвѣстныхъ грѣховъ Израиля, оставался тайный остатокъ незаглаждаемыхъ грѣховъ, проклятіе во Израилѣ, которое посылалось съ козломъ Азазела къ нему въ пустыню не какъ теократическая жертва, но какъ жертва проклятія, съ которой самъ Азазель обрекается суду. Такъ, проклятіе во Израилѣ проникало въ самыя глубины его жизни, вопреки всѣмъ левитскимъ очищеніямъ, пока оно самого Христа не привело на крестъ (*Молль*).

М. Скабаллановичъ.

ЗАМѢТКА.

Во что вѣрить наша интеллигенція.

Наша „передовая“ интеллигенція считаетъ вѣру въ Бога свойствомъ „некультурности“ ума, но сохранять вѣру въ разныя недѣсныя примѣты съ непоколебимостью любой деревенской бабы,—это вовсе не идетъ въ разрѣзъ съ прогрессивными убѣжденіями.

Напримѣръ, И. Н. Потапенко говоритъ сотруднику „Пет. Газ.“:

Въ тѣ періоды, когда я бываю въ Монте-Карло, я особенно, до смѣшного, дѣлаюсь суевѣрнымъ. Напримѣръ, ложась спать, я слѣжу, чтобы мои сапоги стояли на своихъ мѣстахъ, чтобы правый сапогъ не стоялъ налѣво, а лѣвый—направо.

Драматургъ В. А. Рышковъ рассказываетъ, что у Корша, въ Москвѣ, шла репетиція моей пьесы, и я сидѣлъ въ директорской ложѣ съ извѣстной артисткой Блюменталь-Тамириной.

Сидимъ мы и разговариваемъ, какъ вдругъ она уронила роль.

Сію же секунду она соскакиваетъ съ кресла и садится на полъ.

Посидѣвъ въ такомъ положеніи нѣсколько секундъ, она поднялась.

— Зачѣмъ вы это продѣлали?—спросилъ я удивленно.

— А то какъ же иначе? Уронить роль—дурная примѣта. Если бы я сію же минуту не сѣла на полъ, то обязательно провалила бы роль въ вашей пьесѣ.

Толстовецъ художникъ И. Е. Рѣпинъ заявилъ:

— Я очень суевѣренъ.—Я убѣжденъ, напримѣръ, что если о моей новой картинѣ начнутъ раньше времени писать въ газетахъ, то ее непременно постигнетъ неудача. Я убѣдился въ этомъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ. Да вотъ хоть

бы случай съ моей картиной „Крестный ходъ“, которую я написалъ въ 70 годахъ. Пріѣхалъ ко мнѣ покойный журналистъ Россоловскій и попросилъ показать ее.

Россоловскій былъ въ восторгѣ и посвятилъ картинѣ большую статью. Не знаю, чѣмъ объяснить, но съ того момента картина у меня какъ-то не пошла. Точно заколдовалъ. Уже я передѣлывалъ ее и такъ и этакъ—не нравится мнѣ картина, да и только.

Чѣмъ же кончилось! Тѣмъ, что я ее забросилъ и она гдѣ-то стоитъ у меня, вся почернѣвшая.

Адвокатъ М. Г. Казариновъ сознался.—Вѣрю въ то, что видѣть мышъ наяву или во снѣ—значить, испытать несчастье.

Избѣгаю ѣздить на бѣлой лошади, убѣжденный, что отъ нея будетъ неудача, и ни за что не сяду за столъ, гдѣ со- ставится 13 человекъ.

Все это я говорю на основаніи тѣхъ случаевъ, которые были въ моей жизни.

При всемъ желаніи не вѣрить въ предрассудки, пришлось поневолѣ, подъ влияніемъ фактовъ, подчиниться имъ.

Артистка Н. Васильева заявила: Теперь логика торжествуетъ надъ предрассудками.

Я сама вѣрю только въ цвѣты, т. е. въ то, что видѣть во снѣ цвѣты—нехорошо.

Всякій разъ, что мнѣ снятся цвѣты—меня постигаетъ какое-нибудь горе...

Артистъ Маріинскаго театра Касторскій боится цифры 4.

Если я ѣду въ театръ и мнѣ пересѣкаетъ дорогу извозчикъ, № котораго оканчивается на цифру 4, то я удрученъ.

И наоборотъ: если № извозчика оканчивается на цифру 9, то у меня является извѣстный подъемъ.

Затѣмъ, 4 числа каждаго мѣсяца я стараюсь не выходить изъ дому, ожидая какого-нибудь несчастія.

Вотъ вамъ „логика“ нашей интеллигенціи (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 13-го сентября 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Ави. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корнякъ-Новицкаго. Мерянговская ул. 6.

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 38.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года сентября -18го дня.

Содержаніе: I. Изъ жизни Тобольской епархіи. Свящ. В. Пестряковъ.—
II. Идеи церковности въ ея значеніи для нашей народной школы.
Н. П—въ.—III. Современный эволюціонизмъ и христіанство въ рѣ-
шеніи вопроса о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ.
В. П—въ.—IV. Замѣтка. О значеніи нотаріальныхъ свидѣтельскихъ
показаній при повѣнчаніи браковъ.

Изъ жизни Тобольской епархіи.

*(По журналамъ епархіального съѣзда депутатовъ отъ духо-
венства и церковныхъ старостъ Тобольской епархіи 1910 г.).*

Печатаніе отдѣльнымъ изданіемъ журналовъ епархіаль-
ныхъ съѣздовъ все болѣе входитъ въ обычай. О пользѣ та-
кихъ изданій мы уже имѣли возможность высказаться на
стр. журнала „Р. для с. п.“ (№ 25) по поводу протоколовъ
епархіального съѣзда Кишиневской епархіи. Въ настоящій
разъ отмѣтимъ лишь, что такія изданія не лишены и обще-
церковнаго значенія, такъ какъ, благодаря имъ, лучшія мѣ-
ропріятія въ пастырскомъ дѣлѣ, усовершенствованія въ веде-
ніи епархіального хозяйства въ одной епархіи популяризуются
въ другихъ епархіяхъ и могутъ прививаться тамъ, гдѣ до
нихъ почему-либо не додумались или просмотрѣли.

Особенностью епархіального сѣзда Тобольской епархіи является его исключительно дѣловой, административно-хозяйственный характеръ: вопросовъ пастырства, миссіонерскаго дѣла, народнаго просвѣщенія епархіальный сѣздъ если и касался, то только со стороны матеріальной, финансовой. Съ этой стороны „журналы“ для читателя мало интересны, но и среди сухихъ цифръ и протоколовъ, имѣющихъ мѣстное значеніе, встрѣчаются нѣкоторыя постановленія, заслуживающія вниманія со стороны духовенства иныхъ епархій. Такъ какъ забота о матеріальномъ поддержаніи духовно-учебныхъ заведеній — одна изъ главнѣйшихъ задачъ всѣхъ вообще епархіальныхъ сѣздовъ, то съ нихъ и начнемъ нашу рѣчь. Здѣсь прежде всего заслуживаетъ быть отмѣченной значительная дешевизна содержанія воспитанниковъ Тобольской семинаріи, что значительно должно облегчать матеріальную тяготу духовенства. Тобольское духовенство не только довело до возможнаго мнѣшима содержаніе своихъ дѣтей, но и облегчило плату съ младшихъ членовъ причтовъ, воспитывающихъ дѣтей. Какъ-то даже не вѣрится представителю центральной полосы Россіи или южанину, гдѣ содержаніе дѣтей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ перевалило уже за сотню рублей, что еще существуетъ такая дешевизна и такое милосердіе, какъ въ Тобольской семинаріи. На трехлѣтіе 1911—1913 г. Тобольскій сѣздъ установилъ плату за содержаніе въ епархіальномъ общежитіи при семинаріи по слѣдующему расчету: священно-церковно-служители, не имѣющіе другихъ дѣтей ни въ свѣтскихъ, ни въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, за содержаніе сына своего въ епархіальномъ общежитіи при Тобольской духовной семинаріи ежегодно платятъ: священникъ—75 рублей, діаконъ—50 рублей, псаломщикъ—25 руб., каждому же изъ священно-церковно-служителей. 1) обучающему на свои личные средства двухъ дѣтей вносить половинную плату, 2) при троиэхъ и болѣе учащихъ дѣтяхъ, обучающихся на собственные средства, сыновьямъ священно-церковно-служителей въ епар-

хіальномъ общежитіи при семинаріи предоставитъ бесплатное содержаніе" (104 стр.). Такая удивительная дешевизна содержанія объясняется, вѣроятно, значительною простотою самого содержанія, а также дешевизною нѣкоторыхъ матеріаловъ и продуктовъ; наприкладъ, дрова осиновыя въ 1908 году приобрѣтались въ Тобольскѣ на базарѣ 2 р. 30—3 р. 50 коп., ведро творогу 35—90 коп. (стр. 101).

Заслуживаетъ всякаго вниманія и разработки и такая мѣра, правда, не получившая, по формальнымъ причинамъ, утвержденія епархіальнаго епископа, и тоже направленная къ удешевленію содержанія духовно-учебныхъ заведеній. Съѣздъ постановилъ „организовать комиссію по заготовкѣ и закупкѣ матеріаловъ и припасовъ для духовно-учебныхъ заведеній по одному отъ каждаго и одного представителя отъ церковныхъ старостъ, избираемаго общимъ собраніемъ церковныхъ старостъ г. Тобольска¹⁾. Комиссія епархіальный съѣздъ имѣлъ поручить „закупать и заготовлять разнаго рода матеріалы и припасы изъ первыхъ рукъ, присутствовать на торгахъ съ правомъ заявлять протестъ, если результаты торговъ комиссія признаетъ почему-либо невыгодными; устроить и оборудовать общую для всѣхъ заведеній прачешную²⁾. Значеніе такой мѣры ясно само собою. Объединившись для совместныхъ закупокъ, духовно-учебныя заведенія представляли бы изъ себя болѣе значительнаго покупателя, чѣмъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности, что давало-бы возможность получать большую скидку¹⁾. Разумное и весьма полезное пожеланіе епархіальнаго съѣзда можно было-бы дополнить и еще одною мыслью, чтобы нѣкоторые продукты сельскаго хозяйства приобрѣтались изъ рукъ самого духовенства, часто не знающаго, куда сбыть продукты своего хозяйства²⁾.

¹⁾ Практически мѣра трудно осуществимая.

Ред.

²⁾ Какъ вообще инертно въ этомъ отношеніи наше духовенство, какъ мало въ немъ предприимчивости и пониманія собственныхъ и первозначныхъ интересовъ, доказываетъ такой фактъ. Въ хлѣбороднѣйшей

Заслуживаетъ всякой похвалы теплое отношеніе, проявленное Тобольскимъ епархіальнымъ съѣздомъ къ памяти одного изъ труженниковъ на нивѣ духовнаго просвѣщенія, именно умершаго ректора семинаріи протоіерея с. Петра Головина. Общество вспомошествованія нуждающимся ученикамъ Тобольской семинаріи просило съѣздъ объ ассигнованіи 1600 рублей изъ епархіальныхъ суммъ на стипендію имени покойнаго ректора. Съѣздъ не согласился, „чтобы на увѣковѣченіе памяти дорогаго всему духовенству епархіи ректора—отца производилась ассигновка изъ церковныхъ суммъ, считая, что это легло-бы позорнымъ пятномъ на всѣхъ его бывшихъ питомцевъ. Будучи глубоко убѣжденъ, что недостающая сумма на образованіе стипендіи легко будетъ собрана изъ личныхъ средствъ cadaго, кто былъ знакомъ съ незабвеннымъ Петромъ Димитріевичемъ, съѣздъ постановилъ: почтить память дорогаго ректора—отца служеніемъ панихиды in corpore на мѣстѣ его упокоенія и произвести сборъ пожертвованій на образованіе стипендіи среди депутатовъ духовенства и по благочиніямъ епархіи по подписнымъ листамъ“ (стр. 5).

Доброжелательно и сочувственно отнесся Тобольскій епархіальный съѣздъ къ нуждамъ скромныхъ и малообезпеченныхъ труженниковъ народнаго просвѣщенія—учителей церковно-приходскихъ школъ, ассигновавъ на леченіе больныхъ учащихся въ церковныхъ школахъ—500 р. въ годъ, на вознагражденіе временныхъ замѣстителей свободныхъ вакансій 300 руб., на выдачу прогонныхъ учащимъ, отправляющимся къ мѣсту назначенія—300 руб. и въ видѣ награды, по личнымъ заслугамъ, учителямъ пѣнія не изъ учащихся. ежегодно до 30 рублей въ 100 школахъ епархіи, по усмотрѣнію епархіальнаго училищнаго совѣта (стр. 28).

епархіи, гдѣ духовенство, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, десятки тысячъ пудовъ хлѣба продаетъ разнымъ скушникамъ (прежде всего евреямъ), нѣсколько многолюднѣйшихъ монастырей на тысячи рублей покупаютъ хлѣбъ и овесъ также у евреевъ, выплачивая значительную дань тѣмъ, кто возлѣ хлѣба и близко не былъ...

Епархіальному Братству Тобольскій епархіальный сѣздъ отпустилъ единовременно изъ епархіальныхъ суммъ 3 тысячи рублей на увеличеніе оборотнаго капитала книжнаго склада, дабы Братство не стѣснялось въ средствахъ при выпискѣ книгъ религіозно-правственнаго содержанія и 500 рублей на изданіе и печатаніе въ своей типографіи листовъ и брошюръ для бесплатной раздачи народу примѣнительно къ мѣстнымъ религіознымъ нуждамъ.

Не мало труда и усилій потратилъ Тобольскій епархіальный сѣздъ и на то, чтобы оказать посильную матеріальную помощь необезпеченнымъ своимъ собратьямъ. Съ этой цѣлью сѣздъ, съ возможнымъ безпристрастіемъ, составилъ списокъ приходоу, которымъ онъ полагалъ-бы назначить жалованье въ 1910 году изъ отпущенныхъ Государственнымъ Казначействомъ 6 тысячъ рублей, списокъ приходоу второй очереди, которые должны быть удовлетворены жалованьемъ въ слѣдующее трехлѣтіе. Жалованье опредѣлено не въ одинаковыхъ суммахъ, въ зависимости отъ того, сколько приходы получали содержанія отъ казны и изъ мѣстныхъ источниковъ. Наконецъ, сѣздъ составилъ списокъ діаконскихъ и псаломщицкихъ (вторыхъ) вакансій, предложенныхъ сѣздомъ къ упраздненію. Всего предложено въ епархіи упразднить 48 псаломщицкихъ и 40 діаконскихъ вакансій (стр. 62) ¹⁾.

Изъ другихъ церковно-административныхъ постановленій Тобольскаго епархіальнаго сѣзда заслуживаютъ быть отмѣченными: постановленіе о назначеніи жалованья благочиннымъ и о штрафахъ на духовенство за неисправное, безъ уважительныхъ причинъ, посѣщеніе благочинническихъ собраній. Въ общемъ, насколько можно судить по журналамъ сѣзда, депутаты отнеслись къ обще-епархіальнымъ дѣламъ съ полнымъ усердіемъ и живымъ интересомъ. Не скрываетъ отчетъ

¹⁾ Жизнь, такимъ образомъ, оправдываетъ эту мѣру, рекомендованную нами на стр. „Руковод. для с. пастырей“ (№ 10, 1909 года).

и нѣкотораго недоуѣрія мѣстнаго епархіальнаго епископа къ духовенству и опасеній его за авторитетъ власти епископской, что видно изъ такихъ, напримѣръ, резолюцій мѣстнаго владыки. На постановленіи о штрафахъ за неисправное посѣщеніе благочинническихъ собраній резолюція владыки послѣдовала такая: „принимать мѣры къ аккуратному исполненію священно-церковно-служителями различныхъ, лежащихъ на нихъ обязанностей—дѣло епархіальнаго начальства, а не сѣзда“. Или другая резолюція: „Возлагать на псаломщиковъ обязанность заниматься пѣніемъ въ церковныхъ школахъ—это дѣло епархіальнаго училищнаго совѣта и мѣстнаго епископа“. На отрицательное отношеніе сѣзда къ переносу епархіальными учрежденіями смѣтныхъ остатковъ изъ одной статьи въ другую резолюція послѣдовала такая: „согласенъ, но не думаю, что сѣздъ стремится ограничить этимъ права и власть епископа“. Есть и другія резолюціи въ томъ же родѣ... Всѣхъ этихъ шероховатостей легко было избѣжать при двухъ условіяхъ: если бы сѣздъ постановленія свои, по нѣкоторымъ вопросамъ, формулировалъ въ видѣ ходатайствъ на имя владыки, а мѣстная епархіальная власть, не придавая этимъ постановленіямъ характера притязательности, каковой на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, и не было, приняла бы ихъ лишь какъ мнѣніе, высказанное по совѣсти и въ интересахъ дѣла...

Священникъ *В. Пестряковъ*.

Идея церковности въ ея значеніи для нашей народной школы.

Никогда такъ горячо не обсуждался у насъ, въ Россіи, вопросъ о народномъ образованіи, какъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ истекшаго XIX столѣтія. Тогда онъ тѣсно былъ связанъ съ рядомъ другихъ вопросовъ и главнымъ образомъ съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Новыя отношенія, въ какія крестьянинъ долженъ

быть стать къ государству и другимъ сословіямъ народа, побуждали всѣхъ—и государство, и духовенство, и интеллигенцію—принять живѣйшее участіе въ разрѣшеніи намѣченнаго вопроса: очень хорошо сознавали всѣ, что отъ такого или иного рѣшенія этого вопроса зависить благо всей Россіи.

Вопросъ о народномъ образованіи не утратилъ своего значенія и до настоящаго времени. Пороки русскаго народа—пьянство, развратъ, веровство и т. п.,—съ одной стороны, и „знаменія“ жизни западныхъ культурныхъ народовъ, съ другой, заставляютъ наше русское общество, въ лицѣ своихъ представителей и періодической прессы, обязанной отмѣчать явленія и нужды современной ему дѣйствительности, придуматься и серьезно заняться перерѣшеніемъ давно, повидимому, рѣшеннаго вопроса о народномъ образованіи.

Что касается характера народнаго образованія, то въ литературѣ—духовной и свѣтской—существуютъ о немъ два противоположныя мнѣнія. Одни смотрятъ на образованіе съ точки зрѣнія значенія его для внѣшняго благосостоянія народа. Сообщать народу практически пригодныя въ его хозяйственномъ быту свѣдѣнія, съ одной стороны, знакомить съ жизнью Запада—политической и общественной, съ результатами многовѣковой человѣческой мысли, съ другой,—вотъ задача народной школы, но понятію защитниковъ этого мнѣнія. „Знакомьте народъ съ результатами настоящей всечеловѣческой вѣковой дѣятельности мысли! Зачѣмъ отказывать народу въ возможности постигнуть истинную суть политическихъ и общественныхъ отношеній? Развивайте умъ народа и знакомьте его съ міровымъ умомъ, дайте ему всеобъемлющее значеніе!“¹⁾—такъ восклицаетъ авторъ знаменитаго изреченія „гуманизмъ человѣчности“, подхваченнаго нашими интеллигентами²⁾. Утверждая, что главнымъ средствомъ къ воспитанію народа въ школѣ должно служить „накопленіе

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1882 г. сент.

²⁾ Вѣст. восп. окт. 139 стр.

знаній“¹⁾, они довольно враждебно относятся къ религіи: или совершенно выгоняютъ религію изъ школы, считая ее тормазомъ культурнаго развитія народа („уничтоживъ божество, человѣчество обезпечить себѣ прогрессъ“), или же отводятъ ей слишкомъ незначительное мѣсто, ограничиваясь однимъ-двумя уроками Закона Божія въ недѣлю. Они крайне несочувственно относятся къ проектамъ передачи народнаго образованія въ вѣдѣніе духовенства, потому что „образованіе народа“, по ихъ словамъ, въ рукахъ духовенства получитъ односторонній религіозный характеръ, годный только для тѣхъ, которые готовятся къ жизни въ монастыряхъ, а не для тѣхъ, которые имѣютъ жить въ мірѣ, гдѣ имъ на каждомъ шагу потребуется знаніе мірскихъ, свѣтскихъ дѣлъ“²⁾. „Для всякаго человѣка необходимо первоначально общее образованіе, специальное же (разумѣется религіозное) послѣ“, — говоритъ неизвѣстный корреспондентъ южно-русскаго вѣстника „Основы“³⁾. Не нравится имъ и „употребленіе“ въ народныхъ школахъ, „церковно-славянской грамоты, какъ не имѣющей никакаго значенія въ обыденной жизни. „Къ чему дитяти эти титла, азъ, буки и т. п.? Не въ дѣячьи же готовить всѣхъ деревенскихъ мальчиковъ, а встрѣтится ли надобность въ церковно-славянской грамотѣ въ обыденной жизни, чрезвычайно сомнительно“⁴⁾.

Другіе, принимая во вниманіе слова Спасителя: „ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ“ (Мѡ. 6, 33), утверждаютъ, что задача народной школы состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить человѣку это „единое на потребу“, дать ему то „основаніе“, котораго люди не могутъ дать, тотъ „краеугольный камень“ „во главу угла“,

¹⁾ Тамъ же 147 стр.

²⁾ Огеч. Зап. 1862 г. СХLIII т. Современ. хроника Россіи 57—67 стр. См. Дѣятельность русск. духов. въ отношеніи къ народн. образованію въ царств. имп. Александра II. О. Благовидова.

³⁾ 1862 г. май. См. кн. Благовидова 304 стр.

⁴⁾ Ibid. 1862 г. май. См. кн. Благовидова 305 стр.

безъ котораго невозможны никакіе успѣхи. Въ основѣ народнаго образованія, по ихъ мнѣнію, должны быть положены религіозно-нравственныя начала; духъ церковности и религіозности долженъ проникать всѣ стороны школьной жизни.

„Для народа прежде всего и преимущественнѣ всего нужно образованіе и воспитаніе религіозное“¹⁾. „Религіозно-нравственное воспитаніе народа должно предшествовать всякому другому“ (постановленіе Бѣлозерскаго земства, Новгородской губ.)²⁾. Одинъ изъ директоровъ народныхъ училищъ въ своемъ циркулярномъ предложеніи подвѣдомымъ ему инспекторамъ, между прочимъ, писалъ, что народная школа должна быть первою и дѣятельною помощницею Церкви въ просвѣщеніи крестьянъ истинами христіанскаго вѣроученія. Школа должна принять на себя часть церковнаго труда и исполнять его по духу, по мысли Церкви. Директоръ опредѣлилъ и тѣ силы, которыя должны созидать школу въ означенномъ имъ направленіи, поставивъ на первомъ мѣстѣ духовнаго пастыря, опредѣляющаго свои отношенія къ школѣ по сознанію своего пастырскаго долга, и учителя, которымъ долженъ быть только человѣкъ строго нравственный, любящій Церковь и дѣтей и видящій въ школѣ мѣсто священнаго служенія Богу и родному народу³⁾.

Считаемъ лишнимъ входить въ разборъ этихъ мнѣній: несостоятельность перваго и правильность втораго откроется при обоснованіи нашего взгляда на характеръ народнаго образованія.

„Народная школа должна быть построена на началахъ народной жизни, и во главѣ угла ея должно лежать національное воспитаніе“⁴⁾, говоритъ С. А. Рачинскій. Справедливость словъ нашего русскаго педагога подтверждаетъ и

¹⁾ Днев. 1862 г. № 29 кн. Благовидова стр. 292.

²⁾ Кн. Благовидова 98 стр.

³⁾ См. кн. Благовидова 179 стр.

⁴⁾ Сельская школа III. стр. введ.

исторія. Она говоритъ намъ, что только тогда образованіе бываетъ настоящимъ образованіемъ, только тогда оно прочно и приводитъ къ благимъ результатамъ, когда оно вполнѣ отвѣчаетъ основнымъ потребностямъ народа, когда оно покоится на началахъ народности. Если же образованіе идетъ мимо этихъ естественныхъ началъ народа своего,—или несознательно уклоняется отъ нихъ, предпочитая своему чужое, якобы лучшее,—то оно не можетъ быть названо настоящимъ образованіемъ, а только прививкой чуждыхъ народу понятій, нравовъ и обычаевъ; ему никогда не достигъ въ такомъ случаѣ значенія той жизненной силы, какой является истинно-національное воспитаніе. Но еще хуже, если оно идетъ вразрѣзъ національнымъ началамъ, противъ нихъ: тогда оно вноситъ великое зло въ жизнь государства, порождая несогласіе, раздоръ и борьбу между началами чуждыми и національными, заявляющими свои заветныя права. И каждый народъ, какъ бы инстинктивно, самой природой руководимый, воспитывается въ духѣ своей народности. Такъ, римское воспитаніе, сообразно съ духомъ народа, велось иначе, чѣмъ воспитаніе греческое. Практичный, до суровости трезвый человѣкъ здраваго смысла, римлянинъ и въ воспитаніи ставилъ на первомъ мѣстѣ принципъ *utile*. Художникъ по природѣ, всю свою жизнь посвятившій служенію красотѣ, грекъ и воспитательный идеалъ основываетъ на красотѣ—духовной и тѣлесной. Гармоническое развитіе обѣихъ сторонъ человѣческаго существа, *κατ'αγαθία*, т. е. совершенство тѣла и души—вотъ та цѣль, къ достиженію которой были направлены воспитательныя средства—и гимнастика, и курсъ изящныхъ наукъ, и грамматика, и математика, и философія. У грековъ дѣти іонійскаго племени воспитывались иначе, чѣмъ дѣти племени дорійскаго. Нѣмецкое воспитаніе по своему характеру рѣзко отличается отъ англійскаго и т. д.

Такъ какъ духъ и направленіе образованія находится въ прямой зависимости отъ особенностей народнаго характера, то для правильнаго рѣшенія вопроса объ идеалѣ вос-

питанія русскаго народа надо внимательно посмотри́ть, чѣмъ живетъ нашъ простой народъ, какія его завѣтныя желанія и духовныя потребности.

Желая похвалить свою національность, каждый народъ обыкновенно въ этой похвалѣ выражаетъ свой національный идеаль, то, чего болѣе онъ желаетъ, во что вѣрить, что болѣе всего любить. Англичанинъ съ любовью говоритъ о „старой Англiи“, французъ о прекрасной Францiи и о французской славѣ; нѣмецъ выше всего ставитъ *die deutsche Tugend*. Что говорить о себѣ русскiй народъ? Не называетъ ли онъ свою родину, желая выразить свои лучшiя чувства и стремленiя—„святая Русь“¹⁾. Что это значить?

„Поселившись въ очагахъ древней языческой культуры, новые европейскiе народы вмѣстѣ съ христiанской религiей восприняли царившiе въ жизни языческiе порядки. Это языческое наслѣдство глубоко омрачило самое христiанство на Западѣ въ лицѣ католицизма съ его порожденiями—протестантствомъ и современнымъ невѣрiемъ. Трупъ древняго язычества, разлагаясь, въ значительной мѣрѣ отравилъ начинавшуюся духовную жизнь западно-европейскихъ обществъ. Такъ было на Западѣ, но не такъ было у насъ. Мы приняли божественное сѣмя христiанства, при чемъ надо замѣтить, приняли свободно, а не вслѣдствiе политическаго преобладанiя, культурнаго давленiя или религiозной пропаганды, часто влiявшихъ на перемену религiи народа; въ актѣ свободнаго принятiя христiанства сказалась характерная черта русскаго народа—особенная жажда религiозной истины душою, не удовлетворявшеюся язычествомъ,—мы приняли христiанство, но уцѣлѣли отъ отравы древняго язычества. Мы не искали чужихъ земель, подобно основателямъ западно-европейскихъ государствъ: у насъ была своя земля. Святославъ стремился было поставить насъ лицомъ къ лицу съ одряхлѣвшей Византiей, пра-

¹⁾ Національный вопросъ въ Россiи. В. Соловьевъ.

вославною по вѣрѣ, но языческой по жизни. Но ему сказали въ Кіевѣ: „Князь, ты напрасно ищешь чужой земли“. Мы приняли отъ грековъ вѣру, слово Божіе, богослуженіе, свято-отеческія творенія, церковную организацію и строго иноческій уставъ, но сторонились отъ нихъ, отъ ихъ жизни: „Греки льстивы до сего дня“—говорили наши предки. Подобно тому, какъ Господь Богъ древняго Израиля воспиталъ въ пустынѣ для исторической жизни,—такъ Провидѣніе удалило насъ на сѣверъ. Вдали отъ всего остального міра русскій народъ медленно, но прочно усваивалъ христіанскія истины“.

И духовенство, и князья заботились о просвѣщеніи народа свѣтомъ христіанскаго ученія. По совѣту перваго Кіевскаго митрополита Михаила, Князь Владиміръ „устроилъ многія училища... по городамъ и селамъ“¹⁾. Сынъ его Ярославъ учредилъ въ Новгородѣ школу для 300 мальчиковъ („старость и поповъ“) и основалъ при Софійской церкви обширную бібліотеку для общаго пользованія²⁾. Есть извѣстіе, что при Ярославіѣ существовали училища и въ другихъ городахъ—Курскѣ, Кіевѣ, Полоцкѣ. Лѣтописи сохранили намъ имена многихъ русскихъ князей, современниковъ Ярослава Мудраго и жившихъ по смерти его, которые также прославились своей широкой просвѣтительной дѣятельностію. Таковы—Ярославъ Владиміровичъ, князь Галицкій, Константинъ Всеволодовичъ, князь Владимірскій, Романъ Ростиславовичъ, князь Смоленскій и мн. др. Въ своихъ областяхъ они заводили „многія школы“ и обезпечивали ихъ приличнымъ содержаніемъ. Въ устроенныхъ князьями школахъ, было введено всеобщее образованіе: въ нихъ обучались „дѣти и знатныхъ, и среднихъ, и убогихъ“³⁾. Учителями были лица духовнаго званія—„священники съ причетники“⁴⁾; „иноки русскіе и

¹⁾ Татищевъ. Ист. Рос. Изд. 1768—84 г., ч. II, стр. 75—76.

²⁾ Софійская лѣтопись подъ 1030 г.

³⁾ Татищевъ, ч. II, стр. 75—76.

⁴⁾ Ibid.

греки“¹⁾. „Попови что есть ино дѣло, развѣ ученія“—говорилъ черноризецъ Дуксъ Іоанну, экзарху Болгарскому. Учить народъ—прямая обязанность духовенства, по понятію русскаго человѣка²⁾. Такъ понимало свое назначеніе и наше духовенство. Въ духѣ христіанской любви и кротости духовенство „утверждало“ въ юныхъ сердцахъ „вѣру“, воспитывало въ нихъ любовь къ Церкви, монастырямъ и духовенству; возбуждало въ нихъ высшія нравственныя чувства—милосердіе, правдивость, послушаніе старшимъ. Оно учило „юныя дѣти, якоже словесемъ книжнаго разума, такожде и благонаравію, и въ правдѣ, и въ любви, и зачаху премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиреномудрію..., прилагало имъ ученіе отъ закона Господня, на пользу души же и тѣла“³⁾. „зловѣріе искореняло, въ мудрости и правой вѣрѣ наставляло“⁴⁾.

Образованіе, которое получаетъ юный, только что вступившій въ историческую жизнь народъ, играетъ важную роль въ исторіи народа; оно творитъ исторію; служитъ условіемъ для развитія и самаго бытія народа. Образованіе нашихъ предковъ было истинно христіанское, православное, церковное и оно должно было заронить и, дѣйствительно, заронило въ воспріимчивую русскую душу сѣмена чистой вѣры.

Монгольское иго, такъ много бѣдъ причинившее нашему отечеству, оказалось благотворнымъ для него въ томъ отношеніи, что своимъ внѣшнимъ давленіемъ заставляло русскій народъ, разъединенный отъ всего остального міра, ревниво оберегать свою православную вѣру: съ этого времени чистыя христіанскія начала уже безраздѣльно легли въ основу нашего историческаго развитія. Впервые въ мірѣ возникало государство, съ самаго начала своего существованія положившее всецѣло въ основу своего развитія божественное

¹⁾ Татищевъ, ч. II, 446 стр.

²⁾ Лавр. лѣт. стр. 65.

³⁾ Степен. кв. I, стр. 143.

⁴⁾ Татищевъ, ч. II, стр. 280. Собр. лѣт. изв.

сьмя Евангелія, и святая православная вѣра стала кореннымъ образующимъ началомъ нашей народности.

Русскому народу дорога чистая вѣра, источникъ его здравомыслія; дорога ему и воспитательница и руководительница—Православная Церковь: съ нею онъ находится въ постоянномъ союзѣ посредствомъ обрядовъ, совершаемаго въ ней богослуженія и таинствъ: всѣ важнѣйшіе моменты и незначительныя, въ глазахъ другихъ народовъ, явленія своей жизни онъ освящаетъ молитвой Церкви; Церковь является для него сокровищницей высокихъ нравственныхъ назиданій, святыхъ впечатлѣній и благихъ эстетическихъ наслажденій. Любитъ онъ путешествовать въ отдаленные монастыри для поклоненія святымъ. Съ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ онъ относится къ духовенству: въ священникѣ и причетникѣ онъ видитъ своего учителя. Его всегда живо занимаютъ церковныя вопросы. Онъ въ особенности интересуется всѣмъ, что касается Церкви и духовенства. Онъ любитъ почитать и послушать божественное и назидательное. Грамотность для крестьянина была и остается „дверью, отверзающею къ разуменію божественнаго писанія“.

Эта православная вѣра, эта твердая вѣра въ Бога и Церковь, эта любовь ко всему церковному отмѣчена, какъ характерная черта русскаго народа нашими писателями—*Ф. М. Достоевскимъ, Аксаковымъ, Гачинскимъ* и др. „Я утверждаю, говоритъ Достоевскій, что нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и его ученіе... Научился же онъ въ храмахъ, гдѣ вѣками слышали молитвы и гимны... Повторялъ и самъ пѣлъ эти молитвы еще въ лѣсахъ, спасаясь отъ враговъ своихъ, въ Батыево нашествіе еще, можетъ быть, пѣлъ: „Господи силъ, съ нами буди!“ Знаетъ онъ также наизусть многія изъ житій святыхъ, пересказываетъ и слушаетъ ихъ съ умиленіемъ... Въ народѣ есть положительные характеры невообразимой красоты и силы, до которыхъ не коснулось наблюденіе наше... Я вѣтъ народъ нашъ и знаю его, жить съ нимъ довольно вѣтъ,

ѣль съ нимъ, спать съ нимъ, работать съ нимъ настоящей мозольной работой въ то время, когда другіе, либеральничая и подхихкивая надъ народомъ, рѣшили на лекціяхъ и въ стѣвленіяхъ журнальныхъ фельетоновъ, что народъ нашъ „образа звѣрнаго и печати его“. Не говорите же мнѣ, что я не знаю народа! Я его знаю: отъ него я вѣдь принялъ въ мою душу Христа, котораго узналъ еще въ родительскомъ домѣ ребенкомъ и котораго утратилъ было, когда преобразился, въ свою очередь, въ европейскаго либерала“. По такимъ качествамъ Достоевскій усвояетъ русскому народу какъ бы особо принадлежащее ему и преимущественно предъ всѣми другими народами характеризующее его имя „богоносца“.

„Вся глубокая ошибка нашихъ интеллигентныхъ людей въ томъ, говорить тотъ же писатель, что они не признаютъ въ русскомъ народѣ Церковь. Но кто не понимаетъ въ народѣ нашемъ православія, тотъ никогда не пойметъ самаго народа нашего. Никогда и народъ не приметъ такого русскаго европейца за своего человѣка: „полюби сперва святыню мою, вѣсти ты то, что я чту, и тогда ты точно таковъ, какъ я, мой братъ, не смотря на то, что ты одѣтъ не такъ, что ты баринъ, что ты начальство...“ вотъ что скажетъ народъ, ибо народъ нашъ широкъ и уменъ“. И С. А. Рачинскій утверждаетъ, что сближеніе съ народомъ, котораго желаетъ за послѣднее время интеллигенція, возможно только на почвѣ вѣры и молитвы. Изъ наблюдений надъ крестьянами, особенно надъ своими школьниками, С. А. Рачинскій вывелъ такое заключеніе о задушевныхъ желаніяхъ русскаго крестьянина: „Монастырь, жизнь въ Богѣ и для Бога, отверженіе себя—вотъ что совершенно искренно представляется конечной цѣлью существованія, недостижимымъ блаженствомъ этимъ веселымъ, практическимъ мальчикамъ. Эта мысль не могла имъ быть навязана учителемъ, ни мало не сочувствующимъ нашимъ современнымъ монастырямъ. Монастыря они не видѣли. Они разумѣютъ тотъ таинственный, идеальный, не земной монастырь, который рисуется предъ ними въ раз-

сказахъ странниковъ, въ житіяхъ святыхъ, въ собственныхъ смутныхъ алканіяхъ ихъ души“¹⁾. „Русскій народъ—народъ глубоко вѣрующій и первая изъ его практическихъ потребностей, наряду съ удовлетвореніемъ нуждъ тѣлесныхъ, есть общеніе съ Божествомъ. Отзывъ на эти стремленія онъ находитъ въ церковныхъ праздникахъ, въ разсказѣ старика, въ дальнемъ путешествіи въ монастырь, въ чтеніяхъ Св. Писанія и житій святыхъ“²⁾. „Не къ газетѣ и театру, какъ во Франціи, тяготѣетъ нашъ грамотный народъ, а къ Церкви и книгѣ, и въ этомъ залогъ его будущаго духовнаго развитія—здороваго и прочнаго“³⁾.

„Русскій народъ крещенъ, но не оглашенъ“⁴⁾, говоритъ С. А. Рачинскій. Хотя, съ одной стороны, русскій народъ пламенно жаждетъ „спасенія“ своей души, хотя сердцемъ, пламенно любящимъ Господа и искренно проливающимъ предъ нимъ горячія слезы покаянія, простой народъ близокъ къ Богу; но своею жизнію онъ далекъ отъ Него: онъ грубъ, лѣнивъ, пьяница, воръ, развратникъ (С. А. Рачинскій). Хотя, съ другой стороны, въ душѣ русскаго человѣка ярко пылаетъ пламя дѣтской искренней вѣры въ Бога и Св. Церковь, хотя онъ съ сердечнымъ расположеніемъ исполняетъ всѣ постановленія и обряды Св. Церкви, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушаетъ въ Церкви „глаголы жизни“, но „темень нашъ крестьянинъ: онъ тщетно напрягаетъ слухъ,—смысль множества словъ, символическое значеніе обрядовъ, послѣдовательность и полнота Божьяго откровенія отъ него ускользаетъ при богослуженіи. И говоритъ онъ себѣ: неученье—тьма, ученье—свѣтъ. И съ радостью онъ встрѣтитъ каждую школу, которая воистину поведетъ его къ свѣту, приподниметъ его въ высшій духовный міръ, сдѣлаетъ ему доступнымъ разумѣніе Слова Божія“⁵⁾.

¹⁾ Сельская школа С. А. Рачинскаго стр. 24.

²⁾ Ibid. 95—96 стр.

³⁾ Ibid. стр. 98.

⁴⁾ Письма къ духовн. ювоществу о трезвости. М. 1899 г. т. 4 стр. 12.

⁵⁾ Аксаковъ, т. IV, стр. 730.

Этимъ задушевнымъ желаніямъ и духовнымъ запросамъ русскаго народа нужно идти навстрѣчу и ихъ удовлетворять. Во-первыхъ, надо осмыслить и просвѣтить народное религиозное сознаніе; во-вторыхъ, надо дать народу твердую нравственную устойчивость, воспитать въ немъ глубокое чувство долга своихъ христіанскихъ обязанностей.

Эту великую задачу, которую Спаситель опредѣлить апостоламъ въ словахъ: „шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ“ (Мѡ. 28, 19—20), эту задачу можетъ выполнить только Церковь, одаренная силами Божественной благодати. Только Церковь въ таинствѣ крещенія очищаетъ человѣка отъ первороднаго грѣха, уясняетъ ему сущность христіанской догматики и нравственности и сообщаетъ ему благодатныя средства для достиженія нравственнаго совершенства. Часть же этого великаго труда Церкви можетъ взять на себя школа. Она съ успѣхомъ можетъ выполнить вторую половину указанной Христомъ задачи („учаще“). Известно, что въ первые вѣка христіанства существовали такъ называемыя огласительныя училища (такова была, на-примѣръ, знаменитая Александрійская огласительная школа), въ которыхъ взрослые—до крещенія, а младенцы—послѣ крещенія оглашались, т. е. внимали наставленіямъ христіанскихъ учителей. Но возрастить „новаго человѣка“ безъ благодатнаго дѣйствія Церкви школа не въ состояніи. Только въ тѣсномъ союзѣ съ Церковью, только почерпая отъ нея силу и питаясь ея духомъ, она съ успѣхомъ можетъ достигнуть своего назначенія.

Для достиженія, въ союзѣ съ Церковью, своей цѣли школа располагаетъ достаточными средствами. Главныя изъ нихъ: вліяніе Церкви, воздѣйствіе руководителя школы—священника и религиозно-нравственныхъ предметовъ на народъ.

Церковь имѣетъ большое религиозно-воспитательное значеніе для дѣтей. Въ праздничные дни ученики школы непременно присутствуютъ въ Церкви во время богослуженія.

Знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ и навыкъ въ пѣніи, пріобрѣтенные въ школѣ, даютъ имъ возможность сознательно участвовать въ богослуженіи. Они читаютъ, поютъ,— содержание и смыслъ богослужебныхъ пѣснопѣній и чтеній для нихъ понятенъ. Торжественное богослуженіе, изображающее исторію домостроительства отъ грѣхопаденія нашихъ прародителей до вознесенія Господа на небо, которымъ завершилось искупительное служеніе Христа, включительно, возбуждаетъ въ нихъ разнообразныя чувства—сознаніе своей грѣховности и отчужденности, надежду на милость Божію и любовь къ Избавителю Христу. Исполненные этихъ высокихъ чувствъ дѣти забываютъ, хотя на время, все земное и своею мыслию возносятся къ Богу и бесѣдуютъ съ Нимъ.

Не менѣе благотворное въ нравственномъ отношеніи вліяніе на народъ оказываетъ и пастырь. И Спасителемъ („шедше научите... крестьяне...“), и десятымъ правиломъ VII вселенскаго собора („да идетъ учить отроковъ и домо-чадцевъ, читая имъ божественное писаніе, ибо для сего и священство получилъ“), призванный къ учительской дѣятельности, священникъ пользуется авторитетомъ и полнымъ довѣріемъ среди народа. Народъ смотритъ на него не иначе, какъ на своего духовнаго наставника и руководителя. По самой своей должности знакомый съ недостатками и пороками своихъ учениковъ, священникъ во всякое время можетъ способствовать искорененію ихъ. Вліяніе священника на учениковъ простирается и внѣ школы. Подчиняясь властному слову священника, родители бдительно охраняютъ невинность своихъ дѣтей: своей родительской властью запрещаютъ имъ посѣщать гульбища и тому подобныя увеселенія.

Наконецъ, дѣйствительнымъ средствомъ для выполненія религіозно-нравственной задачи народной школы является преподаваніе въ школѣ религіозно-назидательныхъ предметовъ. Извѣстно, что дитя живетъ и руководится лишь движеніемъ своего сердца. Но человѣкъ, начавшій жить сознательной жизнью, спрашиваетъ себя: что онъ долженъ дѣлать, какъ

человѣкъ. Этому вопросу нельзя рѣшить, не зная назначенія человѣка, конечныхъ цѣлей его жизни. А назначеніе человѣка нельзя рѣшить, не зная смысла и цѣли міровой жизни. Отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ и значеніи жизни всегда давала людямъ только религія. И вотъ первоначальная школа и должна дать и она даетъ отвѣтъ на первоначальный вопросъ, возникающій въ душѣ человѣка. На урокахъ Закона Божія законоучитель сообщаетъ дѣтямъ, что назначеніе человѣка—жизнь въ Богѣ и для Бога. Дѣятельною любовью къ Богу и ближнему, исполненіемъ этихъ двухъ заповѣдей, на которыхъ, по слову Писанія, „законъ и пророки висятъ“, человѣкъ достигаетъ цѣли своей жизни. Потомъ, Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта и житія святыхъ представляютъ дѣтямъ живые примѣры разнообразныхъ добродѣтелей. Эти примѣры сильнѣе и благотворнѣе дѣйствуютъ на впечатлительную дѣтскую душу, чѣмъ самыя краснорѣчивыя отвлеченныя правила. Книга Псалтырь также имѣетъ важное воспитательное значеніе. У нашихъ предковъ она была путевой книгою. Къ ней они прибѣгали въ трудныя минуты своей жизни. Въ разсказѣ объ убіеніи Бориса и Глѣба злодѣями, подосланными Святополкомъ на р. Альтъ, превосходно выражено высокое духовное значеніе псалмовъ для человѣка вѣры въ невыразимо тяжелыя, скорбныя до смерти минуты жизни.

Школа, въ которой царитъ духъ вѣры и церковности, т. е. церковно-приходская школа осмысливаетъ и освящаетъ для крестьянина тѣ бытовыя узы, которыми онъ связанъ съ Церковью съ самаго дня своего рожденія; укрѣпляетъ ихъ въ чувствѣ и сознаніи, еще крѣпче связываетъ его съ храмомъ Божиимъ, способствуетъ улучшенію нравовъ. Питая сознательную любовь къ храму Божьему, послушно исполняя постановленія Церкви, чутко прислушиваясь къ ея голосу, крестьянинъ устоитъ противъ соблазна совращенія въ расколъ и штунду. Приобрѣтенная въ школѣ способность къ благоговѣйному церковному чтенію и пѣнію, удержитъ его

отъ пьянства и другихъ пороковъ, такъ распространенныхъ въ жизни простаго народа. Намѣченная на урокахъ Закона Божія цѣль жизни будетъ освѣщать ему тернистый путь его жизни и поддерживать его въ минуты испытаній и несчастья.

Не матеріальнаго благосостоянія, не накопленія знаній желаетъ нашъ народъ, а „спасенія“ своей души, живого общенія съ Богомъ. А этой насущной потребности русскаго народа и отвѣчаетъ церковно-приходская школа. Вотъ почему простой народъ любитъ ее. Любовь народная возродила и способствовала широкому распространенію церковно-приходскихъ школъ на всей Руси. Какъ отвѣчающая насущнымъ духовнымъ запросамъ народа, ц.-приходская школа таитъ въ себѣ залого обновленія средней и высшей школы, такъ какъ въ образованіи самое важное—начало этого великаго дѣла (П. Смирновъ).
Свящ. *Н. Порошковъ.*

Современный эволюціонизмъ и христіанство въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ.

Еще съ тѣхъ поръ какъ въ ученомъ мірѣ появились труды знаменитаго эволюціониста-натуралиста Чарльза Дарвина, разработавшаго и доведшаго до конечныхъ логическихъ выводовъ ученіе о постепенномъ развитіи органическихъ формъ, населяющихъ міръ, эволюціонная доктрина охватила всѣ сферы человѣческаго мышленія и изслѣдованія. Мало-по-малу въ духѣ эволюціонной теоріи стали пересоздаваться почти всѣ отрасли наукъ, въ которыхъ проводилась та общая точка зрѣнія, что человѣкъ со всѣми своими мыслями и ощущеніями, способностями и учрежденіями есть, какъ и вся природа, продуктъ постепеннаго развитія, дитя эволюціи. Все существующее въ мірѣ стали объяснять одними естественными причинами, стали видѣть во всемъ произведеніе только механическихъ силъ, устранивъ всякое участіе въ

твореніи міра и челоуѣка высшей, сверхъестественной силы или Бога: вездѣ и всюду господствуютъ однѣ и тѣ же силы, одни и тѣ же регулирующие законы—законы постепеннаго развитія высшихъ формъ изъ низшихъ. Это былъ исходный пунктъ, изъ котораго являлись всѣ дальнѣйшія умозаключенія эволюціонистовъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ—это былъ базисъ, на которомъ росло и крѣпло все зданіе эволюціонной доктрины.

Такая тенденція эволюціонистовъ—объяснять все существующее одними естественными причинами—коснулась, между прочимъ, и религіи,—того порядка явленій, который, казалось бы, всего менѣе доступенъ для подобнаго рода попытокъ. Мы считаемъ лишнимъ говорить о важности затронутого нами вопроса. Пастыри городскіе и сельскіе, читающіе нашу духовную апологетическую литературу, думаемъ, неоднократно наталкивались на тѣ или другія статьи, посвященныя выясненію эволюціонныхъ взглядовъ на разныя проблемы въ жизни челоуѣческаго духа. Это говоритъ о томъ, какое сильное развитіе и распространеніе получили эволюціонизмъ въ послѣднее „больное“ время. Вспомнимъ, на примѣръ, яраго эволюціониста Геккеля. Его „Міровыя загадки“, появившіяся еще въ 1899 году, и до сихъ поръ расходятся въ сотняхъ и даже въ тысячахъ экземпляровъ. Невѣрующая часть современнаго общества увидѣла въ „Міровыхъ загадкахъ“ настоящее откровеніе и раскрытія Геккелемъ начала матеріалистическаго эволюціонизма, поставляющаго на мѣсто христіанскаго живого Бога развивающуюся „закономѣрную“ природу, были приняты, какъ высшая форма религіи, которая въ будущемъ будто бы расцвѣтетъ во всю мощь на развалинахъ старыхъ вѣрованій. Вообще всѣ міровоззрѣнія, ополчившіяся на христіанство, рѣшаютъ коренныя проблемы нашего духа въ атеистически-эволюціонномъ духѣ. Въ частности въ эволюціонномъ духѣ рѣшается вопросъ о происхожденіи религіи и—что печальнѣе всего,—общество, поверхностно познакомившись съ эволюціонистическимъ объ-

ясненіемъ факта религіи, считаетъ это объясненіе гораздо болѣе правдоподобнымъ и удовлетворительнымъ, чѣмъ христіанское рѣшеніе данной проблемы. Но это только повидимому. Внимательное разсмотрѣніе эволюціоннаго ученія о происхожденіи религіи показываетъ, что оно полно внутреннихъ противорѣчій, странностей и несообразностей, а потому несостоятельно.

Легко видѣть, какъ школа эволюціонистовъ, выходя изъ своего основного принципа, объяснить фактъ религіи, этотъ необыкновеннѣйшій фактъ, составляющій истинно-характеристическую черту человѣка и самымъ существованіемъ своимъ рѣзко отличающій человѣка отъ прочихъ живыхъ существъ. Отождествивъ человѣчность съ животностью и всецѣло выводя первую изъ послѣдней, производя изъ нея не только тѣло, но и душу человѣка, эволюціонисты, чтобы не разрушить зданія своей теоріи, оказались вынужденными произвести фактъ религіи, какъ и всѣ другія разнообразныя проявленія человѣческаго духа, изъ низшихъ и второстепенныхъ формъ „психики“, общихъ человѣку и животнымъ; они изгнали изъ религіи всякій сверхъестественный элементъ, всякое непосредственное, интуитивное дѣйствіе Божества на душу человѣка. Религія, такъ же, какъ и нравственность, какъ мысль, какъ самое „я“, должна происходить естественно, путемъ эволюціи различныхъ функцій организма, такъ какъ самъ человѣкъ—продуктъ природы, такъ какъ самъ онъ является лишь усовершенствованнымъ животнымъ и, подобно животному, произошелъ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ состоятъ и остальные предметы органическаго міра. Въ самомъ началѣ своего существованія человѣкъ находился въ самомъ грубомъ или „животномъ“ состояніи и только постепенно, путемъ послѣдовательнаго развитія достигъ до той ступени, на которой находится въ настоящее время. Естественно, поэтому, что въ этотъ начальный періодъ своего существованія человѣкъ не могъ имѣть религіи: нельзя допустить, чтобы первобытный человѣкъ, стоящій еще на

животной ступени, могъ обладать тѣмъ, что предполагаетъ уже нѣкую долю духовнаго прогресса. Если у него и было то, что теперь принято называть „религіей“, религіознымъ стремленіемъ, то это стремленіе на первыхъ порахъ ничѣмъ существенно не отличалось отъ тѣхъ инстинктивныхъ проявленій, которыя „*implicite*“ прирождены и животному міру. Не нужно закрывать глаза на дѣйствительность, говорятъ эволюціонисты, и игнорировать факты, говорящіе въ пользу этого. Вѣдь и животныя не лишены нѣкоторыхъ моральныхъ и религіозныхъ чувствованій. Собака, боязливо и почтительно ласкающаяся къ своему хозяину, или лошадь своимъ ржаньемъ у пустого колодца выражаютъ, по мнѣнію эволюціонистовъ, тѣ же приблизительно чувствованія, которыя лежатъ въ основѣ религіозныхъ проявленій человѣка.

Такимъ образомъ, въ своемъ стремленіи объяснить происхожденіе религіи естественнымъ образомъ и во что бы то ни стало изгнать изъ нея сверхъестественный элементъ, эволюціонисты не стѣсняются приписывать животнымъ религіозное чувство примитивнаго характера; они утверждаютъ даже, что „религія такъ же, какъ и языкъ, не даетъ основанія для специфическаго различія между человѣкомъ и животнымъ“¹⁾. Напротивъ, поскольку корни религіи лежатъ въ животной природѣ человѣка, она, по мнѣнію наиболѣе послѣдовательныхъ эволюціонистовъ, служить даже однимъ изъ ясныхъ доказательствъ тѣсной, внутренней связи природы человѣка съ міромъ животныхъ, а, слѣдовательно, единства и общности ихъ происхожденія²⁾.

Какъ бы то ни было, но религіозное чувство человѣка есть обыкновенный, лишь облагороженный инстинкъ „жи-

¹⁾ Ф. Лютгенау. Естественная и социальная религія. СПб. 1908 г., стр. 30.

²⁾ Богосл. вѣстникъ 1900 г. т. I, стр. 453; см. также статью Иванцова: „Гёксли, какъ представитель современнаго научнаго міровоззрѣнія“. Вопросы философіи и психологіи, 1892 г., XIII, стр. 44—45.

вотной“ природы. Идеальный же элементъ религіи, душа ея или идея о Богѣ и возможность живого общенія съ Нимъ есть не болѣе, какъ дѣтская иллюзія наивнаго сознанія.

Какъ видно, эволюціонное ученіе о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ представляетъ собою одну изъ напряженнѣйшихъ попытокъ ума испровергнуть сверхъестественное происхожденіе въ насъ самой идея о Богѣ и показать ея естественное зарожденіе. Послѣдовательные эволюціонисты и пытаются объяснить тотъ путь, по которому идея о Богѣ вначалѣ инстинктивная и безсознательная, достигла, наконецъ, сознанія человѣка, оформилась и осмыслилась.

Общій вопросъ о происхожденіи у человѣка религіозной идеи сводится у эволюціонистовъ къ двумъ главнымъ теоріямъ, которыя можно назвать теоріями анимизма и натурализма. Главнымъ представителемъ анимистической теоріи происхожденія религіи является англійскій мыслитель Г. Спенсеръ ¹⁾. Согласно его теоріи религія вышла изъ сновидѣній и въ основу ея первоначально легъ культъ предкопочтанія. Пробуждаясь отъ сна, дикарь помнитъ, что онъ видѣлъ себя во снѣ дѣйствующимъ и перемѣняющимъ мѣсто, что онъ встрѣчался со множествомъ различныхъ вещей и чувствовалъ себя даже болѣе свободнымъ и могущественнымъ, чѣмъ на яву. Съ другой стороны,—и на себѣ самомъ, и на другихъ онъ замѣчаетъ, что спящій человѣкъ лежитъ неподвижно и безчувственно на мѣстѣ и никакъ не можетъ въ этомъ видѣ производить и испытывать ничего подобнаго тому, что онъ переживаетъ во снѣ. Отсюда вполне естественно было неразвитому уму первобытнаго человѣка приходиться къ заключенію о двойственности своей личности, объ обособленной душѣ, живущей и дѣйствующей въ сновидѣніяхъ, и о двухъ мірахъ, весьма сходныхъ между собою по свойству и содержанію, но самостоятельно существующихъ рядомъ другъ съ другомъ,

¹⁾ Кромѣ Спенсера анимистическую теорію защищаютъ эволюціонисты: Леббокъ, Тэйлоръ, Германдь, Липпертъ, Дарвинъ, Левбергъ и др.

Такъ само собою, говорятъ эволюціонисты, человѣкъ дошелъ до идеи безтѣлеснаго духа и до убѣжденія въ существованіи отличнаго отъ него міра, болѣе могущественнаго, чѣмъ тотъ міръ, въ которомъ онъ живетъ. Это первобытное вѣрованіе, основанное, такимъ образомъ, на фактѣ сновъ, получаетъ дальнѣйшее развитіе и новую важность отъ факта смерти. Когда на глазахъ дикаря явная личность его ближняго превращается въ бездыханный и разлагающійся трупъ, то у дикаря невольно является вопросъ, — что дѣлается съ другимъ образомъ его ближняго, который онъ видѣлъ во снѣ и котораго продолжаетъ иногда видѣть живущимъ и дѣйствующимъ въ сновидѣніяхъ? Не переселяется ли его ближній въ тотъ другой міръ, куда онъ являлся по временамъ и при жизни своей? И это естественное предположеніе крѣпнеть все болѣе и болѣе, когда оставшіяся въ живыхъ часто видятъ во снѣ своего умершаго сородича. Возникаетъ такимъ образомъ у первобытнаго человѣка вѣра въ посмертное бытіе своихъ умершихъ собратій. Первобытный человѣкъ мало-по-малу начинаетъ относиться къ нимъ со страхомъ и благоговѣніемъ и дѣлаетъ ихъ предметомъ религіознаго культа.

Иначе представляетъ себѣ дѣло происхожденія религіи въ родѣ человѣческомъ натуралистическій эволюціонизмъ.

Прежде чѣмъ обращаться къ самому себѣ и наблюдать явленія психической жизни, первобытный человѣкъ поражался величіемъ и могуществомъ окружающей его природы, отъ которой онъ всецѣло зависить. Это чувство зависимости отъ природы и привнесло въ сознаніе первобытнаго человѣка идею о существованіи высшей, сверхъестественной силы, такъ какъ окружающія его явленія и силы природы онъ не могъ объяснить иначе, какъ только мыслить ихъ совершающимися вышечеловѣческими инстинктами и силами. Типичнѣйшимъ представителемъ натуралистической эволюціонной гипотезы происхожденія религіи является германскій философъ Бендеръ¹⁾). Этотъ эволюціонистъ, оставившій послѣ себя много

¹⁾ См. его книгу „Das Wesen der Religion, 4-te Aufl. Bamn. 1888

Послѣдователей и приверженцевъ, такъ объясняетъ происхождение религіи въ первобытномъ человѣчествѣ. Въ началѣ, просто слѣдую простому инстинкту самосохраненія, человѣкъ оказываетъ религіозное почитаніе всякому объекту, который какъ-либо, содѣйствуя или вредя, вмѣшивался, какъ казалось, въ борьбу первобытнаго человѣка за существованіе. Камень, о который споткнулся его врагъ, хотѣвшій нанести ему смертельный ударъ; дерево, расколотое молніею безъ вреда для него; растеніе, сокъ котораго даровалъ ему облегченіе во время болѣзни; животное, предоставляющее ему пищу и являющееся его союзникомъ—все это становилось для первобытнаго человѣка предметомъ религіознаго почитанія. Все, что вторгалось въ его жизнь неожиданно—загадочно, могущественно; все, что такъ или иначе способствовало или вредило его борьбѣ за существованіе—все это было для него божествомъ.

Итакъ, предъ нами двѣ эволюціонныя точки зрѣнія по вопросу о томъ, какъ произошла религія въ родѣ человѣческомъ. Исходный пунктъ ихъ одинъ и тотъ же, —именно то, что религія достигла до сознанія человѣка естественными путями безъ всякаго объективнаго воздѣйствія сверхъестественной силы или божества. Достигши сознанія человѣческаго, религія, по воззрѣнію эволюціонистовъ, постепенно, крайне медленно, но неизмѣнно совершенствовалась и утончалась, принимая видъ философской обработки культурныхъ вѣрованій. На пути своего усовершенствованія и развитія она шла рука объ руку съ человѣческою культурою и познаніемъ отъ низшей формы къ высшей, отъ простаго къ сложному, отъ политеизма къ монотеизму. Самая возможность столь продолжительнаго существованія религіи, по мнѣнію эволюціонистовъ, объясняется умственнымъ невѣжествомъ людей; никакого важнаго значенія для жизни религіи эволюціонисты не приписываютъ. Религія существуетъ въ человѣческомъ родѣ только потому, что для человѣка есть еще много таинственнаго, непознаннаго, но въ силу его организациі всегда требующаго для себя объясненія;

и если бы для человѣка не было тайнъ, то никогда не существовало бы и религіи. Вотъ почему эволюціонисты питаютъ твердую надежду, что религія „въ концѣ концовъ исчезнетъ разрѣшившись въ твердую прозу знанія, исключаящаго всякую вѣру, какъ ея ненаучный суррогатъ“¹⁾. Скоро, скоро придетъ то время, говорятъ эволюціонисты, когда человѣчество отречется отъ мнимой необходимости вѣрить въ сверхъестественное, этой дѣтской и грустной иллюзіи невѣжества—и твердою ногою вступить, наконецъ, въ свой мужскій возрастъ—возрастъ положительной науки.

В. П—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Богосл. вѣстникъ, 1900 г. т. I, стр. 455.

ЗАМѢТКА.

О значеніи нотаріальныхъ свидѣтельскихъ показаній при повѣнчаніи браковъ.

Одинъ изъ приходскихъ сельскихъ священниковъ обратился въ консисторію съ просьбою о разъясненіи, можно ли, согласно указу Святѣйшаго Синода, отъ 14 августа 1906 года, за № 7, въ селахъ, взамѣнъ предбрачнаго свидѣтельства, при повѣнчаніи брака лицъ иноприходныхъ, принимать полицейскія удостовѣренія или письменныя показанія не менѣе двухъ свидѣтелей, нотаріально удостовѣренныя, о безпрепятственности повѣнчанія.

Въ виду сего, Херсонская духовная консисторія считаетъ необходимымъ разъяснить духовенству Херсонской епархіи, что указъ Святѣйшаго Синода, отъ 14 августа 1906 г., за № 7, можетъ быть примѣняемъ повсемѣстно, т. е. какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ и деревняхъ, гдѣ представляется къ тому возможность; но изъ содержанія этого

указа вовсе не слѣдуетъ, будто бы полицейскія удостовѣренія или письменныя показанія не менѣе двухъ свидѣтелей, завѣренныя нотариусомъ, могутъ замѣнять собою предбрачныя свидѣтельства; послѣднія о лицахъ иноприходныхъ, во всякомъ случаѣ, должны быть истребованы, равно какъ и паспорта, и только въ случаѣ отсутствія, почему-либо, въ паспортѣ свѣдѣній о семейномъ положеніи жениха или невесты, можно принимать особое полицейское удостовѣреніе, или нотаріально завѣренныя показанія двухъ свидѣтелей, которые, въ случаѣ неправильности своихъ показаній, и несутъ отвѣтственность по всей строгости закона (о чемъ надлежитъ предупредить ихъ, какъ и поручителей).

Къ сему должно присовокупить, что нѣкоторые причты, взамѣнъ паспортовъ, довольствуются временными свидѣтельствами, выдаваемыми полиціею на основаніи ст. 26 Положенія о видахъ на жительство; между тѣмъ, удостовѣренія эти, какъ выдаваемые полиціею временно лицу, почему-либо оказавшемуся безъ вида, и составляемые на основаніи простаго полицейскаго дознанія, не служатъ авторитетнымъ свидѣтельствомъ семейнаго положенія и не могутъ замѣнять при обыскѣ брачномъ паспорта (Совр. дѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го сентября 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Аки. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчанъ-Новицкаго, Медингевская ул. 6.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 39.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года сентября 25-го дня.

Содержаніе: I. Среди духовенства. Свѣтскій.—II. Семейное разногласіе. Свящ. В. Пестряковъ.—III. Современный эволюціонизмъ и христіанство въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи религій въ родѣ человѣческомъ. (Продолженіе). В. П—въ.—IV. Замѣтка. Священники на діаконскихъ вакансіяхъ.

Среди духовенства.

(Съ натуры).

Въ просторномъ, чистомъ и свѣтломъ купѣ вагона насъ собралось 5 человѣкъ. Четверо были лица духовныя—священники. Они возвращались въ свои деревни съ только что окончившагося сѣзда въ городѣ N, и я былъ радъ ближе понаблюдать лучшее духовенство епархіи, побольше побесѣдовать съ батюшками, подѣлиться думами, недоумѣніями, болями душевными и радостями.

Хотя сѣздъ тянулся около 10 дней, при чемъ засѣданія его происходили ежедневно утромъ и вечеромъ, хотя въ этихъ засѣданіяхъ было рѣшено чуть ли не до 200 крупныхъ

и мелкихъ вопросовъ, однако отцы депутаты чувствовали себя бодро и по интересующимъ ихъ вопросамъ приходской практики готовы были говорить положительно безъ умолку. И у насъ, дѣйствительно, въ оживленной бесѣдѣ прошелъ не только тотъ день, что мы ѣхали, но почти и цѣлая ночь.

Среди духовенства, съ которымъ я встрѣтился, были молодые и старые, питомцы школъ старой дореформенной и реформированной, были люди, такъ сказать, различныхъ традицій, но всѣхъ ихъ объединяла горячая любовь къ своему дѣлу.

— Никогда не могу не остановить вниманія на этой картинѣ,—говорилъ одинъ изъ батюшекъ, очень интеллигентный человѣкъ, одинъ изъ виднѣйшихъ работниковъ на сѣздѣ, когда мы проѣзжали мимо какой то деревушки:—какія скромныя крестьянскія постройки и какой величественный среди нихъ храмъ! Да, велика ревность нашего народа къ славѣ Божіей! Въ послѣднее время устой народной жизни немного порасшаталась было и иногда приходилось быть свидѣтелями тяжелыхъ фактовъ, однако и среди этой смуты народъ нашъ не потерялъ вѣры въ Бога. Вообще говоря, вѣра въ Бога является для нашего мужика *единственной* стихіей, которой онъ живетъ и управляется. Кромѣ этой стихіи, у него нѣтъ ничего. *Ровно ничего.* У другихъ могутъ быть и бываютъ разныя божки въ видѣ науки, или искусства, или общественной дѣятельности, у мужика же нѣтъ кумировъ. Единому Богу онъ поклоняется. Ахъ, какъ это важно, какъ важно это для нашей дѣятельности! Какъ это должно бы облегчать ее!

Въ N—ской епархіи нѣтъ еще сектантства, какъ грозной силы, какъ неизбежной опасности, однако—духовенство, видимо, серьезно озабочено выработкой мѣръ къ предотвращенію возможной опасности. Вопросы миссіи были самыми живыми вопросами для моихъ спутниковъ изъ духовенства. Говорили о развѣтвленіяхъ въ сектантствѣ, о методахъ полемики съ нимъ, говорили о необходимости такъ ставить

миссіонерскія бесѣды, чтобы не сквозило во всемъ желаніе миссіонера во что бы то ни стало побороть противниковъ, но чтобы чувствовалось все время его желаніе раскрыть яснѣе истину для православныхъ и убѣдительно для заблуждающихся сектантовъ. Глубоко и, конечно, справедливо возмущались случаями нѣкоторой моральной неразборчивости, какую—будто бы—еще недавно допускали изрѣдка миссіонеры въ полемикѣ съ сектантами, лишь бы не показаться въ ихъ глазахъ побѣжденными. Такіе же частные вопросы миссіи, какъ опредѣленіе характера секты „Новый Израиль“, опредѣленіе разницы между баптистами и молоканами въ деталяхъ ихъ ученія, уясненіе сущности православнаго догмата о первородномъ грѣхѣ, вопросъ о томъ, притчу или рассказъ о дѣйствительномъ событіи представляетъ собою евангельское повѣствованіе „о богатомъ и Лазарѣ“—эти и подобные вопросы, оказалось, близко занимають духовенство, вызываясь его обыденной церковно-приходской практикой.

Вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ въ деревнѣ также жгучій вопросъ для духовенства. Среди разговоровъ на эту тему отъ одного изъ батюшекъ пришлось услышать любопытную теорію.

— У насъ,—говорилъ онъ,—борьбу съ пьянствомъ начинаютъ не съ головы, а съ хвоста. Въ твореніяхъ св. отцовъ очень часто указывается связь между, напр., гордостью и блуднымъ грѣхомъ. Также и пьянство не можетъ не быть въ связи съ извѣстнымъ духовнымъ извращеніемъ человѣка. Вотъ на это извращеніе духа намъ и надо бы направить свои удары, какъ на причину пьянства. Мнѣ кажется, что человѣкъ, по большей части, пьетъ потому, что недоволенъ собой и своей судьбой, хочетъ лучшаго, но не хочетъ потрудиться, чтобы усовершенствовать себя или улучшить свою жизнь. Въ состояніи же опьяненія человѣкъ забываетъ обо всѣхъ своихъ недочетахъ, ибо уносится въ искусственно-созданный, новый, волшебный міръ, гдѣ все хорошо. Самоуниженіе, недовольство своимъ жизненнымъ уделомъ, зависть

къ другимъ, довольнымъ и счастливымъ, лѣнь или неспособность работать надъ улучшеніемъ своей жизни—вотъ обычная причина пьянства, и здѣсь именно нужно идти къ человѣку съ нашимъ духовнымъ врачеваніемъ. А что водка—ядь,—это и безъ насъ отлично знаютъ. Да потому и пьютъ ее, что она ядь.

— Какъ же вы смотрите на существующія у насъ общества трезвости? — спросили автора оригинальной теоріи.

— По моему, они не имѣютъ того значенія, какое имъ придается, ибо они, по большей части, борются не съ причиною пьянства, а лишь со слѣдствіями его. Значеніе обществъ трезвости становится даже чисто отрицательнымъ, когда въ основѣ ихъ лежитъ фальшь или желаніе инициатора выслужиться, получить награду, что, къ сожалѣнію, иногда бываетъ...

— Бываетъ,—возразилъ другой священникъ, но чрезвычайно рѣдко, какъ исключеніе, какъ своего рода недоразумѣніе, отъ чего какъ же застраховаться? Вообще же значеніе обществъ трезвости огромно.

— Въ чемъ же ихъ сила?

— Какъ въ чемъ? Сила ихъ—въ силѣ религіознаго обѣщанія вѣрующаго человѣка бороться со своей слабостью...

Между двумя батюшками загорѣлся легкой, но совершенно корректный и весьма интересный споръ, при чемъ чувствовалось, что правда не на сторонѣ противника обществъ трезвости.

Я слушалъ серьезный и оживленный разговоръ батюшекъ, и мнѣ думалось:

— А эти господа, разные эти Елеонскіе, Гусевы-Оренбургскіе и ихъ многочисленные, но бездарные подражатели? Съ кого они пишутъ свои портреты духовныхъ лицъ? Такъ ихъ писанія непохожи на живую дѣйствительность!..

При нѣкоторой разницѣ въ лѣтахъ и во взглядахъ, духовенство, какое я наблюдалъ, объединено также крѣпкой любовью къ деревнѣ и къ семьѣ.

— Какъ плохо у васъ въ городѣ!—говорилъ одинъ священникъ:—каменные эти мѣшки, каменная пыль, жара, удушливый воздухъ, все это такъ оффиціально, затянато, сухо, канцелярски дѣловито... А главное—какая то непонятная спѣшка: всѣ куда то торопятся, всѣмъ некогда, у всѣхъ время раздѣлено на минуты. То ли дѣло у насъ теперь въ деревнѣ: послужишь, попишешь тамъ что-нибудь или прочитаешь, да—въ садъ или въ огорода—покопаешь въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ почистишь, польешь, дѣло то и выходитъ и живое, и родное, и во всѣхъ смыслахъ полезное. А тамъ въ поле пойдешь. Море ржи внизу, а вверху море голубого свѣта и живительнаго воздуху. Просторъ, тишина... Только жаворонокъ звенить невѣдомо гдѣ. Встрѣтишься съ мужичками, побесѣдуешь по душамъ, иной разъ заодно съ ними поработаешь—право!—а тамъ и домой по вечерней прохладѣ. Дома же, смотришь, на террасѣ самоваръ. Вокругъ уютно такъ—вся семья. И все такъ просто, непринужденно, радостно! Нѣтъ, какъ ни зоветь меня начальство въ городъ, не разстанусь со своей деревней. Понимаете, не могу, ну не могу отъ сердца ее оторвать...

— Вотъ вы говорите, батюшка, семья... А много у васъ дѣтей?—спросилъ одинъ священникъ другого.

— Восемь человекъ. Много? Но я не тягочусь. И не роищу. Наоборотъ, всѣ тяготы переношу, какъ заслуженное. А иногда даже въ самыхъ тяготахъ этихъ семейныхъ находишь утѣшеніе и радость. Вѣдь твое собственное порожденіе! Все хорошее, что иногда замѣчается въ дѣтяхъ, радуется какъ то вдвойнѣ, втройнѣ...

— Да и какъ сѣтовать на многочадіе?—замѣтилъ другой священникъ:—при всѣхъ невзгодахъ житейскихъ, въ дѣтяхъ, въ этихъ ангелахъ Божіихъ, прямо Бога находишь и забываешь все, все, что есть труднаго въ жизни. Дѣти требуютъ много на содержаніе? Но вѣдь для кого же еще и зарабатывать, какъ не для дѣтей? Допустимъ, всплываетъ иной разъ вопросъ: какъ быть—себѣ сдѣлать новую рясу или дѣвочки

платье? И уже сейчас же самый этот вопрос становится ненужным и нелѣпымъ. Конечно,—дѣвочки платье...

Отъ разговоровъ о семьѣ перешли къ разговорамъ о школѣ, гдѣ учатся дѣти духовенства, и видно было, что духовная школа не менѣе близка сердцу моихъ спутниковъ, чѣмъ и самая семья.

— На съѣздѣ,—говорилъ одинъ изъ баюшекъ,—у насъ рѣшено строить въ А. новое епархіальное женское училище, второе въ епархіи. Будетъ просторное, удобное и красивое зданіе, лучшее въ уѣздномъ городкѣ. Училище было открыто здѣсь недавно и пока помѣщалось на частной квартирѣ. Уже три класса теперь въ училищѣ. Но что это за классы!—съ восторгомъ говорили батюшки:—какъ давно поставлено въ новомъ училищѣ учебное, а особенно воспитательное дѣло! Весь педагогическій персоналъ состоитъ изъ преподавательницъ и воспитательницъ; преподавателей нѣтъ. Большинство преподавательницъ—съ высшимъ образованіемъ. Классныя дамы относятся къ воспитанницамъ положительно какъ къ собственнымъ дѣтямъ. Всегда почти вмѣстѣ и все вмѣстѣ. И какъ же дѣвочки любятъ своихъ наставницъ. Какъ привязаны къ нимъ! Когда пріѣзжаютъ домой на каникулы, то у нихъ только и разговоровъ, что о начальницѣ да воспитательницахъ. Засыпаютъ ихъ письмами, открытками! И не потому вѣдь это, что воспитательницы слишкомъ снисходительны къ дѣвочкамъ; наоборотъ, и обученіе и воспитаніе поставлены въ училищѣ очень строго. Все объясняется тѣмъ, что дѣти встрѣчаютъ серьезные, искреннія, постоянныя и безраздѣльныя заботы о себѣ. Вотъ и намъ такъ надо бы заботиться о своей паствѣ,—улыбнулся священникъ.

Я ѣхалъ далеко, и одинъ за другимъ оставляли меня по дорогѣ мои спутники. И когда они скрывались изъ моихъ глазъ за желѣзнодорожными станціями, уходя въ любимыя свои деревни, къ любимымъ паствамъ и семьямъ, мнѣ казалось, что, какъ бы ни плоха становилась въ послѣднее время, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, наша

деревня, она не ослабѣетъ окончательно. При наличности въ ней такихъ руководителей, какъ мои спутники, смѣло можно ручаться, что она, по духовно-нравственной сторонѣ своей жизни,—въ надежныхъ рукахъ. Лишь бы побольше было въ нашей деревнѣ такихъ руководителей!

Святскій.

Семейное разногласіе.

Знойный июльскій день склонился къ вечеру. Домочадцы о. Меодія, цѣлый день бывшіе въ разбродѣ, собрались на верандѣ къ вечернему чаю. Лѣтомъ въ семьѣ это—лучшій часъ, когда никому не нужно спѣшить на работу и можно собраться всѣмъ вмѣстѣ отдохнуть отъ дневныхъ хлопотъ, поболтать, а то и просто помолчать, любуясь на закатъ солнца, на высокія мѣловыя горы, теряющіяся гдѣ-то вдали, на тихій Донецъ, прижавшійся къ горамъ.

Ребятишки,—ихъ трое—мальчикъ и двѣ дѣвочки,—съ аппетитомъ уплетаютъ хлѣбъ съ масломъ, дѣлятся впечатлѣніями дня и планами на день предстоящій. Чѣмъ-то разстроенная, облокотивши на руку печальное лицо, возлѣ самовара сидитъ хозяйка дома Вѣра Петровна. Изрѣдка дѣлаеть она замѣчаніе расшалившимся дѣтямъ и снова погружается въ свою думу, что складкой залегла у нея между красиво изогнутыхъ бровей.

— А вотъ—и я,—вышелъ изъ комнату на балконъ, ласково улыбаясь, о. Меодій. Нажарился сегодня на солнцѣ вдоволь; слава Богу, что скоро и конецъ полевымъ работамъ. Давай-ка чаю, Вѣруша, обратился онъ къ женѣ.—Послѣ такой-то жары, кажется, цѣлый самоваръ осилить смогу.

— Большой, папа, самоваръ; одинъ всего не выпьешь, возразилъ мальчикъ.

— Ахъ ты, философъ: на словѣ отца ловишь,—потрепалъ о. Меодій мальчика по щекѣ. Не осилю самъ,—вы

поможете. А что, Женья, набѣгался сегодня всласть?.. Купался-то раза три?

— Четыре, папа,—заговорила старшая дѣвочка. А какого онъ намъ рака большущаго поймалъ! сердитый, пресердитый, а клешней все палецъ хочеть поймать.

Черезъ минуту мальчикъ притащилъ рака на столъ и тотъ, неувѣренно измѣряя незнакомую ему плоскость, какъ будто отъ удивленія тарачилъ на всѣхъ глаза.

— Гуляй, сынокъ, только и книжку не забывай; пора за ученье браться; скоро кончатся твои красные денечки.

— А что это ты, Вѣра, плохо выглядишь, здорова-ли? — съ заботливой нѣжностью спросилъ онъ жену.

— Здорова, только на душѣ что-то плохо.

Шумъ подъѣзжающаго экипажа на минуту прервалъ мирную семейную бесѣду; всѣ устремили глаза туда, гдѣ въ облакъ пыли приближались невидимые пока путешественники.

— Бабушка!..—радостно вскрикнулъ Женья, вихремъ сорвался изъ-за стола и помчался на встрѣчу экипажу. Мальчику нужно было многое успѣть: вскочить въ тарантасъ, поцѣловать бабушку, перебраться на козлы и, отобравъ возжи у кучера, лихо подкатить къ крыльцу на зависть трусливымъ сестренкамъ.

Вся семья вышла за ворота встрѣчать гостей.

— И дѣдушка пріѣхалъ,—захлопала въ ладоши отъ радости старшая дѣвочка.

Пріѣздъ стариковъ для дѣтей не лишень былъ многихъ пріятностей: игрушекъ, конфетъ и разныхъ домашнихъ печеній, на которыя мастерицей была бабушка.

— Вся тяжелая артиллерія и въ такую горячую пору— быть грозѣ,—подумалъ о. Меѳодій.

На дняхъ онъ имѣлъ крупный разговоръ съ женой,—рѣзкій, съ упреками, со слезами. Такія объясненія помнятся долгіе годы, оставляя въ душѣ горькій осадокъ. Впереди предстояло тоже объясненіе, съ той разницей, что теперь къ женѣ прибыло подкрѣпленіе, очевидно, ею вызванное.

Женившись на дочери мелкаго землевладѣльца, обѣднѣвшаго дворянина, о. Меодій никогда не чувствовалъ особой близости къ роднѣ своей жены. Старики неравнодушны были къ своему дворянскому происхожденію, любили поговорить о дворянскихъ традиціяхъ и заслугахъ, и хотя вслухъ этого не высказывали, въ душѣ все же были убѣждены, что для ихъ Вѣрочка могла быть болѣе достойная партія, чѣмъ о. Меодій, особенно теперь, когда хозяйственныя дѣла стариковъ замѣтно улучшились и банковская петля на ихъ маленькомъ имѣніи постепенно ослабѣвала. Внуковъ старики любили и баловали, особенно старшаго Женю. Бабушка находила, что внукъ походилъ на нее и этому обстоятельству очень радовалась.

Принужденность и натянутость чувствовалась съ самаго начала по прїѣздѣ гостей, но ее смягчали ребятишки, безъ умолку щебетавшіе со стариками, засыпавшіе ихъ цѣлымъ ворохомъ новостей изъ своей дѣтской жизни. Во время чая и ужина теща раза два уходила изъ-за стола и о чемъ-то шепталась съ дочерью. О. Меодія позвали крестить ребенка и онъ этому очень обрадовался: долго бесѣдовалъ съ кумовьями и крещеніе совершалъ медленнѣе, чѣмъ обыкновенно; непріятное объясненіе со стариками этимъ не отмѣнялось, но откладывалось; и это было пріятно.

Послѣ ужина дѣтей услали спать.

Взрослые съ балкончика перешли въ маленькій залъ. Въ отсутствіе дѣтей можно было начать разговоръ по больному вопросу, къ чему и приступилъ тещъ.

— Что же, зятюшка, Женю скоро думаете въ ученіе опредѣлить?

— Въ серединѣ августа, папаша.

— Куда рѣшили опредѣлить своего первенца?

— Въ духовное училище.

— А ты, Вѣра, тоже хочешь видѣть сына духовнымъ?

— Нѣтъ, папа, я прошу опредѣлить Женю въ гимназію; только съ моимъ желаніемъ Меѳодій не хочетъ считаться, — съ грустью отвѣтила молодая женщина.

— И я съ тобою согласна, Вѣра, — заговорила бабушка. Женя у васъ единственный мальчикъ: слѣдовало-бы открыть ему дорогу пошире. Что это за карьера быть сельскимъ священникомъ?..

— А чѣмъ намъ такъ уже плохо? Роскоши особой не видимъ, зато и нужды не знаемъ. Присмотритесь. какъ милліоны живутъ, какую нужду и тяготу терпятъ...

— А чѣмъ особенно мы лучше живемъ этихъ милліоновъ?—проговорила Вѣра Петровна. Будь искреннимъ, Меѳодій. Вспомни нашу жизнь, особенно первые годы, вспомни, сколько разъ передо мною заливался ты слезами отъ мужицкихъ оскорбленій, униженій всякихъ, подвоховъ своего же брата — благочиннаго и всякихъ несправедливостей?.. Не самъ-ли ты говаривалъ, что наше сословіе—самое безправное, гдѣ есть только обязанности и никакихъ правъ, что всякій мужикъ, писарь, урядникъ—надъ тобою начальникъ, зольный помыкать тобою: любить и миловать, гнѣваться и доносить. Развѣ не правъ нашъ старикъ дьячекъ, когда сказалъ: „у насъ, у духовныхъ, чтò ни шагъ, то преступленіе: взялъ за требу лишній пятакъ—преступленіе; отвѣтилъ на грубость рѣзко—преступленіе; уѣхалъ за 5—10 версть безъ спросу—преступленіе“...

— Зачѣмъ ты, Вѣра, обобщаешь то, что было сказано когда-нибудь въ минуты скорби или упадкадуха, и отчего не видишь и хорошаго въ нашей жизни, а оно вѣдь есть. Есть радость въ трудѣ нашемъ, въ молитвѣ, въ близости къ людямъ, въ ласкѣ, какую порою проявляютъ ко мнѣ съ виду грубые мужики...

— Можетъ быть, о. Меѳодій, — горячо запротестовала геща, — вы и нашли свои радости въ этомъ глухомъ болотѣ, только не могу сказать этого о своей дочери. Развѣ вы не видите, какъ измучена моя Вѣрочка, какъ она похуѣла,

поблѣднѣла; ни свѣту, ни радости и ничего за долгіе годы не видитъ, кромѣ корявыхъ мужиковъ. Не такой доле я хотѣла для своей дочери...

— Послѣ двѣнадцати лѣтъ нашей семейной жизни съ Вѣрой, что говорить объ этомъ, мамаша?.. Говорено много разъ; вы только лишній разъ разстраиваете ее. И далеко мы ушли отъ нашей темы: говорили о томъ, куда Женю опредѣлить...

— Только не въ духовные... Пока я стояла вдали отъ жизни духовенства, она казалась мнѣ сносною... Соблазняли и примѣры болѣе удачливыхъ изъ священниковъ, сумѣвшихъ хорошо устроиться; теперь не то,— я вѣдь все знаю: что и не хватаетъ вамъ часто на самое необходимое, и долги вы дѣлаете, и болѣть вамъ душой не разъ приходится, пока вы тотъ несчастный грошъ заработаете... Одинъ способъ обезпеченія духовенства чего стоитъ!.. Это собраніе пяточковъ, хлѣба,—простите меня,—но это—нищенство, пусть и привилегированное... Вы забыли, а я помню,—мнѣ дочь рассказывала,—какъ вы со слезами приносили ей свои первые копеечные заработки и говорили, что они вамъ руки жгли... Теперь вы къ этому привыкли, обтерпѣлись и забыли свои первыя впечатлѣнія...

— Вы опять на упреки перешли, мамаша...

— Нѣтъ, я рисую вашу долю, какъ она есть. безъ прикрасъ; хочется убѣдить васъ не обречать сына на ту жизнь, на какую вы сами не разъ жаловались, да только позабыли свои жалобы...

— Ничего я не забылъ, а только осмыслилъ то, чего прежде по молодости не понималъ. Пятачки, о которыхъ вы говорили, меня уже не смущаютъ и я ихъ вовсе не стыжусь. Я тружусь и трудъ мой люди оплачиваютъ, какъ могутъ,—свободно и безъ принужденія. Любезные вашему сердцу люди свободныхъ профессій тоже получаютъ свои пятачки, только изъ лучшаго металла, и часто не справляясь съ состояніемъ кармана оплачивающаго ихъ трудъ. Не сами-ли

вы бранились, рассказывая, сколько у васъ доктора денегъ повытянули, пока операцію вамъ сдѣлали... У насъ это дѣло поставлено и проще и милосерднѣе въ нѣсколько разъ..

Въ разговоръ снова вступилъ тесть.

— Вы, о. Меодій, все больше дамскія возраженія опровергаете. А какія же у васъ положительныя основанія отдавать сына непременно въ духовные?.. Мнѣ какъ-то не приходилось говорить съ вами объ этомъ..

— Люблю я, папаша, свое служеніе, свое дѣло и нѣтъ, по моему убѣжденію, ничего выше его, а разъ такъ, то я и сына своего хочу повести по той же дорогѣ. Мнѣ всегда фальшивыми казались рѣчи тѣхъ моихъ собратьевъ, что на словахъ высоко ставятъ пастырство, а дѣтей своихъ шлютъ въ гимназіи да реальныя училища: такъ и хочется сказать имъ: служеніе—служеніемъ и пастырство—вещь высокая, но и пирожокъ сладкій въ жизни—вещь для васъ не пустая... Есть у меня и мотивы личные... Мое прошлое горькое дѣтство я отъ васъ и Вѣрочки и женихомъ не скрывалъ: за нихъ, за мою горькую долю она, можетъ быть, когда-то и полюбила меня. Отъ отца насъ осталось пятеро, да мѣшокъ съ книгами,—все остальное продали и скоро съѣли,—да еще пособія отъ епархіальнаго попечительства три рубля въ мѣсяць; при всемъ томъ, мы и съ голоду не умерли, и въ люди всѣ повышли. Такъ вотъ, за то, что меня, голоднаго оборвыша, когда-то духовная школа приняла, обогрѣла, какъ могла, выростила и 11 лѣтъ проучила, долженъ я къ ней кое-какое уваженіе и благодарность питать или нѣтъ?..

— Все это дѣлаетъ вамъ честь; только неужели вы своимъ личнымъ трудомъ и службой не отблагодарили еще свое вѣдомство?

— Не вѣдомство, папаша, а Церковь...

— Пусть и Церковь... Такъ ужели Церковь можетъ требовать, чтобы вы ей въ благодарность сына приносили въ жертву и въ семью разладъ вносили?..

— По вашему тутъ, можетъ быть, и есть жертва, а я ее не вижу.

— Какъ же это иначе назвать? Съ дѣтскихъ годовъ вы предрѣшаете всю жизнь своего сына, закрываете предъ нимъ всѣ дороги, кромѣ духовной.

— Вовсе нѣтъ. Послѣ семинаріи, если ему наша дѣятельность будетъ не по сердцу, Женья можетъ выбрать и свѣтскую дорогу, или идти въ высшее учебное заведеніе. Гдѣ, въ какихъ вѣдомствахъ нѣтъ теперь семинаристовъ?.. И для высшей школы особыхъ препятствій не будетъ: разница программъ средней духовной и свѣтской школы не такъ уже велика, и непреодолима она только для тупицъ и круглыхъ лѣнтаевъ; для труда и таланта всегда всѣ дороги открыты...

— Можетъ случиться и худшее: окончитъ вашъ сынъ семинарію, пойдетъ по проторенной дорожкѣ во священники, а на второй—третій годъ почувствуетъ, что служба не по немъ, что у него къ ней никакого призванія нѣтъ; изломана будетъ жизнь человѣка...

— Призваніе... Доселѣ еще ни одинъ ученый психологъ не опредѣлилъ, что такое призваніе и въ чемъ его признаки. Полагаю только, что часто оно не передъ трудомъ или работой является, какъ готовое, а вырабатывается и воспитывается въ трудѣ, какъ любовь къ нему. Помнишь, Вѣра, какимъ я въ семинаріи былъ, какъ отплясывалъ у васъ на вечеринкахъ въ гимназій и, крадучись, провожалъ тебя на спектакли въ городской театр. И никакого я въ то время призванія къ священству не чувствовалъ; никогда о немъ серьезно даже не думалъ. А сталъ священникомъ, взялся за службу Богу и пастырское свое дѣло полюбилъ, такъ что теперь ни за какія богатства и славу міра не сбросилъ-бы своей рясы. Правду сказать, въ семинаріи намъ мало говорили о томъ, къ чему мы готовимся, и не слышно было горячаго призыва на тернистый пастырскій трудъ; а дома я росъ безъ отца, безъ руки, которая-бы меня твердо повела на тотъ путь,

какой я, безъ необходимой серьезности, почти случайно. избралъ, и любовь къ нему только послѣ нашѣлъ. Такъ ужели же мнѣ Богъ не поможетъ вести сына со ступеньки на ступеньку къ пастырству и вдохнуть и передать ему любовь къ моему служенію. Церкви Божіей, къ православному люду... Я глубоко вѣрю въ эту помощь и напрасно вы будете тратить лишь слова да разстраивать себя и меня—не убѣдите вы меня...

Сухо простылись старики съ зятемъ, уходя на покой и осуждая въ душѣ его упрямство; а жена, оставшись наединѣ, сдѣлала еще попытку переубѣдить мужа.

— Съ своей точки зрѣнія ты, Меодій, и правъ, но черства и эгоистична твоя правда: насъ большинство,—папа, мама, я,—имѣемъ мы право голоса въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ судьба Жени, а ты съ нашимъ желаніемъ вовсе не хочешь считаться.

— Дѣло касается больше насъ съ тобою, Вѣра; наши голоса равные; отчего же непременно я долженъ уступить?..

— Мама сказала, что сама будетъ платить за Женью въ гимназін; можетъ быть, вамъ, говорить, трудно будетъ содержать въ ней сына...

— За это спасибо ей; только я еще и самъ въ силахъ заработать на воспитаніе мальчика. Какъ мама не пойметъ только, что не въ деньгахъ тутъ дѣло!..

Жена ближе подсѣла къ мужу и, ласково глядя ему въ глаза, тихо сказала:

— Меодій, милый, голубчикъ мой родной, ради всего святого, ради любви моей къ тебѣ, пожалѣй Женью, не разбивай ему жизненную карьеру.

Женщина ловила руки мужа и покрывала ихъ пощелуями.

— Вспомни, что и я приносила тебѣ кое-какія жертвы. Я такъ любила общество, людей, веселье; ты постепенно отучилъ меня отъ нихъ. Хозяйства я не любила, кухни

также, изъ любви къ тебѣ я взяла на себя этотъ трудъ. Десять лѣтъ я помогаю тебѣ въ школѣ, а порою мнѣ такъ хотѣлось-бы часокъ-другой посвятить себѣ, подумать, почитать, поиграть; и такъ во всемъ, даже въ мелочахъ, изъ которыхъ состоитъ бѣлая часть жизни...

— Все это я вижу, Вѣра, и глубоко цѣню, но прости меня, рѣшенія относительно Жени я не могу перемѣнить...

Съ трудомъ сдержала себя молодая женщина, чтобы не разрыдаться. Опустивъ голову и не глядя на мужа, тихо поплелась она въ комнату, гдѣ спали дѣти. Мерцавшая въ дѣтской лампадка съ зеленымъ стекломъ слабо озаряла уголокъ съ иконами и ближайшую кровать, гдѣ спалъ Жени. Въ ногахъ у мальчика, свернувшись клубкомъ, спалъ его любимецъ и баловень—толстый котъ. Утомленный за день бѣготней, мальчикъ сладко спалъ, раскинувъ широко руки и во снѣ чему-то улыбался; онъ былъ счастливъ, такъ какъ не зналъ вопросовъ о призваніи, карьерѣ, о семейномъ согласіи, которое изъ-за него нарушалось. Мать наклонилась надъ сыномъ и поцѣловала его такъ порывисто и крѣпко, что мальчикъ зашевелился; и долго еще стояла надъ нимъ мать и молилась на образа, а крупныя слезинки съ материнскаго лица падали на бѣлую подушку, на взъерошенные волосы мальчика.

Священ. В. Пестряковъ.

**Современный эволюціонизмъ и христіанство въ
рѣшеніи вопроса о происхожденіи религіи въ
родѣ человѣческомъ.**

(Продолженіе ¹⁾).

Что сказать по поводу какъ будто простаго, но вмѣстѣ
съ тѣмъ и такъ противорѣчащаго христіанству ученія эво-
люціонистовъ о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ?

¹⁾ См. № 38 за 1911 г.

Можно ли признать эволюціонный взгляд на религію правильнымъ и, ставши на его точку зрѣнія, выбросить за бортъ все христіанское ученіе о происхожденіи религіи отъ Бога? По выраженію Геккеля, ученіе о развитіи есть таранъ противъ христіанскаго міровоззрѣнія или „главное орудіе въ тяжелой монистической артиллеріи противъ христіанства“¹⁾. Думается, однако, что эволюціонисты заходятъ ужь слишкомъ далеко. Увлечшись своей тенденціозной теоріей, они примѣняютъ ее рѣшительно ко всѣмъ фактамъ и явленіямъ человѣческой жизни и особенно къ вопросамъ религіи и нравственности, втайнѣ надѣясь ниспровергнуть христіанское міровоззрѣніе своей слабо обоснованной гипотезой. Но напрасно: это имъ не удастся и не удастся никогда. Человѣкъ хоть сколько-нибудь непредубѣжденный, не зараженный тенденціями эволюціонизма, сразу же замѣтитъ всю несостоятельность эволюціонной точки зрѣнія на происхожденіе религіи. Серьезный историко-психологическій анализъ тѣхъ основаній, на которыхъ думаетъ опереться эволюціонизмъ въ своемъ ученіи о религіи, приведетъ его къ тому убѣжденію, что такую точку зрѣнія примѣнять къ вопросу о происхожденіи религіи нельзя въ виду противорѣчія и фактамъ опыта, и даннымъ исторической науки. И пусть себѣ эволюціонная теорія въ угоду ея ярымъ защитникамъ остается „тяжелой артиллеріей противъ христіанства“: ей никогда не побѣдитъ его, ибо эта артиллерія, сама того не замѣчая, посылаетъ своему противнику „холостые заряды“.

Въ самомъ дѣлѣ, эволюціонисты основали всѣ свои сужденія о религіи на Дарвиновой теоріи о происхожденіи человека отъ животнаго и на вытекающемъ отсюда, предположеніи о животномъ состояніи первобытнаго человека. Но можно ли считать безспорнымъ фактомъ это пресловутое ученіе, надѣлавшее столько шуму въ ученомъ мірѣ? Можно ли считать без-

¹⁾ Э. Васманъ. „Неодарвинизмъ и христіанство“ перев. съ нѣмецк. С. Троицкаго, СПБ. 1907 г., стр. 15.

порно установленнымъ фактомъ то предположеніе, что первобытный человекъ произошелъ отъ обезьяны и въ своемъ первобытномъ состояніи ничѣмъ существенно не отличался отъ животнаго? Мы слишкомъ бы удалились отъ главной своей задачи, если бы для разрушенія горделиваго притязанія Дарвина рѣшились подвергнуть критикѣ его теорію и изложить многочисленные взгляды безпристрастныхъ ученыхъ всего міра, которые оказываются неудобоваримыми для защитниковъ дарвинизма. Ихъ много, очень много этихъ корифеевъ естествознанія¹⁾. Эти личности имѣютъ для насъ очень важное значеніе. Они живыми примѣрами предостерегаютъ насъ отъ увлеченія дарвинизмомъ. Они какъ бы говорятъ намъ: „вотъ мы всю жизнь свою провели въ области естествознанія; на этомъ поприщѣ мы прославились; насъ награждали орденами, дѣлали членами академій, преклонялись предъ нами; но мы, несмотря на модный духъ дарвинизма, увѣренно говорили, что теорія о происхожденіи человека отъ животнаго не можетъ быть признана научно-состоятельною, смѣло заявили предъ учеными всего міра, что человекъ въ послѣдовательномъ ряду существъ, но превосходству своей организаціи, выражающейся главнымъ образомъ въ исключительной высотѣ его духовныхъ способностей, занимаетъ высшее и притомъ обособленное положеніе“²⁾. Такъ само же естествознаніе въ лицѣ своихъ безпристрастныхъ представителей, не менѣе ученыхъ, чѣмъ Дарвинъ и его послѣдователи, ниспровергаетъ доводы и аргументы эволюціонистовъ въ пользу происхожденія религіи изъ низшихъ и второстепенныхъ формъ „психики“, общихъ человеку и животному. Никогда изъ животнаго не могъ развиваться человекъ. Пусть въ біологическомъ отношеніи человекъ и является организованнымъ по тѣмъ же

¹⁾ Таковы, между прочимъ, Карпфажъ, К. Э. Бэръ, Гербертъ, Надайкакъ, Флейшманъ, Равке, Кольманъ, Дришъ, Дж-Буа-Реймонъ, Вирховъ, Данилевскій, Страховъ, Коржинскій и др.

²⁾ Э. Петри. Антропология, стр. 70.

законамъ, какъ и другія органическія существа, пусть даже и въ нѣкоторыхъ жизненныхъ проявленіяхъ онъ подлежитъ тѣмъ же законамъ, что и міръ животныхъ, но своею духовною стороною онъ противостоитъ природѣ и міру животныхъ, какъ начало новаго бытія. Это вполне подтверждается и библейско-христіанскимъ ученіемъ о твореніи человѣка. Все, кромѣ человѣка, Богъ творитъ изъ ничего, однимъ Своимъ словомъ; но предъ сотвореніемъ человѣка происходитъ „совѣщаніе Божіе“¹⁾, а самое сотвореніе совершается не однимъ словомъ, но сопровождается дѣйствіемъ²⁾. Всѣмъ этимъ наглядно выражается идея о важности творенія и несравненномъ превосходствѣ человѣка предъ всѣми другими тварями; въ особеннсти же идея превосходства человѣка выражается въ сотвореніи его по образу и по подобию Божію³⁾, которые даны единственно только человѣку. Всѣ преимущества человѣка предъ животными связаны именно съ „образомъ Божіимъ“ или съ душою, въ которой начертанъ образъ Божій; душа сообщается человѣку непосредственно отъ Бога, какъ бы вдыхается въ него Богомъ или изводится изъ Бога въ человѣка. И эта душа, вдохнутая Богомъ, возвышаетъ человѣка надъ природой и препятствуетъ ему существовать въ качествѣ простой составной части природы, каковою являются животныя, дѣлая его членомъ міра сверхчувственного—неба.

Если такъ, то можно-ли сказать вслѣдъ за эволюціонистами, что человѣкъ, какъ разившійся изъ животного, перенялъ отъ послѣдняго и религію? Эволюціонисты въ защиту своей тенденціозной теоріи происхожденія религіи любятъ рассказывать и приводить очень много случаевъ изъ области такъ называемой „душевной“ жизни животныхъ; при этомъ они приписываютъ животнымъ нерѣдко такія качества, такія способности и добродѣтели, какія не всегда, пожалуй, можно

¹⁾ Быт. 1. 26.

²⁾ Быт. 2. 7.

³⁾ Быт. 1. 26—27.

встрѣтить и у людей. Конечно, мы не можемъ обойтись безъ допущенія такъ называемой „душевной“ жизни животныхъ. Но какъ далеко она простирается? Она ограничивается только сферой чувственнаго. Чувственное воспріятіе, связь этихъ воспріятій другъ съ другомъ, воспоминаніе, видоизмѣненіе дѣятельности подѣ влияніемъ чувственнаго опыта.— вотъ въ существенномъ все то, что называютъ „душевною“ жизнью животныхъ по познавательной сторонѣ. Ею инстинктивныя дѣйствія животныхъ приводятся въ движеніе и цѣлесообразно руководятся въ жизненныхъ проявленіяхъ. Легко видѣть, что такая „душевная“ жизнь животныхъ не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣми высокими духовными началами, изъ которыхъ развивается религіозное сознаніе человѣка. Особенностью человѣческой души является то, что человѣкъ образуетъ понятія, дѣлаетъ изъ нихъ общія заключенія и, благодаря разуму, можетъ возвышаться надъ отдѣльными явленіями. На этомъ, и только на этомъ основываются науки, искусства, нравственность, религія и т. под., чего мы не находимъ и никогда не найдемъ у животныхъ. Правда, въ жизни животныхъ мы встрѣчаемъ самыя незначительныя аналогіи въ этомъ отношеніи, раздуваемые эволюціонистами до дѣйствительнаго сходства. Мы находимъ, напр., у животныхъ нѣкоторыя инстинктивныя дѣйствія, напоминающія о человѣческой привязанности родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ и мужей къ женамъ. Но нужно имѣть слишкомъ много отваги и презрѣнія къ дѣйствительности, нужно слишкомъ увлечься односторонними принципами эволюціонизма, чтобы эти инстинктивныя проявленія у животныхъ отождествлять съ чувствами человѣческими и класть въ основу религіозныхъ проявленій человѣка. — „Какъ инстинктивныя только дѣйствія, справедливо говорить прот. Буткевичъ, они не способны къ постоянному и постепенному развитію. Они вызываются инстинктами и прекращаются, какъ только удовлетворены инстинкты; никакого дальнѣйшаго движенія, въ смыслѣ, напр., развитія религіозной жизни, они обуславливать не могутъ. Такъ, самка животныхъ

слѣпо привязана къ своимъ дѣтенышамъ, пока ихъ выкормить, но когда для ихъ дальнѣйшей физиологической жизни она оказывается не нужною, ея „родительская любовь“ прекращается навсегда: мать и дѣти становятся чужими и очень часто, по требованію инстинкта самосохраненія, вступаютъ во враждебныя отношенія между собою“¹⁾. Въ этомъ и состоитъ истинное различіе между инстинктивными дѣйствіями животныхъ и религіозными влеченіями человѣка: здѣсь то и находится глубокая непроходимая пропасть между ними, исключающая всякую возможность какого-бы то ни было развитія одного изъ другого. Никогда животное не развивало изъ себя самаго понятій о долгѣ, о любви, о сверхчеловѣческой силѣ въ противоположность инстинктивнымъ стремленіямъ своей природы. Никогда не удастся эволюціонистамъ развить въ немъ понятія о небѣ, о другомъ, духовномъ мірѣ, о Божествѣ. Никогда ни одно животное не научатъ они молиться. Нѣтъ никакой религіи у обезьянъ, не можетъ быть никакой нравственности у слоновъ: ихъ можно дрессировать, но никому не придетъ на умъ, что воспитаніемъ можно развить у нихъ дѣйствительно духовную жизнь, духовную самостоятельность, свободу и творческую силу, какъ бы высоко не ставили эволюціонисты ихъ „душевную“ жизнь въ иныхъ отношеніяхъ. Никогда животное не можетъ стать выше своей природной основы: оно не имѣетъ никакой религіозной жизни, религіозной исторіи, оно навсегда и останется не вмѣющимъ религіи произведеніемъ природы. Все это зависитъ исключительно отъ того, что оно не имѣетъ богоподобной души и не обладаетъ чрезъ это религіозною способностью. Напротивъ, человѣкъ, стоящій даже на самой низкой ступени развитія, обладаетъ способностью достигнуть такой же религіозной жизни, какой достигаетъ культурный европеецъ. Не видимъ ли мы постоянно, что самый послѣдній изъ дикарей, получивши наставленіе

¹⁾ Прот. Т. Буткевичъ. „Религія, ея сущность и происхожденіе“ т. I, Харьк. 1902 г., стр. 149; см. также стр. 230.

отъ миссіонеровъ, съ самыхъ низшихъ ступеней сущевія поднимается на самую высшую ступень религіозной жизни. Противъ этого спорили, но это подтверждается фактами. Это призналъ и Дарвинъ, когда узналъ, какая перемена произошла въ жителяхъ Огненной Земли подъ вліяніемъ христіанской миссіи. Эта способность человѣка—развивать свой духовный міръ есть нѣчто совершенно новое въ ряду способностей другихъ существъ; она, какъ доказываютъ факты, представляетъ непреходимую пропасть между человѣкомъ и животнымъ; влѣдствіе этого оба они различаются между собою не по степени только, какъ хотѣлось бы Геккелю и прочимъ эволюціонистамъ, но и принципиально. Вотъ почему рѣшительно должна быть отвергнута та точка зрѣнія эволюціонистовъ, по которой религіозное чувство развилось изъ низшихъ и простѣнненыхъ формъ „психики“, общихъ человѣку и животному. Слишкомъ очевидна громадная разница между человѣкомъ и животнымъ въ психическомъ отношеніи, слишкомъ возвышается даже „минимумъ“ духовной жизни человѣка надъ „душевными“ проявленіями животныхъ, чтобы можно было осмѣлиться искать корни религіи у животныхъ. Это признаютъ даже матеріалисты. Фейербахъ, котораго можно назвать рациональникомъ германскаго матеріализма, на первыхъ страницахъ своего сочиненія „Сущность христіанства“ говорить, что религія есть принадлежность только одного человѣка, что она составляетъ существенное различіе между человѣкомъ и животнымъ и что такъ называемая „животная“ религія есть пустая басня, мечта праздной фантазіи. Не даромъ, вѣдь, такой горячій поклонникъ дарвинизма и защитникъ ученія о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, какъ англійскій ученый Альфредъ Р. Уоллесъ, когда начинаетъ разсуждать о духовныхъ дарованіяхъ человѣка, то для происхожденія ихъ ссылается на причины „высшаго“ порядка, рождающіяся отнюдь не изъ животныхъ инстинктовъ. При этомъ англійскій натуръ-философъ приводитъ слова Гете „о

всякой продуктивности высшего порядка, возвышающейся надъ всѣмъ земнымъ" 1).

Такъ шатко и ненадежно то основаніе, на которомъ эволюціонисты задумали построить свое ученіе о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ. Естественно, поэтому, должно рушиться и воздвигнутое ими зданіе—ихъ ученіе. Это и случится, если читатель хоть сколько-нибудь вникнетъ въ смыслъ эволюціоннаго ученія о происхожденіи религіи. Защитники механической эволюціи человѣка считаютъ идею о Богѣ за естественный продуктъ человѣческаго мышленія и объясняютъ происхожденіе этой идеи или вліяніемъ космическихъ силъ, или результатомъ наблюденія надъ явленіями психической жизни. Обратимся прежде къ тому самому опыту, на который такъ любятъ ссылаться эволюціонисты. Что онъ говоритъ намъ? А опытъ говоритъ намъ то, что человѣкъ *религіозенъ по природѣ*, что религіозное сознаніе предваряетъ всякое другое сознаніе, что идея о Богѣ есть необходимый *præius* всякаго сознанія вообще 2). Представимъ себѣ, разыгравшуюся бурю и пораженнаго ею зрѣлищемъ человѣка. Спрашивается, что именно происходитъ въ его душевномъ состояніи? Его душевное состояніе мы можемъ разложить на слѣдующіе три момента:

1. Возврѣніе: громъ и молнія.
2. Чувство: страхъ въ виду угрожающей опасности.
3. Воля: побужденіе къ отысканію защиты.

1) Объ этомъ см. у Steude. „Die Monistische Weltanschauung. Gütersloh. 1898 г. стр. 87—90.

2) А. Введенскій, „Религіозное сознаніе язычества“, т. I, стр. 34.

3) Прот. Е. Аквилоновъ, Научно-богословское самооправданіе христіанства, стр. 186—188.

Этимъ дѣло и ограничилось бы, если бы человекъ, согласно теоріи эволюціонистовъ, представлялъ изъ себя существо, развившееся изъ своихъ обезьяно-подобныхъ предковъ и если бы у него а priori совершенно не было зачатковъ религіозной идеи. Въ самомъ дѣлѣ, в безсловесному животному до извѣстной степени свойственны нѣкоторыя, хотя и неясныя чувствованія, порождаемыя вышеупомянутымъ зрѣлищемъ разыгравшейся бури. Но у человека, у этого „религіознаго животнаго“, какъ выразился о немъ св. Климентъ Александрійскій, съ вышеуказаннымъ рядомъ чувствованій соединяется еще и другой рядъ совершенно особаго рода:

1. Воззрѣніе: гнѣвающійся Богъ.
2. Чувство: страхъ предъ Нимъ.
3. Воля: требованіе примиренія съ Нимъ.

Этотъ второй рядъ чувствованій слѣдуетъ непосредственно за первымъ, но возникаетъ одновременно съ внѣшнимъ впечатлѣніемъ. Какъ же произошелъ этотъ послѣдній рядъ чувствованій? Откуда взялся онъ? Эволюціонизмъ отвѣтитъ, что его породили внѣшнія чувства, а именно въ данномъ случаѣ — страхъ. Но этого никоимъ образомъ сказать нельзя, потому что гнѣвъ Божій отнюдь не можетъ быть названъ принадлежащимъ молніи свойствомъ. Поэтому, съ грозой можетъ рождаться въ человекѣ удивленіе предъ величіемъ Божества и радость по поводу избавленія отъ опасности въ такой же мѣрѣ, какъ и страхъ. Затѣмъ, впечатлѣнія второго ряда чувствованій не могли также произойти и изъ внутренняго воспріятія, потому что они соединены съ непоколебимою увѣренностью въ томъ, что гнѣвъ Божій представляетъ собою не менѣе реальную, лежащую за предѣлами субъективнаго духа дѣйствительность, чѣмъ видимая молнія. Кромѣ того, разсматриваемыя впечатлѣнія имѣютъ еще слѣдующую особенность: они относятся къ такому Существу, Которому принадлежатъ признаки безусловности и совершенства. — „Слу-

чаевъ изъ ежедневной жизни,—говорить прот. Е. П. Аввилоновъ,—подобныхъ приведенному, безчисленное множество. Въ нихъ наблюдается слѣдующая общая черта: по поводу извѣстныхъ явленій природы, различныхъ историческихъ событій, житейскихъ происшествій и настроеній и т. д. человѣческій духъ воспаряетъ въ сверхъестественный мѣръ¹⁾. Психологическій анализъ показываетъ, что это влеченіе духа въ сверхъестественныя области совершается не подъ влияніемъ и рефлексіей внѣшнихъ воздѣйствій. Нѣтъ—внутреннее побужденіе къ такому полету духа человѣкъ имѣетъ въ самомъ же духѣ, въ глубинахъ богоподобной природы души, естественно тяготеющей къ своему Первообразу. Точно также, въ силу того же внутренняго побужденія духа, поступали и первобытный человѣкъ, когда сталъ обоготворять различные предметы и явленія природы. Если первобытный человѣкъ сталъ обоготворять тѣ предметы и явленія природы, которые такъ или иначе вмѣшивались въ его жизнь, помогая или вредя ему, то этимъ показывается совѣмъ не то, что первобытный человѣкъ подъ влияніемъ этихъ вмѣшивающихся въ жизнь его предметовъ и явленій природы *дошелъ до сознанія* сверхъестественной силы, а только то, что онъ, предоставленный собственнымъ силамъ, присущую его душѣ идею о Богѣ *переносилъ* на видимые предметы и явленія и поэтому, естественно, *обоготворялъ* ихъ²⁾. Иное дѣло, если бы эволюціонисты доказали, что религія не имѣла и не могла имѣть никакого другого источника, кромѣ указываемаго ими, и что на зарѣ своего существованія человѣчество не имѣло совѣмъ никакой религіи. Правда, эволюціонисты въ защиту своей теоріи съ особенною настойчивостью утверждаютъ фактъ безрелигіознаго состоянія первобытнаго человѣчества. Правда,

¹⁾ Прот. Аввилоновъ. Научно-богословское самооправданіе христіанства, стр. 188.

²⁾ Именно обоготворялъ, а не обожествлялъ, т. е. видѣлъ въ нихъ не Само Божество, а лишь Его проявленія или видимыя воплощенія.

они утверждают, что даже в настоящее время существуют дикари, которые находятся будто бы еще в животно-подобном состоянiи и у которыхъ нѣтъ никакой религіи. Таковы, говорятъ, ведды, обитающіе на островѣ Цейлонѣ, аиносы, живущіе въ сѣверной Японіи и на южныхъ Курильскихъ островахъ, и др. Но такія утвержденія ихъ голословны: для подтвержденія указываемыхъ ими фактовъ эволюціонисты не представляютъ ровно никакихъ доказательствъ, да и представить ихъ не могутъ, такъ какъ религія, по свидѣтельству исторіи, есть фактъ изначальный и универсальный. И замѣчательно,—тогда какъ одни изъ эволюціонистовъ упорно отстаиваютъ свое мнѣніе о безрелигіозномъ состоянiи первобытнаго человѣка, другіе, повидному, склонны считать это мнѣніе измышленіемъ эволюціонизма. Такъ, англійскій, эволюціонистъ Тэйлоръ въ угоду своей эволюціонной теоріи допускаетъ, что существованіе безрелигіознаго народа „теоретически возможно и можетъ быть фактически вѣрно“, но ученая добросовѣстность вынуждаетъ его сознаться въ томъ, что въ настоящее время такого народа нѣтъ. — „Нѣтъ ни одного народа, говоритъ Тэйлоръ, которому не было бы присуще такое или иное представленіе о высечувственномъ“¹⁾. Эволюціонистъ Пешель говоритъ тоже: „Если мы поставимъ себѣ вопросъ, было ли найдено гдѣ-либо и когда либо на землѣ какое либо человѣческое племя безъ религіозныхъ настроеній и представленій, то на него нужно отвѣтить безусловно отрицательно. На каждой ступени своего духовнаго развитія человѣкъ чувствуетъ *побужденіе*²⁾ для каждаго явленія какой-либо дѣятельности и для каждаго событія находить виновника“³⁾. И если мы обратимся къ исторіи, то, дѣйствительно, увидимъ, что никогда не было и нѣтъ въ

¹⁾ Э. Тэйлоръ, Первобытная культура, т. II, стр. 2, 3, 6—сравни у Спенсера, Основанія социологіи выш. VI, стр. 17.

²⁾ Den Drang.

³⁾ Peschel, Völkerunde, стр. 273.

настоящее время ни одного народа, который въ той или другой формѣ не обнаруживалъ бы своихъ религіозныхъ вѣрованій и представленій, который не имѣлъ бы религіи. Даже жалкіе дикари, обитающіе на уединенныхъ австралійскихъ островахъ, изолированные отъ вліянія всѣхъ другихъ народовъ, какъ цивилизованныхъ, такъ и нецивилизованныхъ, оказались имѣющими религію. Кто рѣшился назвать обезьяну прародителемъ всего человѣчества, тотъ, конечно, никогда не найдетъ у дикарей никакихъ слѣдовъ религіи, потому что, по признанію всѣхъ, религія, какъ высшая форма обнаруженія жизни и дѣятельности человѣческаго духа, есть самый существенный и самый отличительный признакъ человѣка, выдѣляющій его изъ ряда прочихъ неразумныхъ тварей. Но если исторія въ лицѣ своихъ безпристрастныхъ антропологовъ, этнографовъ, лингвистовъ и археологовъ утверждаетъ, что религію имѣютъ дикари, стоящіе на самой низшей ступени умственнаго развитія и, по теоріи эволюціонистовъ, наиболѣе приближающіеся къ животнымъ, то не ясно ли, что эволюціонизмъ не имѣетъ подъ собою никакой почвы, не ясно ли, что для спасенія своей теоріи происхожденія религіи онъ принужденъ прибѣгать къ очевиднымъ натяжкамъ и безапелляціоннымъ искаженіямъ историческихъ фактовъ? Отсюда то и вытекаетъ то странное самопротиворѣчіе, въ которое, самъ того не замѣчая, впадаетъ эволюціонизмъ: одни защитники его, какъ мы видѣли, согласны признать фактъ всеобщности и изначальности религіи, а другіе, провидя въ этомъ признаніи крушеніе своей излюбленной доктрины, утверждаютъ съ пѣною у рта фактъ безрелигіознаго состоянія нѣкоторыхъ современныхъ дикарей. Отсюда уже эволюціонисты дѣлаютъ заключеніе о безрелигіозномъ состояніи и далекаго отъ насъ первобытнаго человѣчества. Но можно ли такъ поступать? Допустимъ на минуту, что нѣкоторые современные намъ дикари дѣйствительно не имѣютъ никакой религіи. Позволительно ли заключать отсюда, что и доисторическій первобытный человѣкъ тоже долженъ

былъ не имѣть религіи? Позволительно ли характеризовать сокрытую отъ насъ въ глубинѣ доисторическихъ временъ духовную жизнь подлинно первобытнаго человѣчества чертами, заимствованными изъ его позднѣйшей исторіи? Въ этомъ и гибель эволюціонной теоріи, что она вся основана на отождествленіи дикаря съ первобытнымъ доисторическимъ человѣкомъ. Если бы было доказано, что этотъ подлинно первобытный человѣкъ былъ совершенно подобенъ позднѣйшему эмпирическому человѣку, котораго знаетъ исторія, то дѣлать подобно эволюціонистамъ умозаключенія еще было бы возможно. Но когда самыя древнія изъ историческихъ свидѣтельствъ принадлежатъ далеко не первобытнымъ временамъ, когда за тѣми временами, о которыхъ сохранились историческія воспоминанія, находится еще цѣлая эпоха доисторической жизни, то всякія заключенія и выводы о ней на основаніи сохранившихся историческихъ свѣдѣній, очевидно, не будутъ имѣть большой, чтобы не сказать вовсе никакой, цѣнности. Извѣстный берлинскій профессоръ Дильтей, говоритъ: „Внутренній міръ людей того періода, который въ отличіе отъ доисторическаго можно было назвать долитературнымъ, т. е. людей періода, изъ котораго до насъ не сохранилось поэтическихъ созданій, совершенно ускользаетъ отъ историческаго воссозданія, и если Леббокъ пытается путемъ умозаключенія установить, что всѣ народы нѣкогда пережили стадію атеизма, т. е. совершеннаго отсутствія религіозныхъ представленій какого-бы то ни было рода, или если Спенсеръ утверждаетъ, что религія выросла изъ идей объ умершихъ, то все это лишь оргіи пренебрегающаго границами познанія эмпиризма, ибо на пограничныхъ пунктахъ исторіи можно только мечтать, точно такъ же, какъ и на всякомъ другомъ пограничномъ пунктѣ опыта“¹⁾. Самъ Спенсеръ открыто признаетъ, что

¹⁾ Deltey... „so sind die etie Orgin eines die Grenzen des Erkennes missachtenden Empirismus.“ (см. у А. Введенскаго, Религіозное созваніе язычества т. I, стр. 134.

разница между дикаремъ и первобытнымъ человѣкомъ можетъ быть очень велика.—„Есть причины думать, говорить онъ, что люди низшихъ типовъ, существующихъ въ настоящее время, не суть образчики чловѣка, какимъ онъ былъ вначалѣ“¹⁾. Теперь ясно, въ чемъ коренная ошибка эволюціоннаго ученія о происхожденіи религій въ родѣ чловѣческомъ. Эволюціонизмъ не имѣлъ никакого логическаго и научнаго права отъ безрелигіознаго состоянія современныхъ дикарей заключать о такомъ же состояніи первобытнаго чловѣчества. И тѣмъ болѣе несостоятельно такое заключеніе, что исторія не представляетъ намъ ни одного чловѣка безъ религій. Чловѣкъ не успѣлъ еще, такъ сказать, осмотрѣться въ мірѣ, не успѣлъ еще составить яснаго понятія о чемъ-нибудь и былъ еще очень далекъ отъ обобщенія наблюдаемыхъ имъ фактовъ, а уже зналъ о Существовѣ высшей силы. Мало этого. Всѣ древнѣйшія преданія народовъ возводятъ начало и происхожденіе чловѣка къ одному Божественному Творцу. Откуда же взялись эти вѣрованія, переходившія по преданію изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе? Какъ и почему они образовались? Какъ древній индусъ пришелъ къ идеѣ верховнаго, всеобъемлющаго Парабрамы? Какъ другой древній, кочевой, а слѣдовательно, совершенно неразвитой народъ еврейскій додумался до высокой идеи чистѣйшаго Духа Божественнаго Іеговы? „Анализъ даже самыхъ грубыхъ, самыхъ несовершенныхъ религій открываетъ въ нихъ такіе элементы, происхожденіе которыхъ трудно поддается естественному объясненію: таковы, напр., вѣра въ первобытное блаженство, идея грѣхопаданія, ожиданіе будущаго избавленія и пр.“²⁾. Откуда же они? Эволюціонизмъ не можетъ отвѣтить ровно ничего для объясненія этихъ знаменательныхъ фактовъ. Онъ не находитъ лучшаго отвѣта, какъ повтореніе

¹⁾ Спенсеръ. Основанія социологіи, выд. III, стр. 139.

²⁾ Thomas, Les temps primitifs, т. I, стр. 230 ср. Богословскій вѣстникъ, 1900 г. т. I, стр. 467.

Дарвинистической гипотезы „о самопроизвольномъ зарожденіи“. Но очевидно, что сказать въ объясненіе чего-либо, что оно возникло „такъ“, „само собою“, значить, собственно говоря, не отвѣтить на вопросъ, значить обходить его, отказываясь отъ его положительнаго рѣшенія. Здравомыслящій пыливый умъ никогда не удовлетворится подобнымъ отвѣтомъ и снова предъ нимъ станетъ во всю высь прежній вопросъ, откуда же появились возвышенныя идеи? Въ отвѣтъ на это звучать вдохновенныя слова Откровенія: „многократно и многообразно издревле говорилъ Богъ отцамъ чрезъ пророковъ“¹⁾... „что можно знать о Богѣ, явно для нихъ (язычниковъ): потому что Богъ явилъ имъ“²⁾. Таково единственно возможное, глубоко вѣрное въ историческомъ отношеніи объясненіе въ человѣкѣ идеи о Богѣ. Иначе мы никакимъ путемъ не объяснимъ происхожденія этой идеи, если не будемъ держаться двухъ принциповъ: библейско-христіанскаго ученія о непосредственномъ самооткровеніи Божества и психологическаго ученія о способности и стремленіи человѣка развить и осмыслить задатки той идеи о Богѣ, которая вложена ему при его твореніи.

В. II—67.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Евр. 1, 1.

²⁾ Рим. 1, 19.

ЗАМѢТКА.

Священники на діаконскихъ вакансіяхъ.

(Къ Епархіальному Съѣзду).

Цѣль этой замѣтки—не рѣчи о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, а затруднительное положеніе священника вслѣдствіе многочисленныхъ обязанностей его въ приходѣ. Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: есть-ли физическая

¹) Евр. 1, 1.

²) Рим. 1, 18.

возможность священнику, даже при помощи діакона, исполнить обязанности по приходу и школамъ?

Для примѣра возьмемъ Боровичскій уѣздъ, такъ какъ въ немъ съ минувшаго декабря открыты все, положенныя по сѣти, школы.

Въ уѣздѣ, кромѣ города, числится 60 сельскихъ причтовъ, изъ нихъ 20—25 съ двухчленнымъ составомъ, остальные 35—40 со штатными дяконами.

Школъ въ уѣздѣ: земскихъ 158; министерскихъ двухклассныхъ около 10-ти и церковно-приходскихъ до 70-ти—всего 238—240 школъ. Такъ какъ въ малолюдныхъ приходахъ открыты 1 много 2 школы, то на 35—40 многолюдныхъ приходоѡвъ остается до 210—220 школъ, т. е. на каждый приходъ по 5—6 и 8 школъ. Этотъ расчетъ подтверждается и жизнью. Укажемъ, на примѣръ, на приходы: Ивано-Волокодержковскій, Видимирскій, Сопинскій, Прокопіе-Бѣльскій, гдѣ по 6—7 школъ, въ числѣ которыхъ есть двухклассныя.

Полагая по 6-ти часовыхъ уроковъ на школу, всего 30—40 часовъ въ недѣлю, да на проѣзды въ школы столько же, такъ какъ школы раскинуты отъ погостовъ въ разныя стороны и отстоятъ на 5—10—15, а иногда и 20 верстъ, а дороги наши между селеніями почти всегда очень плохи (когда онѣ хороши, исправлены, то это приходится считать исключеніемъ), получимъ до 70 часовъ въ недѣлю. Слагая половину труда на дякона, всетаки священникъ имѣетъ 5—6 часовъ ежедневнаго труда (съ разѣздомъ) на школы.

Но въ многолюдныхъ приходахъ—многочисленны и требы по приходу и церкви, большинство которыхъ совпадаетъ по времени съ занятіями въ школахъ.

Священникъ, желая явиться во время на урокъ въ школу, вынужденъ до 8 часовъ утра отслужить заказную обѣдню, поторопить съ пріѣздомъ усопшаго. Или, уѣхавъ въ школу, не по своей винѣ заставляеть ожидать пріѣхавшихъ крестить младенца, получить справки изъ документовъ и т. п.

Не рѣдки случаи, что священникъ для требы ѣдетъ въ ту же деревню, гдѣ занимается въ школѣ о. дьяконъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ страдаетъ и дѣло и священникъ.

Не вслѣдствіе-ли совпаденія многихъ обязанностей—совершеніе церковныхъ службъ доведено до непозволительной краткости и торопливости, а преподаваніе Закона Божія во многихъ случаяхъ не выполняется по программѣ.

Долгъ священства—не замалчивать этого вопроса, ибо—истовое неторопливое совершеніе церковныхъ службъ и требъ, съ одной стороны, и аккуратное посѣщеніе школъ, возможно большее сообщеніе дѣтямъ религіозно-нравственныхъ истинъ, съ другой, — первый долгъ пастыря, который можетъ быть выполненъ современнымъ духовенствомъ лишь при значительномъ увеличеніи числа священниковъ.

Въ числѣ вопросовъ предстоящаго Епархіального Съѣзда есть вопросъ о заштатныхъ священникахъ.

На основаніи 35-ти лѣтняго опыта намъ думается, что введеніе одного запасного священника на округъ не облегчитъ священникамъ округа ихъ дѣла. Запасной священникъ будетъ занятъ службою въ приходахъ мѣстнаго Благочиннаго и его помощниковъ (во время отлучекъ ихъ по должности) или за больного собрата-священника, а также до назначенія новаго при освободившейся вакансіи.

Жизнь-же требуетъ другого!

Испытавъ затрудненія при исполненіи священническихъ обязанностей въ многолюдномъ приходѣ, пишущій эти строки невольно думаетъ: что, если бы вмѣсто штатныхъ дьяконовъ во многолюдныхъ приходахъ (разумѣю отъ 1000 до 1800 душъ мужескаго пола) были бы на ихъ вакансіи вторые священники? Вѣдь тогда бы нашлось, кто бы отслужилъ за о. Благочиннаго, его помощниковъ, за болѣющаго или умершаго священника; тогда бы труды по церковной службѣ и приходскимъ требамъ раздѣлились на двоихъ (облегченіе оче-

видное). Тогда бы, позволительно надѣяться, священникъ спокойный за своевременное исполненіе лежащихъ на немъ обязанностей, могъ выполнить ихъ не торопясь и аккуратно, на спасеніе своей души и на пользу вѣрющей паствы. (Ноогор. Епарх. Вѣд.)

Въ Редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ имѣется въ продажѣ „ТОЛКОВЫЙ ТИПИКОНЪ“ выпускъ первый—Профессора Кіевской духовной академіи М. Н. Скабаллановича по цѣнѣ 2 р. 50 к. съ пересылкой.

Для подписчиковъ 1911 года вмѣсто 2 руб. 50 к. по 2 руб.

Съ требованіями обращаться въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ въ г. Кіевъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 22-го сентября 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерниговская ул. 6.

ГОДЪ

ЛЛ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 40.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года октября 2-го дня.

Содержаніе: I. Нѣсколько словъ по поводу предстоящей реформы духовно-учебныхъ заведеній. Свящ. В. П.—II. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Н. Пальмовъ.—III. Современный эволюціонизмъ и христіанство въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ. (Окончаніе). В. П.—въ.—IV. Забѣтки: О вѣнчаніи лицъ, незаписанныхъ въ метрическія книги или записанныхъ не правильно. —

Нѣсколько словъ по поводу предстоящей реформы духовно-учебныхъ заведеній.

Однимъ изъ главныхъ пожеланій, предъявляемыхъ къ предстоящей реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, является пожеланіе о томъ, чтобы преподаватели и воспитатели духовнаго юношества были въ священномъ санѣ. Едва-ли нужно доказывать ту очевидную истину, что располагать къ пастырскому служенію, воспитывать молодежь въ идеалахъ пастырства скорѣе всего могутъ тѣ лица, которыя почли пастырство лучшимъ удѣломъ своей жизни. И не удивительно, что молодежь нѣкоторыхъ епархій, проучившись 10—12 лѣтъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, прослушавши десятокъ богословскихъ предметовъ, готовясь къ пастырству, иногда только и видѣла въ школѣ одного воспитателя-пастыря—

ректора семинаріи? Призывъ къ пастырству свѣтскихъ преподавателей едва-ли можетъ быть убѣдительнымъ голосомъ жизни и опыта, а не однимъ теоретическимъ идеализмомъ. Чтò могутъ сказать свѣтскіе преподаватели о тѣхъ радостяхъ и минутахъ восторга, какое даетъ пастырю богослуженіе, совершеніе таинствъ, проповѣдничество, о той духовной близости, какая зарождается въ исповѣди между пастыремъ и кающимся грѣшникомъ, о томъ духовномъ родствѣ, которое, тысячами незримыхъ нитей, связываетъ священника съ приходомъ. Мало знаютъ и мало могутъ сказать такіе преподаватели и о мукахъ пастырства, рождаемыхъ сознаніемъ своего недостойнства, своихъ слабыхъ силъ. Все, что они могутъ сказать въ этой области, будетъ лишь повтореніемъ, можетъ быть и талантливимъ, чужихъ мыслей, чужихъ чувствъ, а не переживаній своей собственной души.

Къ сожалѣнію, если мы обратимся къ практическому осуществленію соединенія пастырства съ педагогическимъ трудомъ, то увидимъ здѣсь и нѣкоторыя тѣневя стороны, о которыхъ и скажемъ нѣсколько словъ.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что наша рѣчь касается только преподавателей изъ бѣлаго духовенства. По идеѣ, преподаватели-иноки должны бы быть лучшими воспитателями, чтò доказываютъ католическія семинаріи. Нельзя согласиться съ принципами католическаго воспитанія пастырей, можно много говорить о католическомъ фанатизмѣ, іезуитскихъ пріемахъ и т. д., но нужно отдать справедливость католическимъ семинаріямъ: *воспитательныхъ цѣлей, имъ поставленныхъ, они достигаютъ*. Мы далеки отъ мысли оправдывать средства достигнутыми цѣлями и результатами, хотѣлось-бы, чтобы и наши семинаріи лучшими совершенными средствами также достигали своихъ цѣлей; чтобы питомцы нашихъ семинарій не разбѣгались по университетамъ, ветеринарнымъ институтамъ, въ акцизъ и т. д.

Преподаватели и воспитатели изъ монаховъ, свободные отъ семейныхъ обязанностей, отъ заботъ о содержаніи и вос-

питаніи собственныхъ дѣтей, больше могутъ посвящать времени и силъ воспитанію чужихъ дѣтей. Однако, монастыствующихъ съ высшимъ образованіемъ у насъ такъ мало, что ихъ едва хватаетъ для занятія высшихъ административныхъ постовъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и здѣсь они не могутъ засиживаться долго, будучи призываемы къ почести высшаго званія.

Преподаватели духовно-учебныхъ заведеній изъ блага духовенства, довольно немногочисленные, въ настоящее время мало оказываютъ вліянія на питомцевъ этихъ школъ. Недостатокъ лицъ съ высшимъ академическимъ образованіемъ въ средѣ духовенства ведетъ къ тому, что пастыри педагоги сплошь и рядомъ назначаются въ городскіе приходы, имъ поручаются всевозможныя епархіальныя дѣла. Приходская работа такъ много отнимаетъ времени и силъ, что для учебнаго заведенія ихъ остается совсѣмъ мало; въ учебныхъ заведеніяхъ пастыри-педагоги являются только болѣе или менѣе исправными посѣтителями, а душа и сердце ихъ всецѣло принадлежатъ приходу. Такъ какъ приходская служба обезпечиваетъ лучше педагогической, то многіе изъ педагоговъ пастырѣй отъ духовно-учебной работы жаждутъ одного — выслужить (усиленную, сравнительно съ священнической, пенсію и затѣмъ всецѣло отдаться приходской службѣ. По личнымъ воспоминаніямъ, по разсказамъ питомцевъ разныхъ семинарій знаемъ, что такіе преподаватели-пастыри въ научномъ отношеніи часто стояли ниже свѣтскихъ преподавателей и знаній давали меньше свѣтскихъ учителей. Многіе изъ нихъ оказывали огромное нравственное вліяніе на питомцевъ, оставили свѣтлую память религіозныхъ сердечныхъ людей, щедрыхъ на ласку и пятерки, но они же чаще другихъ пропускали уроки, возвращали нечитанными сочиненія, не рисковали выйти за предѣлы учебника. Нечего и говорить о худшихъ, принявшихъ санъ ради хлѣба куска (бываютъ и такіе). Такіе на дѣло смотрятъ и совсѣмъ просто: такъ какъ ряса есть нѣкоторый служебный плюсъ, то они

и стремятся его использовать вездѣ, гдѣ только пахнетъ рублемъ. Посмотришь на такого собрата, обремененнаго десяткомъ платныхъ должностей, и только удивляешься человѣческой выносливости и аппетиту... Что многосложность пастырскихъ и епархіальныхъ обязанностей отражается на педагогической и ученой работѣ пастырей-педагоговъ, это доказывается тѣмъ, что только немногіе изъ нихъ создаютъ ученые труды и даже академическіе профессора-священники, за десятки лѣтъ, не успѣваютъ написать ученаго сочиненія.

Осуществленіе той педагогической мѣры, чтобы преподаватели и воспитатели духовно-учебныхъ заведеній были въ священномъ санѣ, будетъ достигать своей цѣли только въ томъ случаѣ, если священники-педагоги всѣ свои силы отдадутъ дѣлу воспитанія юношества, т. е. будутъ освобождены отъ приходской работы. Достигнуть же этого возможно будетъ только при томъ условіи, если скудные оклады учителей духовно-учебныхъ заведеній будутъ увеличены и вполнѣ будутъ обезпечивать насущный кусокъ хлѣба семейныхъ пастырей-педагоговъ.

Священ. В. П.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Причины уклоненія питомцевъ семинаріи отъ пастырства.

Вятскій епархіальный съѣздъ духовенства обсуждалъ вопросъ о причинахъ уклоненія большинства оканчивающихъ курсъ мѣстной духовной семинаріи отъ пастырскаго служенія, къ которому, по идеѣ, должна готовить молодыхъ людей духовная семинарія. Изъ 37 человѣкъ, окончившихъ курсъ въ семинаріи, только трое изъявили желаніе принять священный санъ, между тѣмъ какъ въ епархіи—35 праздныхъ священническихъ мѣстъ, и они уже долгое время остаются незамѣщенными. Съѣздъ нашель, что печальное явленіе бѣг-

ства семинаристовъ отъ духовнаго служенія надо объяснять многими причинами. Одною изъ причинъ является поощреніе самими родителями стремленія дѣтей къ уходу изъ духовнаго званія. Эту сторону дѣла выяснилъ присутствовавшій на сѣздѣ духовенства ректоръ Вятской духовной семинаріи. Можно установить, говорилъ онъ, нѣсколько случаевъ, когда ученики уходили изъ семинаріи для поступленія въ свѣтскія учебныя заведенія съ полнаго согласія и одобренія родителей. Недостатокъ церковнаго воспитанія въ семьяхъ духовенства, особенно—городского, сказывается иногда очень явственно. Семинаристы, напр., небрежно совершаютъ крестное знаменіе, не имѣютъ навыка къ чтенію въ церкви, уклоняются отъ него и пр. Въ родной семьѣ семинаристъ не получаетъ предостереженія отъ увлеченія свѣтскою литературою. Въ немъ не развиваются сознанія высоты пастырскаго служенія, не возгрѣваются любви и преданности къ Церкви и ея уставамъ. Что касается до семинаріи, то здѣсь заботятся, главнымъ образомъ, о выполненіи положеннаго по программѣ курса наукъ, но, обогащая учениковъ разнообразными познаніями, не уясняютъ имъ во всей полнотѣ идеальнаго пастырскаго служенія, не увлекаютъ имъ и не обращаютъ должнаго вниманія на развитіе и воспитаніе сердца и воли учениковъ. Такъ говорилъ ректоръ семинаріи.

Раздѣляя его мнѣніе, депутаты сѣзда нашли, что кромѣ указанной ректоромъ семинаріи причины семинаристы уклоняются отъ пастырства нерѣдко вслѣдствіе недостаточнаго матеріальнаго обезпеченія сельскаго духовенства, а также—вслѣдствіе довольно приниженаго положенія духовенства въ обществѣ. Нельзя, наконецъ,—нашли депутаты,—отрицать и того еще, что на семинаристовъ, оказываетъ сильное вліяніе и, при томъ, въ дурную сторону свѣтская печать, проникнутая, за рѣдкими исключеніями, антицерковнымъ духомъ, и беллетристика, превратившаяся нынѣ въ сплошную порнографію.

Вятскій съѣздъ духовенства выработалъ нѣкоторыя мѣропріятія по привлеченію семинаристовъ къ пастырству. Онѣ, въ большей своей части, имѣютъ мѣстный характеръ, поэтому мы ихъ касаться не будемъ.

Реформа духовно-учебныхъ заведеній.

Нестроенія въ нашихъ духовныхъ школахъ за послѣднее время вызвали нужду въ ихъ реформѣ, которой высшее духовное начальство желаетъ, повидимому, сообщить характеръ реформы не частичной, но коренной. Подъ предсѣдательствомъ высокопреосв. Сергія, архіепископа Финляндскаго, въ минувшую лѣтнюю сессію св. Синода особой комиссіей былъ выработанъ проектъ *новой* духовной школы; по проекту, она будетъ состоять изъ шестиклассной духовной прогимназіи и четырехклассной пастырской школы. Проектъ, разработанный членами комиссіи подъ предсѣдательствомъ архіеп. Сергія, встрѣчаетъ, однако, сильныя возраженія. Въ „Орловскихъ епарх. Вѣдомостяхъ“ (№ 29) г. А. Василевскій подвергаетъ, между прочимъ, разбору тотъ пунктъ проекта, по которому отдѣленіе прогимназіи отъ пастырской школы признается необходимымъ въ цѣляхъ освобожденія пастырской школы отъ нежелательнаго въ ней элемента—отъ воспитанниковъ, не чувствующихъ въ себѣ призванія къ пастырскому служенію. Но такъ какъ проектируемая шестиклассная прогимназія никакихъ особыхъ правъ, равно и законченнаго образованія, окончившему ее не даетъ, то для довершенія образованія ему придется поступать въ другое средне-учебное заведеніе. Въ какое же и—на какія средства? „Проучиться лишнихъ два года гдѣ-нибудь въ городской, или уѣздной гимназіи, а затѣмъ еще 4—5 лѣтъ въ высшемъ учебномъ заведеніи—дѣло не легкое“, разсуждаетъ г. А. Василевскій. Для многихъ и многихъ духовныхъ семействъ, въ особенности діаконскихъ и

исаломщическихъ, это будетъ непосильнымъ бременемъ. Всѣмъ извѣстно, что наше духовенство отличается многосемейностью; нерѣдко приходится учить заразъ четверо, или пятеро дѣтей;—развѣ будетъ возможность для бѣльшей части духовенства учить лишніе годы своихъ дѣтей въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ на собственные средства, чтобы дать дѣтямъ законченное образованіе? Выйдетъ, въ концѣ концовъ, то, что въ силу необходимости духовенство опять будетъ принуждено отвозить своихъ дѣтей изъ духовной прогимназіи въ пастырскую школу, также, какъ и теперь возятъ они своихъ дѣтей изъ духовныхъ училищъ въ семинарію. „Значить“, рассуждаетъ г. Василевскій, „того *отбора* призванныхъ, который такъ необходимъ для блага самой пастырской школы, не получится. Въ стѣнахъ послѣдней опять будетъ много учениковъ не съ настроеніемъ духа добраго и живаго, не съ жаждой духовнаго просвѣщенія, а съ тѣмъ же настроеніемъ равнодушія, какъ и сейчасъ въ семинаріи. А въ отдѣльныхъ случаяхъ къ этому присоединится еще и затаенное озлобленіе, такъ какъ поступать въ пастырскую школу юноши всетаки будутъ болѣе сознательными; для нихъ очевиднѣе будетъ, что вотъ, какъ будто, и имѣли они возможность не поступать въ нежелательную для нихъ школу, но этого не удалось“...¹⁾.

Преосвященный Алексій, епископъ Псковскій, не раздѣляетъ того мрачнаго взгляда на современныя духовныя семинаріи, какой сложился у нѣкоторыхъ и заставилъ ихъ думать о коренномъ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній.

¹⁾ Г. Василевскій упускаетъ изъ вниманія, что въ пастырской школѣ, изъ которой не будетъ выхода въ свѣтское заведеніе, поступающіе въ нее должны будутъ или подчиняться господствующему въ ней направленію, или оставить ее. Но мы думаемъ, что духовные юноши, въ силу своего воспитанія при Церкви, въ семьяхъ отцовъ священнослужителей, при опредѣленно поставленной и обязательной для всехъ цѣли пастырской школы, легко подчинятся господствующему въ ней церковному направленію.

Свой взглядъ на теперешнее состояніе семинаріи, равно какъ и на предполагаемую коренную реформу семинаріи, преосв. Алексій высказалъ въ статьѣ, напечатанной въ № 14 „Исковскихъ епарх. Вѣдомостей“ подъ заглавіемъ: „Въ защиту старой духовной семинаріи“. Преосв. Алексій доказываетъ, что нѣтъ основаній и побужденій подвергать духовно-учебныя заведенія большой ломкѣ. Сторонники коренной реформы ссылаются на волненія въ семинаріяхъ. Но эти волненія, говоритъ преосв. Алексій, „были и велись исключительно на политической подкладкѣ“. „Дефекты учебно-воспитательнаго строя семинаріи были ширмой, поводомъ, благовиднымъ предлогомъ къ волненіямъ—не больше“, и если въ наказаніе за это уничтожить нынѣшнія семинаріи, то „вмѣстѣ съ семинаріями нужно обречь на закрытіе всѣ университеты, духовныя академіи, даже гимназіи, ибо въ грѣхѣ революціонно-обновленскомъ всѣ они повинны. Однако, никто закрывать ихъ не думаетъ. Кара эта предполагается только для семинарій, ибо отдѣленіе богословскаго образованія отъ общаго можно мыслить только, какъ уничтоженіе старой духовной семинаріи“ (с. 362), что было бы весьма на руку шайкѣ социаль-революціонеровъ, которымъ нужно, для осуществленія своихъ безумныхъ цѣлей, „унизить, опозорить не только пастырство“ (оплотъ и огражденіе народа и русскаго Царства), „но разбить, разстроить и ту школу, гдѣ это пастырство воспитывается, растеть и изготовляется“ (с. 361). Въ виду исключительной важности задачъ, преслѣдуемыхъ духовными семинаріями, необходимо, говоритъ преосв. Алексій, „на эти разсадники пастырства обратить и обращать тоже исключительное вниманіе. А развѣ это было?“ спрашиваетъ преосв. Алексій и рисуеть такую картину изъ недавняго прошлаго. „Разсылались сюда (въ семинарію) циркуляры, назначались ректора и инспектора, назначались наставники, иногда какіе подъ руку подвернутся, напр., природный татаринъ—на греческій языкъ, грузинъ—на русскій языкъ, отпѣтые кандидаты академіи на мѣста воспитателей, завѣдомые либералы—

на догматику, основное и нравственное богословіе. Епархіальные святители бывають въ своихъ семинаріяхъ разъ, много два въ годъ, и этимъ ограничивается архипастырское попеченіе о своемъ расадникѣ священства. Предписывались уставныя службы церковныя, но въ ту пору, когда ученики покорно выстаивали эти службы, наставники собирались въ веселый кружокъ—повинтить подъ воскресенье, выпить и закусить. Утромъ расходились и затѣмъ, вмѣсто богомолья въ семинарскомъ храмѣ, пріятно почивали. Святители про это отлично знали, но молчали, а если не молчали, то не всегда ихъ слушали, гдѣ слѣдуетъ. А когда замѣтили, что семинаристы, выходя изъ такихъ семинарій, стали косо поглядывать на пастырство и утекать отъ него на страну далече, тогда догадливые люди насильно заперли двери семинаріи для выхода въ свѣтскія учебныя заведенія и чрезъ это въ средѣ учащейся молодежи поразвели духъ недовольства и озлобленія, формально-подневольное отношеніе къ дѣлу не призванныхъ кандидатовъ священства, которые были потомъ плохими людьми, а еще болѣе плохими іереями. А вѣдь было время, когда семинарія не вѣдала у себя такихъ грѣховъ, такихъ бѣдъ и скорбей“ (с. 362—363).

Отмѣчая то, что „не смотря на переживаемое семинаріями время обновленческихъ сумасбродствъ, не смотря на полный, какъ говорятъ, развалъ ихъ, семинаріи и теперь не перестаютъ давать, правда, очень немногихъ, но прекрасныхъ кандидатовъ священства, и учителей, и псаломщиковъ, и академическихъ студентовъ“ (с. 363), преосв. Алексій предлагаетъ открыть свободную дорогу семинаристамъ, но только по окончаніи полного семинарскаго курса: „Недоучкамъ, выходящимъ изъ семинаріи послѣ четвертаго класса, никакихъ правъ давать нельзя“. А, по окончаніи курса семинаріи, когда молодые люди въ 21 годъ могутъ уже сознательно намѣтить себѣ дальнѣйшій жизненный путь,—„чувствующіе призваніе пастырства пусть идутъ на эту чреду служенія. Жаждующіе высшаго образованія пусть идутъ въ академіи,

университеты и другія высшія спеціальныя учебныя заведенія. Желаящіе посвятить себя свѣтской служебной дѣятельности пусть съ Богомъ идутъ туда. Церковь и общество отъ этого не будетъ въ убыткѣ. Люди философски и богословски образованные, религіозно настроенные, съ болѣе или менѣе установившимся характеромъ, нужны вездѣ. Тогда духовныя семинаріи будутъ выполнять свою духовно-просвѣтительную миссію, пожалуй, даже шире и вѣрнѣе, чѣмъ если бы онѣ давали обществу только однихъ пастырей Церкви“ (с. 365) 1).

Что касается до пресловутой яко бы „двойственности“ задачъ семинарскаго образованія, то преосв. Алексій не признаетъ ея въ духовныхъ семинаріяхъ. „Цѣль духовныхъ семинарій“, говорить онъ, „одна—дать духовному юношеству

1) Въ этомъ же духѣ преосв. Алексій говорилъ на актѣ въ Псковской дух. семинаріи 15 іюня с. г., при напутствіи въ жизнь окончившихъ курсъ семинаристовъ. „Можетъ быть многіе изъ васъ“, говорилъ преосвященный семинаристамъ, „пойдутъ въ высшую духовную школу.—Подай Господи. Можетъ быть многіе изъ васъ пойдутъ также въ свѣтскую высшую школу.—И это подай Господи. А можетъ быть нѣкоторые изъ васъ пойдутъ также и по гражданскому поприщу въ качествѣ чиновниковъ.—И тѣхъ благослови и тѣмъ помощи Господи. Семинаристы вгдѣ не провадутъ, и вездѣ, на всѣхъ поприщахъ, гдѣ нужны крѣпкія семинарскія головы, принесутъ громадную пользу. Но,—безъ „но“ никакъ не обойдешься,—хотѣлось бы привлечь васъ, питомцевъ школы духовной на путь пастырства истиннаго“. Далѣе преосвященный говорилъ объ истинномъ пастырствѣ, которое нужно русскому народу. Преосвященный называлъ истинное пастырство *мученичествомъ* и сказалъ, что оно требуетъ призванія. Призваніе иногда неожиданно приводитъ къ пастырству тѣхъ, которые уже совсѣмъ было ушли отъ духовнаго званія. Преосв. указалъ на только что совершенное имъ рукоположеніе въ санъ діакона бывшаго воспитанника Псковской семинаріи Ив. Дегожскаго; Дегожскій, по окончаніи семинаріи, поступилъ въ Юрьевскій университетъ, и дошелъ до четвертаго курса медицинскаго факультета. Но недавняя смерть отца, священника одного изъ сельскихъ приходовъ Псковской епархіи, такъ повліяла на студента медика, что онъ оставилъ университетъ и обратился къ архіерею съ просьбою посвятить его въ священники на мѣсто умершаго отца. И многіе, заключилъ владыка, послѣ продолжительнаго пребыванія во дворахъ иныхъ снова возвращаются въ лоно матери-Церкви и принимаютъ прежде обойденный санъ (Псковск. еп. Вѣд. № 12).

духовное образованіе и воспитаніе въ надежду священства. Этой одной цѣли одинаково служатъ всѣ науки, какъ общія, такъ и спеціальныя. Безъ серьезнаго общаго образованія нѣтъ и быть не можетъ хорошаго образованія спеціальнаго. Это признаютъ и сторонники раздѣченія семинаріи на общеобразовательную и спеціально богословскую. Они только хотятъ пустить на свѣтъ Божій дѣтей духовенства безъ духовнаго образованія, т. е. постепенно сдѣлать наше духовное сословіе недуховнымъ и нецерковнымъ, другими словами—хотятъ сыграть въ руку враговъ Церкви, тѣхъ самыхъ враговъ, которые разоряютъ сейчасъ расадники пастырства именно этимъ путемъ¹⁾.

Отрадное явленіе въ жизни нынѣшнихъ семинарій.

Слова преосв. Алексія, епископа Псковскаго, что и въ нынѣшнихъ семинаріяхъ, не взирая на тяжелое время, переживаемое ими, какъ и другими русскими учебными заведеніями, есть и доброе, находятъ себѣ подтвержденіе не въ одномъ только личномъ опытѣ и наблюденіи владыки. Многіе епархіальныя вѣдомости свидѣтельствуютъ о развитіи, напр., проповѣдничества среди семинаристовъ старшихъ классовъ въ такихъ размѣрахъ, какого ранѣе семинарское проповѣдничество не имѣло. Такъ, въ Тобольскихъ, напр., городскихъ церквяхъ воспитанники VI класса мѣстной семинаріи произнесли за годъ 135 проповѣдей, въ среднемъ по 6—7 проповѣдей каждый; проповѣдниковъ семинаристовъ

¹⁾ Раздѣляя мнѣнія Преосвященнаго Алексія о томъ, что въ нынѣшнихъ семинаріяхъ есть много хорошаго, мы смѣемъ успокоить Владыку, что все это хорошее сохранится и въ будущей пастырской семинаріи и будущемъ духовномъ училищѣ: вѣдь вся лямка состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что моментъ выхода изъ духовой въ свѣтскую школу переносится съ 4-го кл. семинаріи на 2-й или—что тоже—на 6-й кл. будущаго духовнаго училища, все остальное по существу остается то же, что и теперь, только реформой вносится больше опредѣленности и усиливается воспитательная часть. Мы думаемъ также, что и въ будущемъ ученики духовныхъ училищъ въ большинствѣ будутъ переходить въ семинарію, какъ переходятъ они теперь.

было около 20 человѣкъ... Священники г. Тобольска съ полнымъ сочувствіемъ относились къ начинающимъ проповѣдникамъ и не отказывали имъ въ совѣтахъ практическаго характера. Въ Тамбовской семинаріи также развивается проповѣдничество среди семинаристовъ. На страницахъ „Тамбовскихъ епарх. Вѣдомостей“ было помѣщено слѣдующее заявленіе прихожанъ одной церкви г. Тамбова, гдѣ проповѣдывали воспитанники семинаріи. „Мы, прихожане, въ теченіе года каждый воскресный день слушали прекрасныя, глубоко-содержательныя проповѣди воспитанниковъ Тамбовской семинаріи. Вѣдь, это наши будущіе батюшки, которымъ будетъ вѣрено широкое, отвѣтственное, плодотворное дѣло. На ихъ обязанности будетъ лежать служеніе приходу, религіозно-нравственное воспитаніе своей паствы. Мы съ ужасомъ видимъ, къ чему привело безвѣріе и упадокъ нравственности въ народѣ... Дай, Боже, чтобы въ юныхъ проповѣдникахъ не угасаль ясный свѣточъ ихъ благихъ порывовъ. Пусть не забываютъ они, къ чему готовятся, насколько велика ихъ будущая отвѣтственность предъ Богомъ, людьми и предъ собственною совѣстію“. Въ Пермской епархіи были организованы даже *проповѣдническія поѣздки* воспитанниковъ семинаріи подъ руководствомъ инспектора семинаріи Н. И. Знамировскаго (Костромск. Еперх. Вѣдом. № 16, с. 500—501). Въ Псковской дух. семинаріи воспитанники, изъявившіе желаніе принять участіе въ проповѣдничествѣ, организованы въ проповѣдническій кружокъ. Члены этого кружка трудятся надъ проповѣданіемъ Слова Божія въ семинарской церкви и приходскихъ церквахъ г. Пскова. Въ истекшемъ учебномъ году, по сообщенію Псковскихъ Епарх. Вѣдомостей (№ 12), четыремъ воспитанникамъ, входившимъ въ составъ проповѣдническаго кружка и заявившимъ себя особеннымъ усердіемъ какъ по составленію проповѣдей, такъ и по произношеніи ихъ въ церквахъ г. Пскова, Правленіемъ семинаріи были присуждены денежныя преміи: одному—20 р., другому—15 р. и двумъ—по 12 р. (с. 312). Можемъ указать и на Кіевскую семинарію, которая

въ прошломъ году дала нѣсколько воспитанниковъ, усердно и съ любовію трудившихся по проповѣданію Слова Божія въ приходскихъ храмахъ г. Кіева (не говоря уже о семинарской церкви); можемъ констатировать, кромѣ того, какъ въ высшей степени отрадное явленіе въ жизни Кіевской семинаріи, возрастающій среди воспитанниковъ интересъ къ проповѣди въ приходскихъ церквахъ и веденію народныхъ чтеній; этотъ интересъ къ проповѣди предвѣщаетъ добрые плоды и для самихъ семинаристовъ, и вообще для пастырскаго дѣла... Безъ сомнѣнія и въ другихъ семинаріяхъ можно наблюдать явленія добраго христіанскаго духа питомцевъ, при внимательномъ отношеніи къ сложной духовной жизни юношей. А это наводитъ на сомнѣніе въ справедливости увѣрѣнія нѣкоторыхъ, будто наши духовныя семинаріи находятся въ состояніи „развала“, и что этотъ развалъ требуетъ самой коренной и немедленной реформы семинаріи. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто ломки семинарій, не цѣлесообразнѣе ли было бы реформаторамъ духовной школы обратить вниманіе на изысканіе средствъ и способовъ къ поддержкѣ и укрѣпленію добра, заявляющаго о себѣ (пусть, пока, и робко!) въ нынѣшнихъ семинаріяхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ—обратить вниманіе и на изысканіе мѣръ и средствъ къ удаленію изъ семинарій всего того, что причиняетъ вредъ и мѣшаетъ нормальной и правильной жизни семинарій? ¹⁾.

Проповѣдь Слова Божія съ церковной кафедры и открытіе типографіи при Дмитріевскомъ Епархіальномъ Домѣ въ городѣ Одессѣ.

Народъ нашъ жаждетъ слышать ученіе Слова Божія изъ устъ пастырей. Эта жажда къ слышанію Слова Божія

¹⁾ Состояніе „развала“ и вызываетъ реформу духовной школы Правда, не все испытано со старой духовной школой, но вѣдь по существу духовная школа остается прежней и за все доброе въ ней она-сатья нѣтъ основаній.

наблюдается въ народѣ съ каждымъ днемъ все больше и больше и заставляетъ пастырей входить въ обсужденіе вопроса, какъ наилучше удовлетворить народъ въ его духовной жаждѣ проповѣдью съ церковной кафедрѣ. Духовенство Тамбовской епархіи на 1-мъ Шацкомъ уѣздномъ миссіонерскомъ съѣздѣ (въ срединѣ февраля 1911 г.) признало проповѣданіе Слова Божія съ церковной кафедрѣ въ воскресные и праздничные дни нравственною обязанностью каждаго священника (Тамбовск. Епарх. Вѣдом. № 34, с. 1243). А высокопреосвященный Димитрій, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, соображаясь съ обстоятельствами времени и считаясь съ силою, какую представляетъ теперь печатное слово, пришелъ къ мысли о необходимости учредить у себя въ епархіи *типографію*, дабы чрезъ печать можно было распространять въ широкихъ кругахъ свѣтъ Божественной истины, свѣтъ разума и благодетія. „Враги Церкви и Государства“, говорилъ высокопреосвященный Димитрій при освященіи типографіи Одесскаго Епархіальнаго Дома, 30 іюля с. г., „всякіе революціонеры, въ самой широкой мѣрѣ пользуются печатью для распространенія своихъ превратныхъ идей. Они забрасываютъ населеніе не городовъ только, а и самыхъ глухихъ деревенскихъ мѣстностей своими политическими революционными прокламаціями и сектантскими листками. Соблазняютъ этимъ, и въ самыхъ основахъ развращаютъ населеніе. Мы были бы безсильны противъ этихъ недремлящихъ враговъ, если бы не выступили противъ нихъ съ равнымъ оружіемъ. Кромѣ слова устнаго въ Домѣ (въ храмѣ и залѣ), мы должны выступить съ словомъ печатнымъ внѣ стѣнъ Дома. Мы должны *наводнить* епархію нашими книжками и листками, посредствомъ бесплатной, по возможности, раздачи и разсылки оныхъ... Враги пудами ввозятъ въ провинцію свои прокламаціи; цѣлыми связками разбрасываютъ ихъ направо и налево. О, если бы намъ получить возможность не уступать имъ въ этомъ! Тогда враги понизятъ тонъ. Православные же почувствуютъ за собою опору для борьбы съ врагами и ободрятся“

(Херсонск. Епарх. Вѣдом. № 16, с. 392—393). Постройка зданія типографіи, съ устройствомъ въ ней водяного отопленія и электрическаго освѣщенія, и оборудованіе типографскими машинами, мебелью и всѣми необходимыми типографскими принадлежностями, со включеніемъ мелкихъ расходовъ, обошлась въ суммѣ до 34540 руб., изъ которыхъ 24 тысячи пожертвованы самимъ высокопреосвященнымъ Димитріемъ (ibid. с. 402—403). Читая исторію возникновенія типографіи при Одесскомъ Епархіальномъ Домѣ и знакомясь съ образцовымъ устройствомъ типографіи по описанію г. К. Спасскаго (Херсонск. Епарх. Вѣдом. № 16, с. 395—405), нельзя не присоединиться къ заключительнымъ словамъ г. Спасскаго:

„Съ чувствомъ глубокой благодарности мыслящее православное населеніе и особенно духовенство Херсонской епархіи должно встрѣтить радостную вѣсть объ открытіи типографіи Епарх. Дома въ Одессѣ. Теплая молитва отъ благодарныхъ сердець пусть вознесется къ Господу Богу о дарованіи здравія и благоденствія Высопреосвященному устройтелю и неусыпному покровителю великаго церковно-просвѣтительнаго дѣла въ Херсонской епархіи, нынѣшнему Херсоно-Одесскому Архіепископу Димитрію (Ковальницкому), имя котораго, несомнѣнно, будетъ служить лучшимъ украшеніемъ страницъ исторіи духовнаго просвѣщенія Церкви Херсоно-Одесской“. Да и не одной Херсоно-Одесской, добавимъ отъ себя. Плодами архипастырской дѣятельности и попечительности высокопреосвященнаго Димитрія, хотя бы и въ данномъ случаѣ—въ дѣлѣ печатанія и распространенія назидательныхъ брошюръ и листовъ, несомнѣнно воспользуются пастыри другихъ епархій, гдѣ ведется борьба за русскія духовныя святыни съ ихъ врагами.

Н. Пальмовъ.

Современный эволюціонизмъ и христіанство въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Представимъ себѣ первобытнаго человѣка такимъ, какимъ представляютъ его защитники эволюціонизма; представимъ себѣ его совершеннымъ дикаремъ, стоящимъ немного выше животнаго, безъ всякихъ идей, съ одною только способностью къ нимъ. Вотъ онъ увидѣлъ водопадъ. Быстрота, шумъ и гулъ воды привлекаютъ его. Онъ пробуетъ бросить что-нибудь въ воду и видитъ, что вода завертѣла брошенный предметъ, погружаетъ его внизъ, подбрасываетъ вверхъ и, наконецъ, отталкиваетъ далеко въ сторону. Дикарь рѣшается самъ войти въ воду и съ ужасомъ замѣчаетъ, что вода увлекаетъ его, что нужно убѣгать, бороться, иначе его существованію грозитъ опасность. Итакъ, вода „вмѣшалась въ борьбу первобытнаго человѣка за своё существованіе“. Пусть теперь дикарь со страхомъ смотритъ на нее, пусть онъ даже видитъ въ ней силу бѣольшую, чѣмъ его собственная сила; но вопросъ—возникнетъ ли у него подъ вліяніемъ страха идея о Божествѣ, Которому нужно кланяться и почитать? Нѣтъ,—дикарь начнетъ только бояться воды, не будетъ подходить къ водопаду и со страхомъ будетъ смотрѣть на него издали. Опасеніе за себя, отвращеніе, удаленіе отъ всего, что такъ или иначе вредитъ человѣку въ его борьбѣ за существованіе—вотъ и весь результатъ вліянія природы на человѣка. Дойти до представленія силы сверхъестественной, силы сознательной и свободной первобытнѣйшій человѣкъ рѣшительно не могъ. Если люди, уже значительно развитые, какъ, напр., евреи во времена Моисея, не могли справиться съ абстрактной идеей духов-

¹⁾ См. № 39 за 1911 г.

ности Иеговы, а слили золотого тельца для наглядности представления Божества, то что же сказать о первобытном человѣкѣ, который, если ужъ и согласиться съ эволюціонистами, немногимъ и отличался отъ животнаго? Его слишкомъ примитивный умъ не могъ представить себѣ чего-нибудь высшаго, какого-либо разумнаго существа, похожега на Божество. Первобытному человѣку, значить, необходимо было прежде получить идею Божества, чтобы видѣть въ природѣ Его проявленія. Это самое подтверждаетъ и опытъ. Уже одно то обстоятельство, что не всякое безцѣльное блужданіе взорами по явленіямъ міра способно привести человѣка къ Богу доказываетъ, что только въ томъ случаѣ, когда созерцанію природы предшествуетъ представленіе о Богѣ, природа можетъ привести человѣка къ Богу. Таковъ и элементарный законъ психологій. — „Всякое рефлектированіе, говоритъ извѣстный психологъ Ульрици, должно подвигаться впередъ въ извѣстномъ направленіи, если оно не хочетъ остаться пустою субъективною игрою мыслей. А опредѣленное направленіе должно имѣть какую-нибудь основу своей опредѣленности, какую-нибудь цѣль своего поступанія впередъ; и этою основою, этою цѣлью можетъ быть только результатъ, который требуется получить, т. е. эта опредѣленность направленій должна касаться не только того, чтобы созерцающему духу уже предносился результатъ еще прежде, чѣмъ онъ найденъ,—предносился, хотя бы даже въ формѣ такъ называемаго предчувствія, въ формѣ чувствованія, дѣйствующаго, какъ бессознательный мотивъ. Такое же предчувствіе, такая же перцепція чувствованіемъ бытія Божія¹⁾ должна, поэтому, направлять и руководить и религиозное созерцаніе природы для того, чтобы оно могло привести къ идеѣ Бога и къ признанію Его существованія“²⁾.

Итакъ, вопреки точкѣ зрѣнія эволюціоннаго натурализма мы должны сказать, что внѣшней природѣ нельзя приписывать

¹⁾ „Перцепція чувствованіемъ бытія Божія“, по смыслу терминологіи Ульрици, есть то же, что обыкновенно называютъ идеей Божества.

²⁾ Ульрици. Тѣло и душа, стр. 729

значенія источника для религіи, потому что природа и ея объекты не могли породить у первобытнаго человѣка идеи о Божествѣ. Эволюціонный натурализмъ пытается разрѣшить вопросъ о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ безъ присущей человѣку идеи о Богѣ. А отсюда и выходитъ то, что эволюціонисты рѣшительно не въ состояніи объяснить самаго перехода субъективныхъ ощущеній человѣка, возбуждаемыхъ извѣстными явленіями природы, въ опредѣленные понятія о сверхъестественныхъ живыхъ существахъ, какъ носителяхъ и виновникахъ этихъ явленій. Ни въ предметахъ природы, ни въ впечатлѣніяхъ, вызываемыхъ ими, самихъ по-себѣ, не дано ни малѣйшаго основанія къ подобнаго рода представленіямъ. Этого не могли не замѣтить болѣе безпристрастные эволюціонисты, искавшіе въ впечатлѣніяхъ внѣшней природы перваго источника идеи о Богѣ и потому, естественно, отъ внѣшнихъ обратились къ внутреннимъ мотивамъ, рождающимъ будто бы въ первобытномъ человѣкѣ идею о Богѣ. Говорятъ, что первобытный человѣкъ изъ факта сновидѣній дошелъ до понятія о духѣ, а отсюда заключилъ уже къ понятію о другомъ сверхъестественномъ мірѣ, населенномъ высшими, чѣмъ человѣкъ, разумными существами. Но какимъ же образомъ изъ простаго понятія о духѣ конечномъ и ограниченномъ у первобытнаго человѣка могла развиться идея о сверхъестественномъ Существо? Совершенно справедливо говорить прот. Н. Рождественскій: „Нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ анимистической гипотезы, что отъ достигнутаго какимъ-бы то ни было путемъ понятія о духѣ для человѣка былъ какъ нельзя болѣе легко и простъ переходъ къ религіи. Если бы человѣку не врождено было религіозное сознаніе, побуждающее его искать живого общенія съ Богомъ, то одно простое представленіе, что есть помимо человѣка много другихъ высшихъ и болѣе могущественныхъ духовъ, могло бы породить только демонолѣтрію. Идея безкончнаго духа не можетъ быть выведена изъ понятія о конечныхъ

духахъ, какое-бы могущество ни усвоилось послѣднимъ¹⁾. Если на основаніи сновидѣній первобытный человѣкъ и могъ дѣлать какое-нибудь логическое заключеніе, то только о бытіи и небытіи предметовъ: сначала предметовъ не было, потому они появились и снова не стало ихъ. Эволюціонизмъ говоритъ, что изъ факта сновидѣній первобытный человѣкъ дошелъ до идеи духа. Но, вѣдь, говорить такъ—значитъ надѣлать первобытнаго человѣка до нѣкоторой степени философскимъ умомъ. Но ужъ этого нельзя допустить. Въ первобытныхъ воззрѣніяхъ можно искать и находить все, что угодно, только не ясную и развитую дѣятельность разсудка. Предполагать въ зачаточномъ состояніи духовнаго развитія точное разсудочное мышленіе—это все равно, что растительному и животному сѣмени приписывать ту морфологическую и фізіологическую раздѣльность частей, которая свойственна взрослому организму. Повидимому, это долженъ признать и эволюціонизмъ. Но въ томъ то и дѣло, что эволюціонисты всегда представляютъ себѣ первобытнаго человѣка такимъ только, какимъ онъ нуженъ имъ для оправданія своей точки зрѣнія. Въ одномъ случаѣ они отождествляютъ его съ животнымъ, видятъ въ немъ дѣтскую наивность и полное умственное невѣжество, когда же нужно, приписываютъ ему чуть ли не такую способность мышленія, какой обладаютъ современные философы. Такую именно способность мышленія эволюціонисты приписываютъ первобытному человѣку, когда для разрѣшенія вопроса о происхожденіи идеи о Богѣ имъ нужно было, чтобы первобытный человѣкъ изъ факта сновидѣній и явленій смерти сдѣлалъ быстрый переходъ къ усвоенію понятія о духѣ, а затѣмъ, отъ понятія о духѣ прямо перешагнулъ бы къ мысли о сверхъестественномъ духѣ или Божествѣ.

Такимъ образомъ, въ существѣ дѣла эволюціонизмъ не можетъ рѣшить самаго главнаго и необходимаго въ вопросѣ о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ. Онъ не

¹⁾ Н. Рождественскій, Христіанская апологетика, I, стр. 204.

можетъ рѣшить того, откуда и какъ зародилась въ человѣчествѣ идея о Божествѣ. Сколько угодно мыслящій человѣкъ можетъ изучить и знакомиться съ эволюціонной теоріей происхожденія религіи, сколько угодно, если ужъ онъ хочетъ, можетъ даже согласиться съ нею. Но при всемъ этомъ эволюціонизмъ никогда не удовлетворитъ испытующаго ума человѣческаго и человѣкъ, по требованію собственной природы, становится, такъ сказать, сверхъэволюціонистомъ. Поворотный пунктъ начинается вслѣдъ за вопросами: почему первобытный человѣкъ не смотритъ прямо на то, что дано ему въ явленіяхъ космическихъ и психическихъ, а непременно старается заглянуть еще и подальше этихъ явленій? Почему онъ непременно проецируетъ въ міръ силу, возвышающуюся надъ всѣмъ, сверхъестественную силу? Почему за предѣлами физическаго міра онъ непременно стремится найти живую личность? Эволюціонизмъ не отвѣчаетъ рѣшительно ничего на такіе коренные вопросы, онъ никогда и не отвѣтитъ на нихъ, такъ какъ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи религіи безъ присущей духу человѣка идеи о Богѣ.

Такъ эволюціонизмъ оказывается безсильнымъ въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ и только свѣтъ христіанства вполне ясно и правильно освѣщаетъ его.

Религія, говоритъ христіанство, имѣетъ сверхъестественное, Божественное происхожденіе. Идея о Богѣ, эта душа, истинное зерно и сокровенная сущность религіи, дана человѣку не откуда-нибудь извнѣ, какъ рефлексъ космическихъ или психологическихъ воспріятій, а, такъ сказать, предметно-фактически осуществлена въ немъ природою его личности, какъ живого образа Бога.—*И сотвори Богъ чловѣка, по образу Божию сотвори его*¹⁾. Вотъ гдѣ таится единый истинный корень и начало религіи, вотъ на чемъ зиждется вся ея

¹⁾ Быт. 1,27.

основа. Богъ создалъ человѣка по образу Своему, или отобразилъ, отпечаталъ Себя въ ограниченномъ духѣ. Но, какъ образъ Бога, человѣкъ не могъ бы быть таковымъ, если бы не имѣлъ непосредственно сознанія своего Первоисточника, не сознавалъ Того, Кого онъ отображеніе, или несовершенная копія. И психологическое изслѣдованіе въ свою очередь показываетъ, что человѣкъ въ своемъ собственномъ внутреннемъ существѣ, въ глубинахъ собственного духа носитъ задатки религіознаго общенія съ Богомъ и ощущаетъ Его воздѣйствіе, какъ непосредственный фактъ своей внутренней жизни,—раньше всякаго обнаруженія рефлексіи, раньше всякаго мышленія и дѣйствованія. Еще прежде, чѣмъ открыться себѣ въ качествѣ познающаго существа, человѣкъ сознаетъ, какъ бы ощущаетъ бытіе Первоисточника всего существующаго, чувствуетъ неодолимое влеченіе къ Нему, желаетъ жить Его жизнью, проникается Его духомъ и силами. Фактъ этотъ имѣетъ весьма важное значеніе. Если стать на точку зрѣнія эволюціонизма и сказать, что религія произошла естественнымъ образомъ или иначе, что религію создалъ человѣкъ, то необходимо будетъ считать Божество какою-то слѣпою и мертвою силою, отношенія къ которой не затрогивали бы такъ глубоко всѣхъ силъ и способностей человѣческаго духа. Но что же видимъ мы на самомъ дѣлѣ? Мы видимъ, что Божество никогда не представлялось слѣпою и мертвою силою человѣку, стоящему даже на самой низкой ступени духовнаго развитія. Къ слѣпому и мертвому нельзя имѣть живыхъ и личныхъ отношеній, а религія, на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣка, въ томъ и состоитъ, что человѣкъ вступаетъ въ живыя отношенія къ живому Божеству. Если присмотрѣться ко всѣмъ религіямъ, даже самымъ грубымъ и несовершеннымъ, то нельзя не замѣтить одного момента,—именно въ религіи человѣкъ какъ бы обособляется отъ внѣшней жизни и стремится, неудержимо стремится къ Божеству всѣми силами своего духа: умъ его занятъ Божествомъ, чувство его проникается благоговѣніемъ къ Нему, воля его ищетъ прими-

ренія съ Нимъ. Въ религіи человѣкъ, такъ сказать, отрывается отъ всего земного, приковываетъ свой взоръ къ небесамъ и глубоко вѣрить, что тамъ, въ невидимомъ горнемъ мірѣ есть Личность, съ Которою должно входить въ такое или иное общеніе. Религія, которая была бы лишена этого элемента, не была бы въ дѣйствительности и религіей, ибо желаніе болѣе или менѣе близкаго взаимоотношенія, чувство родства съ Божествомъ составляетъ существеннѣйшій моментъ всѣхъ религій.

Понятно, какою должна была быть самая первоначальная форма религіи. Если религія не изобрѣтеніе человѣка, а принята имъ отъ Бога, то она должна была быть съ самаго начала совершенной, вполне достаточной для человѣка. Первый человѣкъ долженъ былъ имѣть полныя и возвышенныя представленія о Богѣ, такъ какъ Самъ Богъ приходилъ къ человеку и бесѣдовалъ съ нимъ. Религія перваго человѣка была именно непосредственнымъ общеніемъ его съ Богомъ, была, слѣдовательно, по формѣ монотеистическою. За это говорятъ и свидѣтельства исторіи. Исторія религій съ несомнѣнностью показываетъ, что чѣмъ древнѣе какая-либо религія, тѣмъ болѣе можно найти въ ней слѣдовъ монотеизма. Эволюціонисты же не желаютъ признать монотеизмъ первоначальной формой религіи, такъ какъ съ признаніемъ сего рушилось бы все ихъ ученіе. Что-нибудь одно—или вѣра въ единаго Бога внушена человеку Творцомъ, или Бога нѣтъ, религія возникла у человѣка естественно и вначалѣ была грубой и несовершенной. Здѣсь середины быть не можетъ. И эволюціонизмъ, чтобы оправдать *raison d'être* своей теоріи, волею неволей, вопреки здравому смыслу, историческому опыту и ученію Библіи, сталъ на атеистическую точку зрѣнія. И намъ такъ хочется предостеречь немощныхъ по вѣрѣ и духу христіанъ отъ увлеченія моднымъ ученіемъ эволюціонизма. Намъ такъ хочется сказать имъ: *Возлюбленнымъ, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша въ мірѣ* (1 Иоан. 4,1). В. П.—вз.

ЗАМѢТКА.

О вѣнчаніи лицъ, не записанныхъ въ метрическія книги или записанныхъ неправильно.

Екатеринбургское Епархіальное Начальство издало на этотъ счетъ слѣдующее опредѣленіе, отъ 31 мая—5 іюля 1911 г. за № 318, напечатанное въ офиц. отд. Екатеринбург. Епарх. Вѣдом. № 32, с. 260—262.

Въ случаѣ неправильной записи по метрическимъ книгамъ рожденія лицъ, желающихъ вступить въ бракъ, мѣстнымъ причтамъ, по силѣ 22 примѣчанія къ § 18 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной инструкціи Благочиннымъ приходскихъ церквей, слѣдуетъ обращаться къ исповѣднымъ вѣдомостямъ за всѣ, особенно за первые, годы отъ рожденія такихъ лицъ, къ посемейнымъ спискамъ и чрезъ личный разспросъ воспріемниковъ и лицъ знающихъ о рожденіи и, если окажется, что такія лица имѣютъ по означенному изслѣдованію лѣта, установленныя для бракосочетанія, что неправильная метрическая запись относится къ тому именно лицу, которое желаетъ вступить въ бракъ и не окажется по обыску и оглашеніямъ другихъ препятствій, то причты могутъ приступить къ повѣнчанію такихъ лицъ безъ предварительнаго разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, рекомендуя въ то же время такимъ лицамъ непремѣнно и безъ промедленія обращаться къ Епархіальному Начальству съ просьбою о производствѣ слѣдствія о незаписи событій рожденія или неправильной записи сихъ лицъ, при этомъ предупредить духовенство: а) что вѣнчать такимъ порядкомъ оно можетъ лишь своихъ прихожанъ, а не чужеприходныхъ и б) что въ семь дѣлъ вообще требуется крайняя осторожность и точность, а потому приступать къ повѣнчанію въ такихъ случаяхъ можно лишь послѣ самыхъ точныхъ разспросовъ, изслѣдованій и при твердой, оправдываемой подлежащими документами и доказательствами,

увѣренности въ томъ, что неправильная метрическая запись относится къ тому именно лицу, которое желаетъ вступить въ бракъ, и что брачующіяся лица имѣють установленный для бракосочетанія возрастъ. Въмѣстѣ съ этимъ вмѣнить въ обязанность духовенству епархіи, при удобныхъ случаяхъ разъяснять прихожанамъ своимъ, что при прошеніяхъ о разрѣшеніи вступать въ бракъ при недостиженіи брачнаго совершеннолѣтія слѣдуетъ представлять Его Преосвященству засвидѣтельствованныя мѣстными причтами выписи изъ метрическихъ книгъ о рожденіи жениха или невѣсты; эти выписи, при чемъ должны быть выдаваемы причтами обязательно на синодальныхъ бланкахъ и оплачены гербовымъ 75 коп. сборомъ. За неисполненіе настоящаго постановленія причты будутъ безъ истребованія объясненій подвергаемы денежнымъ штрафамъ по усмотрѣнію Епархіальнаго Начальства.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 30-го сентября 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Аки. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицаго, Меринговская ул. 6.

ГОДЪ

ЛЦ.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 41.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года октября 9-го дня.

Содержаніе: I. Отклики на современность. Н. Гумилевскій.—II. Изъ Епар-
хіальныхъ Вѣдомостей. Н. Пальмовъ.—III. Гнѣвъ (δύσος), его виды
польза и вредъ для нравственнаго усовершенствованія, по ученію
церковныхъ писателей IV-го и начала V-го вѣковъ. С. Чернышевъ.—
IV. Классики поневолѣ. М. Скабаллановичъ.—V. О причащеніи боль-
ныхъ на дому. Н. П—въ.—VI. Забѣтка. О порядкѣ перечисленія
прихожанъ изъ одного прихода въ другой.

Отклики на современность.

Въ № 32—33 с. г. журн. „Приходскій Священникъ“
свящ. Дм. Орловскій заявляетъ, что *все* русское духовенство
тяготится церковно-приходскими школами и желало бы отъ
нихъ отдѣлаться. Въ связи съ извѣстной, проявившейся въ
Государ. Думѣ и на недавнемъ общеземскомъ съѣздѣ тенден-
ціей къ уничтоженію церковной школы, это заявленіе слѣдо-
вало бы признать прямо таки зловѣщимъ, если бы оно дѣй-
ствительно выражало мнѣніе всего духовенства. Но авторъ
въ подтвержденіе своего заявленія ссылается только на отри-
цательные по отношенію къ церковной школѣ взгляды одного,

происходившаго въ 1906 г. „весьма многолюднаго собранія духовенства, гдѣ были лучшіе (?) представители всей епархіи“ и „сѣзда духовенства въ городѣ В.“; такихъ двухъ фактовъ для огульнаго обобщенія какъ будто маловато.

Причины, оправдывающія такое отрицательное отношеніе къ церковной школѣ, о. Орловскій указываетъ слѣдующія. „Прежде всего“, говоритъ онъ, „большинству духовенства претитъ раздѣленіе въ такомъ громадномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ народное образованіе: священникъ желалъ бы трудиться во всякой школѣ, насаждая въ ней высокіе завѣты христіанства: въ одномъ и томъ же христіанскомъ государствѣ для одного и того же населенія должна быть *единая школа*, воздвигнутая на *христіанскомъ основаніи*. Христіанизация должна проникать все народное обученіе и воспитаніе, и лучшіе пастыри всегда будутъ стремиться къ единенію со всѣмъ народомъ, а не къ раздѣленію и враждѣ. Чуждыя народному просвѣщенію стремленія и цѣли должны быть изгнаны изъ школы“. — Но церковныя школы имѣютъ своей цѣлью именно обученіе и воспитаніе народа въ духѣ православной Церкви, а такую цѣль, какъ видно изъ словъ самаго автора, нельзя признать „чуждой народному просвѣщенію“¹⁾. Свѣтская же школа, руководимая учрежденіемъ, въ которомъ православному духовенству можетъ принадлежать не болѣе одного голоса, а остальные голоса могутъ принадлежать иновѣрцамъ и даже людямъ, съ непримиримой враждой относящимся ко всякой вообще религіи, можетъ оказаться совершенно безрелигіозной, нагляднѣйшій примѣръ чего мы видимъ въ современной Франціи. Вотъ объ этомъ то существеннѣйшемъ об-

¹⁾ Вообще совершенно не понятно, что разумѣетъ авторъ подъ „чуждыми народному образованію стремленіями и цѣлями“ — ужъ не развитіе ли въ школьничкахъ патріотизма? Впрочемъ, въ статьѣ встрѣчаются и другія странности. Такъ, авторъ возлагаетъ всю надежду на соборъ, „правильно избранный отъ лица всѣхъ вѣрующихъ“, какъ будто бы для присутствія на Вселенскихъ соборахъ производились какіе либо выборы!

стоятельствъ о. Орловскій и всѣ сочувствующіе ему представители духовенства, очевидно, и не подумали. Совершенно непонятнымъ представляется и тотъ доводъ, что будто бы „духовенству претить раздѣленіе въ дѣлѣ народнаго образованія“: что такое „претящее“ авторъ находитъ въ одновременномъ существованіи школъ земскихъ и церковныхъ? и развѣ церковная школа отстраняетъ священника отъ занятій въ земской? Авторъ намекаетъ на какую то вражду; но если такая вражда гдѣ либо и есть, то это — явленіе очевидно ненормальное и изъ существа дѣла не вытекающее. Въ сущности, изъ приведенныхъ словъ вытекаетъ выводъ, совершенно противоположный тому, какой онъ хочетъ сдѣлать: уже если всѣ народныя школы должны быть одинаковыми, то онѣ должны быть всѣ именно церковными.

Далѣе авторъ, какъ причины несочувствія духовенства къ церковнымъ школамъ, указываетъ матеріальную необеспеченность послѣднихъ, не всегда достаточную подготовку ихъ учителей и т. п. Это избитое доказательство свидѣтельствуешь не о ненужности церковныхъ школъ, а только о несправедливомъ отношеніи общества и земствъ къ этимъ школамъ, которыя трудятся въ дѣлѣ народнаго образованія наравнѣ съ земскими. Еще менѣе убѣдительности представляетъ указаніе автора на такую не имѣющую отношенія къ существу церковной школы мелочь, какъ „множество начальствующихъ, экзаменуемыхъ, караемыхъ и милующихъ“. Если и есть въ церковно-школьномъ управленіи, какъ и въ другихъ человѣческихъ учрежденіяхъ, злоупотребленія, то они зависятъ отъ лицъ, и противъ такихъ лицъ нужно бороться, а не противъ самой школы.

Авторъ пытается опровергнуть и тѣ доказательства, которыя обыкновенно приводятся въ защиту церковныхъ школъ: „въ церковной школѣ лучше поставлены славянскій языкъ и пѣніе, болѣе развита религіозность и благочестивые навыки; въ церковной школѣ священникъ—хозяинъ“. Противъ этого авторъ говоритъ, что и въ церковныхъ школахъ славянскій

языкъ и нѣніе часто изучаются плохо, что „самъ по себѣ славянскій языкъ и извѣстные навыки, безъ внутренняго содержанія, безъ христіанской настроенности, имѣютъ ничтожное, а подчасъ и отрицательное значеніе, развивая ханжество и лицемѣріе“. „Что касается“, продолжаетъ авторъ, „последняго аргумента—„священникъ—хозяинъ въ церковной школѣ“, то его какъ разъ наоборотъ можно употреблять какъ доказательство противъ церковной школы: въ такомъ важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе народа, хозяйствование отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ сословій, прямо вредно и недопустимо“. Трудно сказать навѣрное, о какомъ „хозяйствованіи“ говоритъ здѣсь авторъ: повидимому, объ экономическомъ, но, очевидно, не о томъ религіозно-нравственномъ руководствѣ, которое священникъ можетъ проявлять только въ школѣ, которой онъ завѣдуетъ. Церковная школа потому и должна быть дорога священнику, что она даетъ ему возможность начинать религіозное просвѣщеніе своихъ прихожанъ съ самаго ихъ дѣтства. Такихъ благопріятныхъ условій не представляетъ свѣтская школа, гдѣ учитель, не подчиненный священнику, какъ завѣдующему, можетъ оказывать на дѣтей совершенно противоположное вліяніе и такимъ образомъ парализовать воздѣйствіе законоучителя. Отказаться отъ церковной школы для священника значить выпустить изъ рукъ одно изъ наилучшихъ средствъ для осуществленія его пастырскихъ задачъ. Поэтому слѣдуетъ надѣяться, что разсматриваемая статья, вопреки утверженію автора, выражаетъ мнѣніе далеко не всего русскаго духовенства.

И. Гумилевскій.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Мысль къ расширенію въ народъ познаній о вѣрѣ.

Пресв. Палладій, епископъ Пермскій, во время своей поѣздки по епархіи, имѣлъ случаи неоднократно удостовѣряться, что населеніе епархіи, въ особенности молодежь, „слишкомъ

мало знаетъ основныя истины вѣры и нравоученія христіанскаго, почти не знаетъ символа вѣры, заповѣдей и употребительныхъ молитвъ“. Это происходитъ вслѣдствіе того, что многіе юноши и дѣвицы совсѣмъ не учились въ школахъ, а тѣ, кто учился, по выходѣ изъ школы часто забываютъ усвоенное въ отроческіе годы. Признавая заслуживающею полного одобренія дѣятельность нѣкоторыхъ пастырей Пермской епархіи, поставившихъ своею цѣлью устранить показанное печальное явленіе въ религіозной жизни народа и чрезъ посредство воскресныхъ школъ, особыхъ кружковъ ревнителѣй вѣры и благочестія, частныхъ миссіонерскихъ школъ и пр. — насадить въ народѣ сѣмена здраваго ученія православной вѣры, преосвящ. Палладій, съ своей стороны, рекомендуетъ духовенству слѣдующія мѣры въ борьбѣ съ религіозною темнотою народа.

1. „Необходимо, — пишетъ преосв. Палладій Пермскому духовенству въ предложеніи отъ 11 авг. с. г., — учредить возможно большее число воскресныхъ школъ, подъ руководствомъ священниковъ и при участіи діаконовъ, псаломщиковъ, учителей и учительницъ, а также при посильной помощи со стороны женъ священниковъ и младшихъ членовъ клира.

2. Желательно учрежденіе во всѣхъ приходахъ юношескихъ кружковъ ревнителѣй православной вѣры и доброй христіанской жизни. Кружки должны быть образованы отдѣльные для юношей и для дѣвицъ. Въ кружкахъ дѣвицъ усердныя матушки и жены діаконовъ и псаломщиковъ могутъ найти приложеніе своей энергіи и познаній, а также осуществить присущую многимъ жажду добра и подвига во имя любви Христовой. Изученіе Св. Писанія, изученіе катихизиса, исторіи Церкви, особенно — въ житіяхъ святыхъ, сознательное усвоеніе молитвъ, усовершенствованіе въ церковномъ пѣніи, взаимная забота объ укрѣпленіи другъ въ другѣ добрыхъ христіанскихъ навыковъ — вотъ примѣрная программа дѣятельности кружковъ.

3. Въ мѣстахъ, гдѣ есть раскольники и сектанты, — пишетъ преосв. Палладій, — благовременно было бы отереть особыя

частныя школы для изученія раскола и сектапства и полемики съ ними въ духѣ любви къ заблуждающимся. Прекрасная постановка дѣла въ такой миссіонерской школѣ, устроенной священникомъ Михаиломъ Ведровымъ въ с. Верхъ-Тисѣ, Красноуфимскаго уѣзда, обратила вниманіе на эту школу даже и за предѣлами Пермской епархіи. Было-бы грустно, прибавляетъ преосв. Палладій, если бы въ то время, какъ уже и въ другихъ епархіяхъ нашлось много подражателей о. Михаила, въ Пермской епархіи его примѣръ не вызвалъ сугубаго вниманія и самаго энергичнаго подражанія“.

Наконецъ, 4: необходимо привлекать къ участию въ клиростномъ чтеніи и пѣніи воспитанниковъ сельскихъ школъ. Участіе дѣтей и юношей въ богослуженіи—это великое средство къ укрѣпленію въ подростящемъ поколѣніи спасительной связи съ храмомъ Божіимъ, гдѣ народъ учится истинамъ православной вѣры и освящается благодатию таинствъ. Конечно, духовенству придется поработать съ учениками сельскихъ школъ для успѣшнаго прохожденія ими должности церковныхъ чтецовъ и пѣвцовъ. Но трудъ, который духовенство употребитъ на это святое дѣло, возвыситъ въ глазахъ народа усердныхъ дѣятелей изъ среды духовенства, а съ тѣмъ вмѣстѣ облегчитъ и сдѣлаетъ возможнымъ болѣе уставное и болѣе благолѣпное совершеніе церковной службы. „Одному псаломщику“, говоритъ преосв. Палладій, „даже при сильномъ голосѣ, невозможно всѣ пѣснопѣнія и чтенія исполнять одинаково хорошо, съ неослабнымъ вниманіемъ и вполне внятно: усталость будетъ брать верхъ надъ сознаніемъ долга. А сколько силъ еще понадобится при совершеніи молебновъ, панихидъ и частныхъ требъ. Псаломщику легче быть руководителемъ, чѣмъ самому все исполнять. Да и болѣе благолѣпною и назидательною будетъ служба, если трудъ чтенія и пѣнія раздѣляется между многими. Къ тому же, кто потрудился на клиросѣ въ годы отрочества, тотъ не останется отъ Церкви и въ совершенномъ возрастѣ: сѣмена вѣры и благочестія и добрые навыки будутъ прочно заложены

въ его душѣ на всю жизнь“ (Пермск. Епарх. Вѣдом. № 24, отд. оффил.).

Вопросъ о псаломщикахъ.

Съ институтомъ псаломщиковъ у насъ дѣло обстоитъ неблагополучно. На страницахъ органовъ епархіальной печати сплошь и рядомъ можно читать скорбныя заявленія священниковъ, что этотъ институтъ стоитъ теперь далеко не на высотѣ. Вотъ, напр., отзывъ священника о псаломщикахъ въ Симбирскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ. „Многіе псаломщики приходятъ въ храмъ къ службѣ Божіей почти вмѣстѣ со священникомъ и не считаютъ долгомъ предъ началомъ службы принять отъ священника благословеніе. Вставши на клиросъ, не разбираются надлежащимъ образомъ въ отправляемой службѣ, такъ какъ не просмотрѣли ее заранѣе. Входя во св. алтарь, не дѣлаютъ земного поклона предъ престоломъ Божіимъ. Читаютъ и поютъ зачастую торопливо, небрежно, неразборчиво, рѣдко-рѣдко изображая на себѣ крестное знаменіе, и то—иногда кое какъ. Нѣкоторые, завидуя болѣе обезпеченному положенію священниковъ, считаютъ ихъ какими то притѣснителями по отношенію къ себѣ и, не оказывая священникамъ должнаго почтенія, часто грубятъ имъ безъ всякой причины и иной разъ стараются унижить авторитетъ священника въ глазахъ прихожанъ. А одинъ псаломщикъ, въ разговорѣ со мной, сказалъ: „мы, молодые псаломщики, не считаемъ себя духовными, мы—люди свѣтскіе; намъ многое позволительно и простительно“! (№ 11, „Нѣсколько словъ о современныхъ псаломщикахъ“, с. 392).

Причина небрежности въ отправленіи обязанностей, равно какъ—грубость и нетрезвость въ характерѣ и поведеніи псаломщиковъ, заключаются, по мнѣнію многихъ, въ томъ, что низшій клиръ церковный составляется, болшею частію, изъ отбросовъ духовнаго званія. Вотъ какъ, напр., разсуждаетъ по этому поводу высокопреосв. Арсеній, архі-

епископъ Новгородскій. „Обычный контингентъ кандидатовъ въ псаломщики это— субъекты, уволенные изъ семинарии и изъ духовныхъ училищъ „за тихіе успѣхи, громкое поведеніе“, или— „великовозрастіе“. Они смотрятъ на свое дѣло чаще всего съ точки зрѣнія заработка, обезпечивающаго имъ кусокъ хлѣба. И, за неимѣніемъ подходящихъ кандидатовъ на псаломщическія мѣста, послѣднія предоставляются часто этимъ недостойнымъ людямъ. По моему,—высказывается съ рѣшительностью высокопреосв. Арсеній, —лучше пусть мѣсто псаломщика останется незанятымъ, чѣмъ предоставлять его человѣку, за котораго, принимая его въ клиръ, мы же должны держать и отвѣтъ. Лучше церкви и причту, если нѣтъ достойнаго кандидата на псаломщическое мѣсто, обходиться съ вольнонаемнымъ цѣвцомъ. А то, едва такой негодный человекъ зачисленъ бываетъ въ клирѣ, какъ начинаются тяжбы, приходится назначать слѣдствія и пр.“ (№ 34 Новгородскихъ Епарх. Вѣдом. „Рѣчь“ предъ открытіемъ съѣзда учителей пѣнія Новгородской епархіи, 3 іюля с. г., с. 1108). Что касается до кандидатовъ въ псаломщики изъ послушниковъ, изъ крестьянъ и изъ учениковъ второклассныхъ школъ, то, по наблюденіямъ, и съ этими лицами дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ съ уволенными изъ духовно-учебныхъ заведеній. Священникъ П. въ Симбирскихъ Епарх. Вѣдом. справедливо говоритъ о кандидатахъ изъ послушниковъ и крестьянъ, что знаніе ими катихизиса,—часто, впрочемъ, совершенно неосмысленное и механическое,—и умѣнье пѣть прокимны и аллилуаріи по программѣ испытательной комиссіи мало даютъ *нравственныхъ* правъ этимъ лицамъ на занятіе должности служителей церкви: „преодолѣть формальныя препятствія можетъ кто угодно, но сказать, что кто угодно можетъ быть и псаломщикомъ,—нельзя“. Возлагали надежды на второклассныя школы. „Но не приходится особенно радоваться и этимъ кандидатамъ“, говоритъ священникъ П., „потому что опредѣленнаго, законченнаго воспитанія и образованія второклассная школа своимъ питомцамъ не даетъ. Правда, здѣсь

много образовательныхъ предметовъ и предметовъ серьезныхъ, но снѣшность ихъ изученія, за недостаткомъ времени, не даетъ возможности ученикамъ всю эту мудрость переварить“ (№ 17: „По поводу проектируемыхъ мѣръ къ улучшенію состава низшихъ клириковъ“, с. 619—620).

Какъ же, однако, помочь горю? Откуда взять *хорошихъ* псаломщиковъ — благоговѣйныхъ служителей при алтарѣ и исправныхъ чтецовъ и пѣвцовъ на клиросѣ?— Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ проектируютъ завести лѣтнее краткосрочные курсы пѣнія для псаломщиковъ. Но нельзя, кажется, не согласиться съ доводами, представляемыми противъ такого проекта. Двѣ недѣли, назначаемыя на курсы, — дѣйствительно такой ничтожный срокъ, что ничего серьезнаго достигнуть въ него нельзя. Отъ торопливаго чтенія и пѣнія эти краткосрочные курсы не отучатъ псаломщиковъ и благоговѣнія къ алтарю Господню, также, какъ и любви къ дѣлу, — въ нихъ не зажгутъ. При томъ курсы въ лѣтнее время представляютъ то неудобство, что отрываютъ хозяевъ-псаломщиковъ отъ полевыхъ работъ. Наиболее цѣлесообразнымъ представляется учрежденіе по епархіямъ *двухгодичныхъ курсовъ* съ специальною цѣлью подготовки псаломщиковъ (а также и діаконовъ). Проектъ такихъ курсовъ уже утвержденъ Св. Синодомъ. На курсы могутъ поступать лица, окончившія второклассныя школы, духовныя училища, вышедшія изъ первыхъ классовъ семинаріи (но съ отличнымъ балломъ по поведенію) и др. При школѣ — домовая церковь, въ которой отправляется служба четыре раза въ недѣлю. Курсами завѣдуетъ безприходный священникъ. Курсисты не распускаются по домамъ на Рождество и на Пасху, но принимаютъ въ эти дни участіе въ чтеніи и пѣніи за церковными службами въ домовой церкви при школѣ. Всѣ живутъ въ общежитіи и подчиняются его порядкамъ („Церк. Вѣдом.“ № 13 т. г.). „Двухлѣтнее пребываніе въ атмосферѣ постояннаго образцоваго богослуженія, уставнаго чтенія и пѣнія“, справедливо разсуждаетъ священникъ П., — „постоянное общеніе съ опытнымъ, преданнымъ

дѣлу о. завѣдующимъ и безпрекословное повиновеніе всѣмъ правиламъ курсовой дисциплины — все это не можетъ не оказывать должнаго воздѣйствія на будущихъ клириковъ и воспитаетъ изъ нихъ тѣхъ преданныхъ и любящихъ свое дѣло псаломщиковъ и діаконовъ, какіе въ настоящее время являются только рѣдкимъ и счастливымъ исключеніемъ“ (ibid. с. 623).

Апріорныя соображенія священника П. о благотворномъ вліяніи псаломщическихъ школъ на ихъ питомцевъ вполне подтверждаются на дѣлѣ. Въ Кіевѣ, при Михайловскомъ монастырѣ, давно уже заведена школа для подготовки къ псаломщической должности, и надо сказать, что свое назначеніе эта школа осуществляетъ наилучшимъ образомъ, выпуская въ приходы благоговѣйныхъ и вполне подготовленныхъ лицъ къ прохожденію псаломщической должности. Съ половины сентября сего года начала функціонировать псаломщическая школа при Новгородскомъ архіерейскомъ домѣ, съ двухгодичнымъ курсомъ. Кромѣ спеціальной задачи—подготавливать кандидатовъ на должности низшихъ клириковъ, школа эта имѣетъ цѣлью подготовить въ лицѣ окончившихъ полный курсъ ученія—еще и помощниковъ священникамъ по преподаванію Закона Божія въ начальныхъ училищахъ (Новгор. Епарх. Вѣдом. № 32, офиц. часть). Надо пожелать полного успѣха предпріятію высокопреосв. Арсенія, вызванному настоятельными требованіями церковной жизни!

Заботы Новгородскаго архимастыря объ упорядоченіи церковнаго пѣнія въ Новгородской епархіи.

Въ Новгородской епархіи нѣтъ однообразія церковныхъ напѣвовъ. Не только каждый уѣздъ, но даже каждое селеніе поетъ тамъ по своему, немилосердно искажая древнія мелодіи, заключающіяся въ печатныхъ нотныхъ книгахъ. „Партесное“ пѣніе, исполняемое въ нѣкоторыхъ храмахъ пѣв-

нами-любителями подъ руководствомъ мало образованныхъ въ музыкальномъ отношеніи регентовъ, не способствуетъ укрѣпленію молитвеннаго настроенія, а скорѣе разсѣиваетъ его у присутствующихъ въ храмѣ. Словомъ, въ Новгородской епархіи находитъ мѣсто себѣ то же прискорбное явленіе, которое наблюдается и во многихъ другихъ епархіяхъ...

Высокопреосвящ. Арсеній, самъ любитель и большой знатокъ церковной музыки, рѣшилъ упорядочить церковное пѣніе въ Новгородской епархіи, прежде всего, ввести во всѣхъ храмахъ епархіи однообразный и правильный напѣвъ. Съ этою цѣлью архіеп. Арсеній созвалъ въ Новгородѣ, въ іюль с. г. (отъ 3 по 7 число), съѣздъ учителей пѣнія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и во второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ Новгородской епархіи и далъ участникамъ съѣзда задачу—выбрать изъ обширнаго церковно-пѣвческаго матеріала, находящагося въ синодальныхъ нотныхъ книгахъ: Учебномъ Обиходѣ, Октоихѣ, Ирмологіи, Тріоди и Праздникахъ нотнаго пѣнія однообразнаго и опредѣленнаго церковно-богослужебнаго мелодіи, которыя можно было бы дать въ руководство церковнымъ пѣвцамъ Новгородской епархіи.

Участники съѣзда добросовѣстно отнеслись къ порученной имъ работѣ и, послѣ всестороннихъ обсужденій, привели къ единству напѣвы *осмогласія*, этой основы церковнаго пѣнія, которое на разные лады варіировалось въ церквахъ Новгородской епархіи. Архіеп. Арсеній остался доволенъ работою учителей пѣнія, благодарилъ ихъ и выразилъ надежду, что изученіе въ школахъ приведеннаго къ единству осмогласія принесетъ въ недалекомъ будущемъ великую пользу церковному дѣлу. „Давно пора оставить погоню за концертнымъ пѣніемъ“, говорилъ высокопреосв. Арсеній участникамъ съѣзда предъ закрытіемъ его, — „которое, какъ не имѣющее никакого воспитывающаго значенія, неоднократно воспрещалось Высочайшими указами и указами Св. Синода. Нужно навсегда похоронить сочиненія, рассчитанныя только на то, чтобы развлекать въ храмѣ городскую публику. Не довѣряйтесь по-

хваламъ этой публички, такъ какъ она весьма часто хвалитъ именно то, что заслуживаетъ порицанія. Храмъ не концертная эстрада, а домъ молитвы, и пѣніе хора въ храмѣ должно отличаться скромностью и религіозною настроенностью. Безъ этихъ качествъ пѣніе церковныхъ пѣвцовъ никогда не будетъ производить молитвеннаго воздѣйствія на народъ. Хоръ, дѣйствительно молящійся, никогда не будетъ пѣть въ храмѣ, обратившись спинами къ священнымъ изображеніямъ иконостаса. Регентъ, рисующійся блестящими запонками или украшенный камертономъ, не можетъ считаться искреннимъ служителемъ церкви“ (Новгор. Епарх. Вѣдом. № 34, с. 1117).

Чрезвычайно интересно будетъ познакомиться подробнѣе съ работой участниковъ Новгородскаго церковно-пѣвческаго съѣзда. Новгородская епархія, богатая вообще памятниками старины, не должна быть бѣдна древними напѣвами. Надо только умѣючи собирать ихъ. По обрывкамъ музыкальныхъ фразъ, по отголоскамъ древнихъ церковныхъ мелодій на клиросахъ въ Новгородскихъ храмахъ, можетъ быть, возможно воскресить первоначальную эру церковно-пѣвческаго искусства на Руси? Какъ было бы утѣшительно и назидательно для молящагося русскаго человѣка услышать съ церковнаго клироса въ первоначальной красотѣ мелодіи и напѣвы время стародавнихъ, время святыхъ, время благочестивыхъ праотцевъ и отцовъ нашихъ, которые лучше, чѣмъ мы, умѣли славословить пѣснями, молить и благодарить Господа!

Чтобы сдѣлать работы церковно-пѣвческаго съѣзда достояніемъ большого числа знатоковъ и любителей церковнаго пѣнія, высокопреосв. Арсеній поручилъ преподавателю пѣнія въ Новгородской духовн. семинаріи, состоящему съ тѣмъ вмѣстѣ и регентомъ Новгородскаго архіерейскаго хора, А. М. Покровскому озаботиться напечатаніемъ журналовъ церковно-пѣвческаго съѣзда. Предпринимаемое изданіе обѣщаетъ быть тѣмъ болѣе интереснымъ, что представитъ собою не одинъ сводъ мнѣній, разсужденій и рѣшеній участниковъ съѣзда по выработкѣ однообразнаго осмогласія для Новгородской епархіи

на основани церковно-цѣвческаго материала, бывшаго въ распоряженіи у участниковъ съѣзда, но дасть иллюстрацію къ тексту въ видѣ *нотныхъ строкъ*.

Н. Пальмоѡъ.

Гнѣвъ (*θυμός*), его виды, польза и вредъ для нравственнаго усовершенствованія, по ученію церковныхъ писателей 4-го и начала 5-го в.

Однимъ изъ аффективныхъ состояній души человѣческой является гнѣвъ (*θυμός*), въ общемъ смыслѣ этого слова. Послѣдній, по своей интенсивности, представляетъ явленіе выдающееся изъ ряда сродныхъ съ нимъ психическихъ движеній. Вспыхивая иногда, подобно искрѣ, на мгновеніе, гнѣвъ столь-же скоро затихаетъ; за то въ иную пору искра гнѣва раздувается въ цѣлый пожаръ—и тогда гнѣвъ уже прочно укореняется въ обрѣтенномъ сосудѣ, оставаясь въ немъ продолжительное время. Объемля духъ человѣка, гнѣвъ, естественно, не можетъ пройти безнаказанно для послѣдняго, а оставляетъ въ немъ глубокой слѣдъ. Обстоятельное и весьма жизненное рѣшеніе вопроса объ упомянутомъ душевномъ движеніи дано намъ устами древнихъ церковныхъ писателей, особенно IV—V (нач.) вѣковъ,—гдѣ гнѣвъ, можно безъ преувеличенія сказать, отразился какъ въ зеркалѣ. Названные писатели, указывая различныя виды и проявленія гнѣва, подробно останавливаются на раскрытіи вреда и пользы гнѣва въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія.

Еще мудрецъ древности—философъ Платонъ училъ „о трехъ частяхъ“ души человѣческой. „Съ главенствующей, читаемъ у Виндельбанда, и разумной (*ἡγεμονικόν, λογιστικόν*) частью души, обращенной къ идеямъ, связаны двѣ другія, одаренныя чувствованіями: одна изъ нихъ болѣе благородная—энергичная предприимчивость (*θυμός, θυμοειδές*—аффективность); другая, болѣе неблагородная—чувственное вождельніе (*ἐπιθυμητικόν,*

φιλοχρήματων—чувственно-пожелательная). Эти „три“ части трактуются у Платона, какъ „проявленія единичной души“ (Виндельбандъ. „Исторія древней философіи“, 173 стр.). Какъ бы въ отзвукъ и дополненіе древняго философа, и теософы—древніе церковные писатели, исходя изъ понятія о единствѣ души, въ проявленіи ея усматривали три стороны: „словественную“ или разумную (τὸ λογιστικόν), служащую какъ бы кормиломъ для двухъ прочихъ; гнѣвную или раздражительную (τὸ θυμώδες—Вас. Великій, χολώδης—Григ. Бог., τὸ θυμηχόν—Эвагріій) и вождельвательную или желательную (τὸ ἐπιθυμητικόν).

Болѣе или менѣе детальный анализъ ученія вышеупомянутыхъ церковныхъ писателей о „гнѣвной“ части души, на основаніи ихъ трудовъ, и долженъ составить предметъ нашего разсужденія.

Уже только что сказаннымъ отчасти намѣчается, что должно разумѣть подь „θυμός“. Это—общее названіе душевнаго движенія, называемаго по-русски „гнѣвомъ“. И церковные писатели разсматриваемаго нами періода подь „θυμός“ разумѣютъ именно это душевное состояніе. Однако, въ данномъ случаѣ необходимо сдѣлать ту оговорку, что словомъ „θυμός“ у писателей выражается и родъ, и видъ гнѣва: какъ гнѣвное состояніе вообще, и какъ временная, быстро возникающая и скоро исчезающая раздражительность, въ частности. Отсюда понятно, почему иногда у одного и того же писателя встрѣчаются два различныхъ гнѣвныхъ состоянія, обозначаемаыя одинаковымъ словомъ „θυμός“. Чтобы не быть голословными, укажемъ нѣсколько дѣтъ, иллюстрирующихъ разбираемый тезисъ Григорій Богословъ, сказавъ, что „отъ гнѣва Божія терпятъ злые и добрые“, продолжаетъ: „но твой (т. е. чловѣка) гнѣвъ (θυμός) не полагаетъ себѣ мѣры и всѣхъ дѣлаетъ равными“ (Стихотворенія: „на гнѣвливость“, ч. 5, 167 стр.). Нѣсколько раньше у него же читаемъ: „гнѣвливость (θυμός)—явное и совершенно обнаженное зло, это вывѣска, которая, противъ воли тѣла, сама себя показы-

наеть“ (ibid. 157). Въ томъ и другомъ случаѣ гнѣвъ приходится понимать въ общемъ смыслѣ этого слова. А когда тотъ же писатель выражается, что „раздражительность (θυμός), когда не преступаетъ мѣры, служить оружіемъ соревнованію“ (ibid. 166), то подѣ „θυμός“ разумѣеть, очевидно, уже кратковременное раздраженіе. Преподобный Іоаннъ Кассіанъ „θυμός“—гнѣвъ, понимаемый въ смыслѣ ярости, поставляетъ въ особый видъ гнѣва: „первый (т. е. гнѣвъ)—пишетъ преподобный—тотъ, который пылаетъ внутри, что по-гречески называется θυμός (ярость)“. (Собесѣдов. „О 8 главныхъ страстяхъ“, гл. XI, 246 стр.). „Раздражительность (θυμός) есть какое-то кратковременное бѣшенство“,—находимъ у Вас. Великаго (Бесѣда 10, „на гнѣвливыхъ“, Твор., ч. IV, 153 стр.).—Подобное якобы противорѣчіе въ сужденіяхъ писателей находить для себя, повидимому, то примиряющее объясненіе, что ярость—раздражительность является роднымъ атрибутомъ и, такъ сказать, постояннымъ спутникомъ гнѣвности (θυμός, θυμοειδής). Въ этомъ мы отчасти убѣдимся, если сопоставимъ опредѣленіе гнѣва (θυμός), данное Немезіемъ, еп. Эмезы съ опредѣленіемъ ярости (θυμός), сдѣланнымъ Василиемъ Великимъ. „Θυμός“—гнѣвъ,—пишетъ Немезій,—„есть вспышка сердечной крови, происходящая отъ волненія или раздраженія желчи“ („Θυμός δὲ ἐστὶ ξέσις τοῦ περὶ καρδίαν αἵματος, ἐξ ἀναθυμιάσεως τῆς χολῆς, ἢ ἀναθολώσεως γινομένη“. „Περὶ θυμοῦ“. Patrologiae Cursus Completus; Nemesii Episcopi Emeseni, „De natura hominis“, Cap. XXI, 962 стр.). „Раздражительность (θυμός), читаемъ у Василія Великаго, есть какое-то воспламененіе и скорое испареніе страсти“ (указ. выше соч., 163 стр.).

Гнѣвъ—θυμός—имѣеть различные виды. Исходнымъ руководителемъ нашимъ въ указаніи этихъ „видовъ“ служить вышеупомянутый еп. Немезій, который даетъ очень рельефную классификацію видовъ гнѣва. Въ его отрывкѣ „περὶ θυμοῦ“ читаемъ: „виды гнѣва (θυμοῦ) три: „ὀργή“ (гнѣвъ), который называется и (καὶ) „χολή“ и (καὶ) „χόλος“; μῆνις и

κότος. „Θυμός“, продолжаетъ Немезій, имѣя начало и движеніе, называется „ὀργή и χολή, и χόλος“; „μῆνις же—это „χολή, ἀγομένη εἰς παλαίωσιν“, или что то же „iga invetescens“ (т. е. застарѣвшій, укорѣнвшійся гнѣвъ); а „κότος“—это „ὀργή“ (гнѣвъ), выжидающій удобное время къ мщению (εἰς τιμωρίαν). (См. упом. выше соч. Р. С. С., Сар. XXI, 692 стр.). Изъ приведенной даты Немезія едва-ли будетъ ошибочнымъ сдѣлать то заключеніе, что „ὀργή“ является какъ бы основнымъ и центральнымъ видомъ гнѣва (θυμοῦ), а „μῆνις“ и „κότος“—это въ сущности то же „ὀργή“, только своеобразно проявляющееся и извѣстное время продолжающееся. Знакомствомъ съ „ὀργή“ и продолжимъ свое разсужденіе о видахъ гнѣва. Насколько можно усматривать, этимъ именемъ у писателей (IV—V в.) обозначается не скоропреходящее раздраженіе души, а постоянное гнѣвное настроеніе, соединяющееся часто съ жаждою мщенія. „Гнѣвъ (ὀργή)—говоритъ Василій Великій—есть постоянная скорбь и продолжительное стремленіе воздать равнымъ тому, кто обидѣлъ, такъ что душа какъ-бы жаждетъ отмщенія“ (Указ. в. соч., 163 стр.). Съ подобнымъ же значеніемъ „ὀργή“ встрѣчаемъ и у Іоанна Златоуста, признающаго, что „напрасно гнѣвается (ὀργιζόμενος...) тотъ, кто хочетъ отмстить за себя самого“ (Толк. на пс., т. V, 24 стр.). Эвагрій о разбираемомъ видѣ гнѣва, между прочимъ, выражается: „гнѣвъ (ὀργή) есть страсть самая быстрая“ (Добротол., т. 1, 631 стр.). У Іоанна Кассіана въ данномъ пунктѣ наталкиваемся на нѣсколько оригинальное дѣленіе гнѣва. Разумѣя подъ „θῦμος“ гнѣвъ „пылающій внутри“, именемъ „ὀργή“ Кассіанъ называетъ гнѣвъ „переходящій въ слово и дѣло“; гнѣвъ же, „который вспыхиваетъ не на короткое время, но сохраняется чрезъ нѣсколько дней, долгое время“, Кассіанъ именуетъ „злопамятностью“ (Собесѣд. 5-е, гл. XI, 246 стр.) Кстати скажемъ, что гнѣвъ, характеризуемый какъ „злопамятность“, встрѣчается еще у Григорія Богослова въ такомъ выраженіи: „если (желаніе мщенія) остается внутри и строить зло, оно есть „злопамятство“—

μνησικαχία („На гнѣвливость“, ч. 5, 155 стр.); и у Эвагрія, сказавшаго, что „памятозлobie“ (μνησικαχίαν) погашаютъ дары“ (Добротол. 1 т., 599).

Съ „ὀργή“ близко граничить „χόλος“. Признать общность природы послѣдней разновидности гнѣва съ первымъ заставляетъ отчасти уже тотъ фактъ, что одинъ и тотъ же „гнѣвъ Божій“ писатели обозначаютъ различными терминами, но въ такомъ родѣ: Вас. Великій и Иоаннъ Златоустъ чрезъ „ὀργή“ а Григорій Богословъ—чрезъ „χόλος“. Пусть даже у Григорія Богослова встрѣчается въ данномъ случаѣ также и „ὀργή“.—Послѣднее обстоятельство только еще краснорѣчивѣе свидѣтельствуемъ о родствѣ „χόλος“ съ „ὀργή“. Разбираемый видъ гнѣва—„χόλος“—встрѣчается преимущественно у Григорія Богослова, который, признавая „χόλος“ достоинствомъ природы (указ. р. соч. 166 стр.), въ большинствѣ случаевъ этимъ именемъ хочетъ обозначить гнѣвъ продолжительный съ оттенкомъ „сердитости“. „Сержусь (χολοῦμαι) на домашняго бѣса, на гнѣвливость (τῷ θυμῷ)“; „передъ разсерженными (χολοούμενοις) надлежало бы ставить зеркало...“ (154, 156 стр.),—пишетъ онъ. Наличие дѣла, однако, требуетъ оговориться, что у того же отца „χόλος“ употребляется иногда и въ смыслѣ раздраженія; напр., когда Григ. Бог. замѣчаетъ, что „разсудокъ спасаетъ насъ во время раздраженія“ (πρὸς χόλου,—155). Какъ на нѣкоторое основаніе въ пользу признанія однородности „χόλος“ и „ὀργή“, можно, пожалуй, еще указать на то обстоятельство, что одинъ и тотъ же видъ гнѣва—μῆτις—два писателя производятъ: одинъ (Немезій) отъ „χολή“, другой (Эвагрій)—отъ „ὀργή“,—какъ бы указуя тѣмъ на родственность источника „гнѣва—μῆτις“. Затронувъ рѣчь о послѣднемъ, по пути разберемъ и эту новую разновидность гнѣва, усмотрѣнную нами только у двухъ сейчасъ приводимыхъ писателей. По одному изъ нихъ—Немезію,—какъ о томъ уже было замѣчено выше,—„μῆτις“ это есть „застарѣвшій гнѣвъ“; по другому—Эвагрію, „μῆτις“ (вражда) есть „ὀργή“—гнѣвъ, закоснѣвшій въ душѣ (Добротол. т. 1, 631 стр.). Значить, и

этотъ видъ гнѣва оказывается роднымъ „ὄργη“. Не будетъ, думается, ошибкой поставить на одну линію съ „ὄργη“ или даже отождествить съ послѣднимъ и „χότος“ (гнѣвъ), подъ такимъ названіемъ встрѣчающійся только у Немезія, и признать этотъ гнѣвъ, по интенсивности его проявленія, сильнѣе двухъ вышеобъясненныхъ: „ρήις“ и „χόλος“.

Василій Великій вводитъ насъ еще въ область двухъ особыхъ видовъ гнѣва, это — „παράθυρος“ и „πικρία“. Первому изъ этихъ видовъ гнѣва св. отецъ даетъ слѣдующее опредѣленіе: „сильнѣйшее движеніе ярости (θυμός) называется бѣшенствомъ (παράθυρος)“ (Правила, ч. 5, 203 стр.). Изъ такого опредѣленія и наименованія открывается, что „παράθυρος“—это, если уместно такъ выразиться, кульминаціонный пунктъ гнѣвливости—раздражительности человѣка, доходящій иногда прямо до неистовства. У Василія Великаго можно неоднократно встрѣтить гнѣвъ съ такимъ отбѣнкомъ; напр., въ слѣдующемъ сравненіи сего отца: „Что въ ядовитыхъ животныхъ ядъ, то въ сердитыхъ (гнѣвливыхъ—по стар. издан.) (—τοῖς παροξυνθεῖσιν)—раздражительность“; причемъ тутъ же продолжаетъ: „они (т. е. гнѣвливые) бѣснуются (λοσσῶσιν), какъ псы“... (Бесѣд. 10, „на гнѣвл.“, ч. 4, 152 стр. Давъ опредѣленіе „παράθυρος“ В. Великій наряду устанавливаетъ понятіе и о „πικρία“: „ненависть же (πικρία) означаетъ еще болѣе страшное укорененіе сего порока въ человѣкѣ“ („Правило, ч. 5, 203 стр.). Изъ словъ отца явствуетъ, что „πικρία“ есть глубокое гнѣвное настроеніе, отличающееся характеромъ „горечи“, растворяемой затаенной жаждой зла обидчику. Съ видомъ гнѣва (πικρία) встрѣчаемся еще у Іоанна Златоуста, въ такомъ его увѣщаніи: „станемъ помогать имъ (т. е. разгнѣваннымъ), какъ изрыгающимъ изъ себя желчь и терзаемымъ, и не будемъ оставлять ихъ до тѣхъ поръ, пока они не извергнутъ всей горечи („τῆν πικρίαν“). (См. толков. на Ев. Матѳ. т. 7, кн. 1, 211 стр.).

С. Чернышевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Классики поневоле.

Думаю, ни въ комъ не возникнетъ сомнѣнiя, кого авторъ имѣеть въ виду этимъ заглавiемъ. Если для свѣтскаго юноши свободно открыты двѣ дороги образованiя: реальная и классическая, то для сына бѣднаго священника и сына всякаго псаломщика такая дорога одна—путь классицизма и конечно невольнаго. Классическiе языки въ духовной школѣ, можно выразиться, неуничтожимы, конечно, относительно неуничтожимы. Развѣ когда ихъ не останется ни въ одной свѣтской школѣ, духовная рѣшитъ разстаться съ ними. Настолько они нужны здѣсь. Всѣмъ памятенъ энергичный походъ противъ нихъ, поднятый нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Дѣло было близко едва не къ совершенному упраздненiю классическихъ гимназiй. И однако на это не рѣшились.

Рѣшатся ли когда-нибудь на это? Признаютъ ли когда-либо классическiе языки достоянiемъ узкаго кружка филологовъ по призванiю и по рожденiю? Вычеркнуть ли ихъ изъ плана каждаго солиднаго образованiя? Намъ кажется, едва-ли, если только человѣчество не идетъ твердо по пути измелечанiя интересовъ и потребностей.

Если бы такое мнѣнiе было парадоксомъ или отсталостью, то положенiе нашихъ духовныхъ питомцевъ было бы поистинѣ печально. Такимъ и является оно или по крайней мѣрѣ кажется нынѣ при господствѣ противоположнаго взгляда. Не то печально, что мальчуганъ духовнаго училища садится за латинскую и греческую азбуку съ яснымъ предчувствiемъ скуки и ненужности этого занятiя. Это возрастъ, когда всякая наука, исключая рисованiя, мало сулитъ прiятнаго. Но то печально, что отецъ этого ученика, изучившiй языки, не менѣе его убѣжденъ въ бесплодности и скукѣ этого занятiя и о времени, потраченномъ на ихъ изученiе, вспоминаетъ, какъ о самыхъ печальныхъ и потерянныхъ страницахъ своего юношескаго дневника. Еще печальнѣе и уже внушаетъ пол-

ное отчаяніе за будущность нашей духовной школы, что иногда (можетъ быть и часто, но къ величайшему счастью—далеко не всегда) и самъ преподаватель греко-латыни держится на свой предметъ взгляда деревенскаго отца своего ученика, а слѣд. и взгляда самого ученика, не чувствуя неловкости отъ такого совпаденія во взглядахъ съ людьми, надъ которыми онъ долженъ возвышаться больше, чѣмъ головою. Подготовленный въ антипатіи семейными взглядами и настроеніемъ отца, не получая въ школѣ импульса въ другую сторону, духовный воспитанникъ естественно сосредоточиваетъ на языкахъ всю силу своего нерасположенія. Но заниматься безъ всякой охоты, съ явной враждой къ предмету конечно не много пользы.

Настоящей замѣткой авторъ хотѣлъ бы содѣйствовать ослабленію той вѣковой вражды къ классицизму, которая особенно гибельна въ духовной средѣ, средѣ, обреченной на долгое еще, по крайней мѣрѣ, господство его въ школѣ, если не на всегдашнее. И это тѣмъ болѣе, чѣмъ вопросъ о классицизмѣ въ духовномъ воспитаніи тѣсно связанъ съ другимъ явленіемъ въ русской церковной жизни, явленіемъ дѣлающимъ всѣхъ чадъ нашей Церкви классиками поневолѣ.

Мы не сомнѣваемся, что если бы стали сосчитывать мнѣнія русской печати за и противъ древнихъ языковъ въ школѣ и на основаніи простого большинства рѣшать вопросъ, его пришлось бы рѣшить въ обратномъ направленіи. На всероссійскомъ голосованіи языки получили бы цѣлыя горы шаровъ черныхъ и очень немного бѣлыхъ.

Но былъ ли бы такой путь рѣшенія вопроса вѣрнымъ? Дѣйствительно ли мнѣніе большинства по ученымъ и учебнымъ вопросамъ всегда лучшее мнѣніе? Было время, когда во всемъ мірѣ одинъ лишь человекъ думалъ, что земля движется вокругъ солнца. И это единичное мнѣніе оказалось вѣрнымъ, а громаднѣйшее до неизмѣримости большинство—ошибающимся.

Мы подмѣтили одну характерную черту полемики противъ древнихъ языковъ въ школѣ, насколько мы имѣли возможность познакомиться съ этою обширныхъ размѣровъ литературой. Вооружались противъ языковъ люди, откровенно сознававшіеся, что они не знаютъ ихъ, хотя и изучали. Они прибавляли, правда, что въ этомъ незнаніи виновато все, кромѣ нихъ самихъ, виновата постановка этого предмета въ гимназіяхъ, виновата очевидная и ставшая для нихъ очевидною еще съ перваго класса гимназіи бесполезность этого предмета въ жизни. Но кто бы и чтобы ни было виновато въ незнаніи, они не стыдятся своего незнанія языковъ и не стыдятся говорить объ этомъ, заявлять это, и притомъ въ статьяхъ противъ языковъ же. Намъ помнится заявленіе, сдѣланное въ одинъ изъ взрывовъ полемики противъ языковъ въ солидной провинціальной газетѣ. Авторъ сознавался, что изъ гимназіи вынесъ самыя отрывочныя свѣдѣнія изъ классиковъ, въ университетѣ тоже мало подвинулся въ знаніи ихъ и только по окончаніи университета хорошо познакомился съ ними по русскимъ переводамъ (для автора, конечно, это былъ подвигъ геройскій). Это знакомство и дало возможность автору написать длинную горячую и убѣжденную статью, гдѣ онъ доказывалъ, что, право, у классиковъ можно научиться только безнравственности.

Вполнѣ мы не отрицаемъ права говорить и писать противъ языковъ тѣмъ, кто не знаетъ ихъ (хотя нѣсколько досадно, когда противъ языковъ вооружается начитанный и либеральный народный учитель, окончившій учительскую семинарію). Но нельзя не признать того факта, что противниками языковъ были главнымъ образомъ люди, мало знавшіе ихъ. Помимо прямого въ иныхъ случаяхъ сознанія самыхъ полемистовъ, этотъ фактъ подтверждается и тѣмъ, что вообще теперь мало найдется людей вполнѣ владѣющихъ древними языками, кромѣ присяжныхъ профессоровъ да развѣ семинаристовъ стараго закала (мы знали одного священника, пн-

савшаго хорошіе стихи на латинскомъ языкѣ). А со стороны такихъ знатоковъ противъ языковъ раздалось одинъ-два голоса.

Но, повторимъ, мы не ставимъ въ особенную вину полемикѣ противъ языковъ эту неполную компетентность большинства полемистовъ. Мы только отмѣчаемъ эту черту полемики, и отмѣчаемъ затѣмъ, чтобы объяснить одно явленіе или вѣрнѣе одно упущеніе, сдѣланное въ настоящей полемикѣ обѣими сторонами, и упущеніе очень важное. Это упущеніе тѣмъ болѣе странно, что какъ противъ языковъ, такъ и въ защиту ихъ было столько говорено, что можно было еще сказать.

Разсуждая о пригодности или непригодности древнихъ классиковъ для гимназій, принимали во вниманіе главнымъ образомъ то, что и какъ они писали, а не языкъ, на которомъ они писали.

Что касается содержанія классическихъ сочиненій, то, конечно, не все въ нихъ одинаково цѣнно. Прежде всего научныя познанія древнихъ, преподносимыя намъ классиками, были самыя наивныя; моральныя понятія, которыми проникнуты произведенія классиковъ, очень сбивчивыя, темныя; идеалы грубоватыя. Но развѣ классическая школа имѣетъ намѣреніе учить своихъ питомцевъ всему по классикамъ? Развѣ онъ преподаетъ точныя и реальныя науки по сочиненіямъ древнихъ? Это было бы тогда, если бы учебникомъ исторіи въ гимназіяхъ служили Фукидидъ и Тацитъ, учебникомъ географіи—Птоломей, физики—Аристотель и т. д.

Равнымъ образомъ и этика классиковъ не отличается кристальной чистотой христіанства. Припомнимъ нѣкоторые типы Иліады, Эдипа и т. п.

Но ни одинъ гимназистъ не читаетъ настолько свободно Софокла и Аристофона, чтобы залюбоваться ихъ порочными типами, чтобы заразиться тонкимъ ядомъ, разлитымъ здѣсь, чтобы серьезно задуматься, напр., надъ господствомъ злого рока во вселенной, такъ неумолимо преслѣдующаго несчастныхъ Эдиповъ. Не говоримъ о томъ, что незачѣмъ выбирать изъ

классиковъ для чтенія худшія мѣста изъ нихъ; да едва ли кто это и дѣлаетъ.

Мы охотно допускаемъ, что и писать литературно, красиво можно скорѣе научиться на Пушкинѣ и Гоголѣ, чѣмъ на Цицеронѣ, Вергиліи или Гораціи (хотя многими признается, что ничто такъ не вырабатываетъ умѣнья выражаться, какъ переводъ, особенно съ совершенно не похожаго по конструкціи языка,—съ древняго на новыи).

Но ради красивыхъ періодовъ читается въ гимназіяхъ Цицеронъ, и не ради сильныхъ оборотовъ, ѣдкаго остроумія и выпуклыхъ образовъ Гораціи. Въ указанныхъ отношеніяхъ, пожалуй, не уступаютъ имъ и наши лучшіе писатели. При томъ же сохранить все эти красоты можно и въ хорошемъ переводѣ. Тогда онѣ еще сильнѣе подѣйствовали бы на молодые умы, не занятые трудной работой перевода.

Для чего должны преподаваться юношеству языки, если не ради проводимыхъ классиками идей, не ради ихъ литературныхъ красотъ? Языки должны преподаваться ради языковъ. Древніе языки въ системѣ классическаго образованія самоцѣль. Они имѣютъ цѣнность и какъ таковыя, помимо того, что и какъ написано на нихъ. Идеаль изученія ихъ не всестороннее знакомство съ литературой, а основательное знаніе ихъ самихъ. Юноша, который вышелъ бы изъ школы знающимъ древніе языки, какъ русскій, такъ пишущимъ и говорящимъ на этихъ языкахъ, какъ на русскомъ, удовлетворилъ бы идеалу „классика“, каковаго, по идеѣ ея устава, должна выпускать гимназія, удовлетворилъ бы этому идеалу, если бы въ классическихъ писателяхъ онъ обладалъ бы скромными свѣдѣніями учебника древней исторіи. Такихъ классиковъ и выпускала добрая старая классическая школа.

Само собою разумѣется, что такое знаніе древнихъ языковъ нужно со стороны гимназиста вовсе не для прохожденія университетскаго курса: этотъ курсъ можно кончить, забывъ половину того, что зналъ въ гимназіи. И для ученой карьеры не необходимо такое знаніе. Какъ показываетъ примѣръ Спен-

сера, можно стать даже всемірно извѣстнымъ ученымъ безъ знанія древнихъ языковъ.

Знаніе народа, знаніе глубокое, основательное, знаніе его души и внутренней сущности невозможно безъ знанія языка этого народа. Если мы до малѣйшихъ подробностей изучимъ исторію какого-либо народа, если познакоимся съ его бытомъ и нравами, словомъ, если мы будемъ знать все касающееся извѣстнаго народа, но не будемъ только знать его языка, въ нашемъ знаніи будетъ громаднѣйшій и ничѣмъ незаполнимый пробѣлъ.

Ничѣмъ такъ не отличается одинъ народъ отъ другого, какъ языкомъ. Не говоримъ о наукѣ, которая вездѣ одна, самая литература и поэзія народовъ имѣютъ много общаго. Искусство различныхъ народовъ тоже часто соприкасается между собою. Это вполне естественно: и наука, и литература, и искусство тѣмъ выше у каждаго народа, чѣмъ болѣе въ нихъ такъ называемаго общечеловѣческаго элемента, т. е. чѣмъ болѣе общаго имѣютъ они съ такими же духовными продуктами другихъ народовъ и чѣмъ легче, слѣдовательно, могутъ быть они поняты другими народами.

Въ своей исторіи народы тоже часто повторяютъ другъ друга. У каждаго народа былъ свой Владиміръ Святой, Ярославъ, Петръ. У каждаго народа была своя Полтава, свой Севастополь. То, чѣмъ для насъ былъ Севастополь, для французовъ былъ Седанъ, для Австріи—Садовая.

Только по языку народы совершенно не похожи другъ на друга. Нельзя представить себѣ двухъ народовъ, выросшихъ внѣ сношеній и вліянія другъ на друга, или не связанныхъ другъ съ другомъ общимъ происхожденіемъ, языки которыхъ заключали бы въ себѣ что либо похожее другъ на друга. Языки самыхъ родственныхъ и близкихъ другъ къ другу народовъ разнятся до неузнаваемости.

Языкъ называютъ сокровищницей народнаго духа. Итакъ въ эту сокровищницу народный духъ складываетъ то, чтò въ немъ есть своего, отличнаго отъ другихъ народовъ. То, чтò

въ немъ общаго съ другими народами, общечеловѣческаго, то онъ можетъ заключить въ свою литературу, въ свое искусство. Своеобразность же, оригинальность его индивидуальности отливается въ языкѣ. Языкъ, это зеркало народной души. Онъ великос, единственное по своей оригинальности произведение народнаго гения. Между всѣми произведеніями этого гения онъ, конечно, первое и величайшее, надъ которымъ этотъ гений трудился дольше, чѣмъ надъ любымъ другимъ, трудился вѣками, и въ которомъ онъ выразилъ всего себя.

Мы не понимаемъ народа, народъ намъ чуждъ, пока мы не знаемъ его языка. Ничто такъ не роднитъ насъ съ чуждымъ народомъ, какъ изученіе его языка. Чтобы глубоко постигнуть чужой народъ, его гений, чтобы заглянуть въ самые сокровенные тайники народной души, нужно знать его языкъ какъ свой. Знаніемъ языка сообщается такое глубокое пониманіе другого народа, какого не даетъ самое детальное знаніе его исторіи и литературы. Недаромъ знаніе иностраннаго языка считалось всегда атрибутомъ интеллигентнаго человѣка.

Конечно, разноязычіе печальное явленіе въ исторіи человѣка. Библия не безъ основанія рассматриваетъ его, какъ кару Божію человѣчеству. Національная рознь и вражда въ человѣчествѣ многимъ обязана различію языковъ. Пока иностранецъ не заговорилъ предъ нами на своемъ странномъ для насъ жаргонѣ, онъ кажется намъ человѣкомъ какъ человѣкъ. Но стоитъ намъ услышать дикіе для насъ звуки, какъ мы сразу чувствуемъ, что между нами образуется цѣлая пропасть. Будущее братство народовъ трудно иначе себѣ представить, какъ въ видѣ большей семьи, говорящей на одномъ языкѣ.

Но пока этого нѣтъ, пока на лицо фактъ разноязычія на землѣ, то съ этимъ фактомъ надо считаться. Такъ какъ объединиться съ народомъ, понять, изучить его можно только чрезъ изученіе его языка, то теперь главнымъ средствомъ для единенія народовъ является взаимное изученіе языковъ,

точно также, какъ единственнымъ средствомъ для сліянія 2-хъ народностей другъ съ другомъ является потеря одной изъ нихъ своего языка (какъ извѣстно, правительства ассимилируютъ чуждыя націи въ государствѣ подавленіемъ ихъ языковъ).

Теперь понятно, чего мы достигаемъ изученіемъ древнихъ языковъ. Мы роднимся чрезъ это съ Греціей и Римомъ. Мы достигаемъ не поверхностнаго лишь знанія историческихъ судебъ и особенностей этихъ народовъ, а глубокаго пониманія ихъ народнаго духа и генія. Нужно ли доказывать, что такое пониманіе духа народа имѣетъ цѣнность, можетъ быть названо истиннымъ знаніемъ народа?

М. Скабаллановичъ

(Окончаніе слѣдуетъ).

О причащеніи больныхъ на дому.

Священникъ сл. Александрова Гая, Самарской епархіи, о. Андрей Солнцевъ ввелъ въ приходъ обычай приобщать больныхъ на дому не запасными Дарами, а Дарами, освященными на литургіи того же дня. По окончаніи литургіи, въ предшествіи свѣщеносца, онъ ходилъ по домамъ больныхъ и приобщалъ ихъ. По наблюденію о. Солнцева, торжественная обстановка таинства производила особенно благотворное воздѣйствіе на больныхъ, утѣшая и умиляя ихъ. Сослуживецъ свящ. Солнцева, о. Д. Хвалынскій возбудилъ вопросъ: не слѣдуетъ ли и вообще предпочесть практикуемый о. Солнцевымъ порядокъ приобщенія больныхъ порядку общеупотребительному. Самарское Епархіальное Начальство, на разсмотрѣніе котораго поступилъ этотъ вопросъ, сочло нужнымъ сдѣлать, однако, слѣдующее разъясненіе, напечатанное въ № 18 Самарскихъ Епарх. Вѣдомостей т. г. на с. 513—514 къ руководству Самарскаго духовенства: „Случай хожденія изъ храма съ св. литургійными Дарами возможны, но въ

обычай такого причастія больныхъ на дому вводить не слѣдуетъ, такъ какъ это и для священниковъ обременительно и опасно въ отношеніи св. Даровъ тѣмъ, что св. Кровь можетъ быть пролитой. Допускать это слѣдуетъ только или въ отношеніи священнослужителей, или лицъ, особенно ревностныхъ и приверженныхъ къ св. храму и богослуженію. Вообще, должно подобное дѣйствіе допускать какъ исключеніе, съ большою осторожностью.“

Съ своей стороны добавимъ, что торжественная обстановка можетъ быть сообщена чину приобщенія больного и тогда, когда приобщеніе совершается не литургійными, а запасными Дарами. Священникъ и самъ долженъ позаботиться объ этомъ, имѣя въ виду, между прочимъ, требованіе „Инструкціи благочинному приходскихъ церквей“, въ 14 пунктѣ которой священникамъ вмѣняется въ обязанность: „когда нужда позоветъ въ дома приходскіе ради причастія больныхъ со святыми Тайнами, они, священники, ходили бы съ подобающею таковому таинству честію“, и далѣе указывается, какъ слѣдуетъ посить запасные св. Дары: „на персѣхъ своихъ, въ устроенныхъ на то дароносицахъ и сдѣланныхъ изъ приличной матеріи влагалищахъ“. У блаж. Симеона Солунскаго (XV в.), въ его „Отвѣтахъ“ на нѣкоторые вопросы, указывается даже, что *ковчежецъ* съ св. Дарами священникъ несетъ къ больному изъ храма *въ рукахъ*; при этомъ священникъ бываетъ облаченъ въ *епитрахиль*, и ему предшествуетъ *лампада*. Причастивъ больного, священникъ въ томъ же порядкѣ возвращается въ храмъ. Важно при этомъ отмѣтить, что блаж. Симеонъ Солунскій, давая указанія, какъ должно приобщать больныхъ, говоритъ, что обычай полагать частицу изъ *запасныхъ* св. Даровъ въ особый *ковчежецъ* и затѣмъ нести къ больному—древній: такъ „дѣлали издревле“, свидѣтельствуется блаж. Симеонъ. Указаніе касательно порядка приобщенія больныхъ блаж. Симеонъ заключаетъ мудрымъ наставленіемъ общаго характера: „такъ подобно дѣлать,.... чтобы все было съ честію и во славу Христа, и съ осторож-

ностію въ отношеніи къ Божественнымъ Тайнамъ, и чтобы не случилось чего-либо постыднаго“ (см. „Писанія св. отцовъ и учителей Церкви, относяшіяся къ истолкованію правосл. Богослуженія“, т. III, СПб. 1857, с. 221—222).

Н. П - вѣ.

ЗАМѢТКА.

О порядкѣ перечисленія прихожанъ изъ одного прихода въ другой.

Вологодское Епарх. Начальство издало по этому счетъ такого рода распоряженіе:

„Въ случаяхъ перемѣщеній прихожанъ однихъ приходо-ходовъ на мѣста постояннаго жительства, находящіяся въ районѣ другихъ приходо-ходовъ, съ переходомъ и фактически таковыхъ лицъ въ другіе приходы (хождение въ храмы на молитву, исповѣдь и приобщеніе Св. Таинъ и др.), при заявленіи о томъ желанія сихъ лицъ, причты, къ приходамъ которыхъ принадлежали таковыя прихожане ранѣе, должны безпрепятственно выдавать имъ подробныя о нихъ выписки изъ находящихся въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ посемейныхъ списковъ со всѣми выселившимися членами ихъ семействъ, и исключать ихъ изъ своихъ исповѣдныхъ вѣдомостей, а причты, къ приходу которыхъ таковыя лица изъявляютъ желаніе быть причисленными, на основаніи таковыхъ выписей, должны включать ихъ въ свои исповѣдныя вѣдомости и разумѣть ихъ какъ своихъ прихожанъ, тѣ и другіе безъ сношенія о томъ съ Епархіальнымъ Начальствомъ. („Вол. Еп. Вѣд.“, № 15; перепеч. Могил. Еп. Вѣд. № 18).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го октября 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Анц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Борчакъ-Новицкаго. Мериновская ул. 6.

ГОДЪ

III

УЧЕВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 42.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года октября 16-го дня.

Содержаніе: I. Полемика „евангельскихъ“ христіанъ съ Архіеп. Антоніемъ Н. Гумилевскій.—II. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Н. Пальмовъ.—III. Гнѣвъ (Фрѳѳ), его виды, польза и вредъ для нравственнаго усовершенствованія, по ученію церковныхъ писателей 4-го и начала 5-го вѣковъ. (Окончаніе) С. Чернышевъ.

Полемика „евангельскихъ“ христіанъ съ архіеп. Антоніемъ.

Въ апрѣлѣ сего года уполномоченные отъ 2-го всероссійскаго съѣзда „евангельскихъ“ христіанъ обратились къ Св. Синоду съ посланіемъ, въ которомъ просили объ удешевленіи въ цѣнѣ и объ уменьшеніи въ форматѣ изданій Библии и о напечатаніи Библии безъ неканоническихъ книгъ. На это посланіе, по порученію Св. Синода, отвѣчалъ архіеп. Волынскій Антоній. Владыка вполне основательно указалъ, что, отвергая Св. Преданіе, сектанты не въ правѣ различать каноническія и неканоническія книги Св. Писанія, такъ какъ самый канонъ священныхъ книгъ установленъ Православною Церковью на основаніи Св. Преданія. Сектанты не могутъ,

напр., объяснить, почему они не признают каноническими посланій ап. Варнавы и св. Климента, „евангелія Θомы“ и др. Единственной хранительницей истины и всѣхъ благодатныхъ спасительныхъ средствъ является Православная Церковь; поэтому архіеи. Антоній и призываетъ сектантовъ возвратиться въ Церковь, такъ какъ, отказываясь повиноваться ей, они, по словамъ Христа, должны быть разсматриваемы, какъ язычники и мытари (Мѡ. 18, 17).

„Евангельскіе“ христіане, съ своей стороны, не остались безотвѣтными. Ихъ отвѣтъ архіеи. Антонію представляетъ значительный интересъ, какъ образецъ сектантской изворотливости и стремленія отвѣчать не по существу дѣла. Такъ, относительно непризнанія каноническими посланій ап. Варнавы и Климента авторы отвѣта говорятъ, что изъ согласія ихъ съ Православной Церковью въ этомъ пунктѣ вовсе не слѣдуетъ, что они должны быть согласны съ нею и во всемъ остальномъ, но никакихъ основаній для такого согласія не указываютъ. Такъ же неосновательно разсуждаютъ они и по вопросу о Церкви. Такъ какъ этотъ вопросъ является самымъ главнымъ въ разбираемой полемикѣ, то отвѣтъ на него сектантовъ слѣдуетъ разсмотрѣть подробнѣе.

Архіеи. Антоній въ своемъ отвѣтѣ сектантамъ высказываетъ православное ученіе, что внѣ Православной Церкви, какъ единственной истинной Церкви Христовой, не можетъ быть ни благодати Духа Святаго, а слѣдовательно, и спасенія, ни даже средствъ для опредѣленія боговдохновенности священныхъ книгъ. Авторы сектантскаго отвѣта сравниваютъ это ученіе, очевидно для того, чтобы его опорочить, съ ученіемъ современныхъ Христу первосвященниковъ и книжниковъ. „Руководители іудейской церкви того времени учили, что храненіе и разъясненіе народу истины Божіей составляетъ ихъ исключительное монопольное право. Поэтому они такъ часто преслѣдовали Господа нашего Іисуса Христа вопросамъ; какою властью Ты это дѣлаешь? Кто Тебѣ далъ эту власть? и т. п. (Мѡ. 21, 23)“. Дѣйствительно, положеніе

Православной Церкви сходно съ положеніемъ еврейской церкви въ ветхомъ завѣтѣ, и въ этомъ сходствѣ нѣтъ ничего предосудительнаго: какъ въ ветхомъ завѣтѣ единственнымъ хранителемъ Божественнаго откровенія былъ народъ еврейскій, которому было „ввѣрено слово Божіе“ (Рим. 3, 2), такъ въ новомъ завѣтѣ такой хранительницей является Церковь Христова, „столпъ и утвержденіе истины“ (1 Тим. 3, 15). Поскольку книжники были законными учителями народа, Христосъ говоритъ о нихъ: „все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте“ (Мѡ. 23, 3); поэтому и вопроса ихъ: какою властью Ты это дѣлаешь?— онъ не призналъ незаконнымъ. Отнята же у нихъ была власть потому, что они злоупотребили ею, отвергнуши Мессію, приготавлиая къ пришествію котораго и было назначеніемъ всего ветхаго завѣта.

Далѣе авторы отвѣта говорятъ, что „Исусъ Христосъ не хотѣлъ допустить, чтобы ученики Его смотрѣли на себя какъ на монополистовъ истины и благодати“, и указываютъ случай, когда Господь не дозволилъ апостоламъ запрещать человѣку, не ходившему за ними, изгонять бѣсовъ именемъ Христовымъ (Марк. 9, 38—39). Но указанный случай никакого отношенія къ вопросу о Церкви не имѣетъ, такъ какъ изгонять бѣсовъ именемъ Христовымъ еще не значитъ принадлежать къ Церкви: „многіе скажутъ Миѣ въ тотъ день: не Твоимъ ли именемъ мы бѣсовъ изгоняли?... и тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ“ (Мѡ. 7, 22—23). Такъ же неудачно указаніе сектантовъ и на ап. Павла, который „выражалъ радость по поводу проповѣди о Христѣ, какъ бы люди ни проповѣдывали Его (Филип. 1, 15—18)“. Въ данномъ мѣстѣ ап. Павелъ говоритъ о людяхъ, проповѣдовавшихъ по нечистымъ побужденіямъ: „по зависти и злобной ненависти“, а вовсе не о проповѣдникахъ непривлеченныхъ и тѣмъ болѣе искажающихъ истину евангельскую; о первыхъ апостольскій свидѣтельствуется: „какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы“? (Рим. 10, 15), а о послѣднихъ: „если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то

что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема“ (Гал. 1, 8). А такими непризванными и искажающими апостольское благовѣствованіе учителями и являются сектанты.

Противъ утвержденія архіеп. Антонія, что благодать Божія „приурочивается на землѣ къ дѣйствіямъ или учрежденіямъ видимой церкви или ея іерархіи“, авторы отвѣта прежде всего ссылаются на всеобщность благодати: „въ Посл. Тит. 2, 11 говорится: явилась благодать *спасительная для человѣковъ*—архіепископъ же утверждаетъ: не для всѣхъ“.—Напрасно авторы отвѣта думаютъ, будто архіеп. Антоній не знаетъ той, исповѣдуемой Православной Церковью истины, что кровь Христова съ избыткомъ очищаетъ грѣхи всего міра. Но слѣдуетъ ли отсюда, что всѣ люди, независимо отъ того, какъ они вѣруютъ и какъ живутъ, уже спасены? Такой нелѣпости не утверждаютъ и сами сектанты, такъ какъ они понимаютъ, что и со стороны самого челоуѣка требуются извѣстные условія для усвоенія спасенія, совершеннаго Христомъ, хотя, вопреки слову Божію (Іак. 2, 24), и ограничиваютъ эти условія одною только вѣрою. Зачѣмъ же приводить текстъ, явно не относящійся къ дѣлу? Не болѣе относятся къ дѣлу и приводимыя авторами отвѣта слова ап. Павла: „слово ваше да будетъ съ благодатью“ (Кол. 4, 6), изъ которыхъ видно, что и слово нерукоположенныхъ можетъ быть съ благодатью: вѣдь и Православная Церковь не отрицаетъ того, что ея члены получаютъ благодать, но получаютъ они ее именно отъ іерархическихъ лицъ. Не пропустили авторы отвѣта и извѣстныхъ словъ Господа, представляющихъ послѣднее прибѣжище сектантовъ по вопросу о Церкви: „гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди нихъ“ (Мѣ. 18, 20). Не входя въ подробное изъясненіе этихъ словъ, обстоятельно разъясненныхъ православными миссіонерами, достаточно указать на контекстъ (17—18 ст.), изъ котораго ясно видно, что Церковью является не всякое собраніе вѣрующихъ, а общество, надѣленное властью вязать и рѣшить. Да и какъ осмѣливаются утверждать, что они со-

бираются во имя Христово, тѣ люди, которые нарушаютъ предемертную волю Христа („да будутъ все едино“—Іоан. 17, 21), отрывая своихъ послѣдователей отъ единства Церкви Христовой? Мало помогаютъ авторамъ отвѣта и послѣднія, приводимыя ими для подтвержденія своей мысли, что благодать Св. Духа дѣйствуетъ и внѣ Православной Церкви, слова: „Духъ дышетъ, гдѣ хочеть“ (Іоан. 3, 8). Безспорно, свободная дѣятельность Духа Святаго не можетъ быть ничѣмъ связана, и Православная Церковь считаетъ свои таинства средствами для сообщенія благодати не потому, чтобы они были магическими дѣйствіями, низводящими благодать Св. Духа помимо Его воли, а потому, что Самъ Спаситель, пославшій въ міръ Духа-Утѣшителя (а слѣдовательно, и Св. Духъ, дѣйствующій исполнѣ согласно со Христомъ), установилъ для этой цѣли опредѣленныя церковныя священнодѣйствія. Въ виду этого совершенно нелѣпо употребляемое авторами отвѣта сравненіе благодати Духа Святаго съ электрической энергіей, которую нельзя монополизировать.

Переходя къ основному вопросу, кто же именно долженъ считаться принадлежащимъ къ истинной Церкви Христовой, авторы отвѣта стараются приравнять высказанное архіеп. Антоніемъ православное ученіе по данному вопросу къ ученію іудеевъ, которые „думали, что только тѣ дѣти Авраама, кто генеалогически путемъ рожденія изъ племени его происходитъ отъ него, и что не можетъ быть дѣтей Аврааму изъ людей, происходящихъ изъ другихъ племенъ и народовъ и тѣмъ паче языческихъ“. Такое представленіе іудеевъ, какъ извѣстно, было опровергнуто Іоан. Крестителемъ (Мѡ. 3, 9) и ап. Павломъ (Рим. 9, 6—7). „Развѣ и теперь“, говорятъ авторы отвѣта, „въ глазахъ Божіихъ внѣшняя связь, внѣшніе признаки имѣютъ какое либо значеніе? Если проникнуть въ духъ вещей, если понять, что значить „сыны рабы“ и „сыны свободной“, то станетъ ясно, что и теперь могутъ быть церкви, ведущія свое внѣшнее происхожденіе отъ Апостоловъ, но которыя все-таки не Церкви Христовы, и наобо-

ротъ, могутъ быть церкви, которыя даже не могли бы доказать своей внѣшней связи съ апостольскимъ временемъ, но которыя все такъ „Сѣмя Авраамова“, т. е. Церкви Христовы“. Итакъ, по утверженію сектантовъ, связь между теперешней Церковью Христовой и Церковью Апостольской можетъ быть разорвана, такъ что существованіе истинной Церкви на землѣ можетъ временно прекратиться, и, такимъ образомъ, оказываются ложными слова ап. Павла, что слава Христова въ Церкви, а слѣдовательно и сама Церковь, будетъ пребывать во вѣки (Еф. 3, 21), и слова Самаго Спасителя, что Церкви не одолѣютъ врата ада (Мѳ. 16, 18). Совершенно напрасно авторы отвѣта стараются подчеркнуть, что они говорятъ только о *внѣшней* связи: ихъ секта не имѣетъ съ Церковью Апостольской не только внѣшней, но и внутренней связи, такъ какъ самое протестантское *ученіе* появилось впервые въ XVI в., и самыя тщательныя историческія изслѣдованія не могутъ обнаружить непрерывнаго существованія со временъ апостольскихъ общины съ одинаковымъ протестантскимъ вѣроученіемъ. Были попытки у сектантовъ поставить свои общины въ связь съ разнаго рода ересями, которыя, дѣйствительно, существовали съ самыхъ временъ апостольскихъ; но вѣроученія этихъ сектъ были крайне разнообразны, тогда какъ, по свидѣтельству ап. Павла, непремѣннымъ признакомъ истинной Церкви служить „одна вѣра“ и „одно крещеніе“ (Еф. 4, 5).

По всей вѣроятности, сами сектанты чувствуютъ недостаточность своихъ теоретическихъ основаній, приводимыхъ въ доказательство того, что они, а не православные, составляютъ истинную Церковь. По крайней мѣрѣ, они обычно съ теоретической точки зрѣнія скоро переходятъ на практическую. Такъ поступаютъ и авторы разсматриваемаго отвѣта. Приведши извѣстныя слова ап. Павла о святости Церкви (Еф. 5, 25—27), они спрашиваютъ: „есть ли та церковь, къ которой принадлежитъ архіепископъ Антоній, именно такая церковь по существу? есть ли эта церковь домъ духовный

изъ камней живыхъ, т. е. изъ членовъ, сознательно увѣровавшихъ и сознательно присоединившихся и сознательно живущихъ въ ней"? На эти вопросы авторы отвѣчаютъ указаніемъ на религіозное невѣжество православнаго простого народа и индифферентизмъ числящейся въ православіи интеллигенціи, сравниваютъ Православную русскую Церковь съ малоазійскими церквами, обличаемыми ап. Іоанномъ въ первыхъ главахъ Откровенія и словами ап. Іоанна изъ той-же священной книги призываютъ „ангеловъ“ русской Церкви къ покаянію. Прямо авторы отвѣта не говорятъ, что Православная Церковь не есть истинная, но такой выводъ самъ собою вытекаетъ изъ ихъ словъ. Да и помимо того, такой взглядъ сектантовъ на Православную Церковь ясно виденъ изъ того, что они считаютъ православныхъ погибшими и необходимымъ средствомъ для спасенія послѣднихъ признаютъ переходъ изъ православія въ секту. Но указываемыя авторами отвѣта главы Откровенія ап. Іоанна свидѣтельствуютъ о заблужденіи сектантовъ по данному вопросу. Въ церквахъ ¹⁾ могутъ быть грѣшныя члены, сами „ангелы“ этихъ церквей могутъ быть далеко не безупречными, и однако это не препятствуетъ ап. Іоанну называть ихъ церквами, а себя ихъ братомъ (Отк. 1, 9). Церковь и учреждена Христомъ на землѣ „къ совершенію святыхъ“ (Еф. 4, 12), т. е. для того, чтобы постепенно приводить своихъ членовъ къ святости, тогда какъ съ точки зрѣнія сектантовъ, считающихъ себя святыми и спасенными, самое существованіе Церкви представляется безцѣльнымъ и потому излишнимъ, почему они относятся такъ легкомысленно къ своему отпаденію отъ истинной Церкви Христовой и другихъ увлекаютъ къ тому же. Если же они говорятъ о Церкви, то лишь потому, что о ней упоминается въ Св. Писаніи; но при этомъ они совершенно не понимаютъ того великаго и ничѣмъ незамѣнимаго значенія, какое имѣетъ въ жизни

¹⁾ Многія церкви разумѣются не въ смыслѣ различно вѣрующихъ и враждебныхъ другъ другу общинъ, а въ смыслѣ частей единой Церкви, единого тѣла Христова.

истиннаго христіанина Церковь, какъ тѣло Христово, получающее отъ своего Главы освящающую, спасительную благодать и сообщающее ее своимъ членамъ.

Разумѣется, признаніе того, что въ Церкви неизбѣжно присутствіе грѣшныхъ членовъ, не должно успокаивать насъ и примирять съ нашей грѣховностью и грѣховностью окружающихъ насъ. Нельзя не согласиться съ сектантами въ томъ, что жизнь многихъ православныхъ далеко расходится съ исповѣдуемымъ ими вѣроученіемъ, такъ что и къ намъ относятся грозныя слова Божіи: „ради васъ имя Божіе хулится у язычниковъ“ (Рим. 2, 24). И однако все это не препятствуетъ Православной Церкви, непрерывно сохраняющей не только внѣшнюю, но внутреннюю (въ вѣрѣ, ученіи и таинствахъ) связь съ Церковью Апостольской, оставаться истинной Церковью Христовой, а сектантамъ—пребывать внѣ Церкви и, слѣдовательно, быть, по безусловно справедливому утверженію архіеп. Антонія, наравнѣ съ язычниками и мытарями. Не слѣдуетъ забывать и того, что въ Церкви Православной и, въ частности, въ русской просіяли многіе великіе свѣтильники вѣры и благочестія, которыхъ Самъ Богъ прославилъ чудотвореніями, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія сектантовъ ихъ слѣдуетъ признать идолопоклонниками и погибшими, такъ какъ они вѣровали и учили по-православному, а не по-сектантски, а нѣкоторые ихъ нихъ, какъ свят. Димитрій Ростовскій, даже обличали современныхъ имъ сектантовъ.

Авторы отвѣта стараются особенно оттѣнить то обстоятельство, что Православная Церковь не состоитъ „изъ членовъ, сознательно увѣровавшихъ и сознательно присоединившихся и сознательно живущихъ въ ней“. Нужно сказать, что сознательное обращеніе ¹⁾ ко Христу баптисты признають

¹⁾ Это „сознательное“ обращеніе, правда, въ иныхъ случаяхъ, когда, напр., мужъ—баптистъ, а жена и дѣти—православныя, вызывается кулачной расправой (такіе случаи указаны, напр., въ Матеріалахъ для исторіи религіозно-раціоналистическаго движенія на югѣ Россіи во 2-ой половинѣ XIX ст.“ еп. Алексія.—Казань, 1911 г.), въ другихъ случаяхъ—

необходимымъ требованіемъ отъ переходящихъ къ нимъ (почему и отрицають крещеніе младенцевъ) и считаютъ это главнымъ преимуществомъ своей секты. Но христіане постепенно возрастають „въ познаніи Бога“ (Кол. 1, 10), такъ что даже въ Церкви временъ апостольскихъ были „младенцы во Христѣ“, которыхъ ап. Павелъ питалъ молокомъ, а не твердою пищей (1 Кор. 3, 1—2), которыхъ нужно было „учить первымъ началамъ слова Божія“ (Евр. 5, 12), и которые однако были членами Церкви Божіей, призванными святыми (1 Кор. 1, 2). И въ Православной Церкви, наряду съ такими „младенцами“, которыхъ пастыри Церкви (къ сожалѣнію, правда, не всѣ) стараются постепенно просвѣщать, есть не мало людей, вполне сознательно вѣрующихъ и старающихся жить согласно съ своей вѣрой. Что же касается баптистской „сознательности“, то она въ значительной степени объясняется тѣмъ, что баптисты крайне сузили христіанское вѣроученіе, сведши его почти исключительно къ увѣренности каждаго въ его личномъ спасеніи Христомъ. Само собою понятно, что такое суженное и одностороннее вѣроученіе гораздо легче понять и усвоить, чѣмъ всестороннее православное ученіе, обнимающее Божественное откровеніе во всей его глубинѣ и полнотѣ.

Такимъ образомъ, всѣ обвиненія взводимыя сектантами на Православную Церковь, въ дѣйствительности приложимы не къ ней, а лишь къ ея отдѣльнымъ членамъ. Въ самой же Церкви не только нѣтъ ничего такого, что препятствовало бы сознательно вѣровать и достигать высшей, возможной для человѣка степени святости, но, напротивъ, только въ ней находятся всѣ благопріятныя условія для того и другого, что и подтверждается всѣмъ сонмомъ православныхъ святыхъ.

Н. Гумилевскій.

соблазномъ экономической поддержки. Что не всѣ баптисты хорошо знаютъ свое вѣроученіе, см., напр., статью свящ. В. Пестрякова „Изъ наблюденій надъ жизнью сектантовъ-баптистовъ“ („Рук. д. с. паст.“ 1911 г., № 37).

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Борьба духовенства съ народнымъ пьянствомъ.

Годъ тому назадъ, на страницахъ „Р. д. с. п.“ мы имѣли случай говорить о тѣхъ мѣрахъ и средствахъ, которыя вырабатываетъ духовенство по различнымъ епархіямъ въ дѣлѣ борьбы съ исконнымъ недугомъ русскаго народа—пьянствомъ¹⁾. Епархіальные органы печати текущаго года даютъ основаніе заключать, что наше духовенство не только проникается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сознаниемъ необходимости взять борьбу съ народнымъ пьянствомъ въ свои руки, но и что самое дѣло борьбы—постепенно развивается, находя въ средѣ духовенства искренно преданныхъ и усердныхъ къ этому святому дѣлу лицъ. Въ Псковской, напр., епархіи особая комиссія изъ депутатовъ Епархіальнаго Съѣзда, бывшаго въ концѣ августа сего года, выработала принятый на Съѣздѣ и утвержденный Епархіальною Властью „Уставъ Общества трезвости при церквахъ Псковской епархіи“; по распоряженію преосв. Алексія, епископа Псковскаго, Уставъ этотъ *внѣ очереди* напечатанъ въ офиц. части № 18 Псковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (с. 354—357) „къ руководству и исполненію“ со стороны псковскаго духовенства. Но касаясь самаго Устава, обратимъ вниманіе на идеи, которыя положены были комиссіей депутатовъ Псковскаго Епархіальнаго Съѣзда въ основу и взяты въ руководство при созданіи этого Устава. Онѣ выражены въ особомъ „докладѣ“ Епархіальному Съѣзду, представленномъ на Съѣздѣ вмѣстѣ съ Уставомъ. „Народное пьянство есть величайшее зло“, сказали депутаты Псковскаго Съѣзда, — „ужаснѣйшее изъ всѣхъ бѣдствій человечества. Отъ него погибли милліоны людей. Не столько людей погибаетъ на

¹⁾ См. № 44 „Р. д. с. п.“ за 1910 г.: „Средства и способы борьбы съ народнымъ пьянствомъ, вырабатываемые духовенствомъ“.

войнѣ отъ непріятельскихъ пуль, не столько истреблено холерою, сколько погибаетъ отъ пьянства. Пьянство разѣдаетъ весь народный организмъ; отъ него гибнутъ цѣлыя семейства и хозяйства, отъ него погибаетъ масса молодыхъ силъ, которыя при другихъ условіяхъ могли бы принести великую пользу“¹⁾. Борьба съ народнымъ пьянствомъ *прежде всего* должна лежать на священникѣ, и въ этой борьбѣ священникъ успѣшно можетъ руководствоваться мѣрами, находящимися всегда въ его распоряженіи. Какія же это мѣры?

1) „Во главѣ всѣхъ мѣръ должно быть поставлено энергичное пастырское слово съ церковной кафедрой о вредѣ народнаго пьянства и гибельныхъ его послѣдствіяхъ.

2) Собственный примѣръ духовенства и особенно пастыря церкви; пастырь церкви долженъ быть образцомъ для своихъ прихожанъ, — пустымъ эхомъ будетъ его слово, если онъ самъ въ своей жизни не будетъ олицетворять того, о чемъ проповѣдуетъ пастырь.

3) Пастырь церкви особенно долженъ быть осторожнымъ и внимательнымъ къ себѣ, появляясь въ мѣстахъ

²⁾ До какихъ, въ самомъ цѣлѣ, чудовищныхъ размѣровъ доходить у насъ истребленіе водки, показываютъ слѣдующія цифровыя данныя, приводимыя, напр., Костромскими Епарх. Вѣдомостями (см. № 18, с. 573—574). Въ 1910 г. было продано въ Россіи казеннаго вина 89,542,417 ведеръ, болѣе прогивъ 1908 г. на 3,538,242 ведра. Подушное потребленіе вина въ 1910 г. опредѣлилось, въ среднемъ, по 12 бутылокъ на человека. Наибольшее подушное потребленіе вина падаетъ на губерніи: Московскую, С. Петербургскую, Екатеринославскую и область Кубанскую; наименьшее—на губерніи: Ломжинскую, Плоцкую, Сувалекскую и области: Терскую и Дагестанскую. Наименьшій размѣръ потребления вина далъ въ 1910 г. мѣсяць мартъ, на который пришелся великій постъ; наибольшій—послѣдняя треть года; изъ мѣсяцевъ послѣдней трети года менѣе продано питей въ ноябрѣ, на вторую половину котораго приходится Рождественскій постъ; первое мѣсто по размѣрамъ продажи вина въ концѣ года занимаетъ, по обыкновенію, октябрь мѣсяць. Валовой доходъ отъ продажи казеннаго вина равнялся 765,434,091 р.—онъ превысилъ доходъ 1909 г. на 44,020,921 р.; расходъ произведенъ въ суммѣ 189,978,439 р. 68 к.—менѣе 1909 года на 3,370,468 р. 34 к. Чистый доходъ опредѣлился въ 574,455,652 р. 2 к.—на 47,391,389 р. 57 к. болѣе 1909 года.

общественныхъ собраній, такъ какъ всякій нетактичный и невыдержанный его шагъ кладеть пятно не только на него, но и на все духовенство.

4) Ненормально то явленіе въ жизни духовенства, что нѣкоторые изъ причтовъ по стариннымъ традиціямъ и теперь еще угощаютъ прихожанъ особенно въ дни храмовыхъ праздниковъ водкою, а также устраиваютъ помочи съ тѣмъ же угощеніемъ. Печальное и грустное явленіе! Поэтому вмѣнить о.о. благочиннымъ епархіи, чтобы они зорко слѣдили и уничтожали этотъ пагубный обычай, а если авторитетъ ихъ въ этомъ дѣлѣ окажется безсильнымъ, то сообщали бы Епархіальному Начальству.

5) Воздѣйствіе священника, особенно при исповѣди, на прихожанъ, предающихся пороку пьянства, мѣрами пастырскаго благоразумія, такъ какъ исповѣдь есть особенно благоприятный моментъ для вліянія пастыря на душу человѣка.

6) Ради воспитанія молодого поколѣнія на началахъ трезвости, законоучители и всѣ учащіе всѣхъ школъ, а особенно церковно-приходскихъ, при всякомъ удобномъ случаѣ должны внушать дѣтямъ всю пагубность отъ употребленія вина и настойчиво располагать ихъ не вкушать и капли этого яда. Рекомендовать о.о. завѣдующимъ церковно-приходскихъ школъ въ дополненіе къ существующей программѣ ввести въ школъ уроки о вредѣ алкоголя и, гдѣ позволятъ средства,— съ наглядными картинами. Для проведенія и укрѣпленія въ народѣ началъ трезвости стараться образовывать изъ окончившихъ школу кружки трезвенниковъ, снабжая ихъ листками и брошюрами соответствующаго содержанія.

7) Просить Епархіальное Начальство войти съ ходатайствомъ къ подлежащему начальству объ удаленіи существующихъ винныхъ лавокъ не ближе, какъ на трехверстное разстояніе отъ церкви (с. 353—354)“.

Это—въ Псковской епархіи. Въ Новгородской епархіи, высокопреосв. Арсеній, архіепископъ Новгородскій, обратился къ духовенству съ особымъ воззваніемъ (отъ 20 сент. т. г.),

приглашая Новгородское духовенство не только *противостать* дальнѣйшему развитію народнаго пьянства, „но устремиться на искорененіе его теперь же“. Новгородскій владыка въ ряду средствъ къ борьбѣ съ пьянствомъ особенно рекомендуетъ пастырямъ учрежденіе церковныхъ братствъ трезвости подъ руководствомъ приходскихъ священниковъ. „Не слѣдуетъ смущаться“ при этомъ, говоритъ высокопр. Арсеній, „если на первыхъ порахъ такія братства будутъ даже очень малочисленны: опытъ существующихъ братствъ и обществъ трезвости свидѣтельствуешь, что и они нерѣдко начинались даже съ единичныхъ членовъ, а теперь разрослись даже до нѣсколькихъ тысячъ членовъ. Было бы горячее желаніе трезвости у единичныхъ членовъ братства,—они сумѣютъ и другихъ воодушевить на то же“. Въ цѣляхъ болѣе закрѣпить объѣтъ трезвости, архіеп. Арсеній рекомендуетъ выдавать трезвенникамъ особыя *трезвенныя грамоты*. Трезвенная грамота и самого трезвенника удержитъ въ минуту искушенія, и другимъ онъ можетъ указать на нее и защититься, когда тѣ будутъ соблазнять его на выпивку. Для подъема дѣятельности обществъ и братствъ трезвости архіеп. Арсеній рекомендуетъ устраивать паломничества трезвенниковъ къ св. мѣстамъ и крестные ходы на далекія разстоянія. Опытъ паломничествъ и крестныхъ ходовъ трезвенниковъ въ Новгородской епархіи далъ уже самые благопріятные результаты. Во время хоженій по св. мѣстамъ паломники съ полною охотою и съ большимъ одушевленіемъ принимали участіе въ общенародномъ пѣніи какъ во время самого пути, такъ и въ богослуженіяхъ у святыни. „Очевидно“, заключаетъ архіеп. Арсеній, „и въ народѣ, и въ духовенствѣ признана великая важность именно церковной борьбы съ порокомъ пьянства“ (Новг. Епарх. Вѣдом. № 38, ч. неоффиц. с. 1239—1243).

Въ Самарской епархіи 31-го авг. т. г. состоялось открытіе Епархіальнаго Братства пастырей—трезвенниковъ. Мысль о такомъ Братствѣ давно уже зрѣла среди Самарскаго духовенства, но осуществленіе свое нашла она послѣ того,

какъ на одномъ изъ журналовъ прошлогодняго Епархіального Съѣзда Самарскаго духовенства преосв. Константинъ, епископъ Самарскій, положилъ резолюцію: „Учрежденіе Епархіального Братства пастырей—трезвенниковъ не только желательно, но и необходимо, такъ какъ пастыри должны трудиться надъ искорененіемъ нетрезвости въ своихъ прихожанахъ, научая ихъ не только словами, но и примѣромъ собственной абсолютно трезвой жизни“¹⁾. На собраніи пастырей-трезвенниковъ въ этотъ день 31 авг. свящ. о. В. Смирновъ прочиталъ докладъ „О вредѣ алкоголя и о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ“ (Самарск. Епарх. Вѣдом. № 18, с. 783—792), и въ этомъ докладѣ съ особенною настойчивостью призывалъ собратій-пастырей „сбросить съ себя дремоту, облечься во всеоружіе Божіе, призвать на помощь себѣ силу воли и ума и объявить войну алкоголю. Не дожидаясь и не надѣясь на такія радикальныя мѣры, какъ запрещеніе продажи алкоголя, необходимо, прежде всего, быть самимъ образцомъ строго трезвенной жизни и всѣми средствами бороться съ пьянствомъ не только среди прихожанъ, но и среди своихъ собратій“. Преданные дѣлу борьбы съ пьянствомъ братства пастырей-трезвенниковъ, много могутъ содѣйствовать плановѣрности и успѣшности въ этой борьбѣ (с. 791). Преосвящ. Константинъ, епископъ Самарскій, благословляя открытіе Самарскаго Братства пастырей-трезвенниковъ, выразилъ пожеланіе полного успѣха дѣятельности Братства какъ въ средѣ духовенства, такъ и въ средѣ народа. „Въ народѣ нашемъ живы еще и дѣйственны добрыя начала“, говорилъ, между прочимъ, преосв. Константинъ. „Я глубоко вѣрю, что будущій типъ русскаго народа—это не *босаякъ* Горькаго и не *товарищъ* социаль-демократовъ; это—типъ христіанина трудящагося, начертанный Достоевскимъ, который называетъ нашъ народъ „богоносцемъ“;

¹⁾ См. указанную статью въ „Р. д. с. п.“ за 1910 г. № 44 и с. 795 № 18 Самар. Еп. Вѣдом. за т. г.

это—тишь христіанина, вѣрующаго въ Бога и вѣрующаго вмѣстѣ съ тѣмъ въ спасительность труда“ (ibid. с. 797). Преосв. Константинъ рекомендовалъ борцамъ противъ народнаго пьянства обратить вниманіе на подростующее поколѣніе, особенно—въ школахъ. Въ этомъ случаѣ владыка основывался на цифровыхъ данныхъ, приведенныхъ предсѣдателемъ Александро-Невскаго Общества трезвости въ С.-Петербургѣ прот. П. Миртовымъ въ его лекціи на Самарскихъ лѣтнихъ курсахъ учителей: оказывается, что *громадный процентъ* дѣтей школьнаго возраста уже вкусилъ губительнаго зелья! „Вотъ почему желательно“, указывалъ преосв. Константинъ, „чтобы въ школьныя занятія было введено ознакомленіе учащихъ съ губительными послѣдствіями употребленія спиртныхъ напитковъ, но въ этомъ случаѣ нужно умѣть заинтересовать дѣтей подборомъ брошюръ и статей, изложенныхъ въ болѣе живой и доступной дѣтскому пониманію формѣ. Въ Петербургскомъ Александро-Невскомъ Обществѣ Трезвости имѣется уже много книгъ и брошюръ, изданныхъ вполне доступно пониманію простаго народа, а потому онѣ могутъ получить широкое распространеніе. Извѣстно, что неуспѣхъ распространенія нѣкоторыхъ изданій зависитъ отъ того, что въ нихъ нѣтъ ясности и того захватывающаго интереса, который заставляетъ приковываться вниманіемъ къ книгѣ, полюбить ее, слѣдовать ея совѣтамъ и указаніямъ“ (ibid. с. 798). „Уставъ Самарскаго Епархіальнаго Братства пастырей-трезвенниковъ“ напечатанъ въ неоффиц. части № 18 Самарскихъ Епарх. Вѣдом. на с. 792—795.

Нищенство и мѣры къ его ограниченію.

Подъ такимъ заглавіемъ помѣстилъ статью *Приходскій пастырь* въ Пермскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ (см. № 27, с. 554—563 отд. неоффиц.). Печтенный авторъ обращаетъ вниманіе на то, что существующій способъ поручной раздачи милостыни нищимъ не достигаетъ цѣли. Не принося пользы,

онъ, напротивъ, иногда даже приноситъ вредъ, такъ какъ, подь вліяніемъ добрыхъ порывовъ сердца, мы нерѣдко оказываемъ помощь не тѣмъ, кто дѣйствительно въ ней нуждается, а разнымъ проходимцамъ и празднолюбцамъ, безъ зазрѣнія совѣсти эксплуатирующимъ доброе христіанское чувство, людямъ физически здоровымъ, но излѣнившимся, распутившимся и потерявшимъ образъ Божій, вслѣдствіе пьянства и разгульной жизни. Мы *не знаемъ* нищихъ, а это—большое горе! Получая возможность жить, хоть и неважно, на наши подаванія, безъ труда и усилій, иной честный и нравственный человекъ, случайно вившій въ нищенство, уже не старается выйти изъ своего состоянія; онъ привыкаетъ къ нему... Правильная постановка дѣла благотворенія требуетъ, чтобы каждый приходъ зналъ своихъ нищихъ, а каждый прихожанинъ благотворилъ только въ предѣлахъ своего прихода и не распространялъ благотворительности на другіе приходы, нищія которыхъ могутъ быть неизвѣстны. Установить строгую регламентацію нищихъ прихода—дѣло для попечителей не трудное, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ попечительствахъ выработаны уже приемы дѣятельности подобнаго рода. Посѣтить разъ въ мѣсяць притоны, гдѣ ютится бѣдность, и употребить на это нѣсколько часовъ—вотъ и все, что нужно сдѣлать священнику, или попечителю, или кому нибудь изъ членовъ причта, дабы собрать точныя свѣдѣнія о нищей братіи своего прихода. А *устроить* нищихъ надо такъ. Прежде всего, слѣдуетъ выдѣлить изъ ихъ среды лицъ, совершенно не способныхъ къ труду по физическимъ недостаткамъ, и помѣстить ихъ въ пріюты, больницы и въ богадѣльни. А тѣхъ, кто не потерялъ способности къ труду, но лишь сбился съ правильнаго пути, необходимо поставить въ такія условія, чтобы они могли собственнымъ трудомъ приобрѣтать кусокъ насущнаго хлѣба. Для нихъ нужно подыскать занятія, соотвѣтствующія ихъ силамъ и способностямъ. Тунеядцевъ и облѣнившихся нужно силой заставлять работать, не останавливаясь въ этомъ случаѣ и предъ содѣйствіемъ гражданскихъ властей. При

правильной постановкѣ дѣла благотворенія и точной регламентаціи нищихъ, въ приходѣ будутъ получать помощь и тѣ несчастные бѣдняки: сироты, вдовы, старики и старухи, которые не имѣютъ теперь смѣлости протянуть руку за помощью. Великая честь будетъ тому приходу, въ которомъ не окажется ни одного нищаго, благодаря умѣлому дѣйствованію попечителей. Тогда, по устройствѣ своихъ нищихъ, приходскіе благотворители могутъ расширить свою дѣятельность: могутъ направить свои денежные и иныя жертвы въ другіе приходы, гдѣ ощущается нужда въ сторонней помощи, могутъ составлять запасы денежныхъ средствъ и на будущія времена для своего прихода. „Было бы совершенно излишне говорить“, заключаетъ Приходскій пастырѣ свою интересную статью, „что инициатива въ дѣлѣ организаціи приходской благотворительности должна принадлежать духовенству, и центромъ, около котораго должны совершаться дѣла благотворенія, долженъ быть приходскій храмъ. Православные храмы, со времени возникновенія христіанства, всегда служили не только мѣстомъ молитвы, но и мѣстомъ благотворенія и милостыни. Въ этомъ отношеніи достоподражаемымъ примѣромъ является для насъ церковь первенствующихъ христіанъ. Имѣя въ виду живой примѣръ своего Божественнаго Основателя и воспріявъ благодать Св. Духа, она явила полное отраженіе любви христіанской и, проникнутая духомъ этой любви къ своимъ ближнимъ, приносила все достояніе свое къ ногамъ апостоловъ на дѣла благотворенія“... И въ тѣ счастливыя времена, среди первенствующихъ христіанъ не было нуждающихся: всѣ, которые владѣли землями или домами, продавали ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому,—по словамъ апостола Луки,—давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду (Дѣян. IV, 34—35).

Примѣръ церкви апостольской, равно какъ и церкви послѣдующей, заводившей при храмахъ больницы, богадѣльни, пріюты для сиротъ страннопріимные дома и пр. благотворительныя учрежденія, указываетъ, конечно, и намъ путь, по

какому должна направиться благотворительность въ наши дни: она должна направляться къ приходскому храму въ видѣ приношеній прихожанъ въ пользу бѣдныхъ прихода, и исходить отъ приходскаго храма, какъ милостыня, раздаваемая дѣйствительно нуждающимся въ ней бѣднякамъ особо уполномоченными отъ прихода.

Способъ помощи нищимъ, достойный подражанія.

Пока дѣло приходской благотворительности не получило надлежащей организаціи и не стало твердо на ноги, нельзя не остановиться вниманіемъ на слѣдующемъ цѣлесообразномъ способѣ раздачи милостыни нищимъ, какой практикуется старостою Владимірской церкви г. Вологды. Этотъ распорядительный и находчивый человекъ обратилъ вниманіе на то, что нищія постоянно толпятся возлѣ храма, шумятъ во время богослуженія, перебраниваются другъ съ другомъ изъ за подаенія, сквернословятъ и дерутся, не взирая на святость мѣста и не стѣняясь богомольцевъ. Онъ рѣшилъ не допускать нищихъ къ храму, а милостыню въ пользу нищихъ сталъ собирать самъ, становясь съ кружкою у дверей храма по окончаніи службы и предлагая богомольцамъ опускать въ нее жертвы въ пользу нищихъ. Высыпка и раздѣлъ денегъ изъ кружки производится старостою, въ присутствіи настоятеля храма, разъ или два въ мѣсяцъ, причемъ всѣ нищія прихода получаютъ денежную сумму въ равной части. Потомъ кружка запирается, и ключъ отъ замка вручается одному изъ нищихъ. Кто изъ нищихъ явится на раздѣлъ въ нетрезвомъ видѣ, тотъ лишается своей доли, какъ и вообще лишается ея тотъ, о которомъ дѣлается извѣстнымъ, что онъ пропиваетъ подаеніе (см. Пермск. Епарх. Вѣдом. № 24). Отчего бы и другимъ старостамъ не послѣдовать доброму примѣру ревностнаго старосты Владимірской церкви г. Вологды?...

Н. Пальмовъ.

Гнѣвъ (*θυμός*), его виды, польза и вредъ для нравственнаго усовершенствованія, по ученію церковныхъ писателей 4-го и начала 5-го вѣковъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Познакомившись съ гнѣвомъ и его видами, посмотримъ далѣе, какъ обрисовываютъ писатели гнѣвъ въ его отношеніи къ нравственному совершенствованію человѣка. Григорій Богословъ, между прочимъ, гнѣвъ называетъ „даромъ Божиимъ“. А Василій Великій, какъ бы въ нѣкоторое пополненіе, признаетъ, что гнѣвъ, „данъ намъ отъ Творца ко спасенію“ (Бесѣд. „На гнѣвливыхъ“, ч. 4, 161 стр.). Какъ таковой, гнѣвъ, конечно, долженъ бы быть только благомъ, полезно вліяющимъ на нравственный укладъ человѣческаго духа. Къ сожалѣнію, оказывается, что, дѣйствуя положительно и желателью, гнѣвъ дѣйствуетъ и отрицательно—нежелательно. Служа на пользу души, гнѣвъ несетъ ей и великій вредъ. Такое извращеніе „дара Божія“ сдѣлано виною самого человѣка, обратившаго свѣтлое богодарованное орудіе усовершенствованія души въ темное и вредное. Вотъ почему глубоко правдивъ Василій Великій, когда находитъ, что „прирожденная намъ раздражительная сила (*τὸ θυμοειδές*), равно какъ и вождельвательная, не есть что-то въ существѣ злое, но становится такою отъ образа употребленія“ (сравн. Вас. Вел. указ. в. соч., ч. 4, 160—160 стр.) По этой-то причинѣ и о „Божьемъ дарованіи“ приходится говорить, какъ о вредно дѣйствующемъ на нравственность человѣка. Вредъ гнѣва, по изображенію церковныхъ писателей, немалый. „Кто можетъ перечислить все то зло, которое происходитъ отъ гнѣва?“ въ недоумѣніи останавливается Григорій Нисскій („Слово о блаженствахъ“); „какое другое зло хуже пересту-

¹⁾ См. № 41 за 1911 г.

пившей мѣру гнѣвливости (δυσφορῶν)? вопрошаетъ Григорій Богословъ („На гнѣвливость“, ч. 5, 159); „нѣтъ ничего гибельнѣе гнѣва и скорби“, признаетъ (хотя, быть можетъ, и преувеличенно) Іоаннъ Кассіанъ (Собесѣд. 16-е, гл. VII, 455 стр.). Какъ же представляется вредъ гнѣва въ трудахъ церковныхъ писателей?

Какъ созданный „во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая“ (Ефес. 2, 10), каждый человекъ по природѣ своей долженъ стремиться къ добродѣланію, выражающемуся первѣе и главнѣе всего въ нравственномъ самоусовершенствованіи, въ приближеніи къ идеалу совершенства, начертанному Христомъ Спасителемъ. Это совершенствованіе должно выражаться въ неуспынной работѣ человека надъ развитіемъ и воспитаніемъ своего духа, частнѣе говоря, надъ воспитаніемъ и усовершенніемъ своихъ душевныхъ силъ: ума,—воли и сердца. На этомъ то, и безъ того тернистомъ, пути вовсе нежелательнымъ споспѣшникомъ человекѣ и является гнѣвъ, сбрасывающій съ себя узду разсудка. Этотъ—не споспѣшникъ, а скорѣе и вѣрнѣе врагъ человекѣ только тормозитъ воспитаніе человекѣмъ души своей, чрезъ распространеніе по ней вредной губительной струи. Понятно, что нравственное воспитаніе духа можетъ быть дѣйственнымъ и имѣть благіе результаты только при условіи, если человекѣ будетъ всегда носить въ себѣ Бога и ощущать Его присутствіе. Здѣсь-то гнѣвъ и распространяетъ свое гибельное дыханіе. Онъ „отчуждаетъ человекѣ отъ Бога“ (Васил. Велик.), „заграждаетъ двери Богу“ (Григ. Бог.), „заграждаетъ входъ Святому Духу“ (Вас. Велик.), „не даетъ (человекѣ) созерцать Солнце правды“ (Іоаннъ Кассіанъ),—вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, главный и основной корень вреда гнѣва на нравственную область человекѣскаго существа. Церковные писатели даютъ намъ возможность и по частнѣе указать вредное воздѣйствіе гнѣва на каждую изъ вышесказанныхъ психическихъ силъ человекѣ.

Гнѣвъ „ослѣпляетъ око ума вреднымъ мракомъ“, говоритъ Кассіанъ; гнѣвъ—„помраченіе разсудка“, замѣчаетъ Василій Великій. Омрачившись тьмою гнѣва, человѣкъ лишается „свѣта знанія“ и не можетъ быть „участникомъ мудрости“, такъ какъ не способенъ бываетъ удержать въ себѣ „истинный духовный свѣтъ“. Такое помраченіе ума бываетъ у раздраженнаго человѣка, особенно когда раздражительность доходить до неистовства (*παρὰ ἄεθρον*). „Ничто такъ не помрачаетъ ясность мыслей, какъ необузданный гнѣвъ, выражающійся съ великою силою“,—замѣчаетъ Златоустъ („О священствѣ“, 425 стр.). Кромѣ того, по словамъ Нила Синайскаго, „возмущенная раздражительность (*θρον*) дѣлаетъ грубымъ разумъ гнѣвливаго“ (Творен., 210 стр.). Церковные писатели очень удачно сравниваютъ человѣка, находящагося въ неистовомъ изступленіи съ бѣсноватымъ, признавая перваго развѣ еще несчастнѣе послѣдняго, поелику бѣсноватый совсѣмъ лишенъ ума и свирѣпствуетъ произвольно, тогда какъ одержимый „демономъ ярости“ неистовствуетъ и творитъ зло по собственному произволу. Но „разумъ гнѣвливаго, по словамъ Нила Синайскаго, всегда возмущенъ“ (Твор., 211 стр.). Отсюда еще сильнѣе открывается разрушающее вліяніе гнѣва на разумъ человѣка. А межъ тѣмъ вѣдь „умъ—во всемъ властелинъ. Его и Господь „далъ намъ поборникомъ противъ страстей“ (Григ. Бог., ук. соч., ч. 5, 155 стр.). Выводъ понятенъ, какъ вполне справедливо и дѣлаетъ его Василій Великій: „страсть (гнѣва),—пишетъ онъ,—какъ скоро однажды отринетъ внушенія разсудка и овладѣетъ душою, дѣлаетъ уже человѣка совершеннымъ звѣремъ и не дозволяетъ ему быть „человѣкомъ“, лишивъ его помощи разума“ (Указ. в. соч., ч. 4, 152 стр.). Раскрытіемъ послѣднихъ словъ св. отца и постараемся дальше показать вредное вліяніе гнѣва на воспитаніе человѣкомъ воли и сердца.

Воспитаніе воли, какъ извѣстно, должно состоять въ томъ, чтобы напечатлѣть въ ней добрыя расположенія такъ, чтобы они составляли какъ бы ея природу, дѣлались прави-

телями нашихъ дѣлъ. И въ этомъ случаѣ—въ дѣлѣ укрѣпленія добрыхъ расположеній—гнѣвъ привноситъ свой разрушительный элементъ. Не можетъ быть добрыхъ расположеній тамъ, гдѣ „помраченное (гнѣвомъ) око души... относится ко всѣмъ одинаково и, хотя бы предстояло потерпѣть какой-нибудь вредъ, скоро рѣшается на все, чтобы доставить удовольствіе душѣ“ (Іоаннъ Златоустъ, „О свящ.“, 425 стр.). Раздраженный не отличаетъ ни друзей отъ непріятелей, ни честныхъ отъ безчестныхъ; въ пылу возбужденности забываются всякія родственныя чувства; братья не узнаютъ другъ друга, родители и дѣти забываютъ узы природы; „тогда не уважаютъ ни сѣдины, ни добродѣтельной жизни“ (В. Вел., ч. 4, 152 стр.). Постепенное развитіе раздраженія и сопутствующаго зла характерно рисуетъ Григорій Богословъ: „гнѣвливость доводитъ до слова, слово—до удара, отъ удара бывають раны, а за ранами, какъ знаемъ, слѣдуетъ и убійство; и такимъ образомъ гнѣвливость дѣлается матерью жестокаго убійства“ („На гнѣвливость“, ч. 5, 164 стр. Сравн. Васил. Велик. Б. „на гнѣвливыхъ“, 155 стр.).—Такой и такъ происходитъ вредъ, собственно, отъ раздраженія (*δραστός*). Еще сильнѣе сказывается этотъ вредъ при тихомъ, длительномъ гнѣвномъ настроеніи (*δραστή, πικρία*). Не можетъ быть и рѣчи о сохраненіи и поддержаніи въ гнѣвливомъ (*δραστήλφ*) человѣкѣ добрыхъ расположеній къ ближнему, когда „немиролюбіе“ продолжается „многіе дни“ и „сохраняется въ сердцѣ злоба на тѣхъ, на которыхъ раздражились“ (Сравн. Іоан. Кассіанъ, кн. 8, гл. X, 102 стр.), когда одержимые гнѣвомъ „коварно и злонамѣренно разставляютъ сѣти оскорбившимъ“ (Вас. Вел. ч. 4, 153 стр.) Пусть гнѣвъ человѣка не переходитъ тогда въ дѣло, постояннымъ ношеніемъ въ сердцѣ своемъ непріязни на ближняго, человѣкъ равно обращаетъ „ядъ гнѣва въ свою погибель“ (Кассіанъ). Постоянная скрытая досада на обидчика, горечь—на время затаенная—заграждаютъ дверь для входа въ душу миролюбиваго настроенія. Воля человѣка никакъ не можетъ переломить себя, возобладать

надъ гнетущей ея страстью гнѣва и перемѣнить гнѣвно-мстительныя расположенія къ брату на любовно-доброжелательныя.

Образованіе сердца, какъ извѣстно, заключается въ томъ, чтобы воспитывать въ себѣ вкусъ къ вещамъ божественнымъ, духовнымъ такъ, чтобы сердце въ нихъ находило себѣ удовольствіе. Межъ тѣмъ „удерживаемый въ сердцѣ гнѣвъ исключаетъ свѣтлое сіяніе Св. Духа“ (І. Кассіанъ). Не въ этомъ находитъ для себя удовольствіе сердце разгнѣваннаго, внутри коего поселился неукротимо-безпокойный обитатель— „лютый демонъ ярости“. Отмщеніе, расплата за обиды, -- вотъ что несетъ и доставляетъ удовольствіе ожесточенно-разгнѣванной душѣ; даже „самая пылкость гнѣва“ для такой души „заключаетъ въ себѣ нѣкоторое удовольствіе“ (Злат. „О свящ.“, 425 стр.).

Однимъ изъ главныхъ средствъ образованія сердца служить, между прочимъ, молитвенный духъ, поскольку молитвою по преимуществу оживляется сердце въ своихъ чувствованіяхъ. Такого могущественнаго орудія—истинно-молитвеннаго духа нѣтъ, да и не можетъ быть въ душѣ гнѣвливаго человѣка. Гнѣвъ „возмущаетъ во время молитвы“ (Ниль Син., Твор. 212 стр.); гнѣвъ „во время молитвы похищаетъ умъ, предоставляя живо лице опечалившее“ (Эвагрій, Добротол., 631 стр.). Далѣе, „совершенство сердца, по Кассіану, пріобрѣтается не столько удаленіемъ отъ людей, сколько добродѣтелью терпѣнія... Совершенство же евангельское научаетъ насъ сохранять терпѣніе не на словахъ, а во внутреннемъ спокойствіи сердца“ (Собесѣдов. 16-е, гл. XII, 465 стр.). Принявъ въ соображеніе послѣднія данныя, мы можемъ лишь съ печалью заключить, что гнѣвъ является не малымъ препятствіемъ на пути совершенствованія сердца. Дѣло въ томъ, что гнѣвной душѣ вовсе чуждо спокойствіе сердца, такъ какъ „внутри ея постоянно клокочуть неумолкаемыя мятежи“ (Сравн. Вас. Вел., ч. 4, 165 стр.); „мутные и налитые кровью глаза раздражительнаго возбѣщаютъ возмущенное

сердце“; мало того, гнѣвъ прямо „разрываетъ сердце“ (Сравн. Иоан. Злат. V т. 1 кн., 10 стр.). Чуждая же внутренняго спокойствія сердца, гнѣвная душа чужда, слѣдовательно, и добродѣтели терпѣнія—этого необходимаго фактора совершенствованія сердца.—Резюмируя сказанное о вредѣ гнѣва дна нравственнаго совершенства души, заключимъ этотъ вопросъ такимъ, какъ бы обобщающимъ насъ, признаніемъ церковныхъ писателей: гнѣвъ „звѣрскою дѣлаетъ душу“ (Ниль Син., 210 стр.), „низвращая все ея здоровое состояніе“ (Іоаннъ Златоустъ „О свящ.“, 425 стр.).—Такъ получаютъ нѣкоторое, хотя—быть можетъ—и слабое, раскрытіе выше подчеркнутое нами мнѣніе Василія Великаго, что страсть гнѣва не дозволяетъ человѣку „быть человѣкомъ“.

Однако, не такъ уже безотраденъ на самомъ дѣлѣ гнѣвъ, какимъ обычно предносится имя „гнѣвъ“ нашему сознанию. Не забудемъ, что и раздражительная сила есть богодарованная душевная способность. И если, какъ мы видѣли, эта сила вносить разладъ въ нравственный строй человѣка, то тогда и постольку, когда и поскольку не подчиняется велѣніямъ разума, а идетъ впереди его указаній и направляется на причиненіе „досады“ ближнему. Если на такой гнѣвъ смотрѣть съ точки зрѣнія пользы, то онъ окажется феноменомъ бессмысленнымъ. Мой нарушенный интересъ—гнѣвъ, ни въ какомъ случаѣ, возстановить не можетъ, хотя бы онъ причинилъ тысячи обидъ противникамъ, между тѣмъ достоинство мое онъ унижаетъ и грозитъ осложненіемъ въ будущемъ. Мой гнѣвъ вызываетъ со стороны ближнихъ отвѣтныи гнѣвъ, и часто отъ этого маленькая искра раздувается въ пожаръ, гдѣ гибнуть оба противника. Вообще зложелательный гнѣвъ—это ни съ чѣмъ несообразная напраслина. Но развѣ есть другой гнѣвъ? Да. И это именно гнѣвъ, послушный водителству разума, гнѣвъ доброжелательный, гнѣвъ—спутникъ любви. Отецъ гнѣвается на порока любимаго сына больше, чѣмъ на пороки чужихъ дѣтей, ибо сына и любить больше. Самъ Христось, по исцѣлѣніи сухорукаго, взглянулъ на фа-

рисеевъ „со гнѣвомъ“, скорбя отъ ожесточенія сердець ихъ (Мрк. 3, 5). И апостоль Павель выражался о себѣ, что онъ „выходилъ изъ себя“, но для Бога. Въ обоихъ случаяхъ предъ нами гнѣвъ, собственно, какъ проявленіе ревности любви о благѣ ближнихъ и—дѣло Божіе. О такомъ-то гнѣвѣ и приходится разсуждать съ точки зрѣнія нравственной пользы. И церковные писатели, когда, наряду съ вредомъ, говорятъ о пользѣ гнѣва, то имѣютъ въ виду гнѣвъ именно второго порядка. Въ чемъ же усматриваютъ они пользу такого гнѣва для нравственности человѣка, и въ какихъ чертахъ изображаютъ ее?

Все сказанное писателями о пользѣ гнѣва можно разграничить, приблизительно, въ такомъ порядкѣ. Разумно-праведный гнѣвъ полезенъ по отношенію къ самому гнѣвающемуся, и по отношенію къ тѣмъ, на кого гнѣвъ простирается,—въ смыслѣ косвенно-предупредительномъ и положительно-воздѣйственномъ. По мысли церковныхъ писателей, во благо для души можетъ послужить, прежде всего, гнѣвъ на самого себя („повелѣвается намъ гнѣваться съ пользою на самихъ себя“—Іоаннъ Кассіанъ, кн. 8, гл. VІІІ, 101 стр.), частнѣе на свои грѣхи, пороки, даже „худые помыслы“ и „сладострастные движенія нашего сердца“ (І. Кассіанъ),—вообще на зло. Василій Великій, сказавъ, что „съ одинаковою ревностію должно любить добродѣтель и „ненавидѣть грѣхъ“, продолжаетъ: „для этого же весьма полезна раздражительность“ (Твор., ч. 4, 161 стр.). А „если ты не раздражаешься противъ зла, невозможно тебѣ ненавидѣть его, какъ должно“ (ibid. 161 стр.). Естественно, что при негодованіи человѣка на свои грѣхи и пороки, душа нравственно просвѣтляется, очищается; гнѣвъ „пробуждаетъ ее отъ сонливости“, „сообщаетъ бодрость“ (І. Злат.) и часто „изъ слабой и весьма изнѣженной дѣлаетъ ее мужественной и строгой“ (Вас. Вел. ibid, 160 стр.).

Съ особенною настоятельностью писатели-отцы и подвижники заповѣдуютъ гнѣваться на „отца лжи“, „дѣлателя

неправды“, виновника всѣхъ золь—дiавола. „Противъ него, пишетъ Василій Великій, обрати свою раздражительность (θροός), противъ человекоубійцы, отца лжи, дѣлателя грѣха“ (указ. в. соч. ч. 4, 163 стр.). „Если хочешь гнѣваться, то гнѣвайся не на сроднаго тебѣ брата, а на злого духа... на него изливай и истощай свой гнѣвъ (οργήν), ему ставь западню, противъ него никогда не переставай вести войну,“ — зоветъ къ тому же Златоустъ (Твор., т. V, кн. 1, 384 стр.). А Эвагрій—монахъ даже признаетъ, что „гнѣвъ по природѣ (φύσις θροός) назначенъ на то, чтобы воевать съ демонами и бороться со всякою грѣховною сластію“ (Добротол. т. 1, стр. 599-ая). Такой призывъ и совѣтъ церковныхъ писателей вполне понятенъ, если принять во вниманіе ту несомнѣнную пользу, какую приносятъ „гнѣвъ на дiавола“. Если, напримѣръ, дiаволь вънушаетъ соблазнъ челоѣку, а тотъ хочетъ оградить себя отъ врага молитвою къ Богу; если, допустимъ, демонъ навязчиво вънушаетъ челоѣку чувство гордости и сознаніе превосходства предъ другими людьми, а тотъ исповѣдуетъ свое ничтожество предъ Богомъ и скорбитъ о грѣхѣ своемъ; если, вообще, „дiаволь производитъ неразумное распаленіе“ въ челоѣкѣ, а тотъ упорно борется,—вотъ когда, можно сказать, благочестивый челоѣкъ гнѣвается на „искусителя“. Польза же такого гнѣва для души челоѣка говоритъ сама за себя. И Эвагрій подтверждаетъ насъ въ томъ, когда, цитируя Нила Синайскаго, говоритъ: „многопомощно“ противъ такихъ (т. е. соблазнительно-вънушаемыхъ дiаволомъ) помысловъ „воскипѣніе гнѣва, устремленное на демона ихъ, который крайне боится этого гнѣва, потому что этимъ разстраиваются всѣ его замыслы“ (Добротол., т. 1, 657 стр.). Если же дiаволь принужденъ оставить угнетаемую имъ до толѣ душу, то для послѣдней это—несказанное пріобрѣтеніе. Вырвавшись изъ узъ грѣховныхъ къ свѣту, она—чистая и спокойная—свободно можетъ „содѣвать свое спасеніе“.

Заставляя душу протрезвляться, помогая ей выдерживать напоры козней дьявольскихъ, гнѣвъ и положительно

воздѣйствуетъ на душу, во благо послѣдней, вызывая въ ней ревность къ добродѣланію, производя въ ней мужество, терпѣніе и воздержаніе. Раздражительная сила, „если кто умѣетъ держать ее въ рукахъ“, есть „душевный нервъ, сообщающій душѣ силу къ прекраснымъ предиріятіямъ“ (Вас. Велик., ч. 4, 160 стр.). Такимъ „прекраснымъ предпріятіемъ“ можно назвать желаніе удержать ближняго отъ зла, предупредить и остановить его беззаконныя дѣянія и вызвать больную душу изъ мрака къ свѣту. Съ этой стороны открывается польза праведнаго гнѣва на „брата“,—гнѣва, носящаго характеръ духовнаго врачевства, растворяемаго любовію. „Гнѣвъ, пишетъ Іоаннъ Златоустъ, врожденъ въ насъ не съ тѣмъ, чтобы мы грѣшили, но чтобы останавливали другихъ согрѣшающихъ“ (т. V, кн. 1, 24 стр.). Дѣло въ томъ, что „какъ игольная вѣтвь сама призываетъ на себя остріе желѣза“, такъ недостатки людей порочныхъ какъ бы сами напрашиваются на „полезные удары“ со стороны ближнихъ, со скорбію гнѣвающихся на нихъ. Какъ на примѣръ такого гнѣва—исправителя, гнѣва—спутника любви, имѣющаго своею цѣлью „обратить заблудшихъ“, Златоустъ указываетъ на гнѣвъ апостола Павла. „Посмотри, пишетъ онъ, сколько добра произвелъ гнѣвъ (ὀργή) Павла противъ Коринѳянъ. Онъ избавилъ ихъ отъ великаго вреда. Равнымъ образомъ, посредствомъ гнѣва же обратилъ онъ и отпадшій народъ Галатійскій, и многихъ другихъ (Твор., т. VII, 180 стр.). А Василиій Великій въ этомъ случаѣ выставляетъ поступокъ ревнителя-пророка Иліи, который, „дѣйствуя по обдуманному и благо-разумному гнѣву (ὀργή), для пользы всего израиля умертвилъ священниковъ, вѣвшихъ транезу Іезавелину“ (Вас. Велик. ук. соч. 163 стр.). Понятно, когда человѣкъ гнѣвается съ цѣлью „обузданія дерзкихъ“ и „обращенія на прямой путь безпечныхъ“, когда онъ направляетъ свой гнѣвъ противъ людей „неправедныхъ и нерадивыхъ“, тогда поистинѣ совершаетъ благое дѣло, полезное и для себя, и для врачуемыхъ.

„Кто хочет исправлять другихъ, закончимъ словами Златоуста, — тотъ смиреннѣе всѣхъ“...

На основаніи всего вышесказаннаго, позволимъ себѣ еще нѣсколько заключительныхъ словъ. Если безразсудно-зложелательный гнѣвъ приносить, какъ мы видѣли, лишь нравственную гибель для души человѣка и съ точки зрѣнія пользы является ненужной напраслиной, то вполнѣ справедливымъ будетъ согласиться съ наставленіемъ апостола Іакова: „да будетъ всякъ человѣкъ... косень во гнѣвъ“ (1, 19), и этотъ завѣтъ апостола взять себѣ за руководящее правило. Если-жь, напротивъ, благоразумно-доброжелательный, любовью растворенный гнѣвъ полезенъ и является „нервомъ“ благихъ начинаній, то истинно наставленіе Псалмопѣвца: „гнѣвайтесь, и не согрѣшайте“ (Псал. IV, 5 ст.), и его нужно придерживаться. „Кто живетъ безъ печали и гнѣва, тотъ не любитъ отчизны своей“, сказалъ народникъ поэтъ. И только морально-холодная деревяшка, въ родѣ древняго стойка, можетъ быть „къ добру и злу постыдно равнодушной“. Но такихъ типовъ гнушается и Слово Божіе, и общественная совѣсть.

С. Чернышевъ.

СВЯТЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ПЕЧАТЪ

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 12-го октября 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская ул. 6.

ГОДЪ

ЛЦ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 43.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духе-
вной Семинаріи.

1911-го года октября -23го дня.

Содержаніе: I. Памяти великаго русскаго человѣка. Свящ. В. Пестряковъ.—
II. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. А. С.—III. Къ вопросу о рели-
гиозномъ воспитаніи въ семьѣ и школѣ. Кир. Тихоміровъ.—IV. Клас-
сики поневолѣ. (Оковчаніе). М. Скабаллановичъ.—V. Новое про-
свѣтительное средство. Свящ. В. Пестряковъ.—VI. Замѣтка. Се-
натскія рѣшенія.

Памяти великаго русскаго человѣка.

Изъ самой отдаленной мѣстности Россіи, изъ самаго низшаго слоя народонаселенія явился знаменитѣйшій дѣятель науки; трудно было его поприще; постоянная борьба была его удѣломъ; съ изумленіемъ и гордостью, какъ русскіе люди, вспомнимъ мы о подвигахъ богатаго нравственными силами русскаго человѣка (Соловьевъ).

8-го ноября настоящаго года исполняется 200 лѣтъ со дня рожденія великаго русскаго человѣка Михаила Васильевича Ломоносова. Для всякаго, въ комъ бьется русское сердце, кому дороги прошлыя судьбы родины, кто хочетъ счастья и процвѣтанія великой Россіи, имя Ломоносова—дорогой идеаль,

знамя, а самъ онъ—великій учитель. Особенно дорогъ онъ для людей изъ народа, для тѣхъ, кому приходилось собственными силами, безъ посторонней помощи, съ великимъ трудомъ и жертвами, искать себѣ жизненной дороги, стремиться къ знанію, свѣту. Мы не будемъ подробно передавать біографію Ломоносова; она извѣстна всякому грамотному человѣку; по его біографіи учились, ею вдохновлялись десятки тысячъ русскихъ людей; поистинѣ героическая жизнь его, исполненная вначалѣ всякихъ лишеній, а затѣмъ—огромнаго труда для науки и просвѣщенія, тысячамъ людей служила примѣромъ, поддерживая въ минуту жизни трудную. Кто изъ насъ, въ пору золотой юности, за школьной скамьей, не вспоминалъ о томъ,

Какъ архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ,
Сталъ разумень и великъ.

И кто въ ту же счастливую пору не хотѣлъ, не мечталъ, хотя отчасти, походить на этого архангельскаго мужика...

Исторія и наука уже произвели справедливую оцѣнку личности Ломоносова и значенія его для Россіи, признавъ его первымъ русскимъ ученымъ, творцомъ русскаго языка, даровитымъ, разносторонне образованнымъ писателемъ, высоко честнымъ гражданиномъ и патриотомъ.

Въ настоящей своей статьѣ мы хотѣли бы отмѣтить особенно одну черту Ломоносова, состоящую въ томъ, что какъ по обстоятельству своей жизни, начиная съ дѣтства и оканчивая смертью, такъ и по характеру и содержанию своего творчества, онъ былъ дѣйствительнымъ горячо вѣрующимъ сыномъ Церкви Православной.

Сынъ простаго рыбака и дочери діакона, Михаилъ Васильевичъ дѣтство провелъ въ религіозной атмосферѣ семейной обстановки; первымъ учителемъ его былъ, по рассказамъ нѣкоторыхъ современниковъ, дьячекъ. Уже съ раннихъ лѣтъ

отецъ брать мальчика съ собою на рыбный промыселъ. Опасности, какимъ подвергають себя рыбаки въ морѣ, укрѣпляли въ мальчикѣ Мишѣ вѣру въ Промыселъ Божій, а величественная и суровая природа сѣвера развивала чувство прекраснаго, благоговѣніе передъ всемогущимъ Творцомъ вселенной, какое позднѣе нашло себѣ выраженіе въ лучшихъ его поэтическихъ произведеніяхъ. Въ долгую сѣверную зиму Ломоносовъ жилъ дома. По разсказамъ, собраннымъ на родинѣ вскорѣ послѣ его смерти, онъ „охочь былъ читать въ церкви псалмы и каноны и, по здѣшнему обычаю, житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ и въ томъ былъ проворенъ, а притомъ имѣлъ у себя природную глубокую память; когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣнія разсказывалъ сидящимъ въ трапезѣ старычкамъ сокращеннѣе въ словахъ обстоятельно“. По тѣмъ же разсказамъ, охота его до чтенія на клиросѣ была такъ велика, что не разъ „биванъ былъ отъ сверстниковъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносить читаемое къ мѣсту, разстановочно, внятно и притомъ съ особою пріятностью и ломкостью голоса“¹⁾.

Чтеніе церковно-славянскихъ и двухъ русскихъ—грамматики и ариѳметики, не могло удовлетворить богато одареннаго юношу, съ пытливымъ умомъ; толкаемый великой любовью къ знанію, Ломоносовъ пѣшкомъ отправился, безъ вѣдома отца, въ Москву. Назвавшись здѣсь поповскимъ сыномъ, Ломоносовъ поступилъ въ Заиконоспасское училище.

Сохранилось преданіе, что Ломоносовъ сильно мучился своею вынужденной ложью и самозванствомъ и въ этомъ покаялся знаменитому сподвижнику Петра Великаго Теофану Прокопевичу. Послѣдній успокоилъ Ломоносова: „не бойся ничего“, говорилъ онъ Михаилу Васильевичу, „хотя бы со звономъ въ большой колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ“.

¹⁾ М. В. Ломоносовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Составилъ В. И. Покровский. стр. 9.

Несмотря на всѣ недостатки и несовершенства постановки въ то время ученія, Московская духовная академія несомнѣнно оказала большое вліяніе на умъ и на міросозерцаніе Ломоносова. Здѣсь онъ началъ изучать языки: греческій и латинскій, бывшій тогда языкомъ науки, а въ свободные часы работалъ въ монастырской библіотекѣ, читая лѣтописи и творенія Св. Отцовъ Церкви. Особенно любилъ онъ читать творенія Св. Василія Великаго, Шестодневъ котораго особенно отвѣчалъ наклонности Ломоносова къ изслѣдованію природы. „Это-то чтеніе и углубленіе въ смыслъ Св. Писанія и святоотеческихъ твореній и были тѣми сѣменами духовнаго воспитанія, которыя принесли впоследствии свой плодъ въ дѣятельности Ломоносова, какъ натуралиста“ (Воскресенскій).

Пробывъ годъ въ Кіевской духовной академіи, Ломоносовъ снова вернулся въ Москву, а затѣмъ былъ вызванъ въ СПб., откуда и былъ отправленъ въ 1736 году въ Германію для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. За границей Ломоносовъ пробылъ 5 лѣтъ и, „благодаря геніальнымъ способностямъ своимъ, трудолюбію и дѣятельности, узналъ все, что узнать можно было, овладѣлъ современною наукою и почувствовалъ, что можетъ самъ идти еще далѣе по узанному пути, можетъ повести за собою своихъ соотечественниковъ, можетъ учредить науку въ Россіи, „въ любезномъ своемъ отечествѣ“. Вернувшись въ Россію въ 1741 году, Ломоносовъ вступилъ въ академію наукъ, развернувъ здѣсь богатые свои дарованія не только какъ ученый, но и писатель. Какъ ученый, Ломоносовъ славился и за границей, гдѣ высоко цѣнились его работы по физикѣ. Для Россіи Ломоносовъ дорогъ и обезсмертилъ себя, какъ отецъ русскаго языка, какъ вдохновенный писатель и неунышный ревнитель отечественнаго просвѣщенія, всю жизнь боровшійся съ чужеземцами, противодѣйствовавшими лучшимъ его начинаніямъ на пользу науки въ родной странѣ.

Въ литературныхъ произведеніяхъ Ломоносова въ значительной степени отразились обстоятельства его личной жизни.

Величественныя картины природы, какія наблюдалъ Ломоносовъ въ дѣтствѣ, оставили неизгладимый слѣдъ въ его душѣ и послужили темой лучшихъ его стихотвореній. Созерцаніе красоты природы приводитъ Ломоносова въ благоговѣйный трепетъ предъ величіемъ и могуществомъ Творца вселенной и побуждаетъ его на такую молитву къ Богу:

Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
 Прости премудрости лучи,
 И что угодно предъ Тобою,
 Всегда творити научи,
 И на Твою взирая тварь,
 Хвалить Тебя, безсмертный Царь ¹⁾.

Обстоятельства жизни, приведшія Ломоносова отъ убогой рыбацкой избы до столичныхъ палатъ и отъ простой грамоты до высшаго знанія того времени, укрѣпили въ немъ твердую вѣру въ Промыслъ Божій, что выразилъ онъ особенно сильно и рельефно въ своихъ переложеніяхъ псалмовъ. Въ переложеніи псалма 145-го онъ пишетъ:

Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
 Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ
 И токмо въ помощь призываетъ
 Живущаго на небесахъ,
 Несчетно многими звѣздами
 Наполнившаго высоту
 И непостижимыми дѣлами
 Земли и моря широту.

Съ большою вѣроятностью можно думать, что Ломоносовъ воспоминалъ свою жизнь, свое дѣтство, когда писалъ такія строки:

Въ терпеніи моемъ, Зиждитель,
 Ты былъ отъ самыхъ юныхъ дней

¹⁾ Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

Помощникъ мой и Покровитель,
Пристанище души моей.

Обстоятельства жизни въ зрѣломъ возрастѣ, когда Ломоносову пришлось въ теченіе долгихъ лѣтъ вести неустанную и трудную борьбу съ многочисленными врагами, гонителями наукъ, какъ онъ удачно ихъ назвалъ, только укрѣпляли его вѣру; и всю свою надежду онъ возлагалъ на Бога.

Хоть полкъ противъ меня возстань.
Но я не ужасаюсь,
Пускай враги воздвигнуть брань
На Бога полагаюсь.
Ты, сердце, духомъ укрѣпись,
О Господь мужайся,
И бѣдствіемъ не колеблись;
На Бога полагайся.

Ломоносову, какъ первому ученому и поэту, стоявшему близко къ трону, лично извѣстному русскимъ царямъ, приходилось не разъ писать похвальные оды на разные событія государственной жизни, на дни тезоименитствъ и рожденій высочайшихъ особъ своего времени. Хотя писаніе похвалъ въ такихъ случаяхъ въ то время было очень распространено и лезть въ такихъ случаяхъ не осуждалась современниками, но благородная натура Ломоносова охранила его отъ угодничества; въ похвальныхъ словахъ онъ умѣлъ высказать монархамъ пожеланія о трудѣ ихъ на благо подданныхъ, на славу Россіи. Хорошимъ предисловіемъ ко всѣмъ его похвальнымъ одамъ могло-бы служить переложеніе имъ псалма 145-го.

Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣ жь родили челоувѣки
И нѣтъ спасенія отъ нихъ,
Когда съ душою разлучатся

И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падеть:
 Высоки мысли разрушатся
 И гордость ихъ и власть минеть...

Что Ломоносовъ чуждъ былъ лести и угодничества и обладалъ мужествомъ даже въ свое суровое время говорить правду, это лучше всего доказываетъ его ода на день восшествия на престолъ императрицы Екатерины Второй. Въ ней онъ писалъ.

Услышьте, судии земные
 И всѣ державные главы,
 Законы нарушать святые
 Отъ буйности блюдитесь вы,
 И подданныхъ не презирайте:
 Но ихъ пороки исправляйте
 Ученьемъ, милостью, трудомъ.
 Вмѣстите съ правдою щедроту...

Ломоносову поручено было благочестивой государыней Елизаветой Петровной составить надписи къ ракъ Св. Александра Невскаго, сооруженной въ 1752 году, и Св. Димитрія Ростовскаго въ 1754 году. Последняя особенно характерна въ томъ отношеніи, что показываетъ отношеніе Ломоносова къ старообрядчеству, которое въ ранней юности на короткое время увлекло было Ломоносова въ свои сѣти. О святителѣ Димитріи Ломоносовъ говоритъ въ надписи, что онъ отдавалъ Божіе Богови: вѣрою, кротостію, воздержаніемъ, ученіемъ, трудолюбіемъ. Кесарево Кесареви: ревностію и терпѣніемъ, поборствуя Петру Великому противъ суемудраго раскола. Къ раскольникамъ онъ обращается съ такимъ увѣщаніемъ:

О вы, что Божество въ предѣлахъ чтите тѣсныхъ,
 Подобіе Его мня быть въ частяхъ тѣлесныхъ,
 Вперите въ мысль, чему Святитель сей училъ!
 Что нынѣ вамъ гласить отъ лика горнихъ силъ?

На милость Вышняго, на истину склонитесь
И къ Матери своей въ Церкви примиритесь.

При Петрѣ Великомъ Россія выступила на путь западнаго просвѣщенія. Окно, прорубленное этимъ монархомъ—гигантомъ въ Западную Европу, при его преемникахъ все больше раскрывалось, Западъ и Россія все болѣе сближались. Къ сожалѣнію, сближеніе это, съ хорошими сторонами имѣло, и свои тѣневья печальныя черты. Притокъ иноземцевъ, въ ту пору пользовавшихся фаворомъ, всякими льготами и поблажками, нерѣдко приводилъ къ иноземному засилью, когда все русское, родное было въ пренебреженіи, когда русскіе люди всюду оттирались нѣмцами, а это вело къ ослабленію патріотизма въ русскихъ людяхъ, къ самоуниженію, къ излишнему преклоненію передъ всѣмъ заграничнымъ, въ ущербъ своему родному. Болѣе тупые и самовлюбленные иноземцы въ своей заносчивости и самомнѣніи доходили до того, что отрицали въ русскихъ людяхъ способность къ наукѣ и смотрѣли на нихъ свысока, какъ на людей низшей породы, чуть, ли не дикарей. Къ сожалѣнію, и среди русскихъ находилось не мало людей, которые иноземцамъ вторили, а еще больше такихъ, что молчали. Не таковъ былъ Ломоносовъ. Твердо и мужественно защищалъ онъ предъ чужеземцами родныя святыни, родную науку, а въ своихъ соотечественникахъ будилъ любовь къ родинѣ, къ ея великимъ людямъ, къ славному ея престолу. Иноземцамъ Ломоносовъ смѣло указывалъ ихъ надлежащее мѣсто и призывалъ ихъ уважать чужія вѣрованія и чужія святыни.

А вы, которымъ здѣсь Россія
Дала уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдямъ дружбу,
Позволила по вѣрѣ службу

Безпреткновенно приносить...
 На то-ль склонились къ вамъ монархи
 И согласились іерархи,
 Чтобъ древній нашъ законъ вредить?..
 Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
 Прочтите книги славныхъ дѣлъ
 И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
 Не вамъ повергнуть нашъ предѣлъ.
 Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
 Исчислите у насъ героевъ.
 Отъ земледѣльца до царя
 Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и селахъ,
 Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ
 И у святого алтаря...

Болѣе 150 лѣтъ назадъ высказаны были Ломоносовымъ изложенныя нами сейчасъ завѣтныя его думы и желанія, но и для нашего времени они сохранили всю свою силу и цѣнность. Въ той разрухѣ, какую мы переживаемъ въ послѣдніе годы, къ сожалѣнію, приложили свои руки многіе представители науки и литературы. О, если-бы почаще вспоминали русскіе люди завѣты Ломоносова и тѣ пути, какія указалъ онъ для истинной науки и прогресса! О, какъ славна и велика была-бы тогда наша родина, и славное достояніе вѣковъ, полученное нами отъ славныхъ предковъ, мы тогда не унизили бы и не расточили-бы, а умножили и возвеличили—и это наслѣдіе—великая Россія, такъ горячо любимая Ломоносовымъ.

Свящ. В. Пестряковъ.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Вопросъ о возрожденіи ц.-приходской жизни и мѣры для этого возрожденія. Недостаточность взаимообщенія пастырей. Необходимость развитія церковной благотворительности.

Просматривая текущую епархіальную печать, мы должны отмѣтить, что доминирующее положеніе въ ней занимаютъ статьи, посвященныя вопросу о возрожденіи церковно-приходской жизни. И не безъ основанія: въ области церковно-приходской жизни накопилось иросло много ненормальностей, требующихъ упорядоченія и реформы. Въ послѣднее время упорядоченіемъ церковно-приходской жизни занялась и центральная духовная власть, оставивши на обсужденіе вопросъ о возрожденіи прихода... Жаль только, что само духовенство не вездѣ и не всегда одинаково усердно относится къ дѣлу возрожденія прихода, а потому и результаты этой дѣятельности различны. „Чѣмъ объяснить“, спрашиваетъ свящ. С. Николаевъ въ Кишин. Еп. Вѣд., „что въ однихъ селахъ дѣло возрожденія идетъ усиленнымъ темпомъ и довольно успѣшно; въ большинствѣ же другихъ, напротивъ, прививается довольно туго, либо остается на точкѣ замерзанія? Не находится-ли существенная причина таковыхъ явленій въ разобщеніи духовенства? Думается, что да... Говорятъ, что въ единеніи большая сила“. Справедливость подобной мысли едва-ли кто станетъ оспаривать: сама дѣйствительность подтверждаетъ ее. Тамъ, гдѣ хоть мало-мальски существуетъ взаимообщеніе пастырей, сплоченность ихъ (съ благочиннымъ во главѣ), личное участіе и помощь другъ другу, взаимная поддержка въ одномъ общемъ дѣлѣ и братское единеніе, дающее возможность пользоваться совѣтами и указаніями болѣе опытнаго сослуживца, тамъ дѣло возрожденія приходоу идетъ болѣе успѣшно; гдѣ-же таковое взаимообщеніе отсутствуетъ, тамъ наблюдается обратное явленіе...

Насколько необходимо пастырское взаимообщеніе, особенно для молодыхъ священниковъ, объ этомъ вотъ что го-

ворить свящ. П. Гордіевскій въ Кіевскихъ Епарх. Вѣдом.: „молодой священникъ, поступая въ сельскій приходъ, полонъ высокихъ стремленій—проводитъ въ нравственную жизнь сельскаго люда завѣты Христова ученія, возвышаетъ его умственно, направляетъ его жизнь къ достиженію вѣчнаго блага; но монотонная глухая жизнь деревни, изолированность отъ культурнаго общества постепенно уменьшаютъ его энергію и притупляютъ его умъ и чувство“. Что же могло бы поднять падающій духъ сельскаго священника, укрѣпить слабѣющую энергію, напитать его духовно? Конечно, для духовнаго питанія необходимы книги, но достаточно-ли ихъ однѣхъ (притомъ, не каждый священникъ имѣетъ возможность ихъ приобрести), и можетъ-ли одно только чтеніе всецѣло удовлетворить духовную потребность человѣка? Безусловно нѣтъ, такъ какъ мыслящій человѣкъ нуждается еще въ живомъ обмѣнѣ своихъ мнѣній, взглядовъ и впечатлѣній. А этого то послѣдняго и лишено большинство сельскихъ священниковъ. Отсюда естественно вытекаетъ необходимость для всѣхъ пастырей придерживаться хотя бы одной изъ самыхъ простыхъ и доступныхъ каждому формъ взаимообщенія, т. е. чаще собираться и бывать другъ у друга, конечно, не для пустого или семейнаго времяпрепровожденія, а для живого воздѣлыванія нивы Божіей. А еще лучше чаще устраивать окружныя пастырскія собранія. Таковыя собранія сближаютъ духовенство и способствуютъ его духовному единенію. На этихъ собраніяхъ каждый пастырь могъ бы высказать тѣ или иные волнующіе его душу вопросы и получить ихъ разрѣшеніе, могъ бы обсудить, сообща съ другими, тотъ, или иной проектъ въ дѣлѣ улучшенія приходской жизни...; на этихъ-же собраніяхъ молодые неопытные священники набирались-бы столь необходимыхъ для нихъ практическихъ познаній въ дѣлѣ пастырскаго служенія. А то молодой священникъ въ приходѣ, что называется, предоставленъ самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ, не имѣя за собой ни опыта, ни практики... При существованіи пастырскихъ собраній трудность

на первыхъ порахъ служенія значительно облегчалась бы... Пастырскія собранія вносили бы въ однообразную и безотрадную жизнь сельскаго священника много успокаивающаго и ободряющаго.

Не только на страницахъ повременной епархіальной печати обсуждаются вопросы объ оживленіи приходской жизни; они горячо дебатуются и на пастырскихъ собраніяхъ. Не такъ давно вопросы объ оживленіи приходской жизни и дѣятельности были обсуждаемы на пастырскихъ собраніяхъ въ г. Меленкахъ и въ селѣ Десятинѣ, Меленк. уѣзда, подъ предѣлательствомъ епископа Муромскаго Евгенія. Послѣ продолжительнаго обмѣна мыслей, совѣщаніе пастырей остановилось на слѣдующихъ мѣрахъ, скорое проведеніе которыхъ въ жизнь признано крайне желательнымъ. — Прежде всего, для развитія религіознаго сознанія въ своихъ приходжанахъ приходскіе пастыри признали необходимымъ усиленіе проповѣди въ формѣ живыхъ, непосредственныхъ бесѣдъ съ крестьянами; съ тою же цѣлью постановлено организовать при каждой церкви особыя приходскія бібліотеки со строгимъ подборомъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. — Далѣе, каждый пастырь, особенно въ зараженныхъ сектантствомъ приходсахъ, на помощь себѣ привлекаетъ наиболѣе религіозныхъ, грамотныхъ и способныхъ мужчинъ и женщинъ, составляя изъ нихъ особый кружокъ „ревнителей православія“, которые бы своей истинно-христіанскою жизнію могли воздѣйствовать на заблуждающихся. Наконецъ, въ виду высокаго значенія христіанской благотворительности, каждый приходскій пастырь долженъ стоять во главѣ всего благотворительнаго дѣла своего прихода. Онъ долженъ заботиться о тѣхъ изъ своихъ прихожанъ-бѣдняковъ, надъ которыми обрушилось какое-либо несчастіе (болѣзнь, пожаръ, падежъ скота и т. п.), долженъ заботиться объ устроеніи пріютовъ для бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтей, калѣкъ и другихъ несчастныхъ. Въ этихъ видахъ пастыри должны организовать церковно-приходскія попечительства, для которыхъ соста-

влияють средства по подписнымъ листамъ, посредствомъ кружечнаго сбора при богослуженіяхъ, а также посредствомъ эксплуатаціи выдѣленнаго на этотъ предметъ изъ общаго приходскаго земельнаго надѣла участка земли (Екатериин. Епарх. Вѣд.).

Послѣднее постановленіе сѣзда заслуживаетъ особаго вниманія въ томъ отношеніи, что проводитъ мысль о сосредоточеніи благотворительности въ нѣдрахъ самой Церкви. Такъ и должно быть по самой сущности христіанства: вѣдь только то добро есть настоящее христіанское добродѣланіе, которое совершается во имя Христа, изъ любви ко Христу. Всякое другое добро, во имя гуманизма, не говоря уже—во имя тщеславія,—не есть настоящее христіанское благоволеніе: вѣдь и язычники тоже творять, какъ говоритъ Іисусъ Христосъ. А Господь совершаетъ наше спасеніе только въ Церкви и чрезъ Церковь. Черезъ нее Онъ и благодатную помощь Свою подаетъ. Слѣдовательно, и матеріальная помощь нуждающимся, если она желаетъ оставаться христіанскою, должна быть сосредоточена въ нѣдрахъ самой Церкви... Наша общественная благотворительность, при всемъ своемъ внѣшнемъ разцвѣтѣ, наводитъ на грустное размышленіе. Она ушла изъ Церкви и является теперь сюда только съ кружкою для сбора... По своему духу она все дальше и дальше отдалается отъ духа Христова... Спектакли, балы, танцы, лотереи, гулянья, устраиваемыя въ пользу раненыхъ, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая или землетрясенія, въ пользу вдовъ и сиротъ,—развѣ можно назвать все это „христіанскою благотворительностью“. Это было бы страшнымъ кощунствомъ... А между тѣмъ, это устраивается у насъ въ пользу такихъ учреждений, которыя прикрыты знаменіемъ Креста Христова въ самомъ своемъ названіи. Затѣмъ, кто является распорядителемъ жертвъ, поступающихъ на подобныя учреждения? Есть-ли, по крайней мѣрѣ, въ составѣ сихъ распорядителей служитель Церкви, который могъ бы указать

добрымъ христіанамъ то направленіе въ ихъ дѣятельности, каковаго требуетъ духъ Евангелія Христова?

Поэтому, не пора-ли Церкви самой въ своихъ нѣдрахъ усилить истинно-христіанскую благотворительность въ духѣ апостольскомъ и закрыть свои двери для сборовъ, о коихъ Церковь не знаетъ, куда и какъ они расходуются? Уже слишкомъ стали далеки отъ Церкви инныя Общества, чтобы давать имъ права, принадлежащія, по самому существу своему, исключительно церковнымъ организаціямъ.

А. С.

Къ вопросу о религиозномъ воспитаніи въ семьѣ и школѣ.

Мы не можемъ не чувствовать глубокихъ симпатій къ дѣтямъ, еще не извѣдавшимъ злобы тяжелыхъ дней, надламывающихъ силы наши. Отъ нихъ вѣетъ ароматомъ чистоты и невинности. Самъ Спаситель нашъ съ ласкою любви обращался къ нимъ, приближалъ ихъ къ Себѣ и говорилъ, указывая на нихъ, въ назиданіе людямъ, искушеннымъ жизнію, что *таковыхъ есть царствіе Божіе* (Марк. X, 14). Это наше самое дорогое и высшее наслѣдіе, данное намъ Богомъ; это живое наслѣдіе должно будетъ продолжать, устроить и вести къ большому совершенству то дѣло, которое мы несемъ на раменахъ своихъ. Поэтому мы, родители и воспитатели, обязаны всѣ заботы свои направлять къ тому, чтобы приготовить изъ дѣтей умныхъ, знающихъ, полезныхъ дѣятелей и членовъ общества.

Но здѣсь не въ умственномъ образованіи, не въ приобрѣтеніи хотя бы множества разнообразныхъ свѣдѣній—корень, изъ котораго можетъ выростать крѣпость и счастье человѣка, нами воспитываемаго; не здѣсь—основаніе, на которомъ можетъ опираться достоинство человѣка и его сила, могущая противостоятъ разнымъ соблазнамъ и искушеніямъ.

Самая глубокая и твердая основа, на которой строится достоинство человека—чувство божественного или религиозное чувство, и вот къ этой основѣ, къ утвержденію и развитію этого чувства первѣе всего должно быть обращено вниманіе родителей—воспитателей. Человѣкъ созданъ по образу Божію и съ этимъ совершеннымъ образомъ связанъ многими невидимыми для насъ нитями. Развить и укрѣпить въ человѣкѣ этотъ образъ, не дать порваться нитямъ, связующимъ насъ съ нимъ,—къ этому должна быть направлена главная и преимущественная забота воспитателя. Когда живо въ человѣкѣ религиозное чувство, чувство полной и постоянной зависимости отъ Бога, когда, какъ говорятъ, человѣкъ подь Богомъ ходить, тогда онъ непоколебимо стоитъ на твердомъ камени, и его не поколеблютъ вѣтры, бушующіе вокругъ его, будутъ ли то вѣтры наносныхъ ложныхъ ученій, или житейскихъ соблазновъ, или тяжелыхъ бѣдствій, разражающихся надъ головой.

Къ такому ли воспитанію стремится современная семья и школа? Къ прискорбію, мы должны дать на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ.

Въ наше время, среди такъ наз. интеллигенціи многіе держатся на дѣло воспитанія дѣтей совершенно другого взгляда: воспитатели различныхъ наименованій ломаютъ себѣ голову надъ тѣмъ, какимъ бы образомъ поведеть дѣло такъ, чтобы воспитывать не честнаго гражданина, не христіанина, но „человѣка“, чтобы дѣти не учились, а „развивались“ безъ труда, безъ повиновенія и безъ всякой религиозной нравственной дисциплины. Натуральность, гуманность, саморазвитіе, космополитизмъ, эти слова, которыя всегда означаютъ то, чего мы желаемъ отъ нихъ, служатъ путеводной звѣздой для нашихъ высоколиберальныхъ педагоговъ и даютъ имъ возможность рисоваться не только предъ своими соотечественниками, но даже предъ просвѣщеннѣйшими и опытными европейскими педагогами и заносить свои подвиги въ печатные документы и официальные отчеты.

Благодаря такому взгляду на воспитаніе дѣтей, современная интеллигентная семья въ большинствѣ случаевъ перестала быть хранительницей христіанскаго уклада жизни, забыты въ ней установленія церковныя, святыя обычаи, къ которымъ такъ воспримчиво и чутко дѣтское сердце. Въ такой семьѣ жизнь регулируется разнообразными фактами, но религіей и церковными установленіями меньше всего. Будемте въ этомъ отношеніи справедливы и спросимъ себя, много-ли въ настоящее время семействъ, гдѣ видна была-бы забота объ огражденіи дѣтей отъ соблазновъ въ религіозномъ отношеніи, о привитіи имъ благочестивыхъ навыковъ, объ уваженіи къ требованіямъ и правиламъ св. Церкви? О семьяхъ, элементами которыхъ является наша атеистическая интеллигенція, мы уже и не говоримъ, хотя ихъ нынѣ уже и много. Въ семьяхъ, неотшатнувшихся отъ Церкви, считающихъ себя вѣрующими, православными, развѣ воздерживаются, напр., отъ свободныхъ разговоровъ на религіозныя темы въ присутствіи дѣтей, развѣ стѣсняются перебалтывать ислосья шутки и пошлые анекдоты на счетъ духовенства, развѣ родители считаютъ своимъ долгомъ молиться Богу утромъ и вечеромъ или хотя перекреститься, садясь за столъ? Все больше становится такихъ семействъ, въ которыхъ родители, дѣлая сами ходитъ въ церковь, не считаютъ нужнымъ посылать туда и своихъ дѣтей. Понятно, въ такихъ семействахъ нѣтъ мѣста религіозному воспитанію, и мы въ этомъ съ горечью убѣждаемся на каждомъ шагѣ. Значеніе молитвы и богослуженія въ дѣлѣ религіи—неоспоримо, и какъ невнимательны, какъ небрежны къ этимъ религіознымъ средствамъ семьи! Дѣти часто, до поступленія въ школу, не умѣютъ прочесть безошибочно самыхъ употребительныхъ христіанскихъ молитвъ, какъ напр., „Отче нашъ“, „Царю небесный“, „Богородице Дѣво, радуйся“ и друг.; молитвы учатся только для экзаменовъ. Въ часы богослуженій, даже въ двенадцатые праздники, назначаются уроки по языкамъ, музыкѣ, даже танцамъ, но чаще всего... спитъ благородная семья, утом-

ленная веселіемъ безсонной предпраздничной ночи. П дѣти, живя и воспитываясь въ такой равнодушной къ религіи обстановкѣ, черствѣють для высшихъ чувствъ, не переживаютъ святыхъ минутъ религіозныхъ воодушевленій, того священнаго трепета, которымъ горитъ христіанская душа, услышавъ: „Христось рождается“, „Покаянія отверзи ми двери“, „Разбойника благоразумнаго“, „Христось воскресе“ и многіе другіе священные моменты, которые возносятъ душу въ горній міръ. Иные восторги переживаютъ такіа дѣти, иныя пѣсни слышать они, и нѣтъ мѣста въ юномъ сердцѣ священному огню ..

Существуетъ среди нашей интеллигенціи совершенно ложное убѣжденіе, что дѣло религіознаго воспитанія дѣтей нужно начинать не съ колыбели, а уже тогда, когда дити физически окрѣпнетъ и мужественно созрѣетъ настолько, что болѣе или менѣе сознательно станетъ относиться ко всѣмъ требованіямъ религіозно-нравственнаго долга. Изъ опасенія со стороны нѣжныхъ любящихъ родителей, какъ бы ихъ дѣти не простудились или, отъ соприкосновенія съ другими дѣтьми, не занесли въ домъ дефтерита, скарлатины, кори и тому подобныхъ бичей нашихъ современныхъ дѣтей, не отпускаютъ послѣднихъ по праздникамъ въ храмъ Божій, утѣшая себя мыслию, что дѣти ничего тамъ не поймутъ. Приучать дѣтей къ бездушному механическому исполненію требованій св. Церкви, по воззрѣнію многихъ родителей, дѣло страшное и по меньшей мѣрѣ прждевременное.

Но если мы всѣ эти разсужденія изъ сферы церковно-религіозной перенесемъ въ сферу повседневной обычной жизни, то мы сразу замѣтимъ полную несостоятельность ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни одна мать современной интеллигентной семьи не откажется едва начинающему ходить и лепетать ребенку внушить то, какъ онъ долженъ поздороваться съ папою и мамою или постороннимъ гостемъ, какъ раскланяться, что сказать имъ и о чемъ помолчать и т. д. Незнаніе дитятею

этихъ первыхъ правилъ вѣжливости житейскаго обихода производить на постороннихъ тяжелое впечатлѣніе и вызываетъ строгое иногда осужденіе, которое въ одинаковой мѣрѣ относится и къ родителямъ и дѣтямъ. Ужели же эти всѣ книженны или реверансы болѣе доступны—понятны уму и сердцу дитяти, чѣмъ примитивныя, не сложныя формы христіанскаго богочитанія: крестное знаменіе, стояніе на колѣняхъ во время молитвы, лобзаніе св. иконъ, возженіе предъ ними свѣчей и т. п.? Родители нашего времени, удаляющіе своихъ дѣтей отъ православнаго храма, изъ опасенія простуды и заразы, рѣдко однако рѣшаются отказать своимъ дѣтямъ въ удовольствіи побывать на дѣтскихъ вечерахъ, театральныхъ спектакляхъ, на ѣлкахъ, не только семейныхъ, но даже въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ собранія дѣтей различнаго пола, возраста и различнаго общественнаго положенія въ нѣсколько разъ бываетъ многочисленнѣе, и духота стоитъ болѣе нестерпимая, чѣмъ въ нашихъ храмахъ, и гдѣ, слѣдовательно, возможность простуды и заразы для дѣтей не менѣе вѣроятна.

Оставьте дѣтей приходить ко мнѣ, и не браните ихъ, скажемъ мы нашимъ матерямъ и отцамъ въ утѣшеніе и ободреніе словами нашего Господа, *такоуѣ бо есть царствіе Божіе* (Марк. X, 14). „Негодова“ Господь, по выраженію евангелиста, когда ученики Спасителя „*прещаху приносящимъ*“ (ст. 13). Наши родители, въ своей чрезмѣрной заботливости о физическомъ воспитаніи дѣтей, мало или вовсе не обращаютъ вниманія на чистую дѣтскую душу, мягкую, какъ воскъ, и способную испытывать и чувствовать самыя сильныя впечатлѣнія отъ созерцанія картинъ и явленій возвышенныхъ и прекрасныхъ. Нашъ христіанскій храмъ, со всею своею блестящею обстановкою, съ стройнымъ умильтельнымъ пѣніемъ, чиннымъ порядкомъ и величественнымъ священнодѣйствіемъ, долженъ производить и дѣйствительно производить на впечатлительную дѣтскую душу глубокое неотразимое впечатлѣніе. Дитя, находясь въ храмѣ, съ захва-

тывающимъ интересомъ слѣдить за порядкомъ богослуженія, ловить и запоминаеть несложныя церковныя молитвословія и пѣснопѣнія, усвояеть манеры и жесты священнослужителей храма и, возвратившись изъ церкви домой, долго находится подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго имъ и старается иногда воспроизводить все это дома въ своемъ дѣтскомъ невинномъ времяпрепровожденіи... Дитя, разъ побывавъ въ храмѣ, всею душою снова рвется къ нему и считаетъ свои посѣщенія его праздникомъ для себя, хотя-бы они падали и на будніе дни.—Глубокія впечатлѣнія, запавшія въ чистую дѣтскую душу, потомъ, въ зрѣломъ возрастѣ, когда люди, среди житейской прозы, дѣлаются менѣе впечатлительны и воспріимчивы ко всему прекрасному и высокому, остаются самыми дорогими воспоминаніями и доставляютъ многимъ отраду и истинное утѣшеніе.

Изъ семьи дѣти поступаютъ въ школу, чтобы подгото-вить себя къ спеціальному образованію въ высшемъ учебномъ заведеніи для будущей своей практической дѣятельности. Не получивъ добрыхъ христіанскихъ навыковъ въ родной семьѣ, съ грѣхомъ пополамъ заучивъ требуемая программу начальныя употребительныя молитвы, почти предъ самымъ экзаменомъ, дитя поступаетъ въ школу. Здѣсь, особенно, если дитя поступаетъ въ приготовительный классъ, законоучителю приходится взять на себя обязанности матери или няньки, чтобы ознакомить ребенка съ первыми требованіями церковно-религіозной дисциплины, а потомъ уже выяснить ему смыслъ и значеніе общеупотребительныхъ христіанскихъ молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ, многимъ нашимъ школярамъ дотолѣ совершенно незнакомомъ. Самый преданный своему дѣлу законоучитель, при всемъ своемъ горячемъ желаніи, немного можетъ сообщить такимъ своимъ ученикамъ, изъ которыхъ очень многіе къ тому же являются въ школу уже съ опустошенной душой. Неудивительно поэтому нисколько, что дѣти изъ семействъ нашей

интеллигенціи не только сами безъ всякой религіи, но они являются заразою въ религіозномъ и нравственномъ отноше-
ніи для своихъ товарищей по школь. Фактъ печальный—и
безспорный!

Какъ же семейство можетъ и должно дѣйствовать на
пробужденіе и утвержденіе въ дѣтяхъ религіознаго чувства?
Какими средствами оно можетъ образовать изъ нихъ чадъ
Божіихъ, хранящихъ святыню вѣры, въ Богѣ полагающихъ
упованіе свое и послушныхъ Его велѣніямъ?

Для этого не нужно, и мы не хотимъ рекомендовать
никакихъ искусственныхъ пріемовъ. Надо дѣлать то, что
предписываетъ намъ вѣра и Церковь, и подъ ихъ вліяніемъ
дитя утвердится въ правилахъ вѣры и благочестія. Внѣшняя
христіанская обстановка семейнаго дома, порядокъ жизни,
устроенный по преданіямъ и завѣтамъ Церкви, частыя вну-
шенія и простыя бесѣды, напоминающія дѣтямъ о Богѣ,
Творцѣ, Промыслителѣ и Спасителѣ нашемъ, о Его любви
къ намъ, о нашей полной зависимости, исполненіе всего,
заповѣданнаго намъ Господомъ,—вотъ средства, какими рас-
полагаетъ христіанское семейство для воспитанія въ дѣтяхъ
религіознаго настроенія.

Особенно доброе вліяніе въ дѣлѣ религіознаго воспи-
танія можетъ и должна оказывать на дѣтей мать, и Церковь
призываетъ ее къ этому, и возлагаетъ на нее свои надежды.
Нѣжность любящаго женскаго сердца дѣлаетъ ее особенно
способною къ образовательному дѣйствию на мягкую и гиб-
кую душу дитяти и даетъ ей въ этомъ отношеніи такія
силы, какихъ не имѣетъ сравнительно болѣе холодный мужъ,
притомъ болѣе расположенный къ внѣшней дѣятельности и
отвлекаемый разными заботами отъ своего дома. Пусть же
мать сообщаетъ своему дитяти первыя понятія о Богѣ и по-
лагаетъ основы въ его душѣ для возростанія его въ вѣрѣ и
благочестіи, что важнѣе питанія тѣлеснаго, —и мать христі-
анка, не по имени только, непременно исполнить эту свя-
щенную обязанность. Она знаетъ, что „не одно рожденіе

(какъ говоритъ св. Тихонъ Задонскій) дѣлать ее матерью, но и доброе воспитаніе дѣтей“. И если мать исполнила свою христіанскую обязанность по отношенію къ своему дитяти, это дитя, выросши, съ умиленіемъ и благодарностію будетъ вспоминать заботы своей матери о той духовной пищѣ вѣры, которою питался онъ отъ нея при первомъ пробужденіи сознательной жизни.

Кир. Тихомировъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Классики поневоле.

(Окончаніе ¹⁾).

Надѣмся, насъ не спросятъ, зачѣмъ намъ нужно глубокое знаніе Грековъ и Римлянъ, а не какихъ-нибудь китайцевъ или зулусовъ. Надѣмся также, намъ не стануть доказывать, что полезнѣе и плодотворнѣе было бы такое же глубокое знаніе какихъ-либо новѣйшихъ народовъ, нѣмцевъ или англичанъ, а не такихъ давнихъ, уже мертвыхъ. Для каждаго образованнаго человѣка понятно, что Греція и Римъ по отношенію къ человѣчеству сыграли единственную въ своемъ родѣ роль и что съ этими великими народами каждая изъ теперешнихъ цивилизованныхъ націй связана узами несравненно тѣснѣйшими, чѣмъ онѣ связаны другъ съ другомъ. Древняя умершая Греція и Византія для насъ русскихъ ближе и роднѣе, чѣмъ сосѣдняя Германія, съ которой у насъ, несмотря на вѣка сосѣдства, ничего общаго нѣтъ.

Европейское образованіе и цивилизація—дѣтище и наследникъ греко-римскаго. Оно все проникнуто духомъ этихъ великихъ народовъ. Оно вспоено и вскормлено греко-римскимъ гениемъ. Оно порожденіе греко-римскаго духа. Оно обязано

¹⁾ См. № 41 за 1911 г.

своимъ возникновеніемъ и развитіемъ въ Европѣ усвоенію этого духа. Его успѣхъ и его дальнѣйшая судьба зависятъ отъ степени проникновенія народовъ этимъ духомъ.

Образованіе и цивилизація представляютъ не какъ-нибудь вышнее наслоеніе въ жизни народа. Онѣ перерождаютъ націю; онѣ даютъ содержаніе и направленіе всей жизни націи. Усвоивъ греко-римское образованіе, европейскія націи внутренне переродились. Изъ варваровъ Европы Греція и Римъ сдѣлали, создали подобныя себѣ образованныя націи. Онѣ перелили въ нихъ свой духъ, дали внутреннее содержаніе ихъ жизни.

И въ настоящее время прогрессъ націи, развитіе ея идей и идеаловъ зависитъ отъ мѣры усвоенія ею этого великаго духа классической древности. Мы говоримъ не о матеріальномъ прогрессѣ, который обусловливается развитіемъ промышленности, техники, прикладныхъ знаній. Мы говоримъ о прогрессѣ духовномъ, о нравственномъ улучшеніи націи, объ облагороженіи ея. Этого послѣдняго рода прогрессъ можетъ и не идти рука объ руку съ прогрессомъ перваго рода, можетъ даже тормозиться и подавляться имъ. Но само собою понятно, что жизнь и будущность націи зависятъ не отъ ея матеріальнаго, а отъ духовнаго, нравственнаго прогресса. А для этого послѣдняго націи необходимо имѣть тотъ большой запасъ идеализма, которымъ дышала древность. Припомнимъ, какой толчекъ дало духовному развитію европейскихъ націй возрожденіе классицизма.

Въ нашъ практическій и меркантильный вѣкъ, можетъ быть, не менѣе необходимо такое возрожденіе. Экономическіе и промышленные интересы готовы теперь подавить все возвышенное въ человѣчествѣ. Мы уже мало понимаемъ, что такое чистое и безкорыстное служеніе наукѣ и искусству. Естественно, что намъ сталъ такъ чуждъ и непонятенъ духъ классической древности. Естественно, что мы хотимъ вытѣснить его изъ нашихъ школъ. Извѣрившись въ идеалы, мы хотимъ убить всякій идеализмъ въ нашемъ юношествѣ.

Но позвольте, скажутъ намъ, приче́мъ же тутъ языки въ гимназіяхъ? Развѣ сухія безжизненные грамматики могутъ вдохнуть идеализмъ въ юношество?

Если языкъ не есть лишь складъ ярлычковъ для обозначенія житейскихъ понятій, если онъ—произведеніе народнаго генія и народнаго творчества, если онъ—отраженіе народнаго духа, то духъ этотъ не можетъ не воздѣйствовать чрезъ посредство языка на изучающаго послѣдній. Правда, это дѣйствіе непримѣтно, почти неуловимо, недоступно для психологическаго анализа. Но также неуловимо и также не поддается анализу и дѣйствіе на душу хорошей картины, чудныхъ звуковъ музыки. Не говорите, что это далекое сравненіе. Это больше, чѣмъ сравненіе. Тутъ дѣло идетъ о совершенно однородныхъ явленіяхъ. Языкъ—тоже художественное произведеніе. Имъ можно любоваться, какъ картиной. Его звуками можно наслаждаться, какъ музыкой. Какъ произведеніе художественное, онъ можетъ быть выше и ниже въ эстетическомъ отношеніи. Языкъ французскій пріятнѣе ласкаетъ ухо, чѣмъ нѣмецкій и англійскій. Что же касается языковъ классическихъ, то нельзя не признать, что въ отношеніи благозвучія они не превзойдены ни однимъ языкомъ міра. По художественности построенія словъ и выраженій, они нѣчто необыкновенное въ своемъ родѣ. Слишкомъ долго было бы указывать всѣ красоты ихъ. Назовемъ для примѣра—отсутствіе пищащихъ звуковъ, стетеченія согласныхъ, точный размѣръ гласныхъ.

Рѣчь древнихъ—рѣчь поэтическая, рѣчь съ размѣромъ, напоминающимъ стихотворный, и въ самомъ прозаическомъ построеніи ея. Отъ нея такъ и вѣетъ красотой, поэзіей, граціей.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,

Старца великаго тѣнь чую смущенной душой,
говорилъ Пушкинь, прочтя Илиаду въ переводѣ. Уже тотъ фактъ, что эта рѣчь пережила на полторы тысячи лѣтъ свой

народъ, о чемъ-нибудь говорить. Ею нельзя не наслаждаться. Слыша ее, нельзя не „чувать смущенной душой“ тѣнь великаго народа и вѣяніе великаго народнаго духа.

Красота и благозвучіе не составляютъ всего въ классическихкихъ языкахъ. Это ихъ только внѣшность, внѣшность, правда, плѣнительная, но которая безъ внутренняго содержанія была бы ничто. Языкъ есть отраженіе народныхъ идеаловъ, взглядовъ, понятій. Эти идеалы тоже незамѣтнымъ образомъ передаются чрезъ изученіе языка. Сравнительной же высоты народныхъ классическихкихъ идеаловъ и стремленій никто серьезно не станетъ оспаривать. Конечно, эти идеалы не могутъ равняться съ христіанскими, какъ сказано выше, но все же о сравнительной высотѣ этихъ идеаловъ можно судить уже по той легкости и готовности, съ какой принялъ и усвоилъ греко-римскій міръ христіанство, отвергнутое родившимъ его іудействомъ. Вотъ то богатое духовное сокровище, которое заключаютъ въ себѣ классическіе языки. Въ такомъ словѣ, какъ „*καλοκαγαθία*“ (доброкрасота) развѣ не заключается цѣлая теорія нравственности, цѣлое нравственное міровоззрѣніе? Духовный міръ классической древности заключаетъ нѣчто такое, чѣмъ было бы полезно позаимствоваться отъ него нашему практическому вѣку.

Не говорите, что эти сокровища и блага классицизма не могутъ быть переданы юношеству на урокахъ языковъ. Живо я припоминаю своего преподавателя по греческому языку, знавшаго, любившаго и почитавшаго своей предметъ. Онъ намъ сумѣлъ показать красоту языка. Онъ заставлялъ насъ любоваться его чудными звуками. Онъ умѣлъ, путемъ филологическаго анализа, обнажать предъ нашимъ удивленнымъ взоромъ цѣлую систему міровоззрѣнія, скрытую въ какомъ-нибудь словѣ. И убѣжденные рѣчи его находили отзвукъ въ юныхъ душахъ. Конечно, не во всѣхъ. Есть люди, и есть юноши, которыхъ ничѣмъ не проймешь. Но намъ извѣстны субъекты посредственныхъ способностей, выходившіе изъ гимназіи горячими поклонниками классическихкихъ языковъ, по-

нявшими красоту ихъ единственно благодаря аккуратному приготовленію даваемыхъ уроковъ.

Такихъ результатовъ достигаетъ классическая система при сознаваемыхъ всѣми недостаткахъ постановки ея. А чтобы она дала при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, при преподавателяхъ-знатокахъ и любителяхъ своего предмета, при лучшихъ методахъ преподаванія?

Быть сыномъ своей эпохи, только своей—положеніе не очень почетное для человѣка. А подняться надъ этимъ удѣломъ большинства, посредственностей, возможно только путемъ проникновенія въ суть и жизнь, въ душу другой эпохи.

Если такое проникновеніе безъ знанія ея языка, какъ показано выше, недостижимо, то только знаніе древнихъ языковъ способно сообщить намъ должную широту взглядовъ, міропониманія. Отсюда проливается новый свѣтъ и на употребленіе церковно-славянскаго языка за богослуженіемъ. Какъ Церковь не можетъ заключиться въ одной націи, но должна обнимать всю землю, привлекая на строительство свое всѣ народы, такъ не должна она питаться и жить взглядами и стремленіями извѣстнаго лишь времени. Будучи вселенскою, она и апостольская, и отеческая Церковь. „Такъ вѣрили наши отцы и праотцы“—вотъ лозунгъ ея. Она должна объединять въ себя чаянія и идеалы всѣхъ эпохъ. Ея сыны должны понимать другъ друга, быть духовно близки другъ другу. Но изъ этихъ сыновъ только небольшая часть наши современники. Большинство, и лучшая часть, перво-родные сыны ея „на небесѣхъ написаны“. Между тѣмъ общеніе съ ними—необходимое условіе духовнаго роста нынѣшнихъ ея членовъ. И общеніе это должно быть возможно болѣе широкимъ. Какъ ни сильно молитвенное общеніе, но одного и его недостаточно. Нужно учиться жить ихъ стремленіями, мыслить ихъ идеями. А такое перемѣщеніе въ совершенно другую эпоху опять немислимо безъ языка. Что церковно-славянскій языкъ для нынѣшняго времени также

мерть, какъ латинскій и греческій, это не основаніе для исключенія его изъ богослуженія, а скорѣе сильнѣйшій мотивъ для удержанія его здѣсь.

Это живоносная мертвость.

М. Скабаллановичъ.

Новое просвѣтительное изобрѣтеніе.

Въ послѣдніе годы, не только въ крупныхъ центрахъ, но уже и въ провинціи, широкое распространеніе получили такъ называемые синематографы. Въ столицахъ,—Москвѣ и Петербургѣ,—синематографы насчитываются сотнями и являются серьезными конкурентами театра. Дѣлу этому предстоитъ блестящая будущность, такъ какъ оно широко можетъ быть использовано какъ просвѣтительное средство, гораздо болѣе удобное и усовершенствованное, чѣмъ такъ называемый волшебный фонарь, завоевавшій себѣ почтенное мѣсто на всевозможныхъ лекціяхъ, народныхъ чтеніяхъ и развлеченіяхъ. Дѣло это въ Россіи—сравнительно новое, а такъ какъ въ дѣлѣ всякихъ усовершенствованій и изобрѣтеній мы обычно идемъ въ хвостѣ Европы, то и синематографы у насъ картины сначала получали оттуда. Этимъ объясняется то, что синематографы въ Россіи на первыхъ порахъ знакомили зрителей главнымъ образомъ съ жизнью западныхъ народовъ, показывали то, что недавно смотрѣли зрители синематографовъ Парижа, Берлина.

Какъ въ свое время отмѣчали петербургскія газеты праваго направленія — „Колоколь“, „Русское Знамя“ и др.—въ столичныхъ синематографахъ, на ряду съ другими картинами, не мало встрѣчается картинъ антирелигіознаго и безнравственнаго содержанія. Это подало мысль представителямъ правыхъ партій г. Петербурга объ устройствѣ своего собственнаго синематографа съ картинами патріотическаго содержанія. Мысль эту, заслуживающую всякаго сочувствія, слѣдовало бы расширить и *использовать въ религіозно-просвѣ-*

тительномъ отношеніи, именно открыть синематографъ исключительно религіозно-церковнаго содержанія. Наглядный методъ наученія—всегда будетъ лучшимъ, а синематографъ и есть лучшее наглядное пособіе, гдѣ событія проходятъ передъ глазами зрителей, совершаются предъ ними. Мы противъ того, чтобы въ синематографѣ изображали Господа, Богоматерь; но какъ въ библейской исторіи, такъ и въ церковной и въ нашей отечественной сюжетовъ для синематографа—безчисленное множество, нужно только чтобы за это дѣло взялся кто нибудь съ любовью и энергіей. Тогда картины религіознаго содержанія были-бы сосредоточены въ одномъ пунктѣ, въ однихъ рукахъ, не было-бы смѣшенія религіознаго и комическаго, а иногда и безрелигіознаго, какъ это наблюдается теперь. Такой синематографъ, съ опредѣленнымъ, одобреннымъ содержаніемъ пользовался-бы успѣхомъ и въ средѣ православныхъ вѣрующихъ людей, туда не опасно было-бы пускать и дѣтей, учащихся духовно-учебныхъ заведеній и др.

Священникъ *Василій Пестряковъ*.

ЗАМѢТКА.

Сенатскія рѣшенія.

17 марта 1910 г. На разрѣшеніе Сената былъ предложенъ вопросъ: *„Къ кому должны быть предъявляемы иски, касающіеся интересовъ епархіальныхъ монастырей,—къ самимъ ли монастырямъ или къ тѣмъ духовнымъ консисторіямъ, въ вѣдѣніи коихъ они состоятъ“.*

Судебная Палата признала искъ о взысканіи денегъ съ одного монастыря неправильно предъявленнымъ къ консисторіи и вынесла рѣшеніе о предъявленіи сего иска непосредственно къ монастырю. Жалобу повѣреннаго по сему дѣлу на неправильное, якобы, рѣшеніе Палаты Сенатъ оставилъ безъ послѣдствій.

10 ноября 1910 г. По вопросу: „Имѣетъ ли право сельское общество крестьянъ, назначавшее по особому приговору, при освященіи церкви въ своемъ селеніи, причту этой церкви определенное ежегодное жалованіе изъ общественныхъ своихъ суммъ, отмѣнить этотъ приговоръ по измѣнившимся обстоятельствамъ и прекратить дальнѣйшую выдачу церковному причту определенного ему жалованія, — Сенатъ высказался отрицательно, оставивъ безъ повлѣдствій кассационную жалобу повѣреннаго одного общества на рѣшеніе окружнаго суда, утвердившаго приговоръ уѣзднаго члена, коимъ удовлетворено было ходатайство священника о понужденіи общества къ исполненію обязательства его предъ причтомъ церкви, признавъ, что приговоръ о жалованіи, правильно постановленный и законно утвержденный, можетъ быть отмѣненъ лишь съ согласія на то енархіальнаго начальства (Самар. е. в.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 25-го октября 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерингов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

ЛЦ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 44.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года октября 30-го дня.

Содержаніе: I. Отклики на современность. Н. Гумилевскій.—II. Источникъ и начало обновленія приходской жизни. А. Демьяновскій.—III. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Н. Пальмовъ.—IV. Къ вопросу о религіозномъ воспитаніи въ семьѣ и школахъ. (Окончаніе). Кир. Тихоміровъ.

Отклики на современность.

Какъ извѣстно, особое совѣщаніе при Св. Синодѣ по вопросу о наилучшихъ способахъ обезпеченія православнаго духовенства выработало проектъ, по которому поручная плата за исправленіе обязательныхъ требъ замѣняется опредѣленнымъ жалованьемъ—1200 руб. въ годъ для священника, 800 руб. для діакона и 400 руб. для псаломщика. Потребная для этого ежегодная сумма, исчисленная совѣщаніемъ въ 75 миліоновъ руб., не покрывается отпускаемой изъ государственнаго казначейства на жалованье духовенству суммой и мѣстными средствами: доходами отъ необязательныхъ требъ, отъ земельныхъ надѣловъ и причтовыхъ капиталовъ; остающійся

недостатокъ (около 51 милліона руб.) совѣщеніе проектируетъ покрыть частью увеличеніемъ средствъ, отпускаемыхъ казною, а главнымъ образомъ—спеціальнымъ налогомъ. „Церк. Вѣстникъ“ (въ передовой статьѣ № 39 с. г.) высказывается противъ такого налога и настаиваетъ на томъ, что вопросъ обезпеченія духовенства долженъ быть неразрывно связанъ съ реформой прихода, потому что обложеніе должно быть не общегосударственнымъ, а городскимъ.

Разумѣется, по существу нельзя ничего сказать и противъ приходскаго самообложенія для содержанія приходскаго духовенства, но, съ другой стороны, и такъ неразрывно связывать два раздѣльные вопроса нѣтъ необходимости. „Церк. Вѣст.“ особенно смущается введеніемъ новаго государственнаго налога, что, по его мнѣнію, представляется дѣломъ чрезвычайно труднымъ и даже едва ли осуществимымъ. Но развѣ не такимъ же въ сущности налогомъ будетъ и приходское обложеніе? Такъ какъ духовенство при этомъ лишается главнаго источника своего содержанія—платы за обязательныя требы, то замѣняющее эту плату обложеніе должно быть обязательнымъ и точно установленнымъ, такъ что тягота его для населенія будетъ не меньшая, чѣмъ тягота соответствующаго государственнаго налога. Трудно усмотрѣть какія либо преимущества и въ способѣ поступленія приходскаго обложенія сравнительно съ государственнымъ налогомъ. Если предположить, что это обложеніе будетъ поступать не въ государственное казначейство, а въ какія либо приходскія кассы, то недоимки (а безъ нихъ едва ли возможно обойтись) поведутъ къ недоразумѣніямъ между духовенствомъ и прихожанами, которыя будутъ едва ли не тяжелѣе пререканій, возникающихъ при поручной платѣ за требоисправленіе. Вообще, духовенство тогда только можетъ вполне освободиться отъ нареканій за поборы, когда будетъ получать содержаніе изъ общегосударственныхъ суммъ. Да предполагаемый налогъ и не будетъ особенно обременителенъ. Правда, сама по себѣ цифра 40 милліоновъ представляется внушительной, но если ее разложить на 140-

миллионное населеніе Россіи, то получится съ человѣка около 30 коп. въ годъ.

При указанномъ способѣ содержанія духовенства можетъ возникнуть опасеніе, что при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ правительство или разсматривающее бюджетъ народное представительство можетъ уменьшить или совсѣмъ уничтожить казенное жалованье духовенству и, такимъ образомъ, лишить его средствъ существованія. Но такая мѣра была бы чистѣйшимъ произволомъ, разъ точно установлено, что указанный налогъ взимается съ определенной цѣлью. „Церк. Вѣстн.“ высказываетъ опасеніе, что Государственная Дума не согласится на введеніе такого налога; но, стоя на такой точкѣ зрѣнія, необходимо придти къ выводу, что Государственная Дума не согласится и на приходское обложеніе, которое, по словамъ самого „Церк. Вѣстн.“, должно быть регулируемо государствомъ и, слѣдовательно, также должно быть проведено законодательнымъ путемъ, и которое, какъ было сказано, представляетъ для населенія не меньшую тяготу, чѣмъ государственный налогъ. Государственная Дума можетъ не дать согласія на указанный налогъ, только выходя изъ принципиальнаго положенія, что православное духовенство не заслуживаетъ содержанія на народныя средства, но такой точки зрѣнія отъ учрежденія, которое, согласно Высочайшему указанію и по самому существу дѣла, должно быть „русскимъ по духу“, ожидать едва ли возможно.

„Церк. Вѣстн.“ смущается (и, повидимому, болѣе всего) также и тѣмъ обстоятельствомъ, что проектируемый налогъ для содержанія православнаго духовенства предполагается сдѣлать всеобщимъ. Если же онъ не будетъ всеобщимъ, то это представляло бы для многихъ величайшій соблазнъ объявить себя не принадлежащими къ Православной Церкви. Но если изъ общегосударственной казны выдается содержаніе, и очень достаточное, духовенству католическому, магометанскому, ламайскому и т. д., то что же несправедливаго будетъ въ томъ, что и православное духовенство будетъ получать жалованье

изъ общегосударственнаго обложенія? Пора, наконецъ, открыто признать то положеніе, что дѣятельность православнаго духовенства (не говоря уже о веденіи метрическихъ книгъ и т. п.) имѣетъ великую важность не только для Церкви, но и для Русскаго Государства. Вѣдь съ паденіемъ православной вѣры въ Россіи и Русское государство, лишившіеся своего главнаго объединяющаго начала, неизбежно устремится къ распаденію, и тѣ самыя иновѣрцы и инородцы (обложеніе которыхъ для жалованья православному духовенству „Церков. Вѣстн.“ считаетъ несправедливымъ), которые такъ страстно желаютъ ослабленія Россіи, окажутся въ плачевномъ состояніи анархіи и взаимной рѣзни, пока не будутъ поработены болѣе могущественными народами, которые сумѣютъ взять ихъ въ желѣзные тиски, какъ взяли польскій Познанскій край нѣмцы. Нужно быть полнымъ невѣждой въ русской исторіи, чтобы не понимать значенія для Россіи православнаго духовенства и вытекающей отсюда для государства обязанности поддерживать это духовенство на высотѣ его призванія, для чего, какъ теперь всѣми признано, необходимо урегулировать и вопросы объ его матеріальномъ обезпеченіи.

Н. Гумилевскій.

Источникъ и начало обновленія приходской жизни.

„Да просвѣтитесь свѣтъ вѣже предъ челоѳки“ (Мф. V, 16).

Очень мало бываетъ въ челоѳческой исторіи поколѣній, которыя были бы довольны своимъ положеніемъ. Недовольство жизнью, неудовлетворенность ею—постоянная принадлежность челоѳчества. Одно поколѣніе осуждаетъ другое и съ своей стороны жалуется на то, что и его жизнь стала тяжелой, течетъ не такъ, какъ нужно, какъ хотѣлось бы. Какая это старая и вмѣстѣ съ тѣмъ новая вещь.—Да, жалобы на тяжесть жизни всегда были, но въ наше время онѣ усилились.

„Перекрестки исторіи“, т. е. время, когда сталкиваются два исторических течения, когда жизнь воспринимает новые формы, когда человечество мечется от одного жизненного строя къ другому и не знает, на какомъ изъ нихъ остановиться, когда видить свои болѣзни и не знаетъ, гдѣ найти средства къ излеченію ихъ,—такія времена всегда были тяжелыми, трудными для человечества. И можно смѣло сказать, что мы переживаемъ такую именно эпоху.

Мы были очевидцами того, какъ многострадавшая страна наша волновалась отъ „Финскихъ холодныхъ скалъ до пламенной Колхиды“ и не только „отъ Перми до Тавриды“, но и отъ Бессарабіи до устьевъ Амура. Тогда брать вставалъ на брата и „врази человѣку“ были домашніе его. Прошла эта волна, волна пожаровъ и волнений, и жизнь какъ будто вошла въ свои берега,—снова по прежнему, но уже обновленному пути потекла. И вотъ только отзвуки минувшаго то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ себя обнаруживаютъ; какъ искры послѣ пожара ещѣ появляются. Но опасны и эти искры, ихъ надо беречься, и отъ нихъ надо находить средства спасенія, ибо и послѣдствія болѣзни бываютъ опасны не менѣе самой ея.

И церковно-религіозная жизнь русскаго народа въ нынѣшнее время не безъ недостатковъ. Если и парадоксально выраженіе, что русская Церковь находится въ параличѣ со времени Петра Великаго¹⁾, то все-таки каждый скажетъ, что приходская жизнь идетъ не тѣмъ путемъ, какимъ шла прежде, что въ ней произошелъ како-то надрывъ. Она не представляетъ собою чего то окаменѣвшаго. Ее можно, пожалуй, сравнить только съ организмомъ, въ которомъ есть „духъ жизни“, но который ослабѣлъ,—его нужно усилить. Нужно открыть источникъ, исходя изъ котораго можно было бы жизнь прихода обновить, оживотворить, вдохнуть въ нее новый духъ.

¹⁾ О. М. Досговерскій—приведено у Мережковского Л. С. въ соч. „Градушій Хамъ“ изд. 1906 г. стр. 106.

Откуда же надо начинать оздоровленіе прихода? Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, надо проанализировать, изслѣдовать, изъ какихъ элементовъ слагается приходъ, какъ отдѣльная часть великаго Цѣла—Церкви Христовой.

Въ каждомъ приходѣ есть двѣ стороны: пастырь и пасомые, настоятель прихода—священникъ и прихожане. Какія отношенія существуютъ между ними? Пасомыхъ много, а пастырь одинъ, но за то онъ—глава и руководитель прихода. Своихъ пасомыхъ онъ превосходитъ своимъ образованіемъ¹⁾, ему дана благодать всесвятаго Духа, ему одному принадлежитъ право учить и наставлять. Священникъ же—совершитель таинствъ и духовный Отецъ живущихъ въ его приходѣ. Въ Церкви совершаются все важнѣйшія событія чловѣка, въ Церкви онъ начинаетъ свою духовную жизнь. Церковь же напутствуетъ его и при переходѣ въ жизнь загробную. Въ Церкви христіанинъ входитъ въ общеніе съ Богомъ и даетъ торжественныя обѣщанія свои. Поэтому-то и на служителей Церкви переносится уваженіе, какое христіанинъ чувствуетъ по отношенію къ храму Божію. Въ прежнее время, какъ извѣстно, священники являлись лицами, къ которымъ прибѣгали въ случаяхъ, требующихъ рѣшенія безпристрастнаго, рѣшенія по совѣсти. Священникъ, произносящій свое рѣшеніе, считался послѣдней инстанціей. О, доброе старое время! Какъ много было у тебя хорошихъ сторонъ, положительныхъ качествъ! Личность священника, какъ руководителя прихода, и обычаи, какъ совокупность предшествующихъ влiяній,—вотъ что обуславливало такой или иной характеръ прихода, ту или другую его фiзиономію.

Волна общественнаго движенія захватила и приходъ, коснулась и церковной жизни. Многіе храмы пустуютъ, требы въ нѣкоторыхъ приходахъ стали тяжелой обязанностью.

¹⁾ Это можно сказать не только о сельскихъ пастыряхъ, но весьма многихъ городскихъ. См. также пастырскую бесѣду архіепа. Антонія Волынскаго. Приб. въ Церк. Вѣд. 1910 г. 229 стр.

Многіе священники стремятся къ тому, чтобы поскорѣе сбыть богослуженіе, чтобы заняться чѣмъ-либо другимъ¹⁾. Конечно, относительно многихъ приходоѡ это должно признать преувеличеніемъ, но все-таки можно сказать, что многіе священники центръ своего вниманія полагаютъ совсѣмъ не въ приходѣ, не въ томъ, чтобы просвѣтить своихъ прихожанъ.

Между тѣмъ, кому именно надо оживить приходъ? Естественноѣ всего — священнику. Именно онъ, а не кто другой долженъ положить первый камень въ основу строящагося зданія. Въ пользу этого положенія, кромѣ указанныхъ выше основаній, можно привести еще слѣдующія соображенія. Во многихъ сельскихъ приходоахъ населеніе (т. е. прихожане) постоянное; только временами совершаютъ они переселенія, бросая нажитыя мѣста. Часто только одинъ священникъ знаетъ жизнь города, многое видѣлъ и не имѣетъ при этомъ никакихъ прежнихъ связей въ селеніи, ни родства. Ему, поэтому, удобнѣ всего начать вести жизнь не такъ, какъ ведутъ ее теперь или вели раньше, а по велѣніямъ сердца своего, пойти не за теченіемъ, а противъ теченія. Онъ же, въ силу полученной отъ Бога благодати, съ одной стороны, и образованія — съ другой, пользуется въ вопросахъ вѣры авторитетомъ, а въ обыкновенныхъ дѣлахъ — уваженіемъ. На священника смотрятъ, какъ на самое главное въ приходѣ лицо. Ему поэтому и не надо искать новыхъ силъ на сторонѣ. Относительно священниковъ вѣдь особенно можно сказать словами св. ап. Павла: не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша удове Христовы суть (1 Кор. VI, 15). Оставить ли мать дитя свое, забудеть ли Христосъ Своихъ служителей? Нѣтъ. Господь стоитъ при дверяхъ: какъ только кто захочетъ вызвать Господа, то Онъ, какъ сущій недалеко отъ каждаго изъ насъ, къ нему придетъ и свечеряетъ съ нимъ (Ср. Апок. III, 20). Чтобы этого достигнуть, чтобы пастырь чувствовалъ

¹⁾ Пастырская бесѣда архіеп. Антонія Волынскаго. Прибавленія къ Церковн. Вѣдомостямъ 1910 г. 229 стр.

внутреннее удовлетвореніе отъ сознанія, что онъ стоитъ на правильной дорогѣ, ему необходимо объединить вокругъ себя всѣ тѣ элементы прихода, которые желаютъ и жаждутъ творенія Царствія Божія. Въдѣ по справедливости говорятъ, что каковъ пошль, таковъ и его приходъ. Намъ лично приходилось наблюдать смѣну личныя вліанія въ приходѣ. Происходящія въ приходской жизни измѣненія отъ перемѣны руководящаго лица прямо поражали. Какъ только во главѣ прихода становился дѣятельный, предприимчивый человекъ — исчезалъ и пьяный разгуль, и вечернее безнравственное пѣніе, и воровство въ приходѣ; люди становились похожими на послѣдователей Христа и начинали посѣщать Его храмъ.

Области приходской жизни, въ которыхъ можетъ сказаться вліаніе священника, самыя разнообразныя. Жизнь прихода складывается изъ богослуженія и взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ членовъ общины. Упорядоченіе перваго и развитіе вторыхъ — задача священника. Много есть приходовъ, гдѣ богослуженіе для многихъ является діалогомъ на непонятномъ языкѣ, гласомъ вопіющаго въ пустынь, кимваломъ бряцающимъ. Разъяснивши значеніе его и необходимость, священникъ долженъ озаботиться воспитаніемъ людей, которые бы имѣли попеченіе о поддержаніи въ храмѣ надлежащаго чтенія и пѣнія. Хорошо было бы, если бы ему удалось завести такъ называемое общенародное пѣніе. Можетъ быть, оно и не достигнетъ такой степени совершенства, какъ пѣніе хора, но зато оно можетъ доставить удовлетвореніе участвующимъ въ немъ и поселить въ нихъ убѣжденіе, что богослуженіе совершается священникомъ не для себя, а для нихъ и за нихъ. Необходимо, слѣдовательно, послѣдное активное участіе въ богослуженіи и прихожанъ. Сельская, въ особенности ц.-приходская школа можетъ въ этомъ случаѣ во многомъ помочь священнику. Разумѣется, успѣха въ своей дѣятельности, по самому существу, можетъ ожидать только тотъ священникъ, который, по выраженію книги „о должностяхъ пресвитеровъ“, „за всякимъ своимъ прихожаниномъ

смотреть, всякое состояніе надзираетъ и знаетъ совершенно". А что священникъ можетъ въ своихъ прихожанахъ создать ревность къ богослуженію и отечественной вѣрѣ, и что именно ему объ этомъ необходимо заботиться, показываютъ примѣры изъ отечественно-церковной исторіи. Кто, какъ не священники, сохраняли во время Уніи православіе отъ нападковъ католичества? Кто, какъ не они, поддерживали въ народѣ ревность къ отечественной вѣрѣ и твердость къ перенесеніи притѣсненій? Священники того времени, хотя ходили и въ смазныхъ сапогахъ, но были преданы православію и сохранили Западную Русь отъ окатоличенія и вмѣстѣ оплодотворенія.

Такъ и теперь. Православный сельскій пастырь можетъ (да и долженъ) всѣми силами заботиться о томъ, чтобы сохранить свое вліяніе на народъ и въ настоящее время, когда „дніе лукави суть“. Для этого священникъ долженъ себя показать носителемъ того духа, исполнителемъ того ученія, къ которому онъ призываетъ народъ¹⁾. Въ этомъ отношеніи весьма важнымъ представляется участіе священника въ дѣлахъ общественныхъ и руководство дѣлами благотворительности и просвѣтительными учрежденіями въ приходѣ. Въ первомъ случаѣ, т. е. въ дѣлахъ общественныхъ, пастырь Церкви, самъ не принимая активнаго личнаго участія, можетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы они совершались согласно съ духомъ христіанскаго ученія. Необходимо, чтобы священникъ былъ, такъ сказать, общественной совѣстью. Какъ только замѣтитъ онъ, что въ жизнь прихода начинаютъ проникать элементы, противные христіанскому духу, нарушается царскій законъ любви, онъ долженъ съ своимъ авторитетнымъ свидѣтельствомъ выступать въ защиту истины. Я лично не могу иначе и представить священника, какъ посѣщающаго,

¹⁾ Сюда относятся: хожденіе съ насомыми на богомолье, строгое соблюденіе постовъ и уставовъ Православной Церкви, храненіе праздничнаго покая и проч.

хотя бы на вечерахъ, своихъ прихожанъ и освѣдомленнаго о ихъ жизни, интересахъ и нуждахъ. Въ такомъ случаѣ часомыя будутъ видѣть въ лицѣ священника именно своего пастыря, скажутъ, что это именно „нашъ батюшка“, нашъ покровитель, нашъ защитникъ. Русскій народъ—Богоносецъ и если онъ увидитъ, что пастырь заботится о томъ, чтобы его прихожане были дѣятельными послѣдователями Христа-Спасителя, оцѣнить его и будетъ содѣйствовать ему ¹⁾.

Дѣло, предпринимаемое такимъ священникомъ, дѣло Божіе, и Господь, являющій силу Свою въ немощахъ, проявитъ Ее и въ скромной дѣятельности сельскаго пастыря. Чтобы священникъ могъ владѣть душами своихъ пасомыхъ и вести ихъ прямой дорогой (хотя и трудной) ко Христу, — онъ долженъ первѣе и главнѣе всего—любить свое дѣло всей душою. Церковь есть такой институтъ, который оживляется любовью и безъ любви не можетъ существовать. Гдѣ Церковь, тамъ и любовь. „Любовь—органическое основаніе Церкви“, писалъ еще А. С. Хомяковъ ²⁾. „Вызовите сперва начало жизни—любовь и вы узрите предъ собою живой организмъ“ ³⁾. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и Церкви, тамъ остается лишь ея видимость, ибо Церковь одушевляется Божественнымъ духомъ любви. Атмосфера любви согреваетъ сердца, и священникъ съ сердцемъ, пренеполненнымъ любви, показавшій своимъ личнымъ примѣромъ возможность осуществленія христіанскихъ началъ въ жизни, сразу же со-

¹⁾ Если же образованный классъ общества, или такъ называемая интеллигенція, не только не поддерживаетъ служителей Церкви въ ихъ трудномъ ответственномъ дѣлѣ, напротивъ, иногда даже высмѣиваетъ ихъ досильные труды, то вѣдь извѣстно, что интеллигенція уже не живетъ жизнью простого народа, не понимаетъ души народной, и потому стонать ей надо. О такихъ то людяхъ и говорилъ высокопреосв. Антоній Волынкій, что они дышатъ себлюбіемъ, ненавистью и злорадствомъ; имъ чужда всякая любовь, все ихъ поведеніе—сплошная ложь. Онъ же совѣтовалъ беречься богохульниковъ, козунниковъ, мятужниковъ.

²⁾ Сочиненія изд. 4-е. Москва 1900 г. 112 стр. т. II.

³⁾ Ibid.—107 стр.

дасть среди прихожанъ партію, ему сочувствующую и могущую при случаѣ оказать ему поддержку, содѣйствіе. Нужно только, чтобы внутреннее настроеніе человѣка соответствовало характеру того дѣла, на которое онъ идетъ и къ которому готовится ¹⁾. Такъ должно быть, ибо только внутреннее благосостояніе есть условіе (впрочемъ не единственное) истиннаго, твердаго и продолжительнаго внѣшняго благосостоянія ²⁾.

Александръ Демяновскій.

¹⁾ Особенно это нужно сказать о кандидатахъ во священники.

²⁾ Епископъ Михайлъ. „Виблейская Наука“. VII книга, 46 стр.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Назидательные листки и полезныя брошюры для народа.

Изъ № 19 Минскихъ Епарх. Вѣдомостей *Тайновѣда* останавливается надъ вопросомъ, какими способами и на чьи денежные средства можно было бы осуществить настоятельно необходимое по нынѣшнимъ временамъ изданіе назидательныхъ листковъ и полезныхъ брошюръ для народа. Предъ глазами Тайновѣда предносится достойная, въ этомъ случаѣ, подражанія дѣятельность католическаго духовенства и католическаго монашества. Духовенство у католиковъ усердно трудится надъ составленіемъ книгъ, брошюръ и листковъ, имѣющихъ задачей или защиту католической церкви отъ всевозможныхъ нападокъ на нее, или просто—распространеніе въ народной массѣ и въ кругу интеллигенціи религіозно-нравственныхъ понятій. Католическіе монастыри за границей, каждый почти, имѣютъ собственныя типографіи, и въ этихъ типографіяхъ печатаются изданія, которыя потомъ *бесплатно* раздаются публикѣ. Не ограничиваясь бесплатной раздачей изданій, важныхъ для цѣлей католической пропаганды, энергическіе служители католической церкви рассылаютъ бесплатно свои изданія и по почтѣ, часто—лицамъ совершенно незна-

¹⁾ Особенно это нужно сказать о кандидатахъ во священники.

²⁾ Епископъ Михайлъ. „Виблейская Наука“. VII книга, 46 стр.

комымъ и даже завѣдомо несочувствующимъ католической литературѣ. Такъ, напр., обстоитъ дѣло съ изданной католиками книгой: „Въ защиту вѣры“. Ее рассылаютъ по всѣмъ уголкамъ Россіи, адресуютъ православнымъ епископамъ, православнымъ Братствамъ, православнымъ людямъ. Католическое духовенство руководствуется примѣромъ нынѣшняго главы римско-католической церкви папы Пія X, который въ самой широкой мѣрѣ пользовался всегда силою печатнаго слова для успѣха церковнаго дѣла. Будучи еще викаріемъ и настоятелемъ маленькаго прихода въ Ломбардіи, нынѣшній папа раздавалъ крестьянамъ газеты и журналы. Ставъ епископомъ, онъ началъ издавать газету *Fidelitas* и самъ писалъ въ ней статьи. Затѣмъ, въ санѣ уже Венеціанскаго патріарха, онъ издавалъ выходящую и доселѣ итальянскую газету *Difesa* („Оборона“). Съ номерами этой газеты, равно какъ и другихъ газетъ и журналовъ, венеціанскій патріархъ ѣздилъ по домамъ своей паствы и собственноручно раздавалъ только что вышедшіе въ свѣтъ печатные листы.

Мысль Тайновѣда клонится къ тому, что наши монастыри должны принять живое и дѣятельное участіе въ изданіи народныхъ листковъ и брошюръ, по крайней мѣрѣ—денежными жертвами, а составленіе изданій для народа должно взять на себя образованное духовенство (с. 565—566). Что касается до участія монастырей въ дѣлѣ распространенія среди народа печатныхъ словесъ здраваго ученія и именно—въ предполагаемой Тайновѣдомъ формѣ, то противъ этого возражать, разумѣется, не приходится. Въ древнія времена русскіе пастыри успѣшно служили дѣлу народнаго просвѣщенія. Теперь, къ великому сожалѣнію, контингентъ монашествующихъ составляетъ по обителямъ изъ лицъ или совсѣмъ не образованныхъ, или мало образованныхъ. Имъ не посильна литературная работа, тѣмъ болѣе—интенсивная, и, значитъ, единственное, что остается теперь русскимъ монастырямъ въ дѣлѣ енижнаго просвѣщенія народа это—денежныя пожертвованія на изданія полезныхъ книгъ, брошюръ и листковъ, да усердное

распространеніе ихъ среди богомольцевъ, приходящихъ на поклоненіе святынямъ въ обители. Было бы несправедливо сказать, что наши монастыри, особенно въ лицѣ наилучше поставленныхъ, относятся несочувственно къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Въ типографіяхъ, напр., Кіево-Печерской Лавры и лавры Почаевской печатается не мало полезныхъ изданій для народа, и многи распространяютъ ихъ частію безвозмездно, а частію—но очень дешевымъ цѣнамъ за листокъ и брошюрку. Есть монастыри, которые предлагаютъ и денежныя средства на народныя изданія. Такъ, Драндскій Успенскій монастырь, возлѣ Сухума (Кутаисской губ.), заведя у себя типографію, обращается сейчасъ къ настоятелямъ приходскихъ церквей съ предложеніемъ печатать такія изданія, которыя пастыри нашли бы полезными составить для народа въ защиту православной вѣры и въ опроверженіе невѣрія и сектантства¹⁾. Но, конечно, необходимо расширить дѣло и поставить его на твердую почву. Въ составленіи народныхъ листовъ и брошюръ должны принять участіе богословски образованныя и патріотически настроенныя лица. Ихъ можно найти въ каждой епархіи и въ довольномъ числѣ какъ въ средѣ духовенства, такъ и въ средѣ преподавателей мѣстныхъ духовно-учебныхъ

¹⁾ Справедливость вынуждаетъ, однако, сказать, что Драндскій монастырь ставитъ тяжелыя условія для тѣхъ литературныхъ работниковъ, которые вздумали бы издавать въ типографіи монастыря назидательныя листки, или брошюры для народа. Прежде всего, монастырь ограничиваетъ рукопись автора только 1250 словами; затѣмъ требуетъ отъ автора платы за напечатаніе его произведенія и, при томъ, въ размѣрѣ той же денежной суммы, какую взимаетъ и съ покупателя за тысячу экземпляровъ листка—4 рубля; наконецъ, монастырь выговариваетъ себѣ у автора какъ бы право собственности на его изданіе, требуя отъ автора разрѣшенія печатать его произведенія, а также и распространять—въ неограниченномъ количествѣ (см. объявленіе Драндскаго монастыря въ № 16 Владикавк. Епарх. Вѣдомостяхъ за г. г. на ст. 567). Монастырь долженъ, такъ или иначе, облегчить тяжесть условій для авторовъ при печатаніи ихъ произведеній,—иначе монастырь рискуетъ совсѣмъ не найти охотниковъ воспользоваться его предложеніемъ.

заведеній. Никто изъ нихъ, способныхъ владѣть перомъ, не откажется вложить посильную литературную лепту въ святое дѣло, лишь бы епархіальная власть, которой прежде всего надлежитъ вѣдать дѣло религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа, съумѣло въ одномъ случаѣ возгнѣть ревность въ литературныхъ труженикахъ, а въ другомъ случаѣ—пойти ей на встрѣчу и поддержать ее.

Епархіальныя типографіи.

Не приходится еще намъ мечтать, чтобы каждый большой монастырь на Руси завелъ у себя типографію, какъ это за границей, у католиковъ! Большимъ пособіемъ дѣлу просвѣщенія русскаго народа въ православно-церковномъ направленіи было бы открытіе по всѣмъ епархіямъ своихъ собственныхъ, епархіальныхъ типографій. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ духовенство уже сознало нужду въ открытіи типографій и успѣло осуществить это сознаніе на дѣлѣ. Въ Одессѣ, напр., только что открыта великолѣпно оборудованная типографія при Епархіальномъ Дмитріевскомъ Домѣ, обошедшаяся устроителямъ въ 34540 р. ¹⁾ А въ Курскѣ устроена типографія, тоже при Епархіальномъ Домѣ, но на болѣе скромныхъ началахъ. Типографія въ Курскѣ обошлась въ 11 тысячъ. На Одесскую типографію высеконпреев. Дмитрій пожертвовалъ изъ личныхъ средствъ 24 тысячи, а въ Курскѣ духовенство прибѣгло къ краткосрочной ссудѣ изъ свободныхъ миссіонерскихъ суммъ епархіи, обязавшись выплатить взятую заимобразно денежную сумму, съ процентами, въ 5—7 лѣтъ изъ подписныхъ денегъ на Епархіальныя Вѣдомости и изъ заработка типографіи. На поддержаніе типографіи Курское духовенство ассигновало, кромѣ того, по 5 р. единовременнаго взноса отъ каждой церкви, взявъ съ редакціи Епарх. Вѣдо-

¹⁾ См. „Р. д. с. п.“ № 40, с. 98—99.

местей обязательство исполнить этот расход впоследствии безылавною разсылкою по первымъ полезнымъ брошюръ.

Оборудованіе Курской епархіальной типографіи было произведено московскою фирмою „Францъ Маркъ и К^о“, которой, надо сказать, уже не въ первый разъ приходится работать надъ устройствомъ епархіальныхъ типографій, такъ что она сдѣлала себѣ изъ этого какъ бы спеціальность. По письменному (или даже телеграфному) требованію фирма „Францъ Маркъ и К^о“ немедленно высылаетъ довѣреннаго, который скоро и вполне добросовѣстно разрабатываетъ на мѣстѣ проектъ типографіи, составляетъ смѣту, дѣлаетъ необходимыя указанія и, такимъ образомъ, освобождаетъ учредителей отъ всякихъ хлопотъ и безпокойствъ. Полное оборудованіе типографіи, даже въ случаѣ выписки машинъ изъ-за границы, занимаетъ времени всего мѣсяць, или полтора, но не болѣе. Деньги уплачиваются по окончаніи всѣхъ работъ по оборудованію. Ежемѣсячный расходъ такой типографіи, какъ Курская, исчисляется въ 300, приблизительно, руб. А доходъ,—подъ условіемъ, что въ типографіи будутъ приниматься заказы отъ всѣхъ епархіальныхъ учреждений и школъ и откроется пріемъ нѣкоторыхъ частныхъ заказовъ, напр. на бумагу, конверты, визитныя карточки,—исчисляется въ гораздо болѣшую сумму, чѣмъ расходъ. Курская типографія въ первый мѣсяць своей дѣятельности произвела работъ болѣе, чѣмъ на 450 р., не смотря на невысокія цѣны, какія назначала за заказы.

Мысль объ открытіи собственной, епархіальной типографіи занимаетъ въ настоящее время Самарское духовенство. Въ Самарѣ разрабатывается и близокъ даже къ осуществленію проектъ Епархіальнаго Дома, который обслуживать бы разнообразныя нужды епархіи. *Свят. Ст. Богородицкій* въ мѣстныхъ Епарх. Вѣдомостяхъ настаиваетъ на устройствѣ типографіи одновременно съ устройствомъ Епархіальнаго Дома въ Самарѣ, такъ какъ типографія обойдется въ этомъ случаѣ гораздо дешевле для духовенства, чѣмъ въ какое либо другое

время и при другихъ обстоятельствахъ. Примѣромъ служитъ типографія при Курскомъ Епархіальномъ Домѣ (Самарск. Епарх. Вѣд. № 19, с. 845—847)¹⁾. Соображеніе о. Ст. Богородицкаго—правильное, и остается пожелать, чтобы въ планъ и смѣту будущаго Епархіальнаго Дома въ Самарѣ вошло, по приговору духовенства на ближайшемъ Епархіальномъ Сѣздѣ, и устройство типографіи.

Окружныя кассы взаимопомощи.

Епархіальныя типографіи, являясь мощнымъ орудіемъ въ дѣлѣ распространенія среди народа словесъ здраваго ученія, могутъ оказаться, кромѣ того, и немалымъ источникомъ денежнаго дохода для епархіи, если онѣ будутъ правильно поставлены въ отношеніи порядковъ и отчетности. А духовенству приходится теперь серьезно призадуматься надъ матеріальной стороною жизни. По отзывамъ приходскихъ священниковъ, доходность церквей падаетъ: вознагражденія за труды умаляются. Между тѣмъ, жизнь съ каждымъ днемъ дорожаетъ, а воспитаніе дѣтей въ школахъ становится прямо таки непосильнымъ для низшихъ членовъ клира. Отцамъ семействъ приходится залѣзть въ долги и платить сельскимъ „кулакамъ“—заимодавцамъ громадные проценты за ссуду, полученную, нерѣдко, послѣ долгихъ и унижительныхъ просьбъ.

Въ №№ 15—16 Псковскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ Е. Т. останавливается вниманіемъ на окружныхъ кассахъ взаимопомощи, учрежденіе которыхъ дало бы возможность духовенству извѣстнаго района заимствовать изъ кассы кратковременныя денежныя ссуды за небольшой процентъ. Онъ рекомендуетъ духовенству завести такія кассы, предлагаетъ проектъ ихъ и показываетъ, что для осуществленія проекта требуется очень немного со стороны духовенства. Прежде

¹⁾ Свѣдѣнія о Курской Епарх. типографіи черпаемъ изъ статьи о. Ст. Богородицкаго.

всего, надо образовать капиталъ для окружной кассы. Откуда взять его? Въ большинствѣ церквей, отвѣчаетъ Е. Т., есть свободныя причтовые суммы, положенныя на книжки въ кредитныя учрежденія, каковыя суммы оказываются въ сущности мертвымъ капиталомъ, такъ какъ причты пользуются съ нихъ только процентами. Испросивъ разрѣшеніе Епархіальнаго Начальства, можно было бы взять потребную для кассы сумму денегъ изъ этого мертвого теперь капитала лѣтъ на 15 и разложить уплату капитала и процентовъ по нему на приходскія церкви, участвующія въ кассѣ. Гдѣ нѣтъ особыхъ причтовыхъ суммъ, тамъ можно было бы исходатайствовать дозволеніе на подобную ссуду изъ текущей церковной доходности. Предположимъ, — вычисляетъ Е. Т. — въ округѣ 10 причтовъ. Всѣ они вносятъ въ капиталъ кассы изъ причтовыхъ суммъ, или изъ церковной доходности по 50 рублей; въ общемъ, это дастъ 500 рублей. Для начала дѣятельности кассы такая сумма достаточна. Кассовая наличность кладется въ Государственную Сберегательную Кассу на текущій счетъ. Она начинаетъ приносить доходъ въ видѣ процентовъ. Но этотъ доходъ не долженъ итти въ уплату процентовъ по ссудѣ изъ церквей. Проценты уплачиваются причтами изъ братскихъ доходовъ (по 2 р. въ годъ за 50 р.) и должниками кассы. Такъ какъ ссуда дается изъ 6%, изъ коихъ 2% идетъ въ пользу кассы, то 4% поступаетъ на покрытіе долга и процентовъ по капиталу, взятому первоначально изъ церквей. Чрезъ 15 лѣтъ, при условіи постоянной ежегодной раздачи денегъ, въ кассѣ должно накопиться однихъ *простыхъ* процентовъ 450 рублей. Можетъ, конечно, случиться, что не всѣ деньги будутъ розданы изъ кассы въ теченіе года. Но и тогда приростъ капитала въ кассѣ не прекратится, такъ какъ остатокъ капитала приноситъ четырехпроцентный доходъ въ Сберегательной Государственной Кассѣ. Кромѣ того, *сложные* проценты (1% на 1%) съ лихвою покроютъ получающійся въ этомъ случаѣ недоборъ 2 рублей. „Думаю“, заключаетъ Е. Т. свои разчисленія, „что при успѣшности

операцій кассы къ исходу 15-лѣтняго ея существованія, за возвратомъ взятыхъ займообразно у причтовъ и церковей капиталовъ къ ихъ источникамъ, въ каждой кассѣ должно остаться минимумъ 550 р. *собственнаго* капитала“ (с. 385—386).

Такъ, повидимому, удобно устраивается дѣло съ окружной кассой, которая дѣйствительно можетъ сослужить великую пользу для духовенства, выручая его въ тяжелую минуту денежнаго затрудненія и избавляя отъ необходимости кланчить у сельскихъ „кулаковъ“ и платить имъ бѣшеные проценты. Можетъ только выйти затрудненіе съ образованіемъ капитала кассы изъ указываемаго Е. Т. источника—изъ причтовыхъ суммъ, такъ какъ эти суммы являются вѣдь не просто причтовыми, но *церковно-причтовыми*, и едва ли съ ними такъ легко можно обращаться, какъ представляетъ Е. Т.—Другое бы дѣло—взять ссуду изъ свободнаго капитала собственно—епархіальныхъ учреждений, изъ свѣчнаго, напр., завода, изъ Епарх. склада церковныхъ вещей, изъ Епарх. типографіи!.. Выходить, что духовенству всемѣрно надо заботиться объ открытіи такихъ полезнѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ (и въ матеріальномъ, и духовномъ) учреждений!

Н. Пальмовъ.

Къ вопросу о религіозномъ воспитаніи въ семьѣ и школѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

Религія—краеугольный камень школы, говорятъ въ одинъ голосъ педагоги, философы, общественные дѣятели. Религія есть святое святыхъ души, она руководитъ и направляетъ нашу совѣсть, она заставляетъ насъ падать и возвышаться, постепенно совершенствуясь нравственно. Это фундаментъ,

¹⁾ См. № 43 за 1911 г.

на которомъ строится культурное міросозерцаніе. это въ то же время и цементъ, который скрѣпляетъ все, даетъ силу нашимъ чувствамъ, указываетъ ясную и высокую цѣль для поступковъ.

Казалось бы, что при такомъ высокомъ и существенномъ значеніи религіи для человѣка, религіозное воспитаніе въ нашей школѣ должно было бы стоять на первомъ почетномъ мѣстѣ и приносить питомцамъ ея одни благіе результаты. А между тѣмъ приходится, къ глубокому прискорбію, сознаться, что это великое и святое дѣло страдаетъ у насъ большими недостатками. По мнѣнію общества, а иногда и школьныхъ начальствъ, религіозное воспитаніе въ нашей школѣ, въ особенности средней свѣтской, сводится теперь собственно къ изученію Закона Божія и отчасти къ выполненію молитвенныхъ обрядовъ, но ничего не дается въ школѣ для воспламененія религіознаго чувства и созданія религіознаго настроенія. Да и изученіе Закона Божія является въ свѣтской школѣ не основой и не существеннымъ даже предметомъ, а нѣкотораго рода декорацией, необходимой для соблюденія приличія и формы.

Бывшій лѣтомъ 1909 года первый всероссійскій законоучительскій сѣздъ отмѣтилъ это, и, казалось бы, напомнить объ этомъ умѣстно и теперь, когда Св. Синодъ приступаетъ къ проведенію въ жизнь постановленій этого законоучительскаго сѣзда, въ теченіе двухъ лѣтъ подвергавшихся обсужденію разныхъ заинтересованныхъ учебныхъ вѣдомствъ.

Наблюдая наше учебное дѣло, нельзя не замѣтить, что методы преподаванія всѣхъ свѣтскихъ предметовъ улучшаются въ школахъ всѣхъ вѣдомствъ не по днямъ, а по часамъ. Человѣку, незнакому съ дѣломъ, трудно даже и представить ту разницу, которая замѣчается въ современной постановкѣ учебнаго дѣла въ школахъ, сравнительно съ тѣмъ, что было 10—даже 5 лѣтъ назадъ. Только одинъ Законъ Божій, этотъ краеугольный камень воспитанія, стоитъ въ этомъ отношеніи какимъ-то особнякомъ, и преподаваніе его ведется

и въ наши дни такимъ же примитивнымъ способомъ, какъ это дѣлалось 20 лѣтъ тому назадъ, какъ, вѣроятно, дѣлали это наши дѣды и отцы. Незамѣнимый по точности изложенія и умѣлой формулировкѣ догматическихъ вѣроопредѣленій катехизисъ митрополита Филарета, введенный въ школы, является малоприспособленнымъ руководствомъ для школьнаго религіознаго воспитанія и обученія, въ виду крайней сухости и трудности изложенія своего предмета, и настоятельная необходимость въ составленіи новаго учебнаго руководства для преподаванія Закона Божія—очевидна. А между тѣмъ, и послѣ законоучительскаго съѣзда приходится слышать, что катехизисъ вообще долженъ усвоиться механически и что учебное руководство по этому предмету митрополита Филарета вполне соотвѣтствуетъ своей цѣли. Но такъ, конечно, могутъ говорить люди, для которыхъ религія и Законъ Божій сводятся къ механическому усвоенію нѣсколькихъ теоретическихкихъ положеній,—которымъ нѣтъ дѣла до того, что останется въ душѣ питомца отъ этого усвоенія на всю жизнь.

Пора, давно пора поставить дѣло религіознаго воспитанія въ нашей свѣтской школѣ на ясный вѣрный путь. Объ этомъ съ рѣдкимъ единодушіемъ говорятъ всѣ, кому дорого наше подрастающее поколѣніе. Нужно всѣми силами стараться, чтобы основная постановака добраго и здраваго воспитанія нашихъ школьниковъ была такъ же серьезна и строга, какъ серьезны и строги тѣ цѣли, которыя указаны Господомъ Богомъ въ Евангеліи. Врагъ, какъ говорится, у дверей!.. Христіанство вообще и православіе въ частности встрѣчаютъ необыкновенно зрыхъ противниковъ. Невѣріе наблюдается не только въ средѣ интеллигенціи, но часто и среди простыхъ людей; оно заражаетъ своимъ тлетворнымъ духомъ сердца дѣтскія—юныя, души еще молодыя, не окрѣпшія. Всюду раздаются жалобы, что изъ свѣтской школы учащіеся выходятъ почти поголовно невѣрующими, безъ чувства набожности, религіозности. Всѣ мы одинаково видимъ, какъ все великое, святое, благородное нынѣ вытравляется изъ

умовъ и сердце современной молодежи. попирается все, къ чему прежде съ благоговѣнiемъ относились, какъ къ святынь. Винять во всемъ этомъ освободительное движенiе и вообще годы общественной смуты, которые выбили всѣхъ изъ обычной колеи. И освободительное движенiе и годы смуты дѣйствительно во многомъ виноваты: но виновата и сама школа. Если бы она давала серьезную пищу уму питомцевъ, воспитывала чувство и волю ихъ, то и сама смута не такъ бы тяжело отозвалась на нихъ. И едва ли ошибемся, если скажемъ, что тяжелѣе всего отозвался на школѣ тотъ недостатокъ вниманiя къ религиозна-нравственному воспитанiю, который замѣчается въ ней и теперь.

То, что составляетъ основу, закваску воспитанiя, общее его направленiе, получается дѣтьми еще раньше школы въ семьѣ; а въ настоящее время семья и общественная среда руководятъ ребенкомъ и властно влекутъ его порою далеко въ сторону отъ школьныхъ влiянiй и въ годы его обученiя. Наша общественная среда менѣе всего содѣйствовала тому, чтобы въ школьномъ воспитанiи и обученiи былъ усиленъ религиозна-нравственный элементъ. Внѣшкольные влiянiя, въ особенности литература, публицистика и общественныя традици, наоборотъ, сильно содѣйствовали и содѣйствуютъ ослабленiю интереса къ религиозному воспитанiю. Для иллюстраци сказаннаго укажемъ на слѣдующее явленiе изъ школьной жизни. Хожденiе учащихся средней школы, куда не слѣдуетъ и идѣ быть имъ нравственно вредно, вынудило, наконецъ, полицiю заступитъ мѣсто родителей, беззаботныхъ на счетъ воспитанiя своихъ дѣтей, и распорядиться на счетъ запрещенiя входа послѣднимъ въ мѣста опасныя для ихъ нравственности.

При такомъ положенiи дѣла воспитанiя нашихъ школьниковъ, законоучитель, оставаясь одинокимъ, безсиленъ бороться съ этими внѣшкольными влiянiями. Законоучители часто жалуются, что помимо внѣшняго антирелигиознаго влiянiя, ихъ тяготитъ еще въ современной свѣтской школѣ

наблюдаемое ими полное противорѣчіе преподаваемого ими предмета (Закона Божія) съ направлениемъ почти всѣхъ остальныхъ наукъ, преподаваемыхъ въ школахъ. Последнія, по заявленіямъ законоучителей, преподаются въ такомъ направленіи и съ такимъ освѣщеніемъ ихъ предмета, что не только не укрѣпляютъ вѣры въ ученикахъ, но охлаждають и прямо разрушаютъ ее. Все это говоритъ за то, что законоучителямъ нужна серьезная помощь и поддержка, чтобы оказывать противодѣйствіе власти общественныхъ предразсудковъ.

Лучшею поддержкою, конечно, было-бы усиленіе общаго философскаго элемента въ курсѣ средней свѣтской школы, что, несомнѣнно, придадо бы оканчивающимъ ее большую зрѣлость мысли и лучше приготовило бы ихъ къ жизни. Въ особенности важное значеніе имѣло-бы изученіе психологіи, этики и исторіи философіи. Эти науки сдѣлали бы мысль воспитанника средней свѣтской школы настолько серьезной, что для него перестала бы по крайней мѣрѣ существовать соблазнъ той пошлой тенденціозной брошюрной литературы, которою увлекають въ свои сѣти учащаяся молодежь наши доморожденные социалисты, атеисты и материалисты всѣвозможныхъ родовъ и отѣнковъ. Но наши школьныя традиціи не благопріятствуютъ такому расширенію курса. Въ такомъ положеніи единственнымъ средствомъ борьбы противъ отрицательныхъ внѣшкольныхъ вліяній остается серьезная и живая постановка курса Закона Божія и соотвѣтственный подборъ и подготовка матеріала для домашняго чтенія учащихся. Выпускать же воспитанника изъ школы безъ религіознаго образованія значило бы бросить его беззащитнымъ въ толпу враговъ религіи или ея легкомысленныхъ отрицателей.

Строго говоря, въ какой бы тяжелой атмосферѣ ни работала съ средней школахъ законоучитель, онъ не можетъ считать себя тамъ одинокимъ, безсильнымъ въ борьбѣ. У него есть союзникъ—это сама душа питомца, его чуткое ко всему высокому и великому сердце, его искренніе и настойчивые

запросы ума. Нужно только беречься, чтобы съ первыхъ же шаговъ не оттолкнуть питомца сухою схоластикой и черствой суровостью. „Иго евангельское благо и бремя легко, заповѣдь Господня свѣтла“. Нужно только умѣть это показать учащимся.

Мы далеки, конечно, отъ мысли дѣлать упрекъ нашимъ пастырямъ—законоучителямъ, призваннымъ просвѣщать молодое поколѣніе: все они дѣлаютъ свое дѣло, но это великое дѣло, по своимъ результатамъ, въ конечномъ общемъ итогѣ оказывается маложизненнымъ. Въ школѣ учатъ Закону Божию, но воспитываютъ ли?... Ученики хорошо знаютъ все ветхо-и новозавѣтныя заповѣди, но ни одной изъ нихъ не умѣютъ приложить къ своей жизни. Объ этомъ давно говорятъ лучшіе люди въ обществѣ и духовенствѣ и изыскиваютъ способы поправить бѣду,—поднять религіозно-нравственный уровень школьныхъ подростковъ; при чемъ усиленно проводятъ мысль о воспитаніи молодой воли уроками Закона Божія, преподаваемыми *жизненно*. Въ самомъ дѣлѣ, кто увѣренъ, что воспитаніе сердца и воли такъ же (если не болѣе) необходимо, какъ и развитіе ума, тотъ долженъ признать, что наилучшимъ средствомъ такого воспитанія могутъ служить уроки Закона Божія. Религіозно-воспитательная жизнь школы тогда будетъ нормальной, когда законоучитель обращаетъ вниманіе на то, чтобы ученики его не только осмысленно изучали Слово Божіе, но и воспринимали его сердцемъ. Законоучитель есть *пастырь-воспитатель*, который вліяетъ религіозно на выработку внутренняго міра дѣтей, зажигаетъ священнымъ огнемъ чуткія и мягкія дѣтскія сердца, возбуждаетъ въ нихъ порывы къ Богу, влеченіе къ добру и правдѣ. Поэтому постоянною заботою добраго пастыря при обученіи дѣтей Закону Божию должно быть сообщеніе урокамъ живого жизненнаго интереса. Незамѣнимую, при этомъ, службу могутъ оказать житія св. угодниковъ, это нравственное богословіе въ образахъ и картинахъ, къ которымъ и слѣдуетъ обращаться при объясненіи ветхо-и новозавѣтныхъ истинъ.

Если законоучитель любить свое дѣло— „Божіе дѣло“, и если слово Господне есть для него святыня, то онъ внесетъ въ преподаваніе и ту жизнь и увлекательность, которая требуется педагогикой. Дѣтское сердце мягко, какъ воскъ. Какую великую услугу сдѣлали бы пастыри-законоучители, если бы всѣхъ школьныхъ подростковъ воспитали въ двухъ христіанской любви и если бы научили и родителей воспитывать дѣтей по требованію Слова Божія. Какая чудная жизнь настала бы въ нашемъ отечествѣ!...

Прошлый законоучительскій съѣздъ, собранный безъ надлежащей предварительной подготовки, затронулъ въ сущности только нѣкоторыя большія стороны въ постановкѣ великаго дѣла религіознаго воспитанія въ нашей школѣ. Несомнѣнно, нуженъ еще не одинъ такой съѣздъ, чтобы вполнѣ упорядочить дѣло.—періодическое собраніе такихъ съѣздовъ было бы лучшимъ средствомъ установить программы, изыскать новые методы для успѣшнаго обученія и воспитанія питомцевъ школы въ духѣ Евангелія. Участники этихъ съѣздовъ, образовавъ своего рода объединяющій центръ, наилучшимъ образомъ могли бы организовать и необходимыя работы по составленію новыхъ учебныхъ руководствъ, пособій, хрестоматій и цѣлаго періодическаго изданія, имѣющаго цѣлью удовлетворить религіознымъ запросамъ дѣтей школьнаго возраста. Безъ такой широкой организованной работы по оживленію и углубленію преподаванія, по изысканію пригодной для дѣла религіознаго вліянія литературы—дѣло религіознаго воспитанія и преподаванія въ свѣтской средней школѣ останется въ прежнемъ неудовлетворительномъ положеніи. И поэтому вопросъ о будущемъ законоучительскихъ съѣздовъ, вопросъ объ объединеніи законоучителей въ значительной долѣ предрѣшить и вопросъ о положеніи Закона Божія и его значеніи въ школѣ. Это придастъ особую важность ходатайству перваго законоучительскаго съѣзда о періодическомъ созываніи такихъ съѣздовъ съ надлежащею ихъ подготовкой.

Кир. Тихомировъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 31-го октября 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Авд. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Борчакъ-Новицкаго Марьянов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

III.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 45 — 46.

1911-го года 6—13-го ноября.

Содержаніе: I. Крестные ходы и паломничества. Іерей.—II. Изъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей. Н. Пальмовъ.—III. Въ защиту монашества. Д.
Гороховъ. IV. Реставрація живописи.—V. Замѣтки. а) Обученіе не-
грамотныхъ дѣтей. б) Богъ поругаемъ не бываетъ.—IV. Объявленіе
объ изданіи „Р. д. с. и.“ въ 1912 году.

Крестные ходы и паломничества.

Крестные ходы и паломничества въ основѣ своей имѣютъ почти тождественныя дѣйствія и преслѣдуютъ одинаковую цѣль—прославленіе Бога открытымъ служеніемъ Ему. Какъ крестные ходы, такъ и паломничества—явленія въ жизни христіанской Церкви очень древнія и духовная польза отъ этого служенія Богу несомнѣнна съ религіозно-воспитательной стороны. Самое величіе религіознаго культа ни въ чемъ не можетъ такъ сильно проявиться, какъ въ торжественныхъ религіозныхъ процессіяхъ, ничто такъ сильно не воздѣйствуетъ на религіозное чувство человѣка, ничто такъ не способно пробудить его отъ духовнаго усыпленія, какъ торже-

ственность религиозной обстановки. Кто, напр., не умилился душою при торжественной встрѣчѣ съ крестнымъ ходомъ чудотворной иконы, когда все, начиная съ празднично нарядной и настроенной толпы богомольцевъ, звона колоколовъ, пѣнія священныхъ пѣснопѣній, самого шествія навстрѣчу другъ къ другу святынь—невольно располагаетъ душу къ молитвенному настроенію, общенію съ Богомъ, способному довести человѣка до религіознаго экстаза. Древняя исторія христіанской и русской Церкви не мало намъ даетъ примѣровъ проявленія благодатной силы въ какомъ-либо явномъ чудѣ при совершеніи крестныхъ ходовъ. Здѣсь со всею очевидностію исполняются слова Господа: *идѣ два или три собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ*. И не даромъ наша Православная Русь, легкомысленно осуждаемая врагами св. Церкви за приверженность ея (Руси) къ религіозной обрядности, всегда высоко смотрѣла на религіозныя процессіи.—То же можно сказать и о паломничествѣ, проявляющемся въ настоящее безрелигіозное время въ массовыхъ формахъ. Помимо многочисленныхъ паломничествъ дѣтей—учениковъ разныхъ учебныхъ заведеній, недавно мы были свидѣтелями двухъ крупныхъ паломничествъ—одного во главѣ съ преосвященнымъ Серафимомъ, еп. Полоцкимъ, а другого съ извѣстнымъ іеромонахомъ Иліодоромъ. Последнее особенно много шуму надѣлало.

Но какъ вообще всякій видъ молитвы не всегда приноситъ духовную пользу человѣку, такъ и крестные ходы съ паломничествомъ не всегда достигаютъ цѣли, т. е. духовно облагораживаютъ и возрождаютъ человѣка. Для Богообщенія человѣка необходимо требуется религіозная настроенность, душевный миръ и смиреніе. Мы не иначе, какъ съ такимъ душевнымъ настроеніемъ представляемъ себѣ Матерь Божию, путешествующую, послѣ Благовѣщенія, къ праведной Елисаветѣ. А вѣдь это свиданія двухъ святыхъ лицъ можно считать прототипомъ нашихъ крестныхъ ходовъ и паломничествъ,—въ немъ особенно отбѣняется внѣмирное состояніе святыхъ

душъ въ данный моментъ. Несомнѣнно, что подобное сему служеніе Богу въ крестныхъ ходахъ и паломничествѣ только и желательно, оно, какъ таковое, способно пробудить душу отъ сна грѣховнаго и поддержать христіанина въ духовно-радостномъ настроеніи.—Но не выдѣляются-ли наши крестные ходы и паломничества преимущественно одною парадною своею стороною, не являются-ли они иногда даже поводомъ къ соблазну и грѣху? Намъ не разъ приходилось совершать крестный ходъ кругомъ села, а иногда и кругомъ полей поселянъ, и всегда эти ходы оставляли въ душѣ горькій осадокъ и поселяли чувство религіозной неудовлетворенности. Сначала замѣчаешь въ богомольцахъ какъ будто религіозный подъемъ, а потомъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго шествія, картина постепенно мѣняется и доходитъ дѣло до сознанія, что гораздо лучше прекратить шествіе, чѣмъ дальше продолжать его. Не будемъ упоминать про не изжившій еще своего вѣка, по нѣкоторымъ мѣстамъ, обычай подкѣпляться, при остановкахъ во время крестнаго хода, яствіями и питіями. Даже безъ этихъ грѣховныхъ остановокъ картина крестнаго хода получаетъ мрачный колоритъ отъ разсѣянности и невнимательности къ совершаемому религіозному акту, которыя бывають написаны на челѣ богомольцевъ. Но если къ этому прибавить нестройное пѣніе, шумъ и гамъ богомольцевъ, разгоры о постороннемъ, а нерѣдко смѣхъ, шутки и даже брань, то для религіозно-нравственнаго назиданія уже ровно ничего не остается отъ такого крестнаго хода. Намъ хорошо извѣстны крестные ходы, по личному участію въ нихъ, и въ городахъ. Въ одномъ городѣ ежегодно совершается величественный крестный ходъ изъ Свѣнскаго монастыря съ чудотворною Свѣнскою иконою Богоматери вокругъ города. Сколько ни присматривались мы къ этому ходу, сколько ни старались провѣрять по его послѣдствіямъ сумму религіозныхъ стяжаній, всегда приходится замѣчать на массѣ религіозную неудовлетворенность и личное разочарованіе. Можно сказать, что самое даже многолюдство, такъ возвышающее парадную сторону крестныхъ

ходовъ, парализующе дѣйствуютъ на ихъ духовную сторону. Съ одной стороны какъ бы виденъ большой плюсъ, а съ другой—еще бѣльшій минусъ. Красокъ я не сгушаю и нѣсколько не намѣренъ этимъ своимъ сужденіемъ умалить значеніе какъ крестныхъ ходовъ вообще, такъ и торжественно парадной ихъ стороны въ частности. Но смѣло могу утверждать, что форма здѣсь подавляетъ духовную сторону. Мы болѣе опредѣленно скажемъ: въ крестныхъ ходахъ и паломничествахъ не самая форма (обрядовая сторона) виновата, а выполненіе ея. Какое, въ самомъ дѣлѣ, доброе впечатлѣніе на душу благочестиваго богомольца можетъ произвести безпорядочно разбросанная толпа шествующихъ за святынею зѣвакъ, занятыхъ вовсе не религіознымъ настроеніемъ и своимъ поведеніемъ мѣшающихъ другимъ сосредоточиться; что хорошаго могутъ внушить сопровождающіе процессію въ шапкахъ и киверахъ всадники— охрана; не бѣльшій ли соблазнъ можетъ произвести самая картина шествующихъ вразбродъ священнослужителей, позволяющихъ себѣ иногда разговоры и даже смѣхъ во время процессіи?... Въѣтъ такая постановка религіознаго дѣла не только бесполезна, но прямо вредна и является явною профанаціею религіознаго культа. Обманомъ въѣтъ совѣсти не успокоишь.

Массовыя паломничества тоже часто имѣютъ видъ безрелигіозности: въ основѣ ихъ лежитъ бѣльшею частью не удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ, а потребности эстетическія. Путевыя виды и впечатлѣнія; знакомство съ прекраснымъ устройствомъ и мѣстоположеніемъ святыхъ обителей и строемъ монашеской жизни; свобода и непринужденность школьной семьи (если школа паломничествуетъ); невольный подъемъ чувства содружества и равенства паломниковъ—все это, конечно, полезно и желательно, но не можетъ еще составить конечной цѣли паломничества. Мы въ паломникѣтъ должны видѣть прежде всего не туриста, а Богоискателя. Въ религіозномъ дѣлѣ все должно происходить, по апостолу, *благообразно и по чину*. И мы, сопоставляя для иллюстраціи указанныя два паломничества—Серафимовское и Иліодоровское,

смѣло отдаемъ предпочтеніе первому какъ по чисто внутреннимъ побужденіямъ инициатора паломничества, преосв. Серафима, такъ и по самому выполненію его. Не было здѣсь задора и крикливости, такъ неумѣстныхъ при святомъ дѣлѣ; несло это паломничество миръ и благословеніе, а не проклятіе, участники его несли покорно и смиренно всѣ невзгоды и чужды были какихъ либо претензій, а тѣмъ болѣе выговоровъ за неказаніе должной встрѣчи и почтенія. Съ миромъ шли паломники и Богъ мира былъ съ ними. Въ такомъ именно духѣ и желательны религіозныя паломничества. Вообще при такомъ открытомъ видѣ богослуженія, какъ крестные ходы и паломничества, для устраненія производящихъ соблазнъ разныхъ дефектовъ, желательна какая-либо опредѣленная и строгая регламентація со стороны высшей церковной власти. При недостаткѣ и упадкѣ религіознаго сознанія вѣрующихъ необходимы будирующія мѣры.

Іерей.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

О церковныхъ старостахъ и средствахъ поощренія ихъ дѣятельности.

Въ № 25 Донскихъ Епарх. Вѣдомостей Д. сильно нападаетъ на церковныхъ старость. Дѣло въ томъ—что въ № 6 тѣхъ же Епарх. Вѣдомостей авторъ статьи подъ заглавіемъ: „Желательныя привилегіи церковнымъ старостамъ“ высказалъ пожеланіе, чтобы церковнымъ старостамъ, въ видѣ поощренія ихъ дѣятельности на пользу храма, было предоставлено право обучать своихъ дѣтей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ безъ взноса за право обученія, наравнѣ съ дѣтьми духовенства, а бѣднѣйшимъ старостамъ чтобы даже предоставлена была привилегія помѣщать дѣтей на казенныя стипендіи. Вотъ этимъ то пожеланіемъ, видимо, и возмущается Д. Онъ находитъ, что церковные старосты такихъ

привилегій отнюдь не заслуживаютъ, ибо они только обкрадываютъ церкви и безсовѣстно наживаются на счетъ церковныхъ доходовъ. „Если бы“, говоритъ Д., „церковныя суммы шли соотвѣтственно своему назначенію, то давно были бы при всѣхъ храмахъ церковные дома для причтовъ, церковныя зданія для школь, благотворительныя учрежденія, удовлетворяющія нужды бѣдныхъ и больныхъ прихода“ (с. 620). А такъ какъ это нѣтъ, то значить денежныя суммы раскрадываются старостами, ихъ помощниками и сторожами. Д. повидимому, не прилагаетъ такой убійственной характеристики уже къ старостамъ Донской Области. Онъ, какъ будто, вполне сочувствуетъ той характеристикѣ, по которой старосты Донской Области обнаруживаютъ „всѣмъ извѣстныя“: „трудоспособность, дѣеспособность, безкорыстіе и самоотверженіе“ (с. 614). Онъ беретъ справки и отзывы о старостахъ „свидѣтелей изъ другихъ мѣстъ русской Церкви“ (ibid.). Какіе же это справки и отзывы? 1) Повѣсть гр. Л. Н. Толстого: „Хозяинъ и работникъ“, въ которой, въ лицѣ деревенскаго старосты, купца второй гильдіи Василя Андреевича Брехунова, выведенъ яко бы типъ старосты и именно: старосты-расхитителя церковнаго достоянія. 2) Отрицательный отзывъ о церковныхъ старостахъ г. Москвы, принадлежащій извѣстному публицисту Полимпсестову и напечатанный имъ въ ж. „Православное Обозрѣніе“ за 1888 г. Вотъ всѣ справки и отзывы о старостахъ „свидѣтелей изъ другихъ мѣстъ русской Церкви“! Не много же набралось „свидѣтелей“ у Д., да и надежныя ли это свидѣтели для той цѣли, которую поставилъ предъ собою Д.? Распространяться о не надежности гр. Л. Н. Толстого, какъ свидѣтеля противъ старость, кажется, не приходится. Толстой былъ плохой діагностъ церковной жизни, и его Брехуновъ претендовать на значеніе *типа*, разумѣется, не можетъ. Что касается отзыва о старостахъ Полимпсестова, то написанный двадцать три года тому назадъ, онъ для нашего времени могъ и устарѣть: много вѣдь воды утекло за эти двадцать три года, и

трудно допустить, чтобы Московское Епархіальное Начальство за это время не выработало мѣръ борьбы съ указанными у Полимпсестова злоупотребленіями московскихъ старость. Для того и вскрываль Полимпсестовъ эти злоупотребленія, чтобы искоренить ихъ. При томъ, Полимпсестовъ имѣлъ въ виду опять таки не всѣхъ церковныхъ старость по широкому лицу Русской земли, а только старость Московской епархіи и, частью, нѣкоторыхъ старость г. Москвы.

Какъ доказательство злоупотребленія старостами въ области денежныхъ суммъ, Д. выдвигаетъ отсутствіе при нашихъ приходахъ домовъ для причта, зданій для школъ и разнаго рода благотворительныхъ учреждений. Д. хочетъ, чтобы все это было при *всѣхъ* церквахъ. Желаніе—весьма доброе, но сваливать вину въ отсутствіи просвѣтительныхъ и филантропическихъ учреждений при церквахъ всецѣло на старость несправедливо. Не злоупотребленія старость, а скудость средствъ въ одномъ случаѣ, въ другомъ—неумѣнье или даже просто—нежеланіе прихожанъ устроить доброе дѣло—вотъ истинныя причины печальнаго положенія вещей и преимущественно—въ сельскихъ приходахъ.

Можно по разнымъ причинамъ не сочувствовать приему дѣтей церковныхъ старость въ духовно-учебныя заведенія безъ взиманія установленной платы, а особенно—можно не сочувствовать опредѣленію ихъ на казенный счетъ. Но отнюдь не потому, что церковные старосты—воры. Было бы несправедливо сказать это огульно обо всѣхъ старостахъ. Тѣснота помѣщеній и недостатокъ стипендій въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ прежде всего является препятствіемъ къ осуществленію проекта о дѣтяхъ церковныхъ старость. При наличныхъ условіяхъ даже не всѣ дѣти бѣднѣйшихъ родителей духовнаго званія могутъ рассчитывать на казенную стипендію.

Въ концѣ концовъ, и самъ Д., оказывается, не прочь поощрить церковныхъ старость, если они безкорыстны, самоотвержены, стоятъ на высотѣ присяги и долга. Онъ, какъ

видно, допускаетъ возможность и такихъ старость. Какое же вознагражденіе за трудъ предлагаетъ Д. дать старостамъ?— Назначить имъ опредѣленное вознагражденіе за каждый проданный ими пудъ свѣчей и огарковъ (с. 621)—вотъ что предлагаетъ Д. И тутъ, даже въ словахъ о старостахъ, честно исполняющихъ свой долгъ, сквозить у Д. подозрѣніе насчетъ пристрастія старость къ церковнымъ деньгамъ! „Дать уже имъ добровольно денегъ“, — слышится въ предложеніи Д., — „иначе все равно будутъ красть“... Но неужели такъ-таки и невозможно проконтролировать свѣчные денежные обороты старосты? Невозможно добиться, чтобы староста каждую копейку записывалъ въ церковныя книги?—Не думаемъ, чтобы это было дѣло невозможное. И самъ Д. допускаетъ, очевидно, возможность точнаго контроля, разъ рекомендуетъ *исправныхъ* старость вознаграждать денежно. Но отчего Д. не хочетъ вѣрить въ дѣйственность существующихъ способовъ поощренія усердныхъ старость, разумѣемъ: преподаніе имъ благословенія отъ Епарх. Начальства и Св. Синода съ выдачею грамотъ, награжденіе медалями, почетными званіями и пр., — не понимаемъ. Нельзя вѣдь сказать, чтобы старосты не интересовались этого рода поощреніями отъ начальства.

Старосты на епархіальныхъ съѣздахъ духовенства.

Въ №№ 23—24 „Р. д. с. п.“ мы говорили о той новой роли, которую церковная жизнь выдвигаетъ для старость въ дѣлахъ *епархіальнаго* хозяйства; мы приводили тамъ примѣры благотворнаго участія старость въ хозяйственныхъ дѣлахъ нѣкоторыхъ епархій. Но недавній съѣздъ духовенства Томской епархіи показалъ и обратную сторону медали. Положимъ, несочувствія къ занятіямъ Томскаго съѣзда духовенства старосты не проявили, а тѣмъ болѣе—какой нибудь вражды къ духовенству, но, видимо, хозяйственныя дѣла цѣлой епархіи мало заинтересовали старость, потому что въ рѣшеніи дѣлъ старосты по большей части ограничивались безмолвнымъ

голосованіемъ вслѣдъ за тѣми, кому они больше довѣряли и симпатизировали, и съ первыхъ же дней по открытіи сѣзда старосты стали разѣзжаться по домамъ. Закончился сѣздъ Томскаго духовенства совсѣмъ безъ старостъ. Что за причина такого явленія?—По объясненію Томскихъ Епарх. Вѣдомостей (см. № 15: „къ закрытію сѣзда духовенства“, с. 782 и дал.), старосты, собравшіеся на сѣздъ, были, въ большинствѣ, крестьяне. Они не могли возвыситься до сознанія важности обсуждаемыхъ на сѣздѣ вопросовъ. А съ другой стороны, прожить полные три недѣли, пока длились засѣданія сѣзда, для нихъ оказалось совершенно невозможнымъ—частію вслѣдствіе скудости денежныхъ средствъ, какими старосты-крестьяне располагали, частію же потому, что не терпяція отлагательства собственныя хозяйственныя дѣла влекли старостъ-хозяевъ домой. Итакъ, вліяніе старостъ на рѣшеніе дѣлъ Томскаго сѣзда духовенства оказалось очень незначительнымъ.

О кладбищахъ.

По „Инструкціи“ церковнымъ старостамъ, они, совмѣстно съ причтами, пріобрѣтають, хранять и употребляютъ церковныя деньги. И мы привыкли благолѣпіе храмовъ ставить въ связь съ попечительностью о нихъ старосты и причта; главнымъ образомъ, пожалуй—старосты. Но есть и еще одинъ важный предметъ, на который должно бы упасть заботливое око старосты. Это—наши кладбища, весьма часто находящіеся въ состояніи заустѣнія. Не рѣдкость видѣть сельское кладбище не огороженное ни рвомъ, ни насыпью, ни заборомъ. Пасущійся скоть свободно расхаживаетъ по могиламъ. Безпорядочныя, скученныя могильныя холмы, полуобвалившіяся могилы—ямы, поросшія сорной травой, разрушенныя или покосившіеся кресты—вотъ обычный видъ деревенскихъ кладбищъ. „Какое глубокое несоотвѣтствіе между назначеніемъ кладбищъ и ихъ современнымъ

состояніемъ“, восклицаетъ высокопреосв. Арсеній, архіепископъ Новгородскій въ своемъ „Предложеніи“ Новгородской д. Консисторіи по поводу небрежнаго содержанія сельскихъ кладбищъ (см. № 36 Новг. Еп. Вѣд., ч. офиц., с. 1168—1170): „мѣста вѣчнаго упокоенія нашихъ предковъ и близкихъ, дорогихъ намъ людей, куда всѣ живущіе должны приходять для молитвеннаго поминовенія объ умершихъ, находятся въ полномъ пренебреженіи. Чѣмъ вызывается такое въ высшей степени печальное явленіе, противорѣчащее религиозному чувству благоговѣнія предъ памятью отшедшихъ въ вѣчность, объяснять излишне. Если прихожане забываютъ о своей священной обязанности бережно и въ приличномъ видѣ содержать кладбища, то духовенство должно напоминать имъ объ этомъ. При всякомъ удобномъ случаѣ, съ церковной кафедры и въ частныхъ собесѣдованіяхъ съ прихожанами, духовенство должно внушать прихожанамъ чувство уваженія къ праху умершихъ, основанное на вѣрѣ нашей въ непреложную истину общенія живыхъ съ прежде умершими“.

По закону, кладбища состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи духовенства; поэтому духовная Власть неоднократно предписывала духовенству имѣть тщательное наблюденіе, чтобы кладбища содержались въ благоустроенномъ, опрятномъ и приличномъ видѣ (Опред. Св. Синода въ „Церк. Вѣд.“ за 1897 г. № 26). По § 2 „Инструкціи благочиннымъ“, и на благочинныхъ возлагается обязанность наблюдать за благоустройствомъ и чистотою кладбищъ. Но разъ священникъ и благочинный оказываются не достаточно сильными въ этомъ случаѣ, то почему бы, вмѣстѣ съ другими мѣрами, не привлечь къ дѣлу и церковныхъ старостъ? Старосты обращаются среди крестьянъ не меньше, чѣмъ священникъ. Они могутъ поговорить съ крестьянами, могутъ что нибудь совмѣстно придумать для достиженія благоустройства кладбищъ, могутъ словомъ, такъ или иначе, помочь священнику.

А дѣйствительно, не оттого ли, между прочимъ, и слабъ патріотизмъ у насъ, что мы мало чтимъ память пред-

ковъ, яснѣйшимъ доказательствомъ чего является наше отношеніе къ ихъ могиламъ. Почитая преждеотшедшихъ отцовъ и братьевъ нашихъ, мы должны были бы делѣять мѣста ихъ вѣчнаго упокоенія, должны были бы чаще приходиться сюда съ молитвою и съ *поминовеніемъ*. И несомнѣнно, гораздо чаще мы ходили бы на кладбища, если бы они были у насъ такъ благоустроены, какъ, напр., у нѣмцевъ. Теперь, когда наши кладбища представляютъ собою „поистинѣ мерзость заустѣнія“, какъ выразился съ свойственною ему энергіей высокопреосв. архіеп. Арсеній Новгородскій въ вышеуказанномъ „Предложеніи“, мы ходимъ на кладбища только по крайней необходимости.

Н. Пальмовъ.

Въ защиту монашества.

(По словамъ св. Іоанна Златоуста: „Къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекають къ монашеской жизни“).

Къ 13-му ноября.

Кажется, ни одна форма, никакое иное направлѣніе христіанской жизни и никакой иной укладъ ея не имѣли столько враговъ и не вызывали противъ себя столько вражды, возстаній и открытыхъ гоненій, какъ именно монашество. Противники монашества и противники непримиримые и неутомимые являются совершенно почти одновременно съ самымъ его возникновеніемъ, ихъ голоса и возраженія постоянно слышатся на всемъ протяженіи скоро почти двухъ десятковъ вѣковъ, и донынѣ они не перестаютъ изливать весь ядъ своихъ насмѣшекъ, глумленій и ненависти такъ же обильно, какъ то дѣлали и во времена св. Іоанна Златоуста. Нынѣшніе противники монашества мало того, что не придаютъ ему никакого значенія,—они положительно считаютъ его явленіемъ отжившимъ и отживающимъ, тормазомъ жизни народной, называютъ его противоестественнымъ, сравнивая съ самоистязаніями индійскихъ факировъ и считая бесплоднымъ отчужденіемъ отъ трудовъ и удобствъ общественной жизни.

„Ханжество“!... говорилъ еще такъ недавно одинъ изъ героевъ Ф. М. Достоевскаго: „Монахъ святой,—ты будь-ка добродѣтеленъ въ жизни, принеси пользу обществу, не заключаясь въ монастырь на готовые хлѣба и не ожидая награды тамъ—наверху,—такъ это то потруднѣе будетъ!“ (7, XII, изд. 3, 1888, 107).—„Развѣ не аскетизмъ лишать себя невинныхъ удовольствій и радостей жизни для удовлетворенія вымышленнаго божества или собственнаго безумія?— Это, говорятъ, мораль прошедшихъ столѣтій и нѣкоторыхъ отсталыхъ монаховъ. Свѣтъ, дѣйствительно, ушелъ впередъ и выработалъ новую нравственность, болѣе разумную, чело- вѣческую, исключающую всякое умерщвленіе плоти“ (Проф. философіи Л. Гофманъ. *La Reforme Alimentaire*, 1902). У монаховъ вѣдь „вѣками лишь выработанная наружность, а въ сущности—шарлатанство и вздоръ“ (Достоевскій, XII, 46). Было, правда, нѣкогда доброе и благочестивое время, когда по своему нравственному укладу жизни, по настроенію сердца, складу ума, и по характеру всѣхъ духовныхъ стремленій наша родина—св. Русь православная могла являть изъ себя подлинно одинъ сплошной монастырь. Такъ было во времена нашихъ простыхъ душою, но крѣпкихъ и высокихъ по своей сердечной вѣрѣ—предковъ... Теперь обо всемъ этомъ остались одни только счастливыя воспоминанія, нынѣ, въ наши дни, въ нашъ вѣкъ „свѣтскій и шальной“, какъ совершенно свободно можно сказать съ однимъ изъ отечественныхъ духовныхъ стихотворцевъ,

„Отъ площаднаго мірянина
До самой знати записной,
Того и ищутъ, то и пища,
Чтобъ бѣдныхъ иноковъ язвить
И скромный быть ихъ пепелища
Предъ свѣтомъ вслухъ оговорить“ (святогорецъ
іером. Серафимъ, стихотворенія, VII изд., 70).

Словомъ, нынѣ нѣтъ того презрѣнія, нѣтъ той насмѣшки, которыми бы не поражали и не клеймили иночества и монашества люди, часто именующіе себя христіанами и даже православными, невѣжественные, отживающіе свое время, жалкіе и преступные мечтатели, искажающіе самую природу человѣческую, — вотъ какими являются въ глазахъ современнаго нашего т. н. образованнаго общества люди, своимъ удѣломъ избравшіе „ангельское житіе“.

Конечно, такой преступно-легкомысленный и ложный взглядъ на монашество и такое возстаніе противъ монаховъ — исключительно утверждаются на одномъ лишь непониманіи какъ самого христіанства вообще, такъ и самого идеала монашества въ частности. Положительное выясненіе сущности того и другого можетъ, слѣдовательно, послужить наилучшимъ оружіемъ для отраженія всѣхъ подобнаго рода возстаній и ошибочныхъ утвержденій. Но отсюда же столь благовременно, хотя кротоко и хотя бы отчасти, и каждому изъ православно-вѣрующихъ христіанъ вспомнить золотыя слова вселенскаго учителя, обращенныя имъ спеціально и непосредственно къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни. Они, — эти слова Златоустаго учителя, способны всегда обращать на себя вниманіе даже и сами собою; столь важны были тѣ обстоятельства, при коихъ они были написаны и столь великое значеніе придавалъ имъ самъ св. Іоаннъ. Написаны эти слова, какъ извѣстно, были въ 375 или въ 376 г., т. е. въ тотъ именно періодъ жизни св. Іоанна Златоуста, когда онъ пребывалъ среди отшельниковъ. На императорскомъ престолѣ сидѣлъ тогда извѣстный Валентъ, покровитель аріанъ и жестокой гонитель православныхъ. Принадлежность къ аріанской партіи, соединенная съ узкими государственно-практическими разсчетами, сдѣлали изъ него непримиримаго противника монаховъ, составлявшихъ тогда, конечно, главный оплотъ православія и въ очахъ императора бывшихъ людьми совершенно бесполезными и гуньядцами. На долю монашествующихъ выпадаютъ тогда

жестокія преслѣдованія, а ихъ добродѣтели начинаютъ подвергаться однѣмъ укоризнамъ и немилости. Начались совершаться дѣла, подобныя поступкамъ варваровъ, препятствовавшихъ нѣкогда іудеямъ возстановлять ихъ храмъ, многіе годы лежавшій въ развалинахъ (2 Ездр. IV), или даже еще болѣе незаконныя, потому что начали изгонять отовсюду притекающихъ къ монашескому любомудрію и съ великими угрозами запрещать и говорить что-либо о немъ и учить ему кого бы то ни было изъ людей. „Услышавъ это“, повѣствуетъ самъ св. Златоустъ, „я тотчасъ вскрикнулъ и многократно спрашивалъ рассказывавшаго, не въ шутку ли онъ говоритъ это?—А онъ сказалъ: нѣтъ, я никогда бы не сталъ такъ шутить; не только не сказалъ бы и не выдумалъ этого, а напротивъ, много бы далъ и часто молилъ бы, чтобы мнѣ даже не слышать объ этомъ дѣлѣ и теперь, когда оно совершилось. Тогда, еще горше заплакавъ, я сказалъ: точно это дѣло настолько нечестивѣе дерзостей Митридата и всѣхъ тѣхъ иноплеменниковъ, насколько этотъ храмъ (духовный) много досточтимѣе и святѣе того (іерусалимскаго)“ (Творенія св. о. наш. I. Златоуста, р. пер. Изд. Спб. д. Акад., 1895 г. т. I. кн. I. стр. 44, 45). И долго плакалъ и тужилъ еще по поводу такого горькаго человѣческаго неразумія вселенскій учитель, пока не услышалъ трезваго голоса своего печальнаго вѣстника. Слезами сказалъ дѣйствительно тотъ глубоко опечаленному Златоусту, „ты никогда не сможешь обратить погибшихъ и погибающихъ; зло не остановится... А если ты хочешь послушаться меня, то, прекративъ плачь, составь увѣщательное слово къ этимъ недужнымъ и безпокойнымъ, во спасеніе какъ имъ, такъ и всѣмъ вообще людямъ, а я, взявъ эту книгу, положу ее, вмѣсто всякаго лѣкарства, въ руки больныхъ..., и много друзей моихъ,—я увѣренъ, скоро освободятся отъ заразы“ (I, I, 46). И Златоустъ внялъ совѣту своего благоразумнаго собесѣдника, снизошелъ къ его нуждѣ и просьбѣ и оставилъ всѣмъ,—всѣмъ безъ исключенія, кто только имѣетъ уши, чтобы слышать и

очи, чтобы видѣть,—и на всѣ времена,—свои драгоцѣннѣйшія наставленія о монашеской жизни.

Значеніе даннымъ своимъ словамъ св. Іоаннь Златоустъ придавалъ столь большое, что при написаніи ихъ просилъ особенной помощи отъ Бога, обращался къ Господу съ особенными молитвами, да просилъ даже и у др. вѣрующихъ молитвы за себя. Трудность положенія Златоуста, какъ ясно само собою, увеличивалось не только отъ самаго предмета его словъ, сколько еще и отъ тѣхъ необходимыхъ и существенно-важныхъ послѣдствій, какія они неминуемо должны были повлечь за собою. Ему недостаточно было опровергнуть лишь многочисленнѣйшія возраженія противъ монашеской жизни, шедшія не только изъ лагеря язычниковъ, но и изъ среды самихъ христіанъ; для него настала существенная нужда еще и къ тому, чтобы яснѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ образомъ раскрыть всю высоту и все достоинство монашеской жизни, надлежало представить положительныя и неопровержимыя—равно—и для невѣрующихъ, и для вѣрующихъ, основанія къ тому, что монашество, вмѣсто гоненій и преслѣдованій,—заслуживаетъ и достойно самаго широкаго и всесторонняго распространенія, поощренія и послѣдованія.

Для самихъ монаховъ всѣ гоненія и преслѣдованія, по самому существу дѣла, могутъ приносить и дѣйствительно приносить не вредъ, а даже пользу,—весь трагизмъ и заключается въ томъ, что въ концѣ всего должны будутъ плакать, стонать и рыдать сами же гонители. Свв. мужамъ отъ ихъ гоненій (I, I, 48) нѣтъ никакого вреда; напротивъ,—еще высшая награда и большее дерзновеніе;—но враждующіе противъ нихъ направляютъ свои мечи на самихъ себя; думая оскорблять людей, они огорчаютъ св. Духа Божія; у отшельниковъ, если они теперь и не пострададутъ, будетъ иной случай заслужить добрую славу, а эти, если не прекратятъ вражды противъ нихъ, никогда не смогутъ уже спастись (ibid., 49). Да,—истинно,—не смогутъ, подобно Нерону, гонителю и убійцѣ ап. Павла, который проклятъ нынѣ всѣми,

какъ губитель и свирѣпый демонъ, подобно іудеямъ, запрещавшимъ нѣкогда апостоламъ говорить людямъ о томъ, что необходимо для спасенія (Дѣян. IV, 18),—за то и постигла ихъ такая казнь, что никакое несчастье не можетъ сравниться съ ихъ бѣдствіями (на основаніи „Исторія“ I. Флавія, 50—53). А вы, обращаясь Златоустъ къ гонителямъ монаховъ „хуже и ихъ: они все то дѣлали какъ открытые враги, а вы, надѣвъ личину друзей, поступаете по непріятельски“. Указаніе на неизбежную бѣдственную и мучительную судьбу всѣхъ гонителей монашества—само собою должно было заставлять тѣхъ отнестись со всею внимательностью и осмотрительностью къ своимъ прежнимъ дѣйствіямъ;—но въ глазахъ Златоуста казалось недостаточнымъ оставить лишь зло,—онъ здѣсь же непосредственно требуетъ не просто согласія со своими словами, не одной только вѣры, но и необходимо еще—и жизни чистой (52). Прямымъ и первымъ условіемъ этого послѣдняго требованія, съ непререкаемою ясностью засвидѣтельствованнаго самимъ словомъ Божиимъ,—и является ради подвиговъ монашеской жизни—оставленіе городовъ и бѣгство въ пустыню.

Златоустъ предвидитъ всю бурю возраженій противъ такого своего заключенія: „Что же, скажутъ, развѣ остающіеся дома не могутъ совершать тѣ добродѣтели, неисполненіе которыхъ приноситъ такое наказаніе? Что же,—развѣ всѣ живущіе въ городахъ погибаютъ и обуреваются, и должны, оставивъ города безлюдными, переселиться въ пустыню и жить на вершинахъ горъ? Ужели ты повелѣваешь это и узаконяешь!“ (53, 55). „Нѣтъ, успокаиваетъ взволнованныя сердца св. Златоустъ,—хотѣлъ бы и я не меньше, а гораздо больше васъ, и часто молилъ, чтобы миновалась надобность въ монастыряхъ и такой бы настала порядокъ добрый въ городахъ, чтобы никому никогда не нужно было убѣгать въ пустыню. Но, продолжаетъ онъ, такъ какъ все пошло вверхъ дномъ, и города, гдѣ судилища и законы, полны великаго беззаконія и неправды, а пустыня произращаетъ обильный

плодь любомудрія, то справедливость требуетъ, чтобы вы винили не тѣхъ, которые желающихъ спастись исторгають изъ этой бури и волненій и руководятъ къ тихой пристани, но тѣхъ, которые каждый городъ дѣлають столь недоступнымъ и непригоднымъ для любомудрія, что желающіе спастись принуждены бывають убѣгать въ пустыню“ (53).

Отшельничество требуется, слѣдовательно, силою самихъ вещей безъ всякихъ возраженій и недоумѣній: кто не хочетъ оставаться жестокимъ и суровымъ, слабоумнымъ и безчеловѣчнымъ, несострадательнымъ и безжалостнымъ, тотъ пусть неослабно стремится освободить душу свою, по мѣрѣ силъ своихъ, терпящую столько позора и вреда отъ того окаяннаго неистовства и насилія, какія господствуютъ въ человѣческихъ обществахъ и городахъ. Для спасенія своего человѣкъ необходимо долженъ сдѣлаться аскетомъ, а при томъ обычно наблюдаемомъ господствѣ всеобщей развращенности, — именно аскетомъ-отшельникомъ и пустынникомъ... Какъ же теперь Златоустъ относится къ тѣмъ, которые, сами не исполняя таковыхъ требованій, дѣлають еще другое, — гораздо большее зло, которые людей, готовыхъ броситься въ самую средину опасностей, не отказывающихся вложить руки свои въ самую пасть звѣря, но рѣшающихся вытерпѣть и смрадъ и опасности, чтобы вырвать уже поглощенные души изъ самыхъ челюстей демона, не только не хвалятъ и не одобряють, но еще гонять вездѣ и преслѣдуютъ?—Отвѣтомъ на поставленный вопросъ и служатъ два послѣдующихъ слова Златоуста — къ невѣрующему и къ вѣрующему отцу.

Никто не стоитъ къ своимъ дѣтямъ ближе отца и матери: они родили ихъ и воспитали, каждый день молятся о томъ, чтобы видѣть дѣтей счастливѣе себя, и для этого дѣлають и терпятъ все... И вотъ тому, что и они какъ бы отъ какого опьяненія вдругъ переменяются и скорбятъ, когда дѣти ихъ обращаются къ любомудрію, Златоустъ удивляется больше всего и считаетъ одно это явленіе достаточнымъ доказательствомъ всеобщей испорченности (57). Посему то онъ,

оставивъ всѣхъ другихъ (58), и обращается прежде всего къ тѣмъ, которые заботятся о дѣтяхъ или—лучше—должны бы заботиться, но совсѣмъ не заботятся. Но такъ какъ у дѣтей, стремящихся къ небу, часто бываютъ отцы невѣрующіе, то хотя законъ борьбы и освобождалъ его отъ состязанія съ ними, онъ самъ добровольно и охотно выходитъ противъ нихъ первыхъ. „Я такъ мало боюсь состязанія съ нимъ (т. е. съ невѣрующимъ отцемъ), говоритъ Златоустъ, что напередъ еще болѣе вооружу его моимъ словомъ, и потомъ уже приступлю къ борьбѣ. Предположимъ, что этотъ отецъ не только язычникъ, но и богатъ и знаменитъ болѣе всѣхъ людей, облеченъ великою властію и имѣетъ много полей, много домовъ и тысячи талантовъ золота; пусть онъ происходитъ изъ царственнѣйшаго города и отъ знатнѣйшаго рода: пусть не имѣетъ др. дѣтей и больше имѣть ихъ не надѣется, и только объ одномъ этомъ (сынѣ) беспокоится; пусть и самъ сынъ съ блестящими надеждами и скоро надѣется достигнуть такой же власти и даже сдѣлаться знаменитѣе отца и затмить его во всемъ житейскомъ. Среди такихъ надеждъ пусть затѣмъ прійдетъ кто-ниб., побесѣдуетъ съ нимъ о любомудрїи и убѣдитъ его, презрѣвъ все это, одѣться въ грубую одежду и, оставивъ городъ, убѣжать въ горы и тамъ садить, поливать, носить воду и исправлять всѣ др. монашескія работы, кажущіяся маловажными и унижительными“ (59). И Златоустъ далѣе—со свойственною ему только неподражаемою способностью—рисуетъ все потрясающее горе этого мнимо-несчастливаго отца—язычника. Онъ принимаетъ, по изображенію Златоуста, всѣ мѣры къ тому, чтобы переубѣдить сына, и все напрасно, какъ будто сынъ его стоитъ на камнѣ выше рѣкъ, дождей и вѣтровъ: онъ плачетъ и проливаетъ слезы, „чтобы возбудить противъ насъ сильнѣйшее негодованіе, и предъ всѣми постоянно обвиняетъ насъ. Проклятые губители и обольстители (пусть онъ говоритъ и это, мы не обидимся), лишивъ (всѣхъ) надеждъ питателя старости моей, какъ бы какіе разбойники, увели въ свои вертепы и такъ очаровали его своими рѣчами,

что онъ готовъ лучше идти на мечъ, въ огонь, на звѣрей и на что бы тамъ ни было, нежели возвратиться къ прежней хорошей жизни. Уже тяжелымъ мнѣ кажется свѣтъ, неприятны и самые лучи солнца, когда подумаю о положеніи этого несчастнаго сына, когда увижу его одѣтымъ хуже бѣднѣйшихъ поселянъ и посылаемымъ на самыя унижительныя работы. Когда представляю его непреклонность, то воспаляюсь, терзаюсь, разрываюсь.—Съ этими словами пусть онъ повергается къ ногамъ слушателей, посыпаетъ пепломъ главу, покрываетъ прахомъ лице и умоляетъ всѣхъ подать ему руку, пусть рветъ на себѣ сѣдые волосы“... (59, 60).

„Кажется“, замѣчаетъ самъ Златоустъ, „мы хорошо настроили обвинителя, чтобы воспламенить всѣхъ слушателей и убѣдить ихъ сбросить въ пропасть виновниковъ этого“. Но за то и особенно блистательной должна быть признана побѣда надъ такъ сильно вооруженнымъ противникомъ: „если будутъ заграждены уста у имѣющаго все это вмѣстѣ, то не имѣющій всего этого вмѣстѣ (все же это сойтись вдругъ не можетъ) легко уже уступить намъ побѣду“ (61). „Съ чего же начнемъ слово къ нему?—Съ богатства и денегъ, такъ какъ и онъ самъ больше всего скорбитъ объ этомъ, и всѣмъ кажется самымъ ужаснымъ именно то, если богатые юноши привлекаются къ этой (монашеской) жизни“ (ibid.). Златоустъ яснѣйшимъ образомъ показываетъ, что отказавшійся отъ мірскихъ богатствъ юноша мало того, что освобождается отъ всѣхъ бѣдствій, происходящихъ отъ богатствъ, не страдаетъ ни отъ зависти, ни отъ клеветы, ни отъ заботъ, ни отъ чего л. др., но онъ еще и богаче самого отца, у котораго столько имущества (61, 62). Какъ, какимъ образомъ?—долженъ былъ спросить пораженный язычникъ.—А такимъ, вѣщаетъ Златоустъ, что ты—господинъ только собственнаго своего имущества, а онъ всего, что есть во всей вселенной (63). Богатство добродѣтели такъ велико, настолько пріятнѣе, настолько вождельннѣе, что обладающіе имъ никогда не захотятъ взять вмѣсто него и всю землю, хотя бы она

была золотою съ горами, и съ моремъ, и съ рѣками (64). Богатство это лучше не только по его изобилію и пріятности, но и потому, что оно неистоцимо, никогда не обращается въ бѣдность, не подлежитъ неизвѣстности будущаго, не причиняетъ заботъ и не поддается зависти, но пользуется удивленіемъ, и похвалою, и всякою честію (65). Даже по сравненію съ царями—блага, коими владѣть монахъ, оказываются преимущественно достойными привязанности и спасительными, блага же царскія и ихъ богатства—многими презираются и почитаются ничего не стоящими („сравненіе власти, богатства и преимуществъ царскихъ съ истиннымъ и христіанскимъ любомудріемъ монашеской жизни“, I, 1. 122 и д.). Послѣ богатства, язычникъ съ особеннымъ вниманіемъ и желаніемъ относится къ преимуществамъ славы и чести,—для него—царская власть и первенство, жизнь „съ господствомъ, и царствованіемъ и скипетрами“ (124)—являлась образцомъ самой высокой и блаженной жизни... На основаніи общезвѣстнѣйшихъ примѣровъ—Діонисія сцилійскаго и Платона, Сократа и Архелая, Діогена и Аристиды—Златоустъ являетъ, что какъ „ни пустыня не дѣлаетъ безчестнымъ, такъ ни дворецъ—славнымъ и знатнымъ“ (66). Пусть эти примѣры не имѣютъ для всѣхъ рѣшающей силы. Златоустъ открываетъ отцу—гонителю, что сынъ его, отказавшись отъ мірской славы, не только сталъ еще знаменитѣе, но почтеннѣе и по тому самому, за что тотъ называетъ его безчестнымъ и униженнымъ. Имѣя грязный и неопрятный видъ, нося грубую одежду, шествуя безъ всякихъ спутниковъ и даже безъ обуви, предавшійся любомудрію вызываетъ большее удивленіе и изумленіе, тѣмъ самъ царь въ золотомъ вѣнкѣ и въ пурпуровой одеждѣ (67); его никто изъ людей не можетъ оскорбить, что выше даже самой природы человѣческой (69); этотъ царственнѣйшій человѣкъ выше всего: какъ высоко парящій орелъ [никогда не можетъ быть уловленъ сѣтью, разставленною для воробьевъ, такъ точно и этотъ человѣкъ: никто и ничѣмъ никогда не можетъ ему повредить.

Его душа „не увлекается гнѣвомъ, не уловляется ненавистью, не побѣждается враждою. И это еще не такъ важно; гораздо удивительнѣе этого вотъ что: онъ любить сдѣлавшихъ ему столько зла, какъ благодѣтелей и покровителей, и молится, чтобы у нихъ было всякое благо. Что равное этому даль бы ты ему, если бы тысячу разъ сдѣлалъ его царемъ вселенной и продолжилъ это царствованіе на тысячи лѣтъ? Какой багряницы, какой власти, какой славы не почтеннѣе это пріобрѣтеніе? Чего бы не далъ иной, чтобы получить такую душу?“ (69—70). — По истинѣ—царь есть тотъ, кто побѣждаетъ гнѣвъ и зависть и сладострастіе, подчиняетъ все законамъ Божиимъ, сохраняетъ умъ свой свободнымъ и не позволяетъ возобладать душою страсти къ удовольствіямъ (123). Царь доставляетъ подданнымъ своимъ золото, а монахъ благодать Духа; этотъ избавляетъ отъ бѣдности, если онъ добръ, а тотъ молитвами освобождаетъ души, одержимыя демонами (126). Да и въ отношеніи къ своему отцу тотъ, кто съ другими всегда столь тихъ и кротокъ, что никому не подаетъ повода къ неудовольствію, тѣмъ болѣе будетъ оказывать великое почтеніе отцу и станеть угождать ему гораздо болѣе теперь, чѣмъ когда бы достигъ мірской власти. Облеченный великою властію, неизвѣстно, не сталь ли бы онъ презирать и отца, а теперь онъ избралъ такую жизнь, въ которой онъ, хотя бы сталь царственнѣе и царя, въ отношеніи къ тебѣ будетъ смиреннѣе всѣхъ (72). Для царя и смерть всегда страшна, а для любомудрствующаго безпечальна: потому что тому, кто презираетъ богатство, удовольствія и роскошь, для которыхъ многіе желаютъ жить, по необходимости легко переносить и переселеніе отсюда (127). Язычникъ, по природѣ своей эпикуреецъ: пышныя яства, разнаго рода чувственныя удовольствія и наслажденія—часто поглощаютъ у него все вниманіе, все время его и все его состояніе. Для него лучшее удовольствіе, высшее счастье—это удовлетвореніе своихъ похотей. „Не таково наше наслажденіе, наставляетъ св: Іоаннъ Златоустъ;—нѣтъ, оно навсегда оста-

вляеть душу невозмутимую, не причиняеть ей никакого смятенія и волненія, но доставляеть радость, чистую и непорочную, достославную и безконечную, такую, которая гораздо сильнѣе и живѣе вашей—мірской, языческой. Наше наслажденіе пріятнѣе и потому, что ваше можетъ б. уничтожено страхомъ; ибо если бы царь издалъ указъ, угрожающій за это удовольствіе смертью, то большая часть людей отказалась бы отъ него; что же до нашего (наслажденія), то хотя бы кто угрожалъ тысячью смертей, не только не убѣдить насъ пренебрегать имъ, но скорѣе самъ будетъ осмѣянь; настолько оно выше и пріятнѣе вашего, и даже не допускаеть сравненія съ нимъ. Не гнѣвайся ни на сына за то, что онъ отъ скоротечныхъ или лучше, недѣйствительныхъ благъ перешель къ дѣйствительнымъ и постояннымъ, не плачь о немъ, достойнымъ быть ублажаемымъ, но о томъ, кто не таковъ и кружится въ настоящей жизни, какъ бы въ Эврипѣ“ (75, —Эврипѣ—бурный проливъ у о. Эвбеи).

Итакъ, удаляющійся, повидимому, отъ богатствъ, славы и радостей жизни въ дѣйствительности не только ничего не теряетъ, но еще больше того всего пріобрѣтаетъ, становится и богаче, и знаменитѣе, и счастливѣе, чѣмъ самый богатый, могучій и славный царь во всемъ своемъ блескѣ и знатности: все такого рода, какъ видимъ, показанія, которыя въ глазахъ язычника должны были имѣть непреодолимую силу убѣдительности и привлекательности. Ему нужно было быть лишь „добрсовѣстнымъ“, а послѣ—онъ уже несомнѣнно дойдетъ не только до любви къ монашеской жизни, но и до самаго расположенія къ догматамъ, въ которыхъ жизнь эта имѣеть свое основаніе. „Поэтому я и замолчу наконецъ, пишеть Златоустъ въ заключеніе, и только попрошу тебя, подожди одинъ годъ или еще меньше времени; для нашей добродѣтели не нужно много дней, потому что она возвращается божественною благодатію,—и ты увидишь, что все сказанное исполнится на самомъ дѣлѣ, и не только похвалишь то, что уже сдѣлано, но, если пожелаешь хотя немного возвыситься,

скоро и самъ сдѣлаешься подражателемъ ему, имѣя въ сынѣ учителя добродѣтели“ (77, 1).

„Научимъ теперь и вѣрующаго отца“, непосредственно замѣчаетъ Златоустъ въ своемъ третьемъ словѣ, „что не должно враждовать противъ тѣхъ, которые привлекаютъ сына его къ богоугодному“ (77). Только, не смотря на самую тѣсную связь этого третьяго слова съ предыдущимъ, оно все же отличается отъ него самымъ существеннымъ образомъ.

„Противъ вѣрующаго“ говорилъ Златоустъ еще во второмъ своемъ словѣ, „у насъ, конечно, много доказательствъ, но удовольствіе, доставляемое изобиліемъ доказательствъ, помрачается чрезмѣрностью стыда,—потому что я стыжусь, когда вынуждаюсь и съ нимъ состязаться объ этомъ“ (59). Этими двумя характеристическими чертами: обиліемъ положительныхъ доказательствъ и основаній и то сокрушеннымъ, то прямо негодующимъ тономъ—и отличается все третье слово Златоуста „къ вѣрующему отцу“. Въ своихъ чувствахъ и въ своихъ сѣтованіяхъ вѣрующій отецъ, конечно, подобенъ во всемъ невѣрующему,—во всемъ, кромѣ понятія о Богѣ... Но отсюда то и судъ съ нимъ уже не передъ людьми; онъ слышалъ все, что любомудрствовали о страшномъ и ужасномъ судилищѣ мужи, исполненные Духа Божія. И напоминаніе о страшномъ судѣ, когда потребно будетъ отдать отчетъ не только въ дѣлахъ своихъ, но и въ самыхъ мысляхъ, въ самыхъ сокровенныхъ движеніяхъ души и сердца,—напоминаніе о томъ неліцепріятномъ Судіи, предъ Кoимъ не скроется никакое зло, Который предастъ тягчайшему и жесточайшему наказанію даже за безстыдный только взглядъ или за неумѣстный смѣхъ,—является самымъ первымъ по мѣсту и силѣ основаніемъ для вѣрующаго отца прекратить свою вражду противъ тѣхъ, которые его сына привлекаютъ къ монашеской жизни.

Судія съ одинаковой строгостью потребуеъ отъ насъ рѣшительнаго отвѣта о нашемъ попеченіи о спасеніи и собственномъ, и своихъ ближнихъ. Но кто, кромѣ дѣтей, ближе

къ своимъ родителямъ?—Значить, и нерадѣніе о дѣтяхъ больше всѣхъ грѣховъ и доходить до самаго верха нечестія. Именно, если первая, снизу идущая, степень порочности и жестокости—оставлять безъ вниманія рабочій и домашній скотъ враговъ, когда онъ страждетъ, а вторая за ней, высшая,—нерадѣть о самихъ врагахъ, то третья за этой (степень)—презирать братьей, хотя бы они были и незнакомые; четвертая—нерадѣть о домашнихъ; пятая—когда небрежемъ не только объ ихъ тѣлѣ, но и о погибающей душѣ; шестая—когда безопасно смотримъ на гибель не только домашнихъ, но и дѣтей нашихъ седьмая—когда не имѣемъ и другихъ кто бы о нихъ позаботился; осьмая—когда и тѣмъ, которые и сами собою хотятъ это дѣлать, препятствуемъ и запрещаемъ; девятая—когда не только препятствуемъ и запрещаемъ; но и возстаемъ противъ нихъ. „Такимъ образомъ, если наказаніе постигнетъ первую, вторую и третью степень этой порочности, то какой огонь будетъ слѣдовать превзошедшей всѣ прочія, вашей именно—девятой степени?“ (80—81). Такъ Златоустъ, согласно съ общей своей мыслью, и подходитъ къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ жизни человѣка, именно—къ вопросу о христіанскомъ воспитаніи. Всякая добродѣтель зависитъ отъ внутренняго расположенія; чтобы образовать въ душѣ человѣка это благодатное внутреннее расположеніе, его необходимо вооружать съ самаго юнаго возраста, когда онъ властенъ надъ собою и ничѣмъ не связанъ (113),—необходимо, чтобы онъ съ юныхъ же лѣтъ вступилъ въ подвижничество,—тогда то онъ, какъ олимпійскій борецъ, съ юнаго возраста до старости шествуя среди побѣдныхъ восклицаній, отходить въ иную жизнь, увѣнчанный безчисленными на головѣ вѣнцами (*ibid*). Необходимо, слѣдовательно, каждому отцу заняться воспитаніемъ своего сына съ самаго же перваго его возраста. Основываясь на Словѣ Божіемъ, Златоустъ указываетъ три важнѣйшихъ побужденія воспитывать каждому отцу своихъ дѣтей: послушныхъ дѣтей Богъ самъ награждаетъ, а за распутныхъ дѣтей страдаютъ и сами родители (81: примѣръ Иліи и его сыновей). Когда кто-

либо насъ дѣлаеть властными надъ кѣмъ либо, то эту честію налагаетъ на насъ сильнѣйшее обязательство заботиться о томъ,—подобно этому и Богъ еще болѣе побуждаетъ насъ къ исполненію своего долга по отношенію къ дѣтямъ; наконецъ, дабы родители, получивъ повелѣніе воспитывать дѣтей, не пренебрегали Его повелѣніями, Господь Владыка ко всѣмъ тѣмъ присоединилъ и естественную необходимость. Златоустъ, какъ видимъ, имѣлъ полное основаніе съ особенною силою настаивать на необходимости истиннаго воспитанія съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства, „потому что, если бы порочность въ людяхъ была отъ природы, то иной имѣлъ-бы право прибѣгать къ извиненію; но такъ какъ мы бываемъ и худы и хороши по свободной волѣ, то какое благовидное оправданіе можетъ представить допустившій до развращенія и порочности сына, любимаго имъ больше всего? Нѣтъ, нерадѣющіе о воспитаніи своихъ дѣтей—хуже дѣтоубійць: не такъ жестоко изострить мечъ, взять его въ правую руку и вонзить въ самое горло сына, какъ погубить и развратить душу, потому что ничего равнаго ей нѣтъ у насъ“ (85—86). „Истинный отецъ лишь тотъ, кто нечется о спасеніи своего сына“ (109—110). Здѣсь и изъ сказаннаго Златоустомъ слѣдоваль уже тотъ необходимый выводъ, что отцы, желающіе воспитать дѣтей своихъ въ добродѣтели и тѣмъ соблюсти свой долгъ предъ Богомъ и доставить имъ спасеніе, должны были не препятствовать тѣмъ проводить свою жизнь въ любомудріи. Но прежде еще этого главнѣйшаго и послѣдняго своего вывода, Златоустъ лишаетъ противниковъ монашества ихъ главнаго и особенно охотно выставляемаго оружія: какъ отчасти и въ первомъ словѣ, такъ—по преимуществу въ данномъ, Златоустъ съ особенною силою выдвигаетъ и рѣшаетъ въ извѣстномъ смыслѣ вопросъ о томъ, что „можно ли спастись живущему въ городѣ и имѣющему домъ и жену?“ (86).

Св. Іоаннъ Лѣствичникъ, великій учитель внутренней жизни, приписывалъ обычно такіа слова и мысли внушенію искуссителей: „да не скроется отъ тебя“, поучалъ онъ, „и

слѣдующая хитрость и лесть невидимыхъ враговъ: они совѣтуютъ намъ не отлучаться отъ мірскихъ, внушая, что мы получимъ великую награду, если, видя женскій полъ, будемъ себя удерживать. Но не должно имъ въ этомъ покоряться, а дѣлать противное имъ“ (Лѣствица, ст. 3, § 10, стр. 21, изд. 1, М. 1862).

Находились такіе искушители и во времена св. Іоанна Златоуста. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ, какъ и св. Доротеѣй, прямо говорили, что желающіе духовнаго совершенства или несомнѣннаго спасенія души пусть не медлятъ среди соблазновъ, пусть удаляются отъ нихъ, слѣдуя внутреннему званію своего Господа и вспоминая слова Его (Мѣ. 19, 20: Лѣствица, сл. 1, 35, стр. 5).—Премудро отвѣтствовала своимъ противникамъ и Златоустый учитель въ томъ именно смыслѣ, что если и можно спастись въ городѣ, имѣя домъ и жену, то гораздо болѣе безъ жены и безъ прочаго. „Непозволительно одному и тому же человѣку—то быть увѣреннымъ, что спасеніе возможно и для того, кто связанъ житейскими дѣлами, то бояться и трепетать за того, кто будетъ свободенъ отъ всего, какъ будто безъ этого невозможно вести доблестную жизнь. Если и живущій въ городѣ могъ бы спастись, какъ ты говоришь, то гораздо болѣе удалившійся въ пустыню. Какъ же ты боишься невозможности здѣсь, а не боишься ея тамъ, гдѣ больше слѣдовало бы бояться ея?“ (104). При одинаковости правилъ для монаховъ и мірянъ (105—106), —спастись мірянамъ гораздо труднѣе, чѣмъ монахамъ (108—109). Воспитаніе же, получаемое сыномъ отъ отца, преданнаго мірскимъ заботамъ и живущаго постоянно въ мірѣ, и подавно не можетъ быть подлинно истиннымъ и спасительнымъ. Сами отцы обыкновенно отличаются весьма смутнымъ и сбивчивымъ представленіемъ господнихъ поученій. „Какъ же сынъ будетъ въ состояніи исполнять то, о чемъ и заповѣдей не знаетъ отецъ, который долженъ былъ бы научить его“? вмѣсто добраго воспитанія, мірскіе отцы учатъ своихъ дѣтей не иному чему, какъ основанію всѣхъ пороковъ, вселяя въ нихъ двѣ сильныя

страсти: корыстолюбіе и еще болѣе порочную страсть—суетное тщеславіе (особ. 90, 91 и д.). Самое господство крайняго разврата, совершаемаго съ полною безнаказанностью, яснѣе всякихъ словъ показываетъ, что живущему въ мірѣ (89) никакъ невозможно исполнять всѣ добродѣтели (91—94). Даже всестороннее умственное развитіе и совершенство въ краснорѣчїи не могутъ ручаться за добрую нравственность: для надлежащаго занятія краснорѣчіемъ и нужна именно добрая нравственность, а сама она отнюдь не нуждается въ пособїи краснорѣчїя (99). Нѣтъ, не ораторское краснорѣчіе нужно нашимъ дѣтямъ и не какое-либо всестороннее знаніе наукъ и искусствъ, для нихъ единственно необходимо любомудріе и строгій образъ жизни. Опасаться, что будто бы чрезъ это погибнуть житейскія дѣла, отнюдь не слѣдуетъ: не преданность любомудрію, а именно нелюбомудріе то и погубило и разстроило всё (94). Нынѣ общественная жизнь, по изображенію Златоуста (95), вся подверглась извращенію (96); нечестивцы угрожаютъ истребить во многихъ даже самое понятіе о Промыслѣ Божіемъ. Но если бы всѣ любомудрствовали, то ничего не было бы подобнаго изысканіямъ, въ родѣ напр., изслѣдованія о томъ, откуда зло и под., напротивъ, не изъ чего иного, а непосредственно изъ наилучшаго образа жизни всѣ узнали бы, что мы живемъ подъ властію Царя-Бога и что Онъ распоряжается и управляетъ нашими дѣлами по своей премудрости и разуму. Если бы всѣ любомудрствовали, то Промыслъ Божій открылся бы въ самой этой жизни предъ всѣми, какъ солнце въ свѣтлый полдень и въ ясную погоду. Невѣрующіе въ Бога ропщутъ и жалуются на предающихся любомудрію,—за то и господствуютъ среди нихъ постоянные суды, обвинители и клеветники, истязанія и пытки, процвѣтають темницы и наказанія, отнятія имѣній и потери ихъ, страхи и опасности, вражда и казни, злословіе и ненависть, голодь и зараза и всякаго рода страсти и бѣдствія. Ничего такого, какъ прекрасно являетъ Златоустъ, нельзя видѣть въ монастыряхъ; но хотя бы въ мірѣ подня-

лась самая страшная буря, отшельники одни сидятъ въ пристани въ спокойствіи и великой безопасности, какъ бы съ неба взирая на кораблекрушенія другихъ; потому что они избрали образъ жизни, достойный неба, и пребываютъ въ немъ не хуже ангеловъ. Какъ между ангелами нѣтъ никакого нестроенія, нѣтъ того, чтобы одни благоденствовали, а другіе терпѣли крайнія бѣдствія, но все одинаково наслаждаются миромъ, радостію и славой, такъ и здѣсь никто не жалуется на бѣдность, никто не превозносится богатствомъ; это—твое, а это—мое,—такое раздѣленіе, низвращающее и смущающее все дѣла, изгнано отсюда; все у нихъ общее—и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительнаго въ этомъ, когда и самая душа у всѣхъ одна и та же? Все они благородны одинаковымъ благородствомъ; рабы одинаковымъ рабствомъ, свободны одинаковою свободою; одно тамъ у всѣхъ богатство—истинное богатство, одна слава—истинная слава; потому что блага ихъ не въ названіяхъ, а въ дѣлахъ, одно удовольствіе, одно стремленіе, одна надежда у всѣхъ; все у нихъ благоустроено какъ бы по мѣрѣ и вѣсу, и нѣтъ никакой неправильности, но порядокъ, стройность и гармонія, самое точное согласіе и постоянное соблюденіе благодушія. Посему все они и дѣлаютъ и терпятъ все для того, чтобы имъ благодушествовать и радоваться. Только тамъ и можно находить это въ чистомъ видѣ, а въ др. мѣстѣ—нигдѣ, не оттого только, что у нихъ презирается настоящее, устранень всякій поводъ къ несогласію и враждѣ и имѣются свѣтлыя надежды на будущее, но и оттого, что случающіяся съ каждымъ скорби и радости считаются общими для всѣхъ. И скорбь проходитъ легче, когда все согласно помогаютъ каждому нести бремя, и для благодушія много поводовъ имѣютъ тѣ, которые радуются не своему только благополучію, но и чужому не менѣе, какъ и своему (97--98).

Какой же иной, изъ всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ разсужденій Златоуста, можно сдѣлать выводъ, кромѣ уже возвѣщеннаго самимъ златословеснымъ учителемъ: „Итакъ, рассу-

дивъ о всемъ этомъ и оставивъ всякія отговорки, постараемся быть отцами доблестныхъ дѣтей, строителями Христоносныхъ храмовъ, попечителями небесныхъ ратоборцевъ, намащая и возбуждая ихъ, и всячески содѣйствовать ихъ пользѣ, чтобы и тамъ быть соучастниками ихъ вѣнцовъ. Если же вы будете сопротивляться, то дѣти, если они доблестны, и противъ вашей воли достигнутъ этого любомудія и будутъ наслаждаться всѣми благами, а съ вами“, (какъ и со всѣми противниками, прибавимъ, монашества вообще), „случится то, что вы навлечете на самихъ себя безмѣрное наказаніе и будете хвалить сказанное нами тогда, когда отъ этихъ похвалъ уже не будетъ вамъ никакой пользы“ (121, 122).

Вѣримъ и мы, имѣя предъ собою такого свидѣтеля, какъ св. Іоаннъ Златоустъ, что и нынѣшнія всѣ насмѣшки, гоненія и возстанія противъ монашества никогда не достигнуть и не приведутъ къ тѣмъ цѣлямъ, какія желательны его врагамъ. Вѣдь еще Златоустъ прекрасно свидѣтельствовалъ: „Если бы зло состояло только въ томъ, что свв. Божіи и дивные мужи бываютъ схватываемы и терзаемы, влекомы на судилища и подвергаемы побоямъ и другимъ страданіямъ, то я весьма много и съ удовольствіемъ посмѣялся бы лишь этому. Такъ малыя дѣти, когда безвредно бьютъ матерей, возбуждаютъ большой смѣхъ въ тѣхъ, кого они бьютъ, и чѣмъ съ болѣею раздражительностью дѣлаютъ это, тѣмъ болѣе доставляютъ матерямъ удовольствія“ (47). Въ сознаніи своей истинности и глубокаго жизненнаго и спасительнаго значенія—монашество всегда найдетъ для себя силы къ тому, чтобы смѣло и непоколебимо выдержать ударъ своихъ враговъ, сколько бы ни были они отважны и многочисленны. Больше того: суды Божіи устраиваютъ такъ, что мечи и стрѣлы тѣхъ обращаются обыкновенно на нихъ же самихъ. Пусть справедливо то, что къ стыду человѣческихъ обществъ непримиримые противники монашества явились одновременно съ самымъ первымъ его возникновеніемъ. Нѣтъ—еще съ болѣею правомъ, еще съ болѣею смѣлостью вмѣстѣ съ

нашими отечественными святителями и великими наставниками монашеской жизни—*Теофаном Затворником* и епископомъ *Петромъ* мы открыто и во всеуслышаніе неумолчно должны возглашать, что „иночество не новость какая недавняя и произвольная, а такъ же древне, какъ само христіанство и требуется самимъ духомъ христіанства“. „Монашество получило начало въ самыя первыя времена христіанства, это—цвѣтъ христіанства по чистотѣ и возвышенности духовной жизни избранныхъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу исповѣданіемъ дѣвства, нестяжательности и послушанія“ (Еп. *Теофанъ*: „Древній иноческій уставъ“. Предисловіе, VII, 1892 г.; Еп. *Петръ*: „О монашествѣ“ стр., 7, изд. 3-е 1904 г.).

Д. Гороховъ.

Реставація живописи.

Подъ такимъ заглавіемъ въ № 18 Рижскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей перепечатана изъ Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей статья (къ сожалѣнію, безъ обозначенія фамиліи автора), которая можетъ быть весьма полезна священникамъ, когда имъ представится надобность заняться промывкою и поновленіемъ живописи старыхъ иконъ. Извлекаемъ изъ статьи Тульского автора самое существенное—совѣты и указаніе, какъ обращаться съ разными средствами, при помощи которыхъ очищаются съ иконъ пыль и копоть и освѣжаются краски. Дѣло это для многихъ пастырей—непривычное, а между тѣмъ, какъ оказывается, особеннаго труда и искусства оно не требуетъ. Его можно сдѣлать съ успѣхомъ, не прибѣгая къ содѣйствію мастеровъ-спеціалистовъ, собственными силами.

Итакъ, приступая къ реставаціи живописи, нужно прежде всего изслѣдовать—говоритъ авторъ, состояніе красокъ на иконѣ, т.-е. не пересохла ли онѣ, а это можно узнать изъ того: потрескались онѣ, или нѣтъ, отстаютъ ли легко отъ доски или холста, или нѣтъ. Если краски пере-

сохли, тогда дѣло реставрированія не принесетъ пользы, а скорѣе вредъ: болѣе разрушить состояніе красокъ на иконѣ. Если краски на иконѣ еще крѣпки, тогда можно приступить къ дѣлу съ полной надеждой на успѣхъ, но при этомъ нужно имѣть въ виду то, что необходимо соблюдать осторожность въ употребленіи средствъ, аккуратность, и почаще посматривать, какое дѣйствіе производитъ то или другое средство.

Прежде всего, приступая къ работѣ, нужно икону очистить отъ верхняго слоя грязи и пыли, что достигается осторожнымъ промываніемъ посредствомъ губки прокипяченою или дождевою водою съ мыломъ; это нужно продѣлать не спѣша нѣсколько разъ и потомъ промыть одною водою безъ мыла, вытереть насухо тонкою мягкой холстиною и просушить живопись безъ дѣйствія солнечныхъ лучей и притомъ не въ жаркомъ мѣстѣ.

Очень часто бываетъ достаточно и сего дѣйствія, чтобы очистить вполне живопись отъ грязи и воска, а если нѣтъ, тогда нужно употребить слѣдующія средства.

1) Положивъ икону на столъ, берутъ очень чистую и тонкую холстинку, которую намачиваютъ спиртомъ и, не натирая ею живописи, смачиваютъ ею только часть иконы. По истеченіи нѣсколькихъ минутъ, лакъ отъ спирта растворяется и эту часть иконы моютъ мягкой губкою, напитанною свѣжею чистой водою, и повторяютъ это нѣсколько разъ, стараясь каждый разъ возвращаться къ этому во-время, чтобы не повредить живописи; употребляютъ же для смачиванья спиртомъ только части холстинки, оставшіяся чистыми. Въ концѣ всего, прежде наведенія лака, живопись моютъ опять водою съ мыломъ и даютъ ей хорошо просохнуть.

2) Если послѣ снятія лака и промывки водою съ мыломъ все-таки живопись будетъ загрязнена, то тогда можно пользоваться виннымъ камнемъ или же поташомъ, начиная сперва растворомъ слабымъ, а потомъ—болѣе крѣпкимъ.

3) Въ случаѣ неэффективности сихъ средствъ, можно прибѣгнуть къ бурѣ, растворенной въ водѣ, или къ слѣдую-

щему составу: 2 части виннаго спирта и 1 часть терпентиннаго масла.

Всѣ эти сильныя средства нужно употреблять осторожно, чтобы не повредить живописи.

На иныхъ иконахъ, послѣ смачиванья ихъ для чистки, замѣчается немедленное образованіе тусклости, на подобіе плѣсени, что происходитъ вслѣдствіе яичнаго бѣлка, покрывавшаго ихъ прежде и несмытаго аккуратно предъ наведеніемъ лака (всякая художественная работа сначала покрывается яичнымъ бѣлкомъ, а потомъ уже черезъ годъ смывается бѣлокъ и живопись покрывается картиннымъ лакомъ). Въ этомъ случаѣ, т. е. при тусклостяхъ, становится необходимымъ снимать бѣлокъ виннымъ спиртомъ чистымъ или въ смѣси съ льнянымъ масломъ; отъ него бѣлокъ и лакъ сойдутъ вмѣстѣ. Такъ же поступаютъ для снятія чистаго бѣлка (т. е. безъ примѣси спирта и леденца), которымъ иногда покрываютъ живопись вмѣсто лака.

При чисткѣ живописи, еще не крытой лакомъ, можно поступать болѣе мягкимъ способомъ: здѣсь можно употреблять, послѣ промывки водой съ мыломъ, разведенную водою кислоту, водку, или уксусъ.

Почернѣвшимъ или пожелтѣвшимъ мазкамъ бѣлизлы на старыхъ иконахъ первоначальная чистота возвращается нѣсколькими ударами кисти, напитанной слабо окисленной водой, и потомъ промывкою чистой водой.

Иногда на иконѣ все-таки послѣ чистки остаются неровности и шероховатости отъ грязи и воска, до того затвердѣвшія, что ни спиртъ, ни даже щелокъ не въ состояніи ихъ свести; тогда нужно прибѣгнуть къ помощи остраго перочиннаго ножика.

Послѣ надлежащей чистки живописи нужно покрыть ее хорошимъ картиннымъ лакомъ¹⁾, но не спиртовымъ, а за

¹⁾ Живописцы дешевую свою работу кроютъ не лакомъ, а варенымъ масломъ, что для нихъ легче и дешевле.

неимѣнемъ его—яичнымъ бѣлкомъ, взбитымъ въ пѣну и смѣшаннымъ немного съ сахарнымъ леденцомъ.

Такъ какъ лакировать живопись очень часто приходится не только реставрированную, но и новую (напр. художники при заказахъ часто посылаютъ въ провинцію свѣжую живопись и флаконъ лаку съ просьбой покрыть живопись имъ чрезъ годъ), то поэтому я считаю нелишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія и по сему предмету.

Когда живопись достаточно высохнетъ, тогда должно произвести лакированье широкой, чистой, мягкой кистью подалеже отъ пыли и если зимою, то непременно въ нагрѣтой комнатѣ. Лакъ долженъ быть свѣжій, достаточно рѣдкій, а не густой (если густой, то разбавить скипидаромъ); онъ наливается въ нужномъ количествѣ на блюдце, и икона кладется въ горизонтальномъ, но никакъ не въ наклонномъ положеніи на столъ. Кисть опускаютъ въ лакъ до половины волосковъ, обтираютъ ее съ обѣихъ сторонъ о края блюда и начинаютъ легко и равномерно проводить полосы сверху внизъ. Дойдя до низу, не ведутъ кисть обратно, а отнимаютъ отъ холста и проводятъ опять сверху внизъ другую полосу, совершенно рядомъ съ первой и т. д. Покончивъ съ этимъ, проводятъ уже густой кистью и быстрѣе, чѣмъ въ первый разъ, но начиная сверху же, поперечныя полосы слѣва направо и справа налѣво, чтобы сгладить всѣ случайныя неровности.

Такъ какъ лакъ скоро сохнетъ, то лакировка должна совершаться безъ перерыва, но и не слишкомъ спѣшно, чтобы лакъ не пѣнился. Чрезъ нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ икона должна оставаться въ горизонтальномъ положеніи, лакъ успѣетъ нѣсколько окрѣпнуть, и икону можно уже повѣсить для окончательной просушки, которая потребуетъ, смотря по температурѣ, отъ трехъ до пяти дней. Обыкновенно у всѣхъ новичковъ въ этомъ дѣлѣ есть стремленіе всегда крыть лакомъ щедро, но этого слѣдуетъ избѣгать,—лучше всегда меньше употреблять, чѣмъ слѣдуетъ, чѣмъ

больше, такъ какъ послѣднее непоправимо. Во время лакированія надо почаще посматривать противъ свѣта; не осталось ли пропущенныхъ мѣстъ? проводить-же по одному и тому же мѣсту можно никакъ не болѣе двухъ разъ. Если остались пропущенныя мѣста, то слѣдуетъ подождать нѣсколько дней и потомъ покрыть ихъ самымъ тонкимъ слоемъ лака.

ЗАМѢТКИ.

а) О способахъ обученія неграмотныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Одно изъ пастырскихъ собраній Пензенской епархіи имѣло сужденіе о томъ, какимъ способомъ обучать мальчиковъ и дѣвочекъ, не знающихъ грамоты и не обучающихся въ школахъ. По отзывамъ пастырей, таковыя дѣти не знаютъ никакихъ молитвъ, почему утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ, во время молитвы не читаютъ ничего, только крестятся и дѣлаютъ поклоны. Кромѣ сего, не умѣютъ правильно сложить перстовъ для изображенія на себѣ крестнаго знаменія и рукъ для принятія священническаго благословенія. Въ виду сего, пастырское собраніе постановило: для обученія первоначальнымъ молитвамъ неграмотныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ открыть вечернее огласительное ученіе въ зданіи школъ, которыя остаются свободными, въ праздничное время. Обученіе молитвамъ, правильному перстосложенію при изображеніи крестнаго знаменія и сложенію рукъ для принятія священническаго благословенія поручить при трехчленномъ составѣ причта—діаконамъ, а при двухчленномъ—псаломщикамъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ настоятелей церквей, о чемъ ходатайствовать предъ его преосвященствомъ (Совр. лѣт.).

в) Богъ поругаемъ не бываетъ.

Свящ. М. Коржевскій сообщаетъ въ № 19 Могилевск. Епарх. Вѣдомостей т. г. (с. 661) о слѣдующемъ ужасномъ происшествіи. Въ с. Заборѣ, Сѣнескаго уѣзда, Могилевск. губ., жилъ крестьянинъ Иванъ Гирсъ. Тѣлосложенія онъ былъ весьма крѣпкаго, но любилъ выпить. Въ концѣ прошлаго 1910 года онъ зашелъ къ своему односельчанну Василию Агейникову и принесъ съ собою бутылку водки. Поставивъ послѣднюю на столъ, Гирсъ сталъ просить хозяина принять участіе въ выпивкѣ. Тотъ, ссылаясь на канунъ праздника (дѣло было въ субботу вечеромъ), долго отказывался, наконецъ согласился. Наливаетъ Гирсъ первую рюмку и преподноситъ ее къ иконѣ Спасителя, говоря: „Твой завтра праздникъ, на, выпей чарку. Ну, чего же смотришь, на, выпей“. Пораженный этими словами, хозяинъ выскочилъ изъ за стола и сталъ умолять Гирса не кощунствовать. Но послѣдній не унимался. На слѣдующее утро Гирсъ (ему было всего 35 лѣтъ) былъ найденъ на улицѣ, около еврейскаго крыльца, мертвымъ, съ выкатившимся наружу глазами.

Объявленіе о продолженіи изданія при Кіевской д. Семинаріи журнала
„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“
въ 1912 подписномъ году.

Въ **53** году своего существованія журналъ нашъ будетъ издаваться по прежней программѣ, имѣющей цѣлью содѣйствовать православному духовенству въ его пастырскомъ служеніи. Въ прошлые годы журналъ давалъ статьи по вопросамъ пастырской и приходской дѣятельности, объ оживляющихъ приходскую жизнь организаціяхъ (приходскіе совѣты, братства и др.), по изъясненію св. Писанія, по исторіи Церкви, по апологетикѣ, по исторіи и изъясненію богослуженія, по обличенію сектантства (главнымъ образомъ, по вопросамъ выдвигаемымъ самими сектантами въ ихъ печати), о разныхъ отрицательныхъ теоріяхъ и теченіяхъ нашихъ дней, по современнымъ вопросамъ, какъ имѣющимъ обще-церковное значеніе, такъ и возбуждающимъ мѣстный интересъ и обсуждаемымъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, а также рассказы изъ быта духовенства и нѣкоторыя

медицинскія свѣдѣнія; въ библиографическомъ листкѣ журналъ давалъ отзывы о современной литературѣ по вопросамъ касающимся вѣры и Церкви, въ сборникѣ „Проповѣди“ — поученія на всѣ воскресные и праздничные дни. Редакція надѣется вести журналъ въ томъ же направленіи и въ 1912 г.

Для поддержанія болѣе живой связи своихъ читателей между собою и съ редакціей, послѣдняя съ полной готовностью предлагаетъ страницы своего журнала всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться съ подписчиками журнала своимъ опытомъ, наблюденіями и мыслями.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и изъ 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго Листка“.

Кромѣ того, въ виду исполнившагося въ 1910 г. пятидесятилѣтія со дня смерти А. С. Хомякова, редакція въ 1912 г. дастъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, избранныя богословскія сочиненія его (томъ въ 15—16 печатныхъ листовъ). А. С. Хомяковъ былъ замѣчательнымъ богословомъ, какъ въ смыслѣ выясненія положительнаго православнаго ученія, такъ еще болѣе въ смыслѣ опроверженія католичества и протестантства. Онъ первый выяснилъ принципиальную противоположность между православіемъ и западными исповѣданіями по вопросамъ о Церкви, Св. Преданіи, вѣрѣ и дѣлахъ общеніи съ Церковью небесной, таинствахъ и т. д.

Сверхъ этого подписчики 1912 г. могутъ выписывать изъ редакціи „Толковый Типиконъ“ М. Скабаллановича по уменьшенной цѣнѣ.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи **ШЕСТЬ рублей**, за границу **8 р.**

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября м. 1912 года.

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать 25 к.; можно марками.

Подписка принимается только на цѣлый годъ; на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 8-го ноября 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерингов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

ЛЦ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 47

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года ноября 20-го дня.

Содержаніе: I. Ложный принципъ старообрядцевъ. Свящ. А. Введенскій.—
II. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Н. Пальмовъ.—III. О. Василій
въ Москвѣ. Н. Колосовъ.—IV. Отчетъ о дѣятельности Проповѣдни-
ческаго кружка студентовъ Кіевской духовной академіи въ 1910-11
уч. году.V. Либераль о либерализмѣ духовенства.—

Ложный принципъ старообрядцевъ.

Исторія гласить ¹⁾, что Никонъ, ставъ патріархомъ, на много дней затворился въ книгохранилищѣ, чтобы разсмотрѣть и изучить старыя книги и спорные тексты. Здѣсь, между прочимъ, онъ нашелъ грамоту объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, подписанную въ 1593 г. восточными патріархами, въ которой онъ прочиталъ, что московскій патріархъ, какъ братъ всѣхъ прочихъ православныхъ патріарховъ, во всемъ долженъ быть съ ними согласенъ и истреб-

¹⁾ См. Проф. Ключевского: „Курсъ Русской Исторіи“ ч. III. 1908 г. стр. 393.

лять всякую новизну въ оградѣ своей Церкви, такъ какъ новизны всегда бываютъ причиной церковнаго раздора.

Никономъ овладѣлъ великій страхъ при мысли, не допустила ли русская Церковь какого-нибудь отступленія отъ православнаго греческаго закона. Онъ началъ разсматривать и сличать съ греческимъ славянскій текстъ символа вѣры и богослужебныхъ книгъ и вездѣ нашелъ перемѣны и несходства съ греческимъ текстомъ.

Въ сознаніи своего долга поддерживать согласіе съ греческой церковью онъ рѣшилъ приступить къ исправленію русскихъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ.

Но какъ произвелъ онъ это исправленіе?

Не по древнимъ славянскимъ и греческимъ рукописямъ, а по современному себѣ печатному греческому евхологію ¹⁾ и по современному живому чину греческой церкви ²⁾.

Вотъ отсюда-то весь сыръ-боръ и загорѣлся. Современники Никона были невысокаго мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ и утверждали, будто бы они отступили отъ чистоты православія своихъ предковъ и допустили у себя разныя еретическія и погрѣшительныя новшества. Посему, какъ только ревнители древняго благочестія услышали, что патріархъ Никонъ исправляетъ книги по новѣйшимъ греческимъ образцамъ, они сразу заявили протестъ, стали во враждебныя къ патріарху отношенія, обвинили его въ ереси и отошли отъ него.

Такъ начался расколъ въ нѣдрахъ Восточно-Православной Церкви.

Теперь возникаетъ вопросъ:

„Имѣли ли пасомые (въ данномъ случаѣ старообрядцы) хотя какое-нибудь право самовольно отдѣлиться отъ своего пастыря, предварительно обвинивъ его въ ереси“.

¹⁾ Такъ называется служебникъ, соединенный съ требникомъ.

²⁾ См. проф. Е. Е. Голубинскій: „Къ нашей полемикѣ со старообрядцами“ 2 изд. 1905 г. стр. 54—55.

Старообрядческій епископъ Михаилъ, бывший профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, въ своихъ статьяхъ, написанныхъ въ защиту старообрядчества, говоритъ, что не только „могли“, но даже „должны“ были это сдѣлать.

„Если епископъ, пишетъ онъ, повиненъ въ ереси, можно и должно оставить его—уйти“.

„Впрочемъ, эта истина понятна и сама собой: само собою разумѣется, что нельзя оставаться въ единеніи съ пастыремъ, способнымъ не пасти, а растлить стадо“¹⁾.

„Я утверждаю, что отдѣлиться отъ Никона во имя самосохраненія должны были всѣ христіане, которые дорожатъ своей душой, ея спасеніемъ“²⁾.

Справедливы ли подобнаго рода рѣчи и разсужденія? Вѣренъ ли въ своемъ основаніи старообрядческій принципъ, гласящій, что пасомые будто бы имѣютъ право самовольно отдѣлиться отъ своего пастыря, обвинивъ его въ ереси?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Міряне только тогда могутъ оставить своего епископа, когда онъ пересталъ быть таковымъ, т. е. низложенъ законнымъ образомъ, по суду, или самъ отступилъ открыто, публично (всенародно объявилъ свое отступничество) отъ свят. Церкви. Наконецъ, народъ имѣетъ право не принимать лже-епископа, являющагося къ нему въ видѣ узурпатора на каѳедру еще живого, не осужденнаго и не отрешающагося епископа. Однимъ словомъ, только тогда и только такого епископа паства можетъ и даже должна не признавать, котораго не признаетъ св. Церковь, или который Ее не признаетъ.

Пока же епископъ не низложенъ и остается въ общеніи со своими братьями и св. Церковью, міряне и клиръ никакъ не дерзаютъ выйти изъ его повиновенія³⁾.

¹⁾ „Церковь“, № 1. 1908 г. стр. 9. „Въ защиту старообрядчества“.

²⁾ „Церковь“, № 1. 1908 г. стр. 11. „Въ защиту старообрядчества“.

³⁾ 15 правило Двукратнаго собора наказываетъ лишеніемъ сана (а міряне, по каноническимъ правиламъ, за тѣ преступленія, за которыя клирики лишаются сана, подлежатъ отлученію отъ Церкви) тѣхъ клириковъ,

Иначе что-же получится?

Всякая ересь, всяко неправое мнѣніе обыкновенно заражаетъ цѣлую мѣстность и распространяется все болѣе и болѣе, такъ что не только цѣлыя епархіи, но иногда и цѣлыя помѣстныя церкви и цѣлыя народности оказываются въ религіозномъ заблужденіи. Тогда — и это всегда такъ бывало — они сами обвиняютъ своихъ православныхъ пастырей въ ереси и, такимъ образомъ, оправдываютъ свое неповиновеніе.

Кто же кого долженъ слушать: пасомые пастыря или пастырь пасомыхъ! Кто кого долженъ учить: учитель учениковъ или ученики учителя? Кто кого долженъ почитать: отецъ дѣтей или дѣти отца? Для чего поставленъ учитель? Для чего поставленъ пастырь? Для чего поставлены въ христіанской Церкви апостолы, епископы и пресвитеры? Они должны быть выше, ученѣе, образованнѣе среды и наставлять, руководить, учить, пасти свою паству.

Паства же должна имѣть полное довѣріе къ своему пастырю, которое ничѣмъ не должно быть поколеблено. Дѣло пасомыхъ вѣрить, свято хранить заповѣди какъ Божьи, такъ и Церковныя, а не разсуждать, кто изъ епископовъ правъ, а кто виноватъ.

Дѣло пастыря трудное и отвѣтственное. Онъ долженъ проповѣдывать ученіе Христа, обличать грѣхи и заблужденія. „Проповѣдуй слово, пишетъ св. апостоль Павелъ Тимошею, поучай во-время и не во-время, обличай, запрещай, увѣщывай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ. Ибо будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые

которые отступаютъ отъ общенія съ своимъ патріархомъ, прежде соборнаго осужденія послѣдняго. Исключеніе допускается 15 правиломъ только въ томъ случаѣ, когда это отдѣленіе происходитъ „ради нѣкія ереси, осужденныя святыми соборами или отцами“; но патр. Никонъ никакой ереси, а тѣмъ болѣе *осужденной соборами или отцами*, не проповѣдовалъ, въ такой ереси не обвиняли его и первые расколо-учители.—
Примѣчаніе редакц.

льстили бы слуху¹⁾. А кто не льститъ слуху, тотъ бываетъ очень непріятель, а люди всегда люди: каждый думаетъ, что онъ правъ, и никто не любитъ, когда его обличаютъ.

Результатъ: долой непріятнаго епископа, онъ впалъ въ ересь!?

Епископы—преемники апостоловъ, намѣстники Христовы. Имъ надо повиноваться, какъ Христу, котораго они представляютъ. Развѣ не сказано было Спасителемъ: „Слушающій васъ, Меня слушаетъ, и отвергающій васъ, Меня отвергается“²⁾. Если епископъ заблуждается или впалъ въ ересь, то не младшимъ судить старшаго и не мірянамъ священное лицо³⁾.

Итакъ, старообрядческій принципъ оказывается ложнымъ. А если такъ, то, значить, и все старообрядческое движеніе основывается на ложныхъ основаніяхъ, исходить изъ ложныхъ началъ, обусловливается ложными принципами.

Намъ кажется, что при полемикѣ со старообрядцами главное и преимущественное вниманіе должно быть обращено именно на этотъ ложный принципъ, потому что онъ лучше всего, нагляднѣе и убѣдительнѣе раскрываетъ предъ глазами вѣрующихъ христіанъ несостоятельность лжеученія ревнителей древняго благочестія.

Свящ. Александръ Введенскій.

¹⁾ Гл. IV, 2—3 ст.

²⁾ Лук. 10 гл. 16 ст.

³⁾ Церковно-общественная жизнь. № I, 1908 года.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

*Религіозно-нравственныя чтенія для учащихся дѣтей въ
народныхъ училищахъ г. Одессы.*

Группа священниковъ — законоучителей народныхъ школъ
г. Одессы рѣшила осуществить назрѣвшую необходимость въ

¹⁾ Гл. IV, 2—3 ст.

²⁾ Лук. 10 гл. 16 ст.

³⁾ Церковно-общественная жизнь. № I, 1908 года.

открытіи особыхъ чтеній—бесѣдъ религіозно-нравственнаго содержанія для дѣтей школьниковъ, въ цѣляхъ углубить и расширить начала христіанской вѣры и знанія, преподаваемые дѣтямъ на урокахъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года группа законоучителей обратилась въ Совѣтъ Одесскаго Епархіального Свято-Андреевскаго Братства съ ходатайствомъ оказать ей въ этомъ случаѣ содѣйствіе и помощь, а также включить предпринимаемое дѣло въ общую организацію по устройству Совѣтомъ Братства религіозно-нравственныхъ чтеній. Ходатайство законоучителей встрѣтило въ Совѣтѣ полное сочувствіе. Совѣтъ Братства вошелъ къ высокопреосвященнѣйшему архіепископу Димитрію съ просьбою благословить новый культурно-христіанскій трудъ. Преподавая благословеніе, владыка Димитрій сказалъ, между прочимъ: „Дай Богъ, чтобы задуманное небольшимъ кружкомъ законоучителей дѣло разрослось; чтобы этотъ кружокъ, вступившій во внутреннее единеніе съ Епархіальной просвѣтительной организаціи, сформировался въ крѣпкое учрежденіе и выступилъ на дѣятельность, какъ часть Епархіальнаго просвѣтительнаго цѣлаго, какъ Лекціонная Комиссія, благонадежно опирающаяся на крѣпко уже стоящій Братскій Лекціонный Комитетъ. Жатвы много. По-заботимся, чтобы у насъ увеличилось число жателей, и не овладѣли бы Божіей нивой тѣ, кто вовсе не представленъ для добраго дѣланія на ней, но селятся захватить ее“.

Открытіе чтеній послѣдовало 25 сентября при торжественной обстановкѣ. Предсѣдатель Совѣта Св. Андреевскаго Братства, ректоръ Одесской духовной семинаріи прот. К. В. Бречкевичъ произнесъ при этомъ рѣчь, въ которой выяснялъ необходимость и пользу открываемыхъ чтеній для дѣтей. „Въ наши дни, говорилъ прот. Бречкевичъ, ведется упорная и озлобленная борьба противъ Христа—Бога нашего и противъ св. Церкви. Враги селятся поколебать, разрушить вѣковые устои нашей жизни, убить въ ней вѣру въ Бога. Особенно опасенъ этотъ враждебный натискъ для „малыхъ сихъ“—для нашего подросткающаго поколѣнія, еще не окрѣпшаго въ вѣрѣ,

еще не претворившаго чистые святые свои порывы къ Богу въ твердыя убѣжденія. Вотъ почему—священный и непремѣнный долгъ всѣхъ, ревнующихъ о благѣ, тѣснѣе сплотиться подъ сѣнію св. Церкви для борьбы съ страшнымъ врагомъ,—дружно стать на защиту нашихъ дѣтей отъ соблазна и расхищенія... Но для чего же учреждать особыя чтенія, когда въ каждой школѣ есть уроки Закона Божія?—Въ отвѣтъ на такого рода недоумѣніе надо сказать, что область религіознаго знанія—безгранична. Религія открываетъ человѣку горизонты—безконечныя, области—необозримыя, пути—безпредѣльныя. Поэтому, не только 2-3 урочныхъ часовъ въ недѣлю, но и всей человѣческой жизни было бы недостаточно для того, кто захотѣлъ бы, хотя отчасти, постигнуть глубины Божія. Не надобно при этомъ упускать изъ вниманія и того, что „школьное, урочное преподаваніе Закона Божія (естественно!) низводитъ высочайшіе предметы его въ область предметовъ ordinarily-школьнаго изученія, поставляетъ его въ разрядъ школьныхъ дисциплинъ, обусловливаетъ преподаваніе его обычными школьными рамками, до мелочей ограничивая его временемъ и мѣстомъ съ неизбѣжными звонками, классными журналами, баллами, часто даже—дисциплинарными взысканіями и проч.“. „Вотъ мы и желаемъ“, говорилъ прот. Бречкевичъ, „вывести этотъ священный предметъ изъ обычной школьной обстановки, и здѣсь, въ открытомъ, свободномъ и непринужденномъ взаимообщеніи старшихъ и младшихъ, учащихъ и учащихся, о.о. законоучителей и ихъ учениковъ, постараемся приблизить къ дѣтскому сердцу животворные лучи небеснаго свѣта, согрѣть и воспламенить въ нихъ вѣру, начертать въ ихъ душахъ неизгладимый образъ Христа Спасителя, чтобы и теперь въ дѣтствѣ, и потомъ во всю послѣдующую жизнь, наши дѣти въ полномъ и глубокомъ сознаніи святости и истинности православной вѣры непоколебимо и мужественно исповѣдывали ее, не боясь и не страшась ея враговъ“.

Программа чтеній уже выработана. Евангельская исторія является главнымъ предметомъ чтеній для дѣтей. Послѣ изъясненія священно-историческихъ событій изъ Новаго Завѣта предположено перейти къ изложенію главнѣйшихъ моментовъ въ исторіи Церкви апостольскаго вѣка и послѣдующихъ временъ. Матеріаль для дѣтскихъ чтеній рѣшено расцлагать „концентрически“, т. е., положивъ въ основу чтенія извѣстный священно-историческій рассказъ, лекторъ будетъ наполнять его идущими къ дѣлу свѣдѣніями изъ катихизиса и изъясненія богослуженія. Все это, разумѣется, — приурочительно къ дѣтскому возрасту. Чтенія будутъ происходить въ воскресные дни, отъ половины второго часа дня до трехъ съ половиной (Херсонск. Епарх. Вѣдом. № 20, с. 475—482).

Привѣтствуя открытіе религіозно-нравственныхъ чтеній для дѣтей въ г. Одессѣ и желая полного успѣха этому святому дѣлу, позволимъ себѣ обратить вниманіе почтенныхъ его учредителей и распорядителей на настоятельную необходимость сообщать этимъ чтеніемъ сколь возможно болѣе живой и наглядный характеръ. Какъ интересно было бы для дѣтей чтеніе изъ Новозавѣтной, напр., исторіи, если бы оно сопровождалось туманными картинами, на которыхъ дѣти могли бы разсматривать самую внѣшнюю обстановку священнаго событія. И вообще — святая земля, съ особымъ укладомъ жизни ея обитателей — прежнихъ, да, пожалуй, и нынѣшнихъ, дала бы массу матеріала для дѣтской любознательности. Наше Палестинское Общество имѣетъ много изданій для подобнаго рода чтеній. А святые мѣста Русской земли: Кіевъ, Москва и др. города и веси нашего необъятнаго отечества? Сколько сказали бы они дѣтскому уму и сердцу, если бы лекторъ взялъ предметомъ своего чтенія что-либо изъ ихъ церковной исторіи и, рисуя словомъ то, или другое событіе, показалъ бы его дѣтямъ и на картинѣ? Много святыхъ на Руси, и важно было бы, въ воспитательныхъ цѣляхъ, приковывать вниманіе и благоговѣніе дѣтей къ роднымъ святынямъ.

Первое дѣтское чтеніе сопровождалось въ Одессѣ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній. Желательно было бы, чтобы пѣніе и вообще вошло въ программу религіозно-нравственныхъ чтеній. Освѣжая вниманіе дѣтей, благозвучное пѣніе доставляло бы имъ музыкально-эстетическое наслажденіе и способствовало бы, до нѣкоторой степени, даже эстетическому развитію дѣтей.

Н. Пальмовъ.

О. Василій въ Москвѣ.

Бытовой очеркъ.

Жизнь о. Василя была долга, но и трудна. Цѣлыхъ четыре десятка прошло съ тѣхъ поръ, какъ о. Василій былъ поставленъ во священники и, еще безъ бороды и усовъ и съ коротко остриженными волосами, приѣхалъ въ село, гдѣ онъ и теперь священствуеетъ. И эти долгіе десятки лѣтъ прошли въ напряженной работѣ по церкви, по приходу, по хозяйству, по воспитанію дѣтей. Работа была трудная, и хотя о. Василій отдавался ей всей душой, результаты ея сказывались не скоро. Не скоро о. Василій сжился со своими прихожанами, не скоро освоился съ сельскимъ хозяйствомъ и постигъ его довольно хитрый механизмъ, а главное — почти до самаго послѣдняго времени о. Василій „бился“ со своими дѣтьми, которыхъ у него было 9 человекъ. Подготовка къ ученію, проводы въ школу, встрѣча изъ школы, опять проводы, хлопоты по начальству, вызовы въ городъ по неуспѣхамъ нѣкоторыхъ изъ сыновей, хлопоты съ репетиторами, безпокойство изъ за переэкзаменовокъ, радости отъ успѣховъ школьниковъ, думы о судьбѣ дочерей, томительное ожиданіе подходящихъ для нихъ жениховъ, выдача замужъ, свадебные пиры, заботы о приданомъ, о первыхъ шагахъ „пристраивающихся“ дѣтей и т. дал. и т. дал. — вся эта „педагогика“ непрерывной нитью проходила черезъ всю жизнь о. Василя, за-

ставляя его все время быть насторожѣ, волноваться; страдать и вытягивая изъ его доходовъ рубль за рублемъ, рубль за рублемъ, все до копѣчки.

Какъ ни любилъ о. Василій церковь и богослуженіе, какъ ни усердно занимался онъ въ школѣ, однако онъ не могъ забыть о своей тяжелой нуждѣ, и эта нужда научила его слишкомъ высоко цѣнить деньги, цѣнить всякій грошъ.

Но теперь—слава Богу!—дѣти о. Василя всѣ выросли и всѣ пристроились. Дочери всѣ вышли замужъ за „окончившихъ курсъ“ семинаристовъ. Одинъ сынъ служить учителемъ, двое священниками и только одинъ не доучился и остался псаломщикомъ. Какъ бы то ни было, о. Василій не несетъ уже теперь такихъ расходовъ, какъ раньше. Наоборотъ, онъ замѣчаетъ, что жизнь его идетъ теперь почти безбѣдно, что у него остается отъ доходовъ нѣкоторый излишекъ, не смотря на то, что приходится еще иногда помогать дѣтямъ и платить старые долги. И времени свободнаго стало теперь больше у о. Василя. Теперь онъ имѣетъ уже возможность и подумать больше наединѣ, и подольше побесѣдовать съ прихожанами, и вспомнить о быломъ, и почитать что нибудь у себя въ кабинетѣ долгими зимними вечерами. О. Василій выписываетъ теперь уже не одну газету „Свѣтъ“, но и журналъ „Миссіонерское Обозрѣніе“. Жизнь о. Василя покатила теперь спокойно, тихо, и порой находила на о. Василя скука. Здѣсь сказывалась привычка къ прежней живой, напряженной и суетливой дѣятельности. И вотъ однажды, въ минуты этой старческой скуки, припомнился о. Василю рассказъ давно умершаго мѣстнаго помѣщика, Вас. Вас. Журавлева, о Москвѣ, о величіи этого города, о его красотѣ, объ его исторической славѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, воскресли въ сознаниі о. Василя недавно прочтанныя имъ газетныя и журнальныя статьи, гдѣ, соответственно событіямъ послѣдняго времени, то и дѣло говорилось о Москвѣ, о значеніи ея для русскаго народа, о священныхъ стѣнахъ Кремля, о сѣдой его старинѣ, объединяющей роли Москвы для русскаго

народа и т. дал. И постепенно съ каждымъ днемъ стало расти и крѣпнуть въ душѣ о. Василия желаніе поѣхать въ Москву, посмотреть ея древности, поклониться ея святынямъ. О. Василию казалось, что жизнь его, полная всяческихъ трудовъ и лишеній, заслужила право на то, чтобы завершиться финаломъ болѣе яркимъ и смѣлымъ, чѣмъ тихая жизнь въ с. Подлѣсномъ, Курмышскаго уѣзда.

— Съѣзжу въ Москву, а потомъ уже и умирать.

Однако, о своемъ намѣреніи поѣхать въ Москву о. Василий долго не говорилъ даже матушкѣ, рѣшивъ предварительно про себя взвѣсить всѣ данныя за и противъ. Но какъ ни тщательно обосновывалъ о. Василий въ своемъ умѣ мысль о необходимости поѣздки въ Москву, все же, казалось ему, матушка будетъ возражать противъ его доводовъ. И, дѣйствительно, когда о. Василий открылъ женѣ свою тайну, она замахала обѣими руками:

— Что ты, что ты, старикъ! Въ себѣ ли? Это на старости то лѣтъ! Да, чай, и ста версть не проѣдешь, какъ тебя гдѣ нибудь ужокошатъ. Вотъ, скажутъ, должно быть, богатый попъ, что поѣхалъ Москву смотрѣть, зря деньги тратятъ...

О. Василий съ честью оппонировалъ матушкѣ, спокойно и убѣжденно докладывая ей, что если ему и подѣ 60 лѣтъ, то это еще не значить, что онъ уже никуда не годенъ, тѣмъ болѣе, что чувствуетъ онъ себя здоровымъ и бодрымъ. Ѣхать ему придется не лѣсами, населенными разбойниками, какъ было встарину, а по желѣзной дорогѣ, на людяхъ. А то, что о. Василий человекъ не богатый, это будетъ каждому ясно по его виду, а потому ужокошить его ни для кого не будетъ смысла. Что же касается „напрасной траты денегъ“, то во все уже не такъ много ихъ нужно. Билетъ III класса до Москвы стоитъ всего 7 $\frac{1}{2}$ рублей.

О. Василий говорилъ продуманно и съ вѣсомъ, и матушка хотя и не соглашалась съ нимъ, но возраженія уже не находила.

И со слѣдующаго дня о. Василій сталъ говорить о поѣздкѣ въ Москву какъ о чемъ то рѣшенномъ. Матушка сначала всѣ разговоры о Москвѣ принимала въ шутку, но когда увидѣла, что о. Василій крѣпко стоитъ на своемъ, невольно уступила и ограничила о. Василю въ его широкихъ планахъ лишь тѣмъ, что взяла съ него обязательство совершить всю поѣздку въ 10 дней.

Начались сборы. Матушка готовила для о. Василю бѣлье, приготавливала варенье и разную провизию, пригодную для дороги, и тщательно укладывала все это въ чемоданы и корзины, оставшіеся еще отъ дѣтей, послѣ ихъ поѣздки въ городъ на ученіе. Между прочимъ, при сборахъ возникъ значительно затруднившій батюшку и матушку вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли брать камлавку и наперсный крестъ. Было много соображеній и за, и противъ, и въ концѣ концовъ о. Василій, вопреки доводамъ матушки, рѣшилъ взять и то, и другое.

— Кто знаетъ: можетъ быть, придется встрѣтиться даже съ митрополитомъ... неудобно...

Довольная улыбка пробѣжала по лицу матушки при мысли, что мужъ ея можетъ встрѣтиться съ самимъ митрополитомъ, съ лицомъ, которое она, деревенская матушка, не только никогда не видѣла, но которое—увы!—уже и не увидитъ, ибо—казалось ей—она и недостойна этого.

Пока матушка собирала о. Василю въ дорогу, самъ онъ писалъ дѣтямъ письма, сообщая о своемъ намѣреніи посѣтить Москву и справляясь объ ихъ мнѣніяхъ по этому вопросу. Дѣти одинъ за другимъ отвѣчали, радуясь доброму намѣренію отца и прося у него молитвъ у святыхъ Московскихъ о себѣ и о своихъ дѣтяхъ. Нѣкоторые изъ дѣтей предупреждали о. Василю о возможныхъ опасностяхъ, совѣтовали беречь здоровье, остерегаться воровъ и бояться попасть подъ трамвай. Послѣ писемъ отъ дѣтей о. Василій сталъ смотрѣть на свою поѣздку, какъ на нѣкую священную миссію, соединенную съ немалымъ рискомъ. Пришелъ изъ Консисторіи

отпускной билетъ для о. Василя, и теперь поѣздка представлялась уже какой то неизбѣжностью, своего рода обязанностью, не выполнить которой было бы неловко и стыдно. Тѣмъ не менѣе, по полученіи отпускного билета, о. Василій медлилъ съ отъѣздомъ цѣлыхъ три дня. Заручившись согласіемъ сосѣдняго священника исполнять за себя требы по приходу, о. Василій по нѣскольку разъ въ день ходилъ въ церковь, въ поле, на гумно, въ садъ, въ огородъ, вездѣ дѣлая соотвѣтствующія распоряженія.

— Ужъ очень грязень этотъ подсвѣчникъ! Къ моему пріѣзду надо бы его вычистить...

— Если будетъ хорошая погода, то эту кошку молотите, а та пусть остается до меня. Зерно ссыпайте въ маленькій амбаръ, въ первый сусѣкъ на лѣвой сторонѣ.

— Яблони эти нужно окопать. Вотъ до сихъ поръ нужно взрыть землю.

Далѣе о. Василій дѣлалъ распоряженія на случай пожара въ церкви и дома, указывалъ, что прежде всего нужно „выносить“, сдѣлалъ даже нѣсколько распоряженій на случай своей смерти.

— Вѣдь всѣ подь Богомъ ходимъ,—говорилъ онъ.

— Что ты, что ты, батюшка!—не удержалась матушка, и слезы ручьями хлынули у нея изъ глазъ.

О. Василій окончательно рѣшилъ уѣзжать въ воскресенье, послѣ обѣдни. Прихожане раньше не слышали о предстоящемъ отъѣздѣ батюшки, теперь же, по окончаніи литургии, о. Василій обратился къ нимъ съ краткой прощальной рѣчью, сказавъ, что онъ недѣли на двѣ уѣзжаетъ въ Москву на богомолье, что требы за него будетъ исправлять Рѣшетниковскій батюшка и, въ заключеніе, попросилъ прихожанъ молиться о благополучіи своего путешествія въ далекій городъ.

— Ты, батюшка, поклонись за насъ угодникамъ Божиимъ!

— Помолись за насъ у святыхъ Московскихъ!

У о. Василя на глазахъ навернулись слезы.

Вернувшись отъ обѣдни, о. Василій засталъ здѣсь одну изъ замужнихъ дочерей, пріѣхавшую съ дѣтьми проводить „дѣдушку“. Отъ присутствія въ домѣ новыхъ лицъ, сутолоки при сборахъ было больше; о. Василию стало казаться, что онъ предпринимаетъ что то слишкомъ большое и отвѣтственное...

— Но не лишнее ли? — Шевельнулась у него въ головѣ мысль.

Однако, всѣ корабли были уже сожжены. О. Василій сталъ прощаться.

— Такъ, вотъ еще разъ напоминаю,—говорилъ онъ для того лишь, чтобы что нибудь сказать:—спаси Богъ,—будетъ несчастный случай, пожаръ, прежде всего выносите...

— Да ужъ ладно, ладно... Слышали...—перебила матушка.

О. Василій благословилъ и поцѣловалъ всѣхъ, начиная съ жены и кончая прислугой и прибывшими на проводы батюшки крестьянами, и, сопровождаемый изъ комнатъ длинной вереницей лицъ, вышелъ на улицу, гдѣ у крылечка давно уже поджидала батюшку его сытая буланка съ хорошенькимъ жеребеночкомъ, чтобы отвезти батюшку на станцію.

Всѣ, стоявшіе на крыльцѣ, шумно заговорили что-то, закричали, когда телѣжка съ отцомъ Василиемъ двинулась впередъ. О. Василій не оглядывался, подавляя волненіе, и истово крестился. Онъ оглянулся только тогда, когда нельзя уже было разобрать лицъ родныхъ, и издали еще разъ поклонился имъ и благословилъ ихъ.

Какое то безпокойство защемило сердце о. Василя, когда онъ выѣзжалъ изъ своего села. То и дѣло съ грустью, почти съ тоской, смотрѣлъ онъ на него.

— Все въ рукахъ Божіихъ, —думалъ онъ. Можетъ быть, и не вернусь уже. Чего не бываетъ!

И онъ, обернувшись къ селу, не спускалъ глазъ съ церкви, гдѣ 40 лѣтъ совершалъ онъ службы Божіи, и съ

маленькаго дѣмика около церкви, гдѣ протекла многотрудная жизнь его, и не переставалъ широкимъ крестомъ благословлять свое сельцо, пока оно не скрылось изъ виду, и при каждомъ благословеніи снималъ свою дешевенькую соломенную шляпу.

Сразу поднялось настроеніе о. Василія, когда онъ очутился въ вагонѣ. Онъ почувствовалъ себя уже въ какой то новой атмосферѣ, далеко отъ домашнихъ будней, среди новыхъ людей, съ новыми интересами и съ новыми разговорами. Долго о. Василій не могъ налюбоваться видомъ полей, густо покрытыхъ копнами еще неубраннаго хлѣба, скромными постройками деревень и красивыми постройками храмовъ, садами, лѣсами, рѣчками, всѣмъ, что было такъ близко сердцу о. Василія. Батюшка не отрывался отъ окна вагона, и все, что ни встрѣчалось ему на пути, казалось ему такимъ прекраснымъ, интереснымъ. Улыбка застыла на лицѣ о. Василія... Съ улыбкой, полной радушія и ласки, обходилъ потомъ о. Василій свой вагонъ, съ любопытствомъ оглядывая своихъ спутниковъ и думая про себя, что, можетъ быть, здѣсь есть такіе же пассажиры, какъ и онъ, ѣдущіе смотрѣть Москву впервые. Скромность и привѣтливость о. Василія, простота и общительность помогли ему скоро познакомиться чуть не со всѣми пассажирами вагона: чуть не всѣхъ узналъ о. Василій по имени и отчеству, узналъ, кто откуда, куда кто ѣдетъ и т. под. Сами же пассажиры настолько успѣли свыкнуться съ о. Васиціемъ, что даже дали ему дорожное прозвище — „молодой батюшка“, очевидно, въ виду его подвижности и добродушнаго любопытства. Хотя публики было и достаточно въ вагонѣ, но не было тѣсно, ю ночамъ хорошо было спать, о. Василій былъ очень доволенъ этими удобствами, и не разъ само собой срывалось у него восклицаніе.

— Какая благодать!

Въ людномъ обществѣ, среди безконечныхъ разговоровъ о томъ, о семъ, незамѣтно шло время и быстро мелькали другъ за другомъ села и города. Приѣхали въ Рязань.

О. Василій не прочь былъ бы остановиться въ этомъ старинномъ городѣ на сутки, но Москва теперь поглотила всѣ остальные его интересы. Къ тому же о. Василій хотѣлъ быть экономнымъ. На дорогу онъ взялъ всего 60 руб., да еще съ расчетомъ на эти же 60 руб. купить не мало хорошихъ вещей въ подарокъ матушкѣ и дѣтямъ съ внучатами. Поэтому въ Рязань о. Василій не заѣхалъ и съ повышеннымъ настроеніемъ сталъ ожидать Москву.

Въ Москву должны были прибыть около 8 часовъ вечера. Стояла дивная осенняя погода, когда поѣздъ проходилъ на нѣсколько верстъ идущими передъ Москвой дачными мѣстами. О. Василій, выставивъ голову въ окно вагона, съ наслажденіемъ смотрѣлъ на пышную растительность парковъ, на причудливую архитектуру богатыхъ дачныхъ построекъ, на шикарно одѣтую публику, гулявшую вдоль полотна желѣзной дороги по широкимъ, хорошо сдѣланнымъ дорожкамъ, слегка уже засыпаннымъ золотистыми листьями.

— Какая красивая жизнь!—думалъ о. Василій.

Неожиданно на поверхности зелени всплыла маленькая церковь такой же причудливой архитектуры, какъ и окружавшія ее дачныя постройки.

— Что за прелесть!—воскликнулъ о. Василій: вотъ бы гдѣ послужить... И Москва рядомъ...

Но сейчасъ же подумалъ:

— Однако, нелѣпости стали мнѣ въ голову приходить. И зачѣмъ я сталъ бы здѣсь служить? Развѣ въ нашей деревнѣ хуже?

И слегка грустное воспоминаніе объ оставленной деревнѣ вкралось въ душу о. Василя.

Между тѣмъ, дачные участки то и дѣло прерывались зелеными полосами лѣса, а тамъ начинались новые участки, и чѣмъ ближе къ Москвѣ, тѣмъ дачи были все богаче, уютнѣе и красивѣе. О. Василій опять забылъ о деревнѣ, и восхищеніе его росло. Но вотъ, наконецъ, показались подмосковныя фабрики съ высокими дымящимися трубами, замелькали

безконечные ряды товарныхъ вагоновъ, загроздилились желѣзнодорожныя постройки.

— Подъѣзжаемъ къ Москвѣ!—сказаль кто то сзади о. Василя.

У о. Василя замерло сердце.

На мгновенье появилась высокая желтая колокольня Андроніева монастыря.

— Что, что это?—спросиль о. Василій и набожно перекрестился.

— Это Андроніевъ монастырь, но онъ уже скрылся, батюшка; послѣ посмотрите.

Поѣздъ шель среди множества путей, идущихъ параллельно одинъ другому и пересѣкающихъ другъ друга.

— Москва!

Поѣздъ остановился.

О. Василій наскоро собралъ свои вещи и хотѣлъ понести ихъ самъ, но словно изъ подъ земли выросъ предъ нимъ носильщикъ и, увѣряя, что до извозчика далеко, убѣдилъ батюшку сдать ему багажъ.

Въ совершенно новомъ мѣрѣ очутился о. Василій, когда вышелъ на платформу. Это была платформа № 3, а выше были платформы № 2 и № 1. Всюду взадъ и впередъ сновали люди—пассажиры, желѣзнодорожныя служащіе, носильщики и, казалось, что паровозы, пыхтя то тамъ, то здѣсь, вотъ-вотъ задавятъ ихъ. Какъ ни великъ былъ самый вокзалъ, однако пройти черезъ него было трудно: такъ много было здѣсь публики. Въ проходѣ о. Василій едва не потерялъ носильщика. Извозчики оказались рядомъ съ вокзаломъ, и о. Василій пожалѣлъ, что взялъ носильщика. Но размышленія о. Василя скоро должны были прерваться, такъ какъ при самомъ выходѣ съ вокзала его окружили десятки комиссіонеровъ разныхъ гостинницъ, предлагая ѣхать каждый въ свою гостинницу, гдѣ—будто бы—и дешево, и удобно, и электрическое освѣщеніе, и какой то невѣдомый о. Василю лифтъ и т. под. Комиссіонеры безцеремонно тащили о. Ва-

силія каждый въ свою сторону, при чемъ каждый кричалъ что то свое, извозчики кричали свое, носильщикъ сердито кричалъ свое. А вокругъ стоялъ шумъ большого города. Среди хаоса звуковъ, о. Василій услышалъ, что есть гостинница съ № отъ 80 коп. гдѣ то на Земляномъ валу, „близко къ центру города“, какъ говорилъ комиссіонеръ, сѣлъ на перваго извозчика и приказалъ везти въ „Европейскую“.

— Батюшка! Носильщику не заплатили!

О. Василій виновато взмахнулъ руками, остановилъ извозчика и сталъ рыться въ портмонетѣ, отыскивая 5 копѣекъ. Но 5 коп. не было, и о. Василій не безъ печали подалъ носильщику 10 коп. Но тотъ, сейчасъ же разсмотрѣвъ монету, только покачалъ головой.

— Ужели мало?—думалъ о. Василій, отъѣзжая отъ вокзала:—нѣтъ успокаивалъ онъ себя:—это онъ такъ что нибудь.

Съ вокзальной площади выѣхали на одну изъ московскихъ улицъ. Здѣсь было такъ много движенія, что о. Василій на нѣсколько мгновеній былъ прямо ошеломленъ. Туда и сюда сновали извозчицы пролетки, фаэтоны, кареты, мчались, почти не переставая гудѣть, автомобили, которые лишь впервые увидѣлъ о. Василій; кромѣ того, и вдоль и поперекъ улицы то и дѣло пробѣгали вагоны трамвая, по тротуарамъ густой толпой въ разныя стороны быстро-быстро двигалась разнородная масса народа. Иногда о. Василию приходилось такъ близко разѣзжаться съ трамваемъ, съ автомобилемъ или со встрѣчными извозчиками, что онъ въ испугѣ бралъ своего извозчика за его кушакъ и крикливо говорилъ:

— Куда же, куда же ты? Вѣдь задавятъ!

У большого 5-этажнаго дома извозчикъ остановился.

— Гостинница Европейская!—сказалъ онъ.

— Такъ близко!—подумалъ о. Василій:—а берутъ 60 коп.—Да у насъ за 60 то коп. мужикъ за 15 верстъ, до самаго Апраксина довезетъ, и назадъ привезетъ, да еще спасибо скажетъ.

Эту свою мысль о. Василій хотѣлъ даже высказать извозчику при расчетѣ, но прежде, чѣмъ о. Василій успѣлъ что либо сказать, извозчикъ, принимая отъ батюшки деньги, проговорилъ:

— На чаекъ бы, батюшка, надо... Вы видите, какъ тѣсно у насъ ѣздить то...

— Ну, нѣтъ ужъ, любезный, — храбро отвѣчалъ о. Василій: — не обезсудь... Я человекъ бѣдный и многосемейный... не обезсудь... И издалека я...

— Вамъ номерокъ?

О. Василій увидѣлъ, что его вещи держитъ уже номерной служитель со значкомъ на фуражкѣ и на тужуркѣ.

— Номерокъ вамъ? Въ какую цѣну прикажете-съ?

— Вотъ вашъ человекъ меня встрѣтилъ на вокзалѣ, — говорилъ о. Василій; — онъ сказалъ, что у васъ есть номера отъ 80 коп. А, можетъ, и въ 70 есть?

— Такъ точно! У насъ есть номера по 80 коп. Но такъ что они теперь заняты-съ. Тепереча дешевле какъ на 1 р. 25 коп. за № не будетъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Значить надулъ меня вашъ комиссіонеръ.

У о. Василія мелькнула было мысль поѣхать въ какую нибудь другую гостинницу, но онъ вспомнилъ, что нуженъ будетъ извозчикъ, что опять онъ будетъ просить на чай...

— Ну, ладно. Давайте пока № здѣсь. А тамъ увидимъ.

Малый передалъ вещи другому, менѣе франтоватому человеку, и тотъ потащилъ ихъ вверхъ по лѣстницѣ. О. Василій слѣдовалъ за нимъ.

— Въ 55 № — сказалъ кто то, когда о. Василій проходилъ мимо конторы въ третьемъ этажѣ. Здѣсь къ о. Василію присоединился еще какой то молодой человекъ, и вотъ всѣ трое стали подниматься въ третій этажъ, потомъ въ четвертый и, наконецъ, въ пятый. У о. Василія спирало въ груди и подламывались ноги.

— Однако! Цѣлыхъ 8 лѣстницъ! Въдь это мнѣ, старику, трудненько.

— По цѣнѣ и мѣсто!

— Цѣна? Что же? Развѣ плохая? 1 р. 25 к. Вѣдь за что? Ночевать только придется! Ни поить, ни кормить меня вы не будете! Только что самоваръ то дадите...

— Ну нѣтъ, батюшка, за каждый самоваръ у насъ особая плата: 15 коп.

— Вотъ такъ та-къ... протянулъ о. Василій.

Наконецъ, подошли къ № 55.

Это была небольшая комната, имѣвшая какимъ то образомъ не четыре, а только три угла, съ прочной, красивой, но грязной и старой мебелью, съ массивной койкой, на которой лежалъ протертый и грязный матрацъ, съ жестянымъ умывальникомъ, издававшимъ специфическій зловонный запахъ. Единственное окно было закрыто, и удушливый спертый воздухъ, казалось, пропиталъ самыя стѣны.

— Вотъ здѣсь,—проговорилъ служащій въ конторѣ,— и сейчасъ же ушелъ внизъ.

— Ну ужъ и №,—проворчалъ про себя о. Василій:— если бы зналъ...

— Больше ничего, не прикажете?—спрашивалъ между тѣмъ человекъ, принесшій вещи.

— Больше ничего ступай!— съ сердцемъ проговорилъ о. Василій.

Затѣмъ онъ развязалъ корзину, досталъ мыло и полотенце, чтобы умыться съ дороги.

Воды въ умывальникѣ не оказалось.

На звонокъ вошло новое лицо, горничная, которая и налила воды.

Пока о. Василій умывался, горничная пришла еще разъ и поставила въ подсвѣчникъ свѣчу.

— Это что такое?—недовольнымъ тономъ спросилъ о. Василій.

— Свѣча.

— Для чего же? Вѣдь у васъ здѣсь электрическое освѣщеніе? И лампочка вотъ...

— Электричество у насъ до 11 часовъ, а дальше нѣтъ.

— Да дальше мнѣ и не нужно. Я буду спать. Возьмите свѣчу назадъ.

— Нѣтъ, у насъ такъ полагается. Я не могу.

— Гм... А сколько стоитъ свѣча?

— 30 коп.

— Сколько?

— 30 коп.

— Одна свѣча? Возьмите обратно. Я лучше куплю свою свѣчу за 5 коп.

— Никакъ нельзя... У насъ со своими свѣчами не разрѣшается.

О. Василій только крикнулъ и сердито махнулъ рукой. Горничная ушла.

О. Василій умылся, тщательно причесалъ свои волосы, надѣлъ спеціально для Москвы взятыя полукафтаны и рясу, надѣлъ даже крестъ, и, уставъ отъ хлопотъ, присѣлъ на голый тюфякъ передохнуть. Еще разъ обвелъ онъ глазами свою комнатку и опять такой неуютной показалась ему она.

— А что теперь дома?—подумалъ онъ.

Всталъ и подошелъ къ окну. Окно выходило на внутренній дворъ, со всѣхъ сторонъ огражденный высокими стѣнами домовъ, за которыми не видно было ровно ничего. Внизу во дворѣ, стояла телѣга, совсѣмъ не такая, какія бывають въ деревняхъ, и около нея трудился надъ чѣмъ-то какой-то оборванный человѣкъ. Больше ничего не видно было.

Надвигались густыя сумерки, и на душѣ о. Василя становилось еще хуже, еще грустнѣе.

— Вотъ и Москва!—подумалъ о. Василій.—Чайку бы теперь попить. Да здѣсь не стоитъ. 15 коп. самоваръ, да за чай возьмутъ Богъ знаетъ что... Дорожное то у меня уже все вышло. Выйти развѣ пока на свѣжій воздухъ.

И о. Василій, взявъ шляпу и заперевъ комнату, сталъ спускаться по безчисленнымъ ступенямъ лѣстницъ.

— Охъ, ужъ эта лѣстница! подумалъ опять о. Василій.

У парадной двери стоялъ швейцаръ, похожій на важнаго сановника, высокій, солидный, съ бородой, расчесанной на двѣ стороны, въ длинной ливреѣ, съ какими то значками на груди. Онъ важно сидѣлъ въ креслѣ за письменнымъ столомъ и что то записывалъ въ толстую книгу. Едва о. Василій спустился на нижнюю площадку, какъ швейцаръ, не смотря на свою важность, поднялся съ кресла и почтительно отворилъ передъ нимъ парадную дверь, слегка даже склонилъ голову.

О. Василій съ любопытствомъ взглянулъ въ лицо важнаго швейцара, но оно ему сразу же не понравилось: было въ немъ что то нахальное и насмѣшливое.

— Какъ генераль!—не безъ усмѣшки же подумалъ о. Василій, когда очутился на улицѣ.

А улица по-прежнему вся была въ движеніи: суетилась, шумѣла, кричала, смѣялась, свистѣла, гудѣла. Смущенный хаосомъ звуковъ и массой людей, непрерывно двигавшейся туда и сюда, о. Василій пошелъ, близко-близко прижимаясь къ стѣнамъ домовъ, но, по обычному своему любопытству, осматривалъ дома, тянувшіеся по противоположной сторонѣ и машинально читалъ на нихъ вывѣски.

— Чайная денная,—неожиданно вырисовалось на одномъ изъ домовъ.

О. Василій не безъ труда перешелъ улицу, подошелъ къ дому и внимательно посмотрѣлъ за окно.

Большой залъ былъ тѣсно заставленъ столами съ бѣлыми скатертями, за которыми сидѣла разнообразная публика и пила чай изъ бѣлыхъ чайниковъ. Публика, замѣтно, была не важная, но и не грязная, и о. Василій рѣшилъ:

— Зайду сюда. Что за бѣда?

— Сколько здѣсь стоитъ напиться чаю?—тономъ свѣдущаго человѣка спросилъ о. Василій подбѣжавшаго къ нему мальчика.

— Васъ сколько?

— Какъ сколько? Видишь—одинъ.

— Одинъ-съ? Пять копѣекъ.

— Славу Богу! Наша цѣна! подумаль о. Василій.

— А сколько стоитъ французская булка? Или нѣтъ у васъ?

— Есть, есть.—Пять копѣекъ.

— Наша цѣна!— вслухъ проговорилъ о. Василій.

Мальчикъ весело побѣжалъ за кипяткомъ, скоро принесъ его, и о. Василій сядьлъ за отдѣльнымъ столикомъ, пилъ чай и благодушно осматриваль публику. Съ нѣкоторыми ему такъ и хотѣлось заговорить, но всякія смѣлыя свои выступленія онъ рѣшилъ отложить до будущаго, предполагая и впредь заходить въ эту близкую къ его гостинницѣ чайную. За чаемъ у о. Василя отлегло отъ сердца и, отдавая мальчику гривенникъ, онъ даже шутливо потрепаль его по щекѣ:

— Вишь, какой надулся на московскихъ то чаяхъ...

Стало уже совсѣмъ темно, и хотя тамъ и здѣсь мигало электричество, но о. Василій, усталый съ дороги и не совсѣмъ довольный первыми впечатлѣніями отъ Москвы, рѣшилъ не смотрѣть больше сегодня города и пошелъ домой. Съ трудомъ поднялся наверхъ, устроилъ постель и скоро уснулъ, какъ убитый. А во снѣ явился ему мужикъ изъ его прихода съ русыми волосами, остриженными въ скобку и, умильно глядя на о. Василя, усаживающагося въ телѣжку, чтобы ѣхать въ Москву, сладенькимъ голосомъ говорилъ:

— Какой счастливый ты у насъ, батюшка! Въ Москву ѣдешь!

Николай Колосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отчетъ

о дѣятельности *Проповѣдническаго Кружка* студентовъ Кіевской Духовной Академіи за 1910—11 уч. годъ.

(*VII годъ существованія*) ¹⁾.

5-го іюня 1911 года. Проповѣдническій Кружокъ студентовъ Кіевской Духовной Академіи закончилъ VII годъ своего существованія. Со 2-го ноября 1910 года кружокъ находился подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Ректора Епископа Иннокентія и состоялъ изъ 34 членовъ, которые по курсамъ распредѣлились такъ: I—14, II—6, III—5, IV—9. Въ теченіи отчетнаго года выбыли: 2 студента III-го курса, въ концѣ года окончило 9 студентовъ и къ новому—1911—12 году остается 23 члена.

Какъ въ прежніе годы, Кружокъ преслѣдовалъ двѣ главныя цѣли: 1) разработку теоретическихъ и историческихъ вопросовъ въ области гомилетики и 2) проповѣдываніе Слова Божія въ церквахъ г. Кіева. Первая цѣль на практикѣ была оставлена какъ бы въ тѣни, а дѣятельность кружка была всецѣло направлена къ выполненію второй задачи. Этому способствовалъ много новый Академическій Уставъ, по мысли котораго преподаваніе гомилетики даже въ высшемъ учебномъ заведеніи должно имѣть въ виду не одну только теоретическую, а главнымъ образомъ практическую задачу—приготовленіе способныхъ и опытныхъ проповѣдниковъ „Слова Божія“. При такой постановкѣ Кружокъ можетъ служить какъ-бы своего рода курсами, на которыхъ, обогащенные теоретическими знаніями изъ преподаваемыхъ въ Академіи наукъ, пригодными для церковной проповѣди въ качествѣ

¹⁾ Знакомимъ читателей съ отчетомъ, какъ показателемъ самостоятельной работы студентовъ по приготовленію себя къ проповѣдническому служенію. Ред.

матеріала, студенты могутъ учиться и практиковаться къ достойному для студента высшей богословской школы и будущаго пастыря стада Христова и наставника духовныхъ юношей, будущихъ дѣятелей на нивѣ Христовой, къ служенію проповѣдника—учителя. Въ силу требованія новаго Устава, далѣе, открылись болѣе широкіе горизонты для проповѣднической практики. По § 184 „Литургія въ праздничные и воскресные дни въ Академическомъ храмѣ неопустительно сопровождается проповѣдью. Въ проповѣданіи Слова Божія принимаютъ участіе какъ начальствующие и преподаватели, такъ и студенты Академіи“. Правда, по духу новаго Устава, всѣ студенты должны готовиться къ тому, чтобы быть настоящими проповѣдниками, но пока новый Уставъ не войдетъ всецѣло въ жизнь, — Кружокъ играетъ и долженъ играть весьма важную роль въ дѣлѣ подготовки пастырей—проповѣдниковъ. Въ виду столь благопріятныхъ (по крайней мѣрѣ внѣшнихъ) условій, отъ Кружка можно было ожидать дѣятельности въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. И это ожиданіе не обмануло. Кружокъ проявилъ въ нынѣшнемъ году такую дѣятельность, какой не проявлялъ въ прежніе годы.

Пунктами проповѣднической дѣятельности были:

- 1) Братскій монастырь.
- 2) Церковь Религіознаго Просвѣтительнаго Общества.
- 3) Церковь Николая Доброга.
- 4) Андреевскій Соборъ.
- 5) Церковь Софійскаго Митрополитанскаго Дома.
- 6) Церковь Военнаго Госпиталя.
- 7) Владимірскій Соборъ.

Трудно съ точностью установить количество произнесенныхъ проповѣдей въ каждомъ изъ установленныхъ пунктовъ. Больше число проповѣдей произнесено въ самой обширной аудиторіи—Братскомъ монастырѣ. Проповѣди были произнесены здѣсь: 1) за ранней литургіей въ Малой Святодуховной церкви монастыря, 2) за поздней литургіей въ Великой церкви и 3) за вечерней въ воскресные дни въ Великой

церкви. Начиная съ октября и до іюня проповѣди въ означенныхъ пунктахъ произносились неопустительно. Кромѣ этихъ рядовыхъ проповѣдей въ Братскомъ монастырѣ, проповѣди произносились въ теченіе первой и страстной недѣли за каждымъ богослуженіемъ, вечернимъ и утреннимъ, и на преждеосвященныхъ литургіяхъ. Съ января и до Пасхи за вечернимъ богослуженіемъ членами Кружка велись чтенія Житій Святыхъ.

Братскій монастырь представляетъ изъ себя аудиторію, гдѣ проповѣдникъ могъ съ отрадой замѣтить, какъ любитъ русскій человѣкъ послушать проповѣдь. Правда, за поздними литургіями можно было замѣтить, что когда выносился аналой, часть публики, преимущественно учащіеся и свѣтскія дамы, уходили изъ церкви, подчасъ открыто высказывая недовольство на замѣну концерта проповѣдью, но это явленіе не смущало проповѣдника. Онъ видѣлъ, что оставшаяся публика тѣснѣе окружала его, задніе подвигались впередъ. Около аналая тѣснымъ кольцомъ стояли дѣти, внимательно слѣдя за проповѣдникомъ. Контингентъ слушателей былъ самымъ разнообразнымъ. Тутъ можно видѣть и мастеровыхъ, и кондукторовъ, и свѣтскихъ дамъ, и дѣтей. Какое то особенное ощущеніе охватывало проповѣдника, особенно за вечерней, когда онъ видѣлъ, какъ стоящіе у порога нищіе спѣшили слушать слово истины. Неоднократно къ проповѣдникамъ послѣ проповѣди подходили ихъ слушатели и просили разъясненій, или же просили дать имъ ихъ проповѣдь для прочтенія или списыванія.

Тѣ же самыя условія встрѣчаль проповѣдникъ и въ другихъ церквахъ. Большой помѣхой для Кружка служила любовь Кіевской публики къ концертамъ. Въ нѣкоторыхъ, правда—исключительныхъ случаяхъ, проповѣдникъ уходилъ изъ церкви, не произнеся проповѣди. Въ остальныхъ же случаяхъ проповѣдникъ долженъ былъ ожидать окончанія концерта. Не смотря на то, что проповѣдникъ выступалъ съ проповѣдью послѣ концерта,—публика довольно внимательно слушала проповѣдь.

Въ церкви Религіозно-Просвѣтительнаго Общества и Владимірскомъ Соборѣ, вслѣдствіе того, что слушателями здѣсь являлась интеллигенція и аристократія, — произносили проповѣди лучшіе изъ членовъ — проповѣдниковъ, обладающіе къ тому же громкимъ голосомъ.

Особенной любовью проповѣдниковъ пользовались церкви: Митрополитанскаго Дома и Военнаго Госпиталя. Слушателями здѣсь былъ простой народъ и солдаты, для которыхъ требовалось безхитростное слово истины.

Темами проповѣдей были старья и вѣчно юныя истины христіанской морали. Проповѣди обыкновенно приспособлялись къ Евангельскому чтенію даннаго дня и представляли собою раскрытіе заключающихся въ немъ истинъ. Въ выборѣ темъ проповѣдникъ былъ совершенно свободенъ.

Проповѣди произносились нѣкоторыми наизусть, а нѣкоторыми — по тетрадкѣ. Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ члену-проповѣднику не было возможности составить свою проповѣдь, — ему предоставлялось прочитать по книгѣ проповѣдь какого нибудь знаменитаго проповѣдника, напр., Архіепископа Иннокентія Херсонскаго, прот. Г. Дьяченко и другихъ.

Для лучшей постановки дѣла въ Братскомъ монастырѣ былъ заведенъ такой порядокъ. Наканунѣ произнесенія проповѣди, проповѣдникъ писалъ подробный конспектъ, который и представлялся для просмотра Преосвященному Ректору, который, по прочтеніи, одобрялъ проповѣдь къ произнесенію, или указывалъ желательныя поправки, если это нужно было.

Въ отчетномъ году исполнилось давнишнее желаніе Кружка. Кружокъ устроилъ свою собственную бібліотеку изъ произведеній лучшихъ церковныхъ витій. Бібліотека находилась въ завѣдываніи руководителя Кружка — студента, который во всякое время раздавалъ книги желающимъ. Бібліотека составилаь изъ книгъ, пожертвованныхъ Преосвященнымъ Ректоромъ и другими лицами, и книгъ, прибрѣтенныхъ на добровольныя пожертвованія членовъ Кружка.

Въ настоящемъ году бібліотека состоитъ изъ 17 №№ заглавій въ 27-ти книгахъ.

Для послѣдующей жизни Кружка желательно было-бы:

1) Привлеченіе какъ можно бѣльшаго числа членовъ, въ особенности священниковъ.

2) Увеличеніе бібліотеки Кружка ¹⁾).

3) Прочтеніе хотя-бы нѣсколькихъ лекцій декламаціи и выразительнаго чтенія для членовъ Кружка.

4) Наконецъ, возможность прослушать полный курсъ аскетики, знаніе коей столь необходимо для всякаго проповѣдника, имѣющаго дѣло съ душами людей, психологія коихъ тонко обрисована въ аскетическихъ твореніяхъ подвижниковъ.

Однимъ изъ членовъ Кружка, весьма ревностнымъ и идейнымъ проповѣдникомъ, были высказаны слѣдующія благія пожеланія Кружку:

„Для дальнѣйшей жизни проповѣдническаго Кружка и вообще проповѣдничества въ Академіи, считаю необходимымъ слѣдующее: проповѣдничество—дѣло живое, идейное,—проповѣдь должна быть плодомъ вдохновенія, отсюда проповѣдникомъ можетъ быть не всякій. Характерной чертой жизни Кружка прошлыхъ ближайшихъ лѣтъ и доселѣ—было отсутствіе идейности; отсюда шаблонъ, казенщина, безжизненность, печальнымъ послѣдствіемъ чего явилось въ концѣ концовъ вошедшее въ обычай чтеніе по книжкѣ чужихъ проповѣдей или говореніе безъ подготовки ²⁾. Проповѣдь непременно должна быть произнесена наизусть. Предметомъ проповѣдей должны быть въ Академіи не однѣ только нравственные темы, но и догматическія и литургическія. Такая постановка дѣла внесетъ большее разнообразіе въ проповѣдническій матеріаль

¹⁾ При чемъ желательно было-бы увеличеніе числа аскетическихъ твореній.

²⁾ Можно, конечно, говорить и чужую проповѣдь, но необходимо, чтобы говоримое было пережито, перечувствовано и такимъ образомъ явилось-бы живымъ словомъ.

и будетъ болѣе отвѣчать и потребностямъ слушателей и самому положенію Академіи, какъ высшей богословской школы, болѣе другихъ обязанной всесторонне отзываться на нужды христіанской жизни. Все это, конечно, должно вестись въ системѣ. А такъ какъ одному Кругу выполнить эту задачу не по силамъ, то для этого необходимо воспользоваться силами всего студенчества. Писаніе проповѣдей обязательно для всего студенчества. Нѣтъ ничего легче распредѣлить теперь указанный матеріалъ между всѣми студентами, хотя-бы, на примѣръ, такъ: на одномъ курсѣ дать догматическія темы, на другомъ—нравственные и т. д. Не всѣ, конечно работы окажутся удачными, но несомнѣнно многія будутъ хороши. И такія проповѣди должны быть произносимы. Лучше всего, если проповѣдь произнесетъ самъ авторъ. Но такъ какъ не всякій на это способенъ, то въ такомъ случаѣ эту проповѣдь долженъ произнести кто нибудь изъ членовъ проповѣдническаго Круга по желанію. Бѣды отъ этого не будетъ, а будетъ лишь практика, что для членовъ Круга очень важно. Часто студенты, способные къ проповѣдничеству, отказываются отъ говоренія очередныхъ проповѣдей потому, что нѣтъ возможности наканунѣ выучить проповѣдку наизусть, а по тетрадкѣ читать не хочется¹⁾. Проповѣдь, годная къ произнесенію, не должна быть возвращена студенту наканунѣ, какъ это доселѣ практиковалось; возвращать ее нужно не позже, какъ за недѣлю до произнесенія. Возвращаюсь снова къ Кругу. Между членами Круга долженъ быть постоянный живой обмѣнъ; для этого кружковыя собранія должны устраиваться почаще. На нихъ, между прочимъ, должны всесторонне обсуждаться и проповѣди, сказанныя, на примѣръ, въ Братской церкви, чрезъ что недочеты и достоинства станутъ рельефнѣе. Много нужно обратить вниманія и на внѣшнюю сторону проповѣдничества. Умѣнье держаться на кафедрѣ, чистая дикція,

¹⁾ Это вина не Ректора Академіи и не инспекціи, которые сами часто получаютъ проповѣди только наканунѣ ихъ произнесенія (авторъ).

соотвѣтствующіе жесты, мимика,—все это усиливаетъ впечатлѣніе проповѣди. Къ сожалѣнію, все это доселѣ почти отсутствовало. Необходимо, поэтому, Кружку пригласить соотвѣтствующаго лектора. Въ Кіевѣ двѣ солидныхъ драматическихъ школы, а потому лекторовъ не стать искать. Еще одно замѣчаніе. Братская Великая церковь представляетъ собою большія неудобства въ акустическомъ отношеніи. Для устраненія ихъ можно устроить на солеѣ возвышеніе, на примѣръ, діаконскій амвонъ или нѣчто похожее“.

Нѣкоторыми членами Кружка было высказано пожеланіе, чтобы Кружекъ, по примѣру Кружка при Московской Духовной Академіи, взялъ на себя изданіе листковъ религіозно-нравственнаго и миссіонерскаго содержанія для раздачи всѣмъ вообще желающимъ и жаждущимъ слова истины. Желаніе, конечно, благое, но для осуществленія его необходимы, во-первыхъ, средства, а во-вторыхъ, выработка и настойчивое проведеніе въ жизнь Кружка строгой системы. Можно было бы обратиться къ Кіево-Печерской Лаврѣ, которая, вѣроятно не откажетъ издать лучшія произведенія членовъ Кружка.

Наконецъ, въ виду того, что Кіевъ кишитъ сектантами, которые дерзко и грубо нападаютъ на православіе, нѣкоторые члены Кружка выражаютъ желаніе, чтобы въ дѣятельность Кружка былъ внесенъ миссіонерскій элементъ. Въ чемъ это должно выражаться,—это еще ясно не предносится самимъ желающимъ. Несомнѣнно, что миссіонерскій элементъ долженъ быть внесенъ въ проповѣди; затѣмъ предносится идея выступленія членовъ Кружка на собесѣдованія съ раскольниками и сектантами. Не имѣя ничего противъ въ принципѣ, мы думаемъ, что послѣднее—трудно выполнимо на практикѣ, потому что публичныя выступленія требуютъ усиленной подготовки и солидныхъ знаній, коими владѣютъ только специалисты.

7 лѣтъ существовалъ Кружокъ. Онъ пережилъ всѣ другіе кружки, не смотря на неблагопріятныя условія своего существованія. Почему-то всегда большинство студентовъ счи-

тали и считаютъ этотъ Кружокъ рассадникомъ обскурантизма и ретроградства, не желая вникнуть глубже въ цѣли и задачи Кружка, а онѣ возвышенны и благороды. Вызвать къ жизни и укрѣплять тѣ чувства, какими душа соприкасается съ Богомъ; показывать людямъ сладость и славу Царствія Божія; показывать тотъ путь, какимъ это Царство, какъ свѣтъ, проникаетъ нашу темную земную жизнь, озаряетъ, согрѣваетъ сухія, жесткія сердца и братоубійственную ненависть претворяетъ въ самоотверженную любовь; раскрывать предъ труждающимися и обремененными сокровища нетлѣнныхъ благъ; вливать въ ихъ истомленную душу хотя одну струю живой воды, одинъ лучъ Божественнаго свѣта—развѣ это ничтожныя задачи? Развѣ можно назвать ретроградомъ того, кто зоветъ темныхъ людей впередъ, къ нравственному усовершенствованію, не путемъ соціальныхъ и экономическихъ переворотовъ, а путемъ перерожденія души. Юродствомъ кажется эта дѣятельность для многихъ, „земная мудрствующихъ“. Но вѣдь для этихъ и подобныхъ людей и крестъ Христовъ кажется юродствомъ. Нѣтъ. Милліоны людей жаждутъ услышать слово истины. Жатвы много, а дѣлателей мало. Поэтому нельзя не пожелать Кружку: бодро и смѣло идти впередъ и сѣять сѣмя: „Сѣйте разумное, доброе, вѣчное“...

Либераль о либерализмъ духовенства.

Извѣстный публицистъ В. В. Розановъ въ № 12119 „Новаго времени“ пишетъ: „Самъ я почему-то тоже не люблю и никогда не любилъ священниковъ въ бѣлыхъ воротничкахъ и съ манжетами. Непостижимо! Какъ не люблю, не уважаю и либеральныхъ священниковъ. *Самъ* либераль, а въ священникѣ этого не люблю. Почему вы не любите либеральнаго священника? *Какого-же* вы священника любите?

Въ „тайныхъ мысляхъ“, ночью, я себѣ отвѣчалъ:

— Либеральный священникъ безвкусенъ и наконецъ отвратителенъ какъ селедка, обмокнутая въ варенье. Смѣсь

разныхъ вещей, разнородныхъ. Священники молились за русскій народъ во время монгольскаго ига, когда было не до либерализма. При Петрѣ, когда тоже было не до либерализма. Либерализмъ что-то новое, а священникъ отъ древности. Онъ уже такъ выковался въ исторіи, такъ сложился его образъ, его духъ, его *стиль*, что „либеральное“ какъ-то въ немъ неумѣстно, не находятъ себѣ мѣста, нѣтъ ему уголка въ его душѣ и жизни. Все уже занято другимъ, *и занято вѣка*—заботою о приходѣ, о смерти людей, о жизни людей, о рожденіи людей, о крещеніи, о вѣнчаніи, о похоронахъ, объ исповѣданіи грѣшныхъ. Просто, для „либеральнаго“ не осталось уголка. Чтобы ему войти,—нужно, чтобы въ священникѣ образовалась *пустота*, чтобы онъ изъ себя выбросилъ что-нибудь, напримѣръ, заботу объ умирающихъ. Тогда „либерализмъ“ войдетъ въ это пустое мѣсто. Но это есть явно разрушеніе священника. Вотъ отчего священники не либеральны и къ нимъ это „не идетъ“. Какой же *нуженъ* священникъ? Когда я буду умирать, мнѣ хочется, чтобы въ комнату ко мнѣ вошелъ священникъ съ ясной, не смятенной и не потревоженной душой, съ полною вѣрой въ свое преданіе, въ свое, именно свое, это *ихнее священническое*, хотя мнѣ лично и чуждое. Когда я буду умирать, мнѣ не „мое“ нужно, „мое“ то именно мнѣ и не нужно, ибо „я“ умираю и все „мое“ со мною умираетъ: а нужно мнѣ „другое“, вотъ „его“, чело-вѣческое, міровое. Ибо, какъ умирающей, *лично я* теперь безсиленъ и цѣпляюсь руками за что то большее моего, вотъ за „вѣру предковъ“, „вѣру народа“. Смерть — *отреченіе отъ себя*. И вотъ пусть войдетъ священникъ, уже пожилой, съ ясными глазами, чистой душой, съ добротою и участіемъ, но непременно спокойными, безъ всякаго волненія, и скажетъ мнѣ слова утѣшенія и надежды на будущую вѣчную жизнь.

И конечно все это ужасно смутится, если я вижу на немъ бѣлые воротнички и манжеты, все такое „новенькое“ и „мое“!... (Христіанинъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 16-го ноября 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу-*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерлягов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ № 48.
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года ноября 27-го дня.

Содержаніе: I. Обратная сторона высшаго женскаго образованія. Іерей.—
II. Какими средствами усиѣище всего можетъ бороться священ-
никъ съ народнымъ пьянствомъ? Сергій Кротковъ.—III. О. Василій
въ Москвѣ. (Окончаніе). II. Колосовъ.—IV. Замѣтки. а) 10 заповѣдей
патріотизма.—б) Ложно понятый ученый.

Обратная сторона [высшаго женскаго образованія.

Нѣкогда съ поразительной точностію оправдывалась въ жизни общеизвѣстная пословица—корень ученія горекъ, а плодъ его сладокъ. Съ одной стороны—школы избѣгали, какъ солдатчины или еще какой тяжелой повинности, а съ другой—ученымъ человѣкомъ дорожили и его ожидали въ жизни почетъ и доходное мѣсто. Теперь же, при измѣнившихся условіяхъ жизни, измѣнился и взглядъ на школьное образованіе. Въ послѣдніе годы явилась уже другая крайность—среднія и высшія учебныя заведенія стонуть не отъ недостатка учащихся, а отъ излишняго наплыва ихъ: предложе-

ніе стало превышать спросъ. Мы здѣсь не касаемся мужскихъ учебныхъ заведеній, а имѣемъ въ виду высшее женское образованіе. Въ настоящее время высшіе женскіе курсы разныхъ типовъ стали синонимомъ образованія русской женщины, на нихъ бѣгутъ, изъ городскихъ особенно центровъ, не только умственная даровитость и матеріальная обеспеченность, но и обыкновенная умственная заурядность съ матеріальною бѣдностію; словно манія охватила русскую женщину въ погонѣ за высшимъ образованіемъ. Можно бы, конечно, только радоваться такому пробужденію Руси отъ умственной спячки, въ которой она повинна была долгое время. Но, какъ это ни страннымъ можетъ показаться, радоваться такому пробужденію едва-ли есть основаніе, особенно со стороны утилитарно-практической. Чтò гонить на курсы русскую женщину: любовь къ наукѣ? жажда къ просвѣщенію? желаніе принести пользу обществу и государству?.. Ничуть нѣтъ, развѣ только за самыми рѣдкими исключеніями. Въ огромномъ большинствѣ курсы являются средствомъ для достиженія личнаго благополучія—для упроченія жизненной карьеры.

Отнимите у курсистовъ всякую надежду на полученіе обеспеченной должности по окончаніи курсовъ и они (курсы) больше чѣмъ наполовину запустѣютъ; за отсутствіемъ цѣли, само собою, не нужнымъ окажется и средство. Такою мотивировкою образованія изъ побужденій жизненнаго свойства мы вовсе не хотимъ упрекнуть русскую женщину (у насъ почти всѣ—отъ малаго до великаго, стремятся къ образованію не ради самого образованія, а изъ чисто-практическихъ цѣлей), которая является только частію цѣлаго—русскаго общества. И если мужчина, обладающій сравнительно большею энергіею и крѣпостію силъ, стремится завоевать себѣ въ жизни покойную и обеспеченную жизнь, при затратѣ меньшаго труда, то женщинѣ тѣмъ свойственнѣе и извинительнѣе добиваться такого положенія. Но достигаетъ-ли она его? Если вообще можно сказать, что жизнь человѣка богата

противорѣчіями, то противорѣчій этихъ больше найдется въ судьбѣ образованной женщины. Мы не говоримъ про нормальное теченіе образованія, когда оно идетъ параллельно съ матеріальнымъ обезпеченіемъ и общественнымъ положеніемъ. Здѣсь не можетъ быть матеріальныхъ и моральныхъ потугъ, скачковъ и рѣзкостей. Человѣку съ капиталомъ и общественнымъ положеніемъ гораздо больше предстоитъ гарантій въ достиженіи образованіемъ лучшаго будущаго и гораздо меньше предстоитъ риску потерпѣть матеріальное крушеніе. Но вѣдь въ настоящее время мечтаютъ о высшемъ образованіи часто общественные низы и матеріальное убожество. Этимъ мечтательницамъ и мученицамъ науки предносится заманчивая перспектива войти въ ряды культурнаго общества и получить выгодную должность. Что же на дѣлѣ оказывается?—Ожиданія болѣею частію не оправдываются, трудъ остается безъ награды: треть образованныхъ женщинъ быть можетъ и находить удовлетвореніе своимъ ожиданіямъ и запросамъ, а остальное большинство остается на жизненномъ распутіи въ безплодномъ ожиданіи намѣченной цѣли. Затрачены силы, израсходованы убогія средства и ничего не получено, кромѣ голаго образованія, которое нищему болѣе вреда можетъ принести, чѣмъ пользы. И развѣ не печальна судьба людей, оторвавшихся отъ своей семьи и извѣстной общественной среды и не приставшихъ къ другому берегу. Вѣдь образованной дочери мелкаго чиновника и мастерового, какъ хотите, не пристало заниматься поденною работою вмѣстѣ съ прежними своими подругами—сосѣдками, вязаніемъ чулокъ и шитьемъ кофточекъ по найму, не сподручно ей и выйти замужъ за простаго ремесленника или торгоша-мѣщанина... И вотъ, при полномъ разочарованіи жизнию, кляня свою судьбу, а иногда получая укоризны отъ своихъ родныхъ и насмѣшки отъ подругъ, образованная женщина сбивается, какъ говорится, съ рельсъ и направляется по скользкому жизненному пути. И пьютъ горькую чашу своихъ увлеченій образованіемъ, гибнуть для семьи и общества ежегодно сотни

и тысячи образованныхъ женщинъ — неудачницъ. У насъ предъ глазами масса живыхъ и яркихъ примѣровъ, какъ одинъ изъ этихъ неудачницъ перебѣгаетъ съ однихъ на другіе курсы, съ одного на другой факультетъ, будучи бессильны одолѣть книжную премудрость; какъ нѣкоторыя, по той же причинѣ, обучаясь 2—3 года, никакъ не справятся сдать экзамены по предметамъ 1-го курса. Мы уже не говоримъ про потерю здоровья на курсахъ, про упадокъ нравственности и ослабленіе связей съ семействомъ. А одно это достойно плача, рыданія и жалости въ отношеніи къ курсисткамъ. Эта ненормальность въ женскомъ образованіи до безконечности можетъ продолжаться и развиваться, если само общество не отрезвится и правительство не придетъ на помощь своими мѣрами. Пора бы знать, что истинное образованіе нужно для человѣка, меньше всего какъ средство для устроенія обезпеченной и покойной жизни; оно прежде всего и больше всего желательно для удовлетворенія духовныхъ запросовъ и для блага ближнихъ. Если же человѣкъ первую и почти единственную цѣлю образованія ставить свое матеріальное благо, полученіе котораго въ будущемъ гадательно и ничѣмъ вѣрнымъ необезпечено, — то едва ли основательно жертвовать для невѣдомаго и невѣрнаго своими силами и послѣднимъ достаткомъ, съ полнымъ иногда разореніемъ бѣдной семьи. Широкіе замыслы и благіе порывы похвальны, но они всегда должны умѣряться благоразуміемъ, основаннымъ на требованіяхъ жизни. Высшее женское образованіе для необезпеченнаго человѣка — та же преступная роскошь. — Но правительство не меньше общества должно стать на стражѣ народнаго образованія и войти въ положеніе образованной женщины. Не велика и заслуга — открытіемъ разныхъ высшихъ женскихъ курсовъ способствовать развитію ученаго пролетаріата, являющагося, нужно замѣтить, самымъ опаснымъ элементомъ для блага и спокойствія общества и родины. Въ культурномъ отношеніи Россія далеко отстала отъ Западныхъ своихъ сосѣдей: по всѣмъ отраслямъ русскаго хозяйства поле дѣятельности такъ мало, что

и наличнымъ образованнымъ силамъ, не смотря на ихъ процентную (по сравненію съ населеніемъ и пространствомъ Россіи) скудость, негдѣ развернуться:—въ любомъ вѣдомствѣ одно праздное мѣсто осаждается десятками претендентовъ. И если каждый благоразумный хозяинъ старается, соотвѣтственно наличнымъ силамъ семьи, расширить свое хозяйство, то само собою, по простому выводу, нужно ожидать и въ русскомъ хозяйствѣ развитія всѣхъ отраслей до предѣла удовлетворенія наличныхъ работниковъ и работницъ Россіи. Но такого идеальнаго положенія трудно ожидать въ Россіи, особенно при настоящемъ ея матеріальномъ обнищаніи. Скорѣе всего—наоборотъ, приходится готовить образованныхъ работниковъ по запросу труда. Тогда уже не труженники будутъ оставаться въ неопредѣленномъ и томительномъ ожиданіи труда, а трудъ будетъ идти на встрѣчу труженникамъ.— Выводъ отсюда, кажется, ясенъ: хотя Россія и далеко отстала образованіемъ отъ своихъ сосѣдей, но такъ какъ и въ этой отсталости виденъ излишекъ образованныхъ работницъ, то не лучше-ли разными благоразумными предупредительными мѣрами охладить болѣзненный пылъ русской женщины въ погонѣ ея за высшимъ образованіемъ. Всякая излишняя производительность страны, по законамъ строгой экономіи, или должна сбываться на заграничные рынки, или сокращаться въ производствѣ. Сбывать за границу избытокъ ученыхъ русскихъ женщинъ не приходится—тамъ отъ своихъ дѣваться некуда, остается ограничить производство ихъ. За это впоследствии скажутъ большое спасибо и женская молодежь и семья изъ недостаточныхъ классовъ. Мы далеко не противники просвѣщенія вообще и образованія женщины въ частности; но видя крайность въ этомъ образованіи для многихъ женщинъ, мы указаннымъ способомъ желаемъ только нормировать женское образованіе.

Иерей.

Какими средствами успѣшнѣ всего можетъ бороться священникъ съ народнымъ пьянствомъ?

„Считать вакхическія наслажденія высшими радостями жизни и состояніе алкогольнаго наркоза блаженствомъ—есть признакъ духовной бѣдности и огрубѣнія.

А. И. Ярышкинъ.

Съ незапамятныхъ временъ свободно разгуливаетъ по нашей многострадальной родинѣ пьянство, съ своими неизмѣнными и постоянными спутниками: развратомъ, разстройствомъ семейнаго счастья, бѣдностію и т. п. Неуспѣшность борьбы противъ этого зла въ значительной мѣрѣ объясняется разрозненностью борцовъ противъ него, создавшеюся, въ свою очередь, на неодинаковомъ опредѣленіи причинъ пьянства. Всѣ согласны въ томъ, что пьянство является болѣзнію русскаго народа, но до сихъ поръ еще не сходятся на одинаковомъ мнѣніи относительно діагноза этой болѣзни. Само собой разумѣется, что при наличности самыхъ разнорѣчивыхъ опредѣленій діагноза не можетъ успѣшно идти и самое лѣчение. Остановимся на нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, высказываемыхъ относительно причинъ пьянства. Самымъ голословнымъ, покоящимся на полнѣйшемъ незнаніи жизни простого народа, должно признать мнѣніе, причину пьянства приписывающее исключительно лишь экономическимъ условіямъ. Безспорно, что послѣднія дѣйствительно играютъ здѣсь нѣкоторую роль, но уже не настолько большую, чтобы объяснять распространеніе пьянства лишь одной только бѣдностію народа. Сравнительно бѣльшее приложеніе мнѣніе это имѣетъ къ рабочему люду. Понятно, что рабочій, имѣющій болѣе или менѣе уютную обстановку въ своемъ жилищѣ, имѣющій семейный очагъ, лишній разъ не пойдетъ въ пропитанную табачнымъ дымомъ и спертымъ воздухомъ комнату пивной. Но объяснять распространеніе пьянства одной лишь бѣд-

ностью народа ни въ какомъ случаѣ нельзя. Конечно, всякій знаетъ, что пьютъ не одни только бѣдные, а сплошь и рядомъ, если только не чаще, и богатые; вся разница только въ томъ, что первые довольствуются простой водкой, тогда какъ послѣдніе пьютъ, по большей части, дорогія вина. Думающіе распространеніе пьянства объяснить лишь одной только бѣдностью смѣшиваютъ причину съ ея слѣдствіями: *бѣдность не причина пьянства, а необходимое его слѣдствіе.*

Болѣе близкимъ къ истинѣ является мнѣніе, причину пьянства видящее не въ бѣдности народа, а въ его необразованности и, какъ необходимомъ слѣдствіи послѣдней, — въ бездѣятельности въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, бываетъ свободенъ отъ физическаго труда. Всякій сколько-нибудь наблюдавшій жизнь народа не могъ, конечно, не обратить вниманіе на тотъ фактъ, что пьянство достигаетъ своего максимума тогда, когда у крестьянина бываетъ много свободнаго времени, и, наоборотъ, минимумъ народнаго пьянства совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ года, когда крестьянину, въ силу необходимости, приходится много работать. Это и понятно, такъ какъ долженъ же чѣмъ-нибудь заполнить крестьянинъ свободное время. Не имѣя въ своемъ распоряженіи почти никакихъ благородныхъ развлеченій онъ поневолѣ прибѣгаетъ къ водкѣ. Можно ли, поэтому, представить, какое благотворное вліяніе оказалъ бы священникъ и какъ много принесъ бы онъ пользы, если бы организовалъ въ своемъ приходѣ по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ религіозно-нравственныя чтенія?! Потому ли въ большинствѣ случаевъ пьеть нашъ крестьянинъ, что у него такое ужъ сильное пристрастіе къ водкѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Если онъ прибѣгаетъ къ водкѣ, то потому, что ему не на что въ праздники употребить время. Пьеть онъ съ цѣлью убить столь обременительное для него праздничное бездѣлье. Будь для крестьянина возможность получить какія-нибудь благородныя развлеченія, то смѣло можно сказать, что пьянство уменьшилось бы тогда на половину. Къ такимъ сужде-

ніямъ многіе относятся спектически и всегда готовы сдѣлать такого рода возраженіе: если причиной пьянства является невѣжество народа, то чѣмъ же, говорятъ, въ такомъ случаѣ объяснить существованіе такихъ людей, которые при всей своей, порой даже очень высокой образованности, въ то же время по своему пристрастію къ спиртнымъ напиткамъ ни мало не уступаютъ простолюдину, а иногда даже и превосходятъ послѣдняго? Здѣсь все дѣло въ томъ, что понимать подъ образованіемъ. Если смотрѣть на послѣднее, лишь только какъ не развитіе ума, то, конечно, всегда возможно допустить совмѣщеніе такого образованія съ винопитіемъ. Но нужно сказать, что такого рода пониманіе образованія слишкомъ узко. Въ строгомъ же смыслѣ образованіемъ *должно быть названо развитіе не одного только ума, а всѣхъ трехъ сторонъ человѣческой души, т. е. какъ ума, такъ сердца и воли, и притомъ— развитіе гармоническое.* Понимаемое въ такомъ смыслѣ образованіе дѣйствительно можетъ быть сильной гарантіей противъ пьянства. Распространеніе такого именно образованія можетъ послужить сильнымъ противодѣйствіемъ для распространенія пьянства. Сколько много поэтому пользы приносить священникъ, открывающій въ своемъ приходѣ церковно-приходскія школы ¹⁾. Какъ бы то ни было, а однихъ чтеній и собесѣдованій недостаточно. Для болѣе глубокаго проникновенія въ сознаніе народа Слова Божія,— слышать ли его крестьянинъ за богослуженіемъ или внѣ его— необходимо позаботиться объ устройствѣ пути для такого проникновенія. Слово Божіе можетъ быть сравниваемо съ паровозомъ поѣзда, священникъ съ машинистомъ послѣдняго, рельсы, по которому идетъ поѣздъ,—съ образованіемъ. Насколько бы ни былъ совершенъ механизмъ паровоза, какой бы опытный машинистъ ни управлялъ послѣднимъ, однако скорость

¹⁾ Церковно-приходскія школы болѣе чѣмъ какія либо другія отвѣчаютъ педагогическому требованію о необходимости гармоническаго развитія всѣхъ сторонъ человѣческой души. *Авторъ.*

поѣзда, при отсутствіи рельсъ, будетъ прямо ничтожна. Для того, чтобы поѣздъ могъ свободно и скоро двигаться, необходимо приготовить для него рельсовый путь. Точно также и успѣшное проникновеніе въ народныя массы христіанскихъ началъ можетъ быть обезпечено только тогда, когда будутъ вездѣ и всюду устроены своего рода рельсы для распространенія послѣднихъ, т. е. народныя школы.

Никто поэтому не приноситъ народу такъ много пользы, какъ священникъ, устраивающій въ своихъ приходахъ религіозно-нравственныя чтенія и открывающій церковно-приходскія школы.

Если къ кому, такъ именно къ такого рода священникамъ, относятся слова г. Петрова, сказавшаго про пастырей Церкви, что они дѣлаютъ незамѣтное для людей, но великое предъ Богомъ дѣло.

Сергій Кротковъ.

О. Василій въ Москвѣ.

(Окончаніе) ¹⁾.

На другой день отецъ Василій проспнулся часовъ въ 8. Одѣлся, помолился Богу и пить чай отправился уже въ знакомое мѣсто, въ чайную. При второмъ посѣщеніи о. Василій уже такъ освоился со всей обстановкой Московской чайной, что завелъ бесѣду съ сосѣдями по столу, при чемъ очень обрадовался, что тутъ много людей изъ деревни—торговцевъ, управляющихъ имѣніями и т. под. О. Василій отъ души поговорилъ съ ними.

— А вы тоже изъ деревни?—спрашивали батюшку.

— Да.

— Ну что? Какъ? Щунають тутъ васъ? Ловко?

— Ой, какъ!—сразу догадался о. Василій, о чемъ была рѣчь.

¹⁾ См. № 47 за 1911 г.

Близко къ чайной была остановка вагоновъ трамвая, гдѣ о. Василій захотѣлъ сѣсть, чтобы ѣхать въ Кремль. Вагоновъ было такъ много, что трудно было разобраться, въ какомъ ѣхать. Выяснилось, наконецъ, что нужно ѣхать въ вагонѣ № 1. О. Василій стоялъ въ публикѣ, ожидавшей свои вагоны, и искалъ № 1. Проходили во множествѣ разные №№, но 1 № не было. Появился 1, но въ сторону не къ Кремлю, а отъ Кремля. Но вотъ показался 1 № по направленію къ Кремлю. Вагонъ остановился, и о. Василій уже взялся было за перила, чтобы подняться.

— Нѣтъ мѣстъ!—крикнулъ кондукторъ.

Вагонъ рванулся, и о. Василій былъ отброшенъ въ сторону.

— Это ужасно!—возмущалась позади о. Василія какая то скромно одѣтая дама.

— Вы тоже 1 № дожидаетесь?

— Да. Прошли четыре вагона, а мы никакъ не можемъ попасть.

— А меня, старика, чуть было не убили.

— Ужасно, ужасно! Имъ здѣсь задавить человѣка и горя мало.

Какъ бы то ни было о. Василій нашелъ мѣсто въ одномъ изъ вагоновъ и ѣхалъ къ Кремлю. Черезъ окно вагона хорошо было наблюдать улицы. Чѣмъ дальше, тѣмъ грандіознѣе, богаче и красивѣе были дома. Многіе фасады были украшены лѣпными орнаментами, барельефами и статуями. Надъ многими домами поднимались высокіе шпили, а по угламъ то и дѣло высились легкія красивыя башни. Мѣстами дома были даже покрыты дивными мозаичными узорами и картинами. Балконы были украшены зеленью, которая и теперь еще пестрѣла пышными цвѣтами. Пестрыя и красивыя вывѣски громоздились одна на другую. Причудливые вензеля изъ разноцвѣтныхъ электрическихъ лампочекъ виднѣлись у входовъ въ кинематографы. Въ огромныхъ зеркальныхъ окнахъ магазиновъ были видны чудеса модныхъ мастерскихъ, ману-

фактурныхъ фабрикъ, машинныхъ заводовъ, гастрономическихъ заведеній, кондитерскихъ и т. под. Иногда о. Василій видѣлъ въ окнахъ чуть не десятки разодѣтыхъ по послѣдней модѣ фигуръ, которыя онъ сначала принималъ за живыхъ людей, или разнообразныя группы звѣрей, скалившихъ зубы на проходившихъ мимо оконъ людей. Не смотря на ранній сравнительно часъ, улица была уже залита народомъ: о. Василій видѣлъ черезъ окно вагона какъ мелькали вдоль магазинныхъ оконъ и отражались во вставленныхъ мѣстами въ стѣны домовъ зеркалахъ блестящія изящныя наряды, огромныя дамскія шляпы, а совсѣмъ близко къ вагону проѣзжали кареты, англійскія коляски, русскія тройки, автомобили. По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія, дома все росли и росли. О. Василю трудно уже стало разсматривать верхніе этажи: такъ они были высоко. А рядомъ со старыми большими домами воздвигались еще болѣе грандіозныя новыя. Чтобы съ улицы не видно было самаго процесса построекъ со всей его грязью, эти новыя дома закрывались заборами, высотой съ самый домъ и съ окнами на улицу, такъ что даже трудно было разобрать—заборъ это, или же настоящій деревянный домъ.

— Какихъ денегъ стоить все это!—удивлялся отецъ Василій.

По Лубянской площади почти непрерывнымъ кольцомъ ходили трамваи, и о. Василій съ получаса промучился прежде, чѣмъ успѣлъ выйти на дорогу къ Кремлю.

А вотъ, наконецъ, предъ нимъ Красная площадь, и памятникъ Минину и Пожарскому, и сама кремлевская сѣдая зубчатая стѣна. У о. Василя учащенно забилось сердце.

О. Василій зналъ, что никто не входитъ въ Спасскія ворота, не обнаживъ головы. Онъ снялъ шляпу и прошелъ подъ широкой кремлевской стѣной. Передъ нимъ и за нимъ шли и ѣхали люди разныхъ званій и состояній, и видѣлъ о. Василій, что и они всѣ,—и простые люди, и важные чи-

новники, студенты, солдаты, извозчики, русскіе, еврей—все обнажали головы, входя въ Кремль.

— Святой обычай!—радостно думаль о. Василій.

И едва прошелъ онъ Спасскія ворота, какъ неожиданно открылся передъ нимъ весь Кремль. Какая красота! Какое обаяніе! Ровная, чистая площадь! Величественный памятникъ Императору Александру II! Царь колоколь! Царь-пушка! Великолѣпный дворець!—Все сразу открылось глазамъ о. Василія. А въ центрѣ всего высился знаменитый Иванъ Великій, Успенскій соборъ. Архангельскій, Спасъ-Золотая Рѣшетка, и все эти кремлевскіе соборы массой своихъ золоченныхъ куполовъ сразу уносили въ чудный міръ былого русскаго творчества, былой русской жизни, немеркнувшей русской славы.

— Кремль! Я въ Кремль! Господи!

Но не успѣлъ о. Василій разобраться въ первыхъ впечатлѣніяхъ отъ Кремля, какъ съ колокольни Ивана Великаго раздался звонъ. Былъ праздникъ мѣстно-чтимаго святого. Была литургія, и звонили нѣсколько торжественнѣе, чѣмъ обычно. Звонили далеко не во все колокола на Иванѣ Великомъ, но что это былъ за звонъ! О. Василій никогда не слышалъ ничего подобнаго. Это былъ не звонъ, а музыка, хотя простая, но нѣжная, родная и много говорящая сердцу.

О. Василій намѣренно остановился и прослушалъ звонъ до конца.

— Безподобно! Вотъ если бы вдругъ въ нашемъ селѣ раздался такой звонъ! Охъ, что было бы! Именно въ душу просится...

О. Василій вошелъ въ Успенскій соборъ. Съ высоты многояруснаго иконостаса смотрѣли на него темные лики святыхъ. Предъ чудотворной иконой Божіей Матери ярко горѣли огни. Подъ красными покрывалами скрывались царское и патріаршее мѣста. Въ серебряныхъ ракахъ мирно почивали святые угодники. Въ заднемъ углу виднѣлась усыпальница російскихъ патріарховъ. Все было уже какъ будто давно

знакомо, ибо все было слишкомъ родственно всякой русской душѣ. Казалось, что здѣсь, въ этомъ соборѣ, заключена лучшая, священнѣйшая часть русской души... Народъ не густыми рядами наполнялъ почти весь соборъ. Красиво базиль-діаконъ и священники и дивно пѣла часть митрополичьихъ пѣвчихъ. О. Василій сталъ посреди церкви и, не въ силахъ будучи сдержатъ напоръ взволновавшихъ его чувствъ, уналь на желѣзныя плиты храма.

— И меня, грѣшнаго, сподобилъ Господь! Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Боже!.. Я здѣсь, въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ русскіе люди получали вдохновеніе и силы на все великое, гдѣ получали освященіе на подвиги во славу родного народа... Здѣсь, въ этомъ самомъ соборѣ молились и Іоаннъ Грозный, и Михаилъ Θεодоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ! Здѣсь служили святые митрополиты и великіе патріархи! Здѣсь же вѣнчались на царство и всѣ цари святорусскіе! Слава Тебѣ, Господи!

И о. Василій молился о себѣ, многогрѣшномъ, о своей семьѣ, о дѣтяхъ, внучатахъ, о паствѣ, обо всѣхъ знаемыхъ, объ умершихъ. Въ горячей молитвѣ провелъ о. Василій всю литургію, а затѣмъ попросилъ отлужить молебенъ святителямъ Петру, Алексію, Іонѣ и Филиппу, приложился къ ихъ святымъ мощамъ, ко всѣмъ святынямъ въ соборѣ. При этомъ о. Василія сопровождалъ одинъ изъ церковныхъ сторожей, одѣтыхъ въ форменныя синія ливреи, и давалъ свои объясненія, иногда и ненужныя о. Василію.

— Здѣсь мощи св. митрополита Филиппа. Онъ, по приказанію Іоанна Грознаго, былъ задушенъ Малютой Скуратовымъ въ Отрочъ-Монастырѣ.

— Это чудотворная икона, передъ которой молился св. Проконій Устюжскій.

— Это ..

О. Василій сотворилъ еще нѣсколько поклоновъ передъ святыми вратами, облобызалъ чудотворную икону Божіей Матери и направился къ выходу.

— На часекъ бы съ васъ, батюшка, — проговорилъ проводникъ, отворяя батюшкѣ дверь.

— И здѣсь? — ужаснулся о. Василій, но ничего не сказать больше и, пошаривши въ кошелекѣ, не нашелъ ничего, кромѣ полтинника. Взялъ полтинникъ и далъ.

— Лишь бы не портить настроенія.

Потомъ о. Василій помолился въ Архангельскомъ соборѣ, въ Благовѣщенскомъ, въ Чудовомъ монастырѣ... Вездѣ ставилъ свѣчи, служилъ молебны, поминалъ семью и паству и вездѣ, чтобы не портить настроенія, платилъ что могъ.

Новизна впечатлѣній и глубина переживаній утомили о. Василя. Выйдя изъ Чудова монастыря, онъ прошелъ къ памятнику Александру II-му и присѣлъ въ окружающей его галлерей. Внизу открывался волшебный видъ на Москву, на ея золотыя главы, величественныя зданія, красивые мосты черезъ Москву-рѣку, и не видно было ей конца.

— И подумать только, — бродило въ головѣ о. Василя, — что всѣмъ этимъ когда то чуть не завладѣлъ французъ.

Предъ сознаниемъ о. Василя проходили великіе, полузабытые образы историческихъ лицъ, припомнились почему то школьные годы, бодрая и радостная юность, героическіе порывы собственнаго духа. О. Василій склонилъ голову и всецѣло ушелъ въ розовый туманъ давно минувшихъ дней.

— Не желаете ли, батюшка, на царскую колокольню подняться? — услышалъ позади себя о. Василій. Это одинъ изъ 16 звонарей Ивана Великаго приглашалъ о. Василя на колокольню.

— А, на колокольню! — очнулся о. Василій: — хорошо бы, хорошо; у васъ здѣсь много хорошаго, и звонъ чудесный, чудесный звонъ... Да вѣдь дорого все это стоить... Небось, и на колокольню подняться денегъ стоить.

— Извините, батюшка, у насъ... сколько желаете... У насъ того нѣтъ, чтобы... У насъ кружка...

— Ну, это еще ничего, проговорилъ о. Василій: — хоть немножко поблагороднѣй, — и пошелъ за звонаремъ.

Но первому впечатлѣнію о. Василию казалось, что колокольня Ивана Великаго уже не такъ высока, но когда онъ сталъ подниматься по крутымъ лѣстницамъ, то увидѣлъ — что дѣйствительно великъ Иванъ Великій, и идти дальше того яруса, гдѣ висятъ первые колокола, отказался. Но видъ на Москву и изъ этого яруса былъ — правда — несравненно лучше, чѣмъ внизу. Весь городъ былъ какъ бы обвѣянъ нѣжно-розовой дымкой. Границъ его не было видно. Раскрывалось лишь безконечное полотно яркой, разноцвѣтной картины и въ хорошо выдержанномъ русскомъ стилѣ, полно и живо отобразившемъ въ себѣ безбрежность и силу русскаго духа.

— Москва! — Какъ много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось! — припомнилось о. Василию.

Но онъ чувствовалъ, что еще больше, чѣмъ въ *звукѣ*, слилось для сердца русскаго въ *картинѣ* Москвы.

— А вотъ тамъ, вправо, видите? Вонъ тамъ, — говорилъ звонарь: — это Воробьевы горы. Оттуда Наполеонъ любовался Москвой.

О. Василий силился увидѣть горы, но не могъ.

— Старъ ужъ сталъ, не вижу — грустно сказалъ онъ.

— Да, ужъ немолоды, — согласился звонарь: — а вотъ все-таки посѣтили Москву. Сподобились. А другой — вѣкъ живеть, не увидить.

И о. Василию показалось, что онъ, дѣйствительно, какъ бы нѣкій избранникъ, и опять стало свѣтлѣе у него на душѣ. Чѣмъ дольше смотрѣлъ онъ внизъ, тѣмъ прекраснѣе, ослѣпительнѣе казалась ему Москва и тѣмъ счастливѣе онъ себя чувствовалъ. Въ упоеніи счастья, бодро ходилъ онъ кругомъ по всему ярусу и не могъ налюбоваться Москвой „великой, златоглавой“.

— Скоро вечерня! — проговорилъ звонарь.

О. Василий спохватился и спустился внизъ.

— Вотъ кружечка! — указалъ проводникъ.

О. Василий опустилъ монету.

Незамѣтно прошло время, и о. Василій удивился, что уже, дѣйствительно, зазвонили къ вечернѣ. Теперь только онъ вспомнилъ, что еще не обѣдалъ, но аппетита не было, и онъ пошелъ къ вечернѣ въ Чудовъ монастырь. Отстоялъ всю, восхищаясь стройнымъ пѣніемъ монаховъ и любуясь нѣкоторыми особенностями въ богослуженіи.

Уже сумерки спустились на городъ, когда о. Василій вышелъ изъ Кремля. Чтобы покрыть непредвидѣнные расходы, онъ рѣшилъ пойти пѣшкомъ, надѣясь, что „языкъ до Кіева доведетъ“. На пути попалась столовая, гдѣ о. Василій, къ удивленію своему, недорого, но хорошо пообѣдалъ, здѣсь же напился чаю, хотя это стоило уже дороже, чѣмъ въ чайной, и пошелъ дальше. Отъ усталости у о. Василія подкашивались ноги, когда онъ вернулся домой. Не раздѣваясь, повалился онъ на постель, перекрестился разъ—другой и такъ проспалъ до утра.

На слѣдующій день о. Василій опять былъ въ Кремлѣ и опять молился въ Успенскомъ и другихъ соборахъ. Теперь у о. Василія былъ путеводитель по Москвѣ, который онъ купилъ за 50 коп., и, пользуясь имъ, батюшка находилъ наиболѣе древнія святыни, читалъ исторію ихъ, и великое русское прошлое проходило теперь передъ нимъ въ еще болѣе ясныхъ образахъ. И не только воспринималъ о. Василій новые образы: онъ старался закрѣпить новыя впечатлѣнія въ памяти, онъ смотрѣлъ на древности и заучивалъ ихъ внѣшній видъ, ихъ исторію...

— А то забудешь. Приѣдешь домой и рассказать не сумѣешь.

Въ этой работѣ незамѣтно шло время, и онъ въ этотъ день успѣлъ осмотрѣть еще церковь Василія Блаженного, съ ея оригинальной архитектурой, и помолиться здѣсь, и храмъ Христа Спасителя, который восхитилъ о. Василія своей грандіозностью, богатствомъ, мраморомъ иконостаса, золотомъ и брилліантами иконъ, художественностью живописи. О. Василій, полный благоговѣнія, ходилъ вдоль стѣнъ храма, внизу

и по верхнимъ галлереймъ, читаль высѣченные по стѣнамъ тексты манифестовъ 1812 г., описанія сраженій, списки героевъ, и уста его молитвенно шептали:

— О, воистину:—кто Богъ великій, яко Богъ нашъ...

Въ слѣдующіе три дня о. Василій обозрѣлъ дворець, гдѣ его особенно умилили комнаты царя Алексѣя Михайловича со всей обстановкой XVII вѣка, Оружейную палату съ священными реликвіями, побѣдными трофеями, съ великолѣпіемъ царскихъ одѣяній и богатствомъ коронъ; осмотрѣлъ Грановитую палату, гдѣ, какъ зналъ о. Василій еще по описаніямъ коронаціонныхъ торжествъ въ „Нивѣ“, бываетъ, по окончаніи вѣнчанія на царство, парадный царскій обѣдъ.

— Этотъ шитый коверъ, что идетъ по всему залу,— говорилъ проводникъ:—сдѣланъ ко дню коронаванія нынѣ царствующаго Государя Императора монахинями Новодѣвичьяго монастыря.

Пріятно стало на душѣ о. Василя.

— Значить, и наша духовная лента вложена сюда,— подумалъ онъ.

По выходѣ изъ Грановитой палаты, карандашемъ написалъ и послалъ матушкѣ раньше купленную открытку:

— Сподобился!—писалъ онъ:—Господи, чего я не видѣлъ? Святія Божіи церкви, царское добро, мантии царскія, короны, былъ въ царскихъ палатахъ, въ самомъ настоящемъ дворцѣ былъ... Какъ у васъ? Скоро уже, Богъ дастъ,—пріѣду.

Въ эти же три дня о. Василій былъ даже въ Третьяковской галлерей, гдѣ особенное его вниманіе привлекли картины съ религіознымъ и историческимъ содержаніемъ, особенно картины Васнецова; долго онъ съ восхищеніемъ стоялъ и передъ дивными полотнами Айвазовскаго. Въ Румянцевскомъ музеѣ также долго пробылъ о. Василій въ комнатѣ, гдѣ поставлена огромная картина Иванова: „Явленіе Христа народу“ съ безчисленными этюдами къ ней, а затѣмъ, въ этнографическомъ отдѣленіи музея онъ заинтересовался фигурами, изобразившими различные народы Россіи и ихъ бытъ.

— Какая дикость!—подумалъ о. Василій, проходя мимо группы огнепоклонниковъ, совершающихъ свое дикое идоло-служеніе.

Кромѣ того, о. Василій осмотрѣлъ Верхніе торговые ряды, при чемъ былъ пораженъ техникой строительнаго искусства, всѣми этими перекидными мостами, фонтанами и тому подобное.

— Снаружи смотришь—домъ,—говорилъ о. Василій,—а внутри цѣлый городъ: и улицы, и переулки.

Прошелся о. Василій по знаменитому магазину Мюръ и Мерилизъ, гдѣ все не только грандіозно, но и чрезвычайно изящно.

— Какое богатство,—думалъ о. Василій:—какая прелесть! Только насъ то они, эти богачи, уже не очень бы обижали.

— Сколько стѣить это?—робко спросилъ о. Василій, указывая на небольшую, но очень красивую статуэтку Христа, ободряющаго кающагося грѣшника.

— 75 рублей!—услышалъ о. Василій довольно грубоватый отвѣтъ,—и у него даже въ глазахъ потемнѣло.

— Мраморъ!—услышалъ онъ еще короткое разъясненіе.

О. Василій только кашлянулъ и пошелъ дальше, уже не справляясь о цѣнахъ и думая, что, кажется, пора уже выходить изъ магазина.

Послѣдній день пребыванія въ Москвѣ о. Василій рѣшилъ посвятить хозяйственнымъ дѣламъ.

— Надо бы купить чегонибудь матушкѣ подарить, Лизѣ, Катѣ,—называлъ о. Василій дочерей,—да всѣмъ надо бы на память.

Еще раньше, проходя по Тверской улицѣ и по Мясницкой, о. Василій видѣлъ выставленные въ окнахъ магазиновъ разные мануфактурные товары, съ обозначеніемъ на нихъ цѣнъ, которыя казались о. Василію баснословно дешевыми.

Найдя на Тверской наиболѣ скромный изъ такихъ магазиновъ, о. Василій зашелъ въ него и спросилъ:

— Тамъ у васъ въ скнѣ выставлена матерія въ цѣну отъ 30 коп. Позвольте мнѣ посмотреть.

— Помилуйте, батюшка, — заявили о. Василию въ магазинѣ: — смотреть не стоить! Плохая матерія. Мы вотъ вамъ получше покажемъ.

И предъ о. Василиемъ одинъ за другимъ раскрыли куски матерій въ очень высокія цѣны.

— Это для меня дорого, — говорилъ батюшка: — это не то; мнѣ вотъ того бы, что выставлено.

— Извольте, извольте, но вѣдь это такъ только... Для виду... А на дѣлѣ — гниль... Не угодно ли?

Дѣйствительно, матерія, понравившаяся о. Василию, была чрезвычайно рѣдка, походила на кисею, и было видно, что она сейчасъ же можетъ порваться.

— А я только за ней и шелъ... Зачѣмъ же выставять такую?

— А затѣмъ, батюшка, что за зеркальнымъ то окномъ и плохая матерія выглядитъ хорошо. Цѣна то проставлена дешевая, покупатель то и зайдетъ. Не того, такъ чегонибудь хорошаго купить... Вотъ и вы...

— Ну и люди! — вздохнулъ о. Василий: — гдѣ же у васъ совѣсть то, что вы увлекаете такъ простецовъ?

— Эге, батюшка! Далеко хватили, — засмѣялся приказчикъ: — не будемъ, батюшка, говорить объ этомъ, а вотъ вы лучше посмотрите этотъ товаръ.

— Да нѣтъ, этого мнѣ не нужно.

— Вотъ еще! Хорошо и не очень дорого.

— Нѣтъ, нѣтъ до свиданья...

— Батюшка, батюшка!

О. Василий ушелъ, не купивъ ничего.

Въ слѣдующемъ магазинѣ повторилась та же исторія.

— Не буду ничего покупать въ Москвѣ, — рѣшилъ о. Василий — лучше „у преподобнаго Сергія“ куплю на память какихънибудь священныхъ предметовъ.

Утромъ, еще по дорогѣ въ магазинъ, о. Василій заходилъ къ доктору. Вообще онъ чувствовалъ себя довольно здоровымъ, но время отъ времени у него распухла лѣвая нога, не болѣла, но напухала. По поводу этой болѣзни о. Василій и захотѣлъ побывать у хорошаго московскаго врача. Утромъ о. Василій съ получаса просидѣлъ въ пріемной доктора, въ удобномъ плюшевомъ креслѣ, среди богатой столичной публики, прежде, чѣмъ его успѣли записать въ очередь. Вечеромъ же о. Василию удалось попасть въ самый кабинетъ доктора. Это была своего рода лабораторія. Здѣсь и тамъ стояли большіе и маленькіе шкапы съ разными хитрыми инструментами; въ красивомъ порядкѣ, словно вмѣсто мебели, были расположены какія то машины, механическія кресла, металлическія скамьи, и все это блестяло безукоризненной чистотой. Докторъ былъ высокій представительный мужчина, лѣтъ сорока пяти, съ просѣдью въ черныхъ волосахъ, въ золотыхъ очкахъ, въ бѣломъ балахонѣ и съ какимъ то аппаратомъ въ рукѣ. Онъ сидѣлъ за огромнымъ письменнымъ столомъ, въ просторномъ кожаномъ креслѣ. Низко къ столу спускалась электрическая лампочка, а вверху ярко горѣла красивая люстра.

— Что скажете?—не совсѣмъ привѣтливо спросилъ докторъ, когда о. Василій робко усаживался въ кожаное кресло.

О. Василій не совсѣмъ складно сталъ говорить о своей болѣзни, о томъ, когда она появилась, при какихъ обстоятельствахъ, какъ лѣчилъ ее о. Василій, что говорили ему деревенскіе врачи, что говорила матушка, которая „сама немножко занимается этимъ дѣломъ“.

Много говорилъ о. Василій, окончилъ говорить и уже сталъ ждать, что о чемъ нибудь спроситъ докторъ, но докторъ сидѣлъ, упорно молчалъ и даже —показалось о. Василию— не слушалъ его.

— Покажите ногу!—проговорилъ онъ, наконецъ.

О. Василій разулся.

Докторъ, не вставая со своего кресла, взглянулъ на ногу и сказалъ:

— Обувайтесь.

И сталъ писать рецептъ.

Своимъ молчаніемъ и односложностью своей докторъ положительно пугаль о. Василю. Ему очень хотѣлось спросить, что у него за болѣзнь, насколько она опасна, но молчаніе доктора связывало и ему языкъ.

— А опасно это, докторъ, спросилъ онъ все-таки, оправившись послѣ разуванья.

— Не нужно бояться, — двусмысленно отвѣтилъ докторъ, подавая о. Василю рецептъ: — лѣчитесь только этимъ.

О. Василій, при всемъ желаніи не задерживать доктора, не скоро досталь изъ кошелька два рубля, чтобы заплатить доктору.

— Меньше трехъ рублей за визитъ я не беру, — громко и рѣшительно сказалъ вдругъ докторъ.

Дрожащими руками о. Василій досталь еще рубль и, красный, совершенно сконфуженный, положилъ его на конецъ стола, при чемъ онъ упаль, и о. Василій, уходя изъ кабинета, слышалъ, какъ онъ катился по полу. Прикусивъ языкъ, на цыпочкахъ прошелъ о. Василій черезъ гостиную, боясь, что на него всѣ смотрять, и, не помня себя, вышелъ на улицу.

Было уже около 8 часовъ вечера. Вечерняя прохлада давала себя чувствовать, и о. Василій скоро освоился съ положеніемъ. Первое, что онъ ощутилъ теперь, это — страшный голодь. Осматривая вывѣски, о. Василій пошелъ вдоль улицы, но, какъ на бѣду, не находилъ здѣсь ни столовой, ни чайной. Попался одинъ ресторанъ, но зайти сюда о. Василій не могъ. Перешелъ на другую сторону — все то же: магазины, электротeatры и опять магазины. Наконецъ, на углу одного изъ кварталовъ, выдѣлилось красивое, оригинальное зданіе, при входѣ въ которое горѣли электрическія лампочки, образовывавшія слова:

— Кофе, чай, молоко, шпроежное, вафля.

— Дорого, вѣроятно, подумалъ о. Василій,—но отъ голода онъ сталъ чувствовать даже головокруженіе и рѣшилъ зайти.

Обширный залъ былъ буквально залитъ электрическимъ свѣтомъ, при чемъ особенно бросалось въ глаза, что здѣсь все: и обои на стѣнахъ, и рѣзьба по потолку, и буфетъ, и столы, и стулья, и диваны, все было, такъ сказать, одного стиля. на всемъ былъ какой то одинъ непонятный декадентскій рисунокъ.

О. Василій спросилъ стаканъ чаю.

— Да нѣтъ ли у васъ чегонибудь закусить? Булочки какихънибудь нѣтъ ли?

— Были булочки, но теперь всѣ вышли-сь. Есть къ чаю сухари, пирожное... Вафли есть.

— Ну, дайте сухарей,—сказалъ о. Василій послѣ нѣкотораго раздумья:—да побольше!—отважился онъ.

Стаканъ чаю стоилъ 15 коп., но о. Василій чувствовалъ, что для подкрѣпленія нужно чтонибудь еще.

— А молоко есть?

— Есть.

— Дайте молока стаканъ.

О. Василій пилъ молоко съ сухарями и вдругъ увидѣлъ, что и на стаканѣ, и на подстаканникѣ, и на ложечкѣ, и на блюдечкѣ, вездѣ тотъ же декадентскій рисунокъ, что и на потолкѣ, и на стѣнахъ. О. Василій посмотрѣлъ даже, нѣтъ ли рисунка на сухаряхъ.

— Слава Богу, ничего нѣтъ,—ухмыльнулся онъ:—однако, до чего не дойдутъ люди? А вѣдь все на наши денежки.

О. Василій выпилъ еще два стакана, спросилъ еще сухарей и, собравшись уходить, спросилъ:

— Сколько?

— Одинъ рубль 50 коп.

О. Василій только крикнулъ, но дѣлать нечего: пришлось заплатить все, что требовалось, и даже прибавить на чай.

— За то съ рисуночками!—попутить о. Василій самъ съ собой, выходя изъ кофейной.

По близости оказалась аптека, гдѣ о. Василій заказаль лѣкарство по рецепту доктора, которое тоже оказалось дорогимъ.

— Дворянскаго лѣкарства даль,—посердился о. Василій:—я человекъ простой, и тонкости то да нѣжности эти мнѣ не помогутъ.

Изъ аптеки батюшка пошелъ по направленію къ Тверской, которая казалась ему—близко. а отсюда онъ уже легко находить дорогу къ себѣ.

Однако, сколько ни шелъ батюшка, Тверской все не было. Онъ впервые былъ такъ поздно на улицѣ и впервые лишь могъ наблюдать отвратительныя сцены уличнаго разврата, циничнаго, наглаго.

— И это въ Москвѣ! Въ святомъ святыхъ русскаго народа!

На углу стоялъ извозчикъ.

— Какая здѣсь улица?—спросилъ о. Василій.

— Арбатъ.

— До Тверской далеко?

— Очень далеко,—совралъ догадливый извозчикъ.

— А за сколько довезешь до Земляного вала?

— За три рубля.

— Господи Боже!—воскликнулъ о. Василій:—да вѣдь это же недалеко.

— Три рубля. Дешевле нельзя.

— А трамвай теперь ходить?

— Нѣтъ. Ужъ 11 часовъ. И извозчиковъ здѣсь нѣтъ теперь. Всѣ разъѣхались.

— Ну, вези за рубль.

— Три рубля.

О. Василій не въ силахъ былъ больше протестовать, сѣлъ и поѣхалъ за три рубля.

Измученный дневными впечатлѣніями, онъ, по обыкновенію, сейчасъ же легъ спать, но, подъ назойливостью этихъ же впечатлѣній, долго не могъ заснуть, ворочался съ боку на бокъ и все думаль:

— Хоть бы домой поскорѣе пріѣхать. Да ужъ скоро, Богъ дастъ. Завтра, завтра отсюда маршь. Заѣду къ преподобному Сергію,—и домой.

Вопреки опасенію, о. Василій на слѣдующій день легко отыскаль аптеку на Арбатѣ, взяль лѣкарство и сталъ собираться домой. Когда намѣреніе о. Василя уѣзжать стало извѣстно въ конторѣ, близъ его комнаты началось какое то необычайное движеніе: все ходиль кто то, кто то о чемъ то шептался, и о. Василій случайно услышалъ:

— Уѣзжаегъ, уѣзжаетъ... Карауль...

— Что такое?—подумаль о. Василій.

Подали счетъ, въ которомъ была, между прочимъ, особенно неприятная о. Василю строка:

— Свѣча... 30 коп.

О. Василій поморщился и подумаль:

— И горѣла то самую малость.

Однако, пришлось заплатить все, что требовалось по счету, и еще прибавить за прописку паспорта 30 коп.

Молодецъ, получивъ по счету, умильно улыбался, кланялся, но не уходиль.

О. Василій и ему далъ 15 коп. на чай, хотя подумаль:

— Но за что? Какъ это глупо! А дома въ копѣйкахъ нуждаемся...

Были уложены всѣ вещи, и о. Василій вышелъ въ коридоръ. Здѣсь, оказалось, его ожидала, „караулила“ цѣлая туча людей: носильщикъ, принесшій вещи батюшки въ день его пріѣзда, другой носильщикъ, который теперь бралъ вещи батюшки, горничная, которая всего два заходила въ комнату, чтобы налить воды въ умывальникъ, помощникъ швейцара и разсылный конторы, который уже ровно ничего не сдѣлаль для батюшки. Всѣ эти служащіе гостинницы гусь-

комъ вытянулись по корридору, любезно клянялись о. Василию и завскаивающе говорили:

— До свиданья, батюшка!

— До свиданья...

— Далекo вамъ ѣхать?

— Счастливаго пути! Куда вы теперь?

Наученный горькимъ опытомъ, батюшка понялъ, въ чемъ дѣло, и рѣшилъ дать на чай носильщикамъ и игнорировать остальныхъ.

Проходя же мимо горничной и услышавъ ея „до свиданья“ о. Василий сказалъ:

— Не обезсудь. Весь израсходовался.

— Надо бы, батюшка,—громко и недовольно проговорила горничная:—вѣдь намъ хозяева ничего не платять.

— Вѣсть это то и скверно!—расхрабрился о. Василий.

Какъ бы то ни было, настроеніе его было испорчено.

У параднаго входа съ особо величественнымъ видомъ стоялъ несимпатичный батюшкѣ швейцаръ, напередъ широко распахнувшій дверь.

По мѣрѣ приближенія батюшки, голова его склонялась все ниже, повидимому, для очень низкаго поклона.

— Ахъ ты, бѣда какая! И этому надо дать,—подумалъ о. Василий,—ну, да ужъ ладно. Лишь бы въ мирѣ разстаться съ этой злополучной гостинницей!

Батюшка остановился около швейцара, раскрылъ кошелекъ, но, по обыкновенію, не находилъ въ немъ пятиалтыннаго, какой онъ хотѣлъ дать. Подвернулся гривенникъ. Батюшка положилъ его въ незамѣтно протянувшуюся руку швейцара, а самъ продолжалъ искать еще какую нибудь подходящую монету. Швейцаръ, по всеѣмъ признакамъ, ожидалъ болѣе или менѣе солидной подачи и, полный почтенія, продолжалъ стоять съ искусно вытянутой рукой.

Послѣ долгихъ поисковъ батюшка нашелъ еще двѣ копейки и приложилъ ихъ къ гривеннику на ладони министроподобнаго швейцара.

— Не обезсудь ужь,—не совсѣмъ увѣренно проговорилъ о. Василій обычную фразу:—весь израсходовался.

— Тьфу! — услышалъ онъ вдругъ:—плевалъ бы я на твои 12 копѣекъ!

И двѣ монеты съ силой ударились въ уголь и зазвенѣли по полу.

Обернувшись, о. Василій увидѣлъ циническое лицо швейцара, который продолжалъ громко ругаться.

— Жадюга длинноволосый! Чтобъ ты подавился своими 12 копѣйками!

Словно иглы какія пронзили все тѣло о. Василя, онъ сжался въ комокъ, сѣлъ въ пролетку и всю дорогу не только отъ гостинницы до вокзала, но и отъ вокзала до Сергіевой лавры не могъ примириться съ совершившимся.

— Ахъ, какое хамство, какое хамство! И никакого уваженія ни къ старости, ни къ бѣдности, ни даже къ священному сану! А вѣдь изъ нашихъ же, поди, изъ мужиковъ. Изъ деревни же пролѣзъ въ эти „генералы“ то! Что онъ не видѣлъ что ли, не знаетъ, какъ намъ деньги то достаются? Мы по одной копѣйкѣ, по три да по пяти получаемъ за разныя требы, за молитву, да вѣдь не бросаемъ! Ахъ, какое хамство! И эти 12 копѣекъ не за что было бы давать. Швырнулъ деньги! Подумаешь! Небось послѣ то поднйалъ! Хамъ!

Въ Троицко-Сергіевой лаврѣ о. Василій хотѣлъ только помолиться у гробницы преподобнаго Сергія. Предъ мошами заступника за землю русскую о. Василій опять горячо молился о семьѣ и о вѣренной ему паствѣ, но теперь онъ молился еще и о всей землѣ русской, объ умягченіи огрубѣлыхъ сердець, объ ослабленіи корысти, объ утишеніи того огня, въ которомъ сгораютъ многія, многія души.

Вдоволь налюбовавшись образцовымъ хозяйствомъ лавры и красивыми монастырскими постройками и накупивъ въ подарокъ домашнимъ, знакомымъ и наиболѣе почтеннымъ изъ прихожанъ крестиковъ и иконокъ, о. Василій отправился домой.

Денегъ у него едва достало на билетъ. Всю почти дорогу ему приходилось довольствоваться плохимъ чаемъ съ хлѣбомъ. Отъ не совѣмъ пріятныхъ ощущеній спасало о. Василія лишь то, что отъ утомленія онъ почти все время пути спалъ, хотя и тяжелымъ, нездоровымъ сномъ. Но чѣмъ ближе подходилъ поѣздъ къ роднымъ для о. Василія мѣстамъ, тѣмъ возбужденнѣе становилось его настроеніе: ему казалось, что онъ сгоритъ отъ нетерпѣнія скорѣе быть дома. Почти при самомъ приближеніи къ дому, о. Василій замѣтилъ, что у него отъ усиленной ходьбы по жесткимъ московскимъ мостовымъ лопнули совершенно новые сапоги.

— Вотъ тебѣ разъ—подумалъ о. Василій:—совѣмъ босякомъ пріѣдешь домой. Говорить пословица, что Питеръ всѣ бока повытеръ, но и Москва лицомъ въ грязь не ударитъ.

Домой о. Василій пріѣхалъ запыленный, въ помятой рясѣ, въ худыхъ сапогахъ, похудѣвшій, блѣдный, сразу какъ будто еще болѣе постарѣвшій.

— Что это съ тобой Василій Павлычъ!—ахнула матушка:—болень ты, что ли? Ты на себя не похожъ.

— Тутъ перестанешь быть похожимъ!—загадочно проговорилъ о. Василій.

Прошло съ получаса, пока о. Василій умылся и переоделся съ дороги во все простое, домашнее, легкое и удобное.

Сѣли пить чай.

— Ну, видѣлъ Москву?—спрашивала матушка,—что, хорошо? Доволенъ?

— Не одну, а двѣ Москвы я видѣлъ, матушка,—отвѣчалъ о. Василій и сталъ рассказывать о томъ, какія высокія и отрадные настроенія переживалъ онъ при посѣщеніи Кремля, Успенскаго и другихъ соборовъ, вообще при посѣщеніи святыхъ мѣстъ, при обзорѣннн историческихъ памятниковъ, при созерцаніи красивыхъ сооружений, произведеній искусства и т. под., и о томъ, какъ онъ страдалъ, при видѣ ужаснаго хамства, какимъ заражены въ Москвѣ разные маленькіе служащіе, вышедшіе по большей части изъ деревни

же, но въ городѣ развратившіеся, о нравственной распущенности, которая въ первопрестольномъ градѣ особенно бросается въ глаза и особенно прискорбна, о всеобщей и открытой погонѣ за деньгами, за наживой, отъ чего несвободны даже такіе интеллигентные люди, какъ доктора.

О. Василій рассказывалъ долго, рассказывалъ со всѣми подробностями, и матушка понимала что то хорошее, что получилъ о. Василій въ Москвѣ, окружено такимъ плотнымъ слоемъ нравственныхъ терзаній, что его поѣздка на богомолье — это, дѣйствительно, большой подвигъ.

Матушка сочувственно смотрѣла на измучившагося въ дорогѣ о. Василя и, послѣ нѣкотораго молчанія, спросила:

— Ну, а еще поѣхалъ бы въ Москву?

И улыбнулась.

О. Василій долго не говорилъ ни слова.

— Не искушай меня, голубушка,—проговорилъ онъ, наконецъ:—но по совѣсти долженъ сказать, что я глубоко благодарю Господа Бога, что онъ удостоилъ меня, недостойнаго, поклониться святымъ и дорогимъ роднымъ мѣстамъ.

Въ ближайшее воскресенье народу въ церкви было особенно много. Прихожане о. Василя затосковались по церкви, по службѣ церковной, соскучились и по самомъ батюшкѣ. Къ тому же, многіе ждали, что о. Василій скажетъ что нибудь и о Москвѣ въ наученіе.

О. Василій, дѣйствительно, сказалъ проповѣдь, гдѣ, между прочимъ, говорилъ о томъ, какъ хорошъ трудъ крестьянина, о томъ, что земледѣльческія занятія, давая человѣку насущное пропитаніе, облагораживающимъ образомъ дѣйствуетъ на его душу, всегда заставляя человѣка чувствовать Божіе величіе и Божію благодать и видѣть связь между землей и небомъ. Далѣе о. Василій мастерски нарисовалъ нѣсколько дивныхъ картинъ простой деревенской жизни, гдѣ все полно тишины, довѣрчиваго прощенія, благочестія и не требовательности.

— Но вотъ нѣкоторые изъ васъ, знаю я,—говорилъ о. Василій:—все мечтають о городѣ, гоняются за городскими привычками и „модами“, при всякомъ случаѣ спѣшать въ городъ, куда нибудь на фабрику или заводъ, на заработки и здѣсь совершенно отрещиваются отъ деревенской скромности и простоты. Конечно, можно жить и въ городѣ и оставаться прекраснымъ человѣкомъ, но въ городѣ много соблазновъ: тамъ жизнь дорога, и поэтому люди особенно напряженно борются за существованіе и въ этой борьбѣ грубѣютъ, ожесточаются, теряютъ свое благородство.

Въ заключеніе о. Василій убѣждалъ своихъ прихожанъ крѣпче любить свою землю—матушку, любить свои садики и огородики, своихъ лошадокъ, своей семейный укладъ, свои святыя деревенскіе обычаи.

— И сыты будете, — говорилъ о. Василій: — и душу свою скорѣе сбережете для Царствія Божія. О томъ, чтобы сподобилъ васъ всѣхъ Господь Небеснаго Своего Царствія, я и молился у святынь московскихъ и у святыхъ мощей преподобнаго Сергія.

Проповѣдь о. Василія произвела большое впечатлѣніе на народъ, и это вполне удовлетворило батюшку.

— Вотъ даже и практическое значеніе имѣла для меня поѣздка въ Москву,—говорилъ о. Василій матушкѣ, возвращаясь послѣ обѣдни домой:—сказалъ сегодня проповѣдь очень убѣдительную. А не побывай въ Москвѣ, не могъ бы говорить такъ убѣжденно.

— Утѣшайся, утѣшайся!—пошутила матушка.

Николай Колосовъ.

ЗАМѢТКИ.

а) 10 заповѣдей патріотизма.

Въ Германіи издана въ милліонахъ экземплярахъ интересная брошюра, содержащая, между прочимъ, десять запо-

вѣдей германскаго націонализма и патриотизма. Заповѣди эти гласятъ:

1) Производя расходъ, хотя бы и самый малый, надлежитъ считаться съ интересами отечества и согражданъ.

2) Не слѣдуетъ забывать, что, приобретаая иностранный товаръ, хотя бы цѣною въ одинъ грошъ, ты уменьшаешь на этотъ грошъ состояніе твоего отечества.

3) Твои деньги должны давать выгоды и барыши только нѣмецкимъ торговцамъ и рабочимъ.

4) Не оскорбляй германской земли, германскаго дома и германской мастерской, пользуясь привезенными изъ-за границы машинами и орудіями.

5) Не допускай того, чтобы на твоёмъ обѣденномъ столѣ появлялось заграничное мясо, сало и т. д., ибо это будетъ вредить германской ското-промышленности и отечественному скотоводству.

6) Пиши всегда на нѣмецкой бумагѣ нѣмецкой ручкой, обмакивая ее въ нѣмецкія чернила и пользуясь нѣмецкой промокательной бумагой.

7) Носи одежду исключительно изъ нѣмецкихъ матерій и нѣмецкаго производства головные уборы.

8) Пойти въ прокъ нѣмцу могутъ лишь нѣмецкая мука, нѣмецкіе плоды, нѣмецкое пиво и т. д.

9) Если ты не любишь нѣмецкое кофе, то пей кофе, привезенное изъ германскихъ колоній. Дѣтямъ и женѣ прикажи пить нѣмецкое колониальное какао и шоколадъ.

10) Не соблазняйся никогда никакими иностранными товарами и знай твердо, что только Германія производитъ все, что нужно и полезно для нѣмецкаго гражданина (Совр. Лѣт.).

в) Ложно-понятый ученый.

Въ прошедшемъ году исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія замѣчательнаго ученаго и великаго человѣка 19 вѣка—

Чарльза Дарвина. Правда, въ нашъ вѣкъ, когда вниманіе общества сосредоточено почти исключительно на благоустроении общественной жизни и предметомъ увлеченія служатъ соціальныя теоріи и утопіи, имя Дарвина упоминается рѣдко и интересуются имъ мало; но въ прошломъ столѣтіи, особенно въ девяностыхъ годахъ, русское общество, — интеллигентное, разумѣется, — пережило довольно продолжительную полосу увлеченія Дарвиномъ и его теоріей, и даже позднѣе, въ девяностыхъ годахъ, въ разныхъ конспираціяхъ, кружкахъ самообразованія, читать Дарвина считалось необходимымъ и крайне полезнымъ. Прогрессивная молодежь, какую намъ приходилось тогда наблюдать, о Дарвинѣ говорила и спорила съ ожесточеніемъ и увлеченіемъ, но читала его мало — больше перелистывала, искала общихъ выводовъ и положеній; для того, чтобы читать Дарвина, нужна усидчивость, вдумчивость, расположение къ серьезной работѣ. Не удивительно поэтому, что и изъ сочиненій Дарвина у насъ слѣдали ложное примѣненіе и самая его теорія, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать развитію естественно-научныхъ знаній, стала у насъ флагомъ или знаменемъ антирелигіознаго направленія. Дарвинизмъ и Библія, по вѣрѣ многихъ, исповѣдуемой даже и теперь, — это двѣ вещи, взаимно исключаютія другъ друга; дарвинизмъ будто-бы нанесъ христіанской религіи такіе сокрушительные удары, отъ которыхъ она-де никогда оправиться не можетъ. Думать такъ значить закрывать глаза на ходъ вещей; послѣ дарвинизма мы имѣли уже десятки теорій, не менѣе „острыхъ“ и враждебныхъ христіанству, но теорія эти скоро сдаются въ архивъ и забываются, а христіанство живетъ и будетъ жить. Во всемъ томъ шумѣ, какой былъ поднятъ когда-то появленіемъ теоріи Дарвина, въ дальнѣйшемъ употребленіи этой теоріи, особенно у насъ въ Россіи, и слѣдуетъ отмѣтить то, что теорію его поняли ложно, придавъ ей антирелигіозное значеніе, чего самъ Дарвинъ не желалъ и что въ свое время предвидѣлъ. „Есть величіе, пишетъ онъ въ своей книгѣ „Происхожденіе видовъ“, во взглядѣ на жизнь,

сь ея различными силами, по которому она *была* первоначально вдохнута Творцомъ въ немногія или въ одну форму“.

„Я не вижу, пишетъ онъ въ заключительной главѣ той же книги, причины, почему взгляды, изложенные въ этой книгѣ, могли бы быть оскорбительными для чьихъ бы то ни было религіозныхъ чувствъ. Весьма утѣшительно вспомнить, какъ доказательство того, насколько преходящи подобныя впечатлѣнія,—что на величайшее изъ открытій, когда либо сдѣланныхъ человѣкомъ—на законъ тяготѣнія—Лейбницъ нападалъ, какъ на подрывающее естественную религію и непочитительное по отношенію къ религіи откровенной. Знаменитый писатель и вмѣстѣ духовное лицо писалъ мнѣ, что онъ постепенно научился видѣть, что вѣрованіе въ то, что Богъ создалъ небольшое число первобытныхъ формъ, способныхъ къ саморазвитію въ другія необходимыя формы, составляетъ столь же вѣрное и столь же возвышенное понятіе о Божествѣ, какъ и то, по которому Ему понадобились бы новые акты творчества для возмѣщенія пустоты, причиненныхъ дѣйствіемъ Его же законовъ“.

Приведенныя выдержки ясно, кажется, говорятъ за то, что Дарвинъ далекъ былъ отъ мысли отрицать бытіе Божіе.

Въ нашемъ обществѣ пережитковъ встрѣчается не мало; изрѣдка приходится встрѣчать и теперь лицъ, пережевывающихъ Писарева, Бюхнера, Дарвина. Апологетамъ христіанства и слѣдуетъ приглашать нашихъ доморощенныхъ дарвинистовъ—если уже и читать Дарвина, то до конца, и не игнорировать тѣхъ страницъ, гдѣ Дарвинъ говоритъ о Богѣ...

Священ. В. Пестряковъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 22-го ноября 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Грессу.*

Кіевъ, Тип. Аки. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерктов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

ЛЛ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 49

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года декабря 4-го дня.

Содержаніе: I. Отклики на современность. Н. Гумилевскій.— II. Святитель
Иосифъ убіенный, Митрополитъ Астраханскій и Терскій.— Н. Паль-
мовъ.— III. О новой программѣ по Закону Божию для одноклассныхъ
церковно-приходскихъ школъ. Свящ. А. Дивногорскій.—

Отклики на современность.

Обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ вѣроисповѣд-
наго законопроекта снова выдвинуло вопросъ о свободѣ со-
вѣсти и вѣры. Глубокомысленную статью по этому вопросу
помѣстилъ въ „Новомъ Времени“ (№ 12809) извѣстный пу-
блицистъ М. О. Меньшиковъ. Статья начинается указаніемъ
на то, что принципъ господства православія и принципъ сво-
боды вѣры, оба вошедшіе въ наши Основные Законы, проти-
ворѣчатъ другъ другу, такъ что въ концѣ концовъ одинъ изъ
нихъ долженъ быть вытѣсненъ другимъ. Переходя къ оцѣнѣ
того и другого принципа, Меньшиковъ говоритъ, что по идеѣ
вѣра должна быть свободна, потому что „всякая неискрен-
ность, вынужденность, приспособленность къ тѣмъ или дру-

гимъ связывающимъ условіямъ составляетъ потерю вѣры, духовную смерть ея“. Но безусловная свобода вѣры, какъ и вообще неограниченная свобода воли человѣческой, была бы допустима только въ томъ случаѣ, если бы каждый человѣкъ былъ ни съ кѣмъ не связанъ и существовалъ вполнѣ изолированно. Въ дѣйствительности же интересы людей постоянно сталкиваются, свобода каждого человѣка ограничивается свободой другихъ и потому право всегда связывается съ соотвѣтствующимъ долгомъ. Столкновеніе различныхъ вѣрованій вызываетъ раздоръ и ненависть и, такимъ образомъ, ведетъ къ анархіи. Для предотвращенія этого и дано людямъ Откровеніе, т. е. общая истина, обязательная для всѣхъ и объединяющая всѣхъ. „Вѣра не тѣмъ только дорога, что она соединяетъ *человѣка* съ Богомъ, а главное тѣмъ, что она соединяетъ *человѣчество* съ Богомъ, т. е. черезъ Него соединяетъ людей. Въ центрѣ всѣхъ радіусы находятъ общую жизнь и окончательный смыслъ, и только общій центръ удерживаетъ широкій кругъ отдѣльныхъ индивидуальностей въ нѣкоторой неразрывной связи“. Отсюда оказывается необходимымъ „*долгъ* вѣры, т. е. ограниченіе свободы, необходимое для ея опредѣленія“. Такъ какъ вообще урегулированіе соотвѣтствія между правами и обязанностями есть дѣло государства, то послѣднее же должно добиваться и выполненія указаннаго „*долга вѣры*“, т. е. добиваться единства вѣры и не допускать никакихъ ея извращеній или отрицаній. Вѣра для народа имѣетъ такое же значеніе, какъ душа для тѣла. Раздвоеніе сознанія ведетъ къ подавленію нормальной душевной жизни, къ сумасшествію; такъ и потеря религіознаго единодушія, признаніе всѣхъ вѣръ равноправными ведетъ къ религіозному безразличію и къ потерѣ вѣры, что и подтверждается примѣромъ современной Германіи, гдѣ „уже милліоны гражданъ показываютъ себя на всеобщей переписи внѣ-конфессіональными, т. е. не имѣющими никакой вѣры, дабы не платить спеціального налога на церковь и духовенство, и еще болѣе примѣромъ Франціи, гдѣ противъ вѣры ведется

открытая борьба. Меньшиковъ призываетъ членовъ Государ. Совѣта подумать надъ вопросомъ: „когда на Западѣ былъ больше обезпеченъ религіозный миръ: теперь—съ гоненіемъ на остатки вѣры, или прежде, когда вѣра гнала остатки невѣрія“?

Указавши, что въ Россіи признаваемая господствующей Православная Церковь въ дѣйствительности не имѣетъ даже нѣкоторыхъ правъ, данныхъ иновѣрцамъ,—ни патріаршаго единовластія, какъ у католиковъ и армянъ, ни права соби- рать соборы, подобно раскольникамъ и баптистамъ, ни при- хода, какъ у лютеранъ, и т. д.,—Меньшиковъ говоритъ, что православіе должно быть на самомъ дѣлѣ господствующей вѣрой, такъ какъ оно является душою русскаго народа. Какъ нелѣпо было бы требовать равноправія разныхъ инородче- скихъ языковъ съ языкомъ русскимъ, которому необходимо должно быть предоставлено господство во всѣхъ государствен- ныхъ учрежденіяхъ, какъ нелѣпа была бы претензія ино- странцевъ жить въ Россіи по ихъ собственнымъ законамъ и не подчиняться русскимъ законамъ, такъ и еще болѣе не- лѣпо требованіе равноправія всѣхъ вѣръ съ православіемъ, которое въ жизни русскаго народа имѣетъ гораздо бѣльшее значеніе, чѣмъ языкъ или законы. Какъ въ своей частной жизни каждый свободенъ говорить и думать на какомъ угодно языкѣ, но въ государственныхъ учрежденіяхъ употребленіе многихъ языковъ недопустимо и закономъ должно быть обез- печено господство русскаго, такъ всякій инородецъ можетъ исповѣдовать свою вѣру, но государственной, обезпечиваемой законами вѣрой должно быть одно православіе. „Государство есть утвержденіе господства націи, слѣдовательно, долгъ го- сударства требуетъ отстаивать и единство вѣры, какъ един- ство языка, законовъ и національности“.

Точка зрѣнія М. О. Меньшикова въ данномъ случаѣ со- вершенно правильна. „Защита вѣры“ (какъ онъ озаглавилъ свою статью), дѣйствительно, необходима не столько для пользы Церкви, которую и „врата адовы не одолѣютъ“, сколько для самого государства. Конечно, и для Церкви не безразличны

отпаденія ея членовъ, совершающіяся не вслѣдствіе сознательнаго и упорнаго противленія истинѣ, а вслѣдствіе недостаточной религіозной освѣдомленности отпадающихъ и всякаго рода неодобрительныхъ пріемовъ со стороны совратителей. Поэтому для Церкви слѣдуетъ признать весьма благопріятнымъ то положеніе, когда государство предупреждаетъ возможность такихъ соращеній принудительными мѣрами, которыми сама Церковь, по самому существу своему, располагать не можетъ. Но внутренняя жизненность Церкви всецѣло зависитъ отъ ея вѣрности ея всемогущей главѣ—Иисусу Христу. Что же касается государства, то самая его жизненность и мощь обуславливается прочностью тѣхъ устоевъ, которые сохраняютъ цѣльность и крѣпость духа народнаго, и изъ которыхъ главнымъ является вѣра. Но разсмотрѣнная статья нуждается въ нѣкоторомъ дополненіи. Меньшиковъ останавливается только на томъ, что распространеніе иныхъ религій не можетъ быть допущено государствомъ, какъ вредное для единства господствующей вѣры. Но дѣйствительно благотворное воздѣйствіе можетъ оказывать только истинная вѣра. Въ этомъ отношеніи Россія имѣетъ то неопѣнимое преимущество, что въ ней господствующей вѣрой является христіанство въ своей чистой формѣ. Требованіе равноправія другихъ вѣръ съ православіемъ является требованіемъ равноправія лжи съ правдой; какъ же можно представлять свободу распространенія лжи? Конечно, силой нельзя никого заставить отказаться отъ укоренившагося въ немъ заблужденія, такъ какъ всякое убѣжденіе, хотя бы ложное, относится къ области внутренней жизни и потому недосыгаемо для внѣшняго принужденія; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что нельзя полагать законныхъ преградъ для внѣшнихъ проявленій заблужденія и тѣмъ болѣе для навязыванія его другимъ. Защитники равноправности всѣхъ вѣръ тѣмъ самымъ показываютъ, что для нихъ всѣ вѣры совершенно безразличны, всѣ онѣ представляются одинаково истинными, или, скорѣе—такъ какъ противорѣчивыхъ истинъ не можетъ быть,—одинаково

ложными. Такимъ образомъ, сознательно защищать такую равноправность можетъ только человѣкъ совершенно безрелигіозный; выступленіе же съ подобными требованіями людей религіозныхъ можетъ быть объяснено только недоразумѣніемъ, и это пагубное недоразумѣніе необходимо всѣми мѣрами разъяснять и устранять.

Н. Гумилевскій.

Святитель Іосифъ убіенный, митрополитъ Астраханскій и Терскій.

(1597—1671 г.).

Православные жители г. Астрахани возымѣли благочестивое желаніе видѣть прославленнымъ глубокочтимаго по всему низовью Волги астраханскаго іерарха, митрополита Іосифа, который былъ замученъ и убитъ (въ 1671 г. 11 мая) сообщниками разбойника Стеньки Разина за то, что имѣлъ мужество, безбоязненно обличая бунтовщиковъ, призывать ихъ къ раскаянію, а колеблющійся и мятущійся астраханскій народъ—къ вѣрности царскому престолу.

Въ народномъ представленіи митрополитъ Іосифъ—давно святой. Съ первыхъ же временъ и доселѣ, отъ гробницы святителя-мученика, находящейся въ каедральномъ соборѣ г. Астрахани, многіе получали и получаютъ благодатную помощь и исцѣленіе. Но, къ сожалѣнію, тщательныхъ и регулярныхъ записей исцѣленій при гробѣ святителя Іосифа не велось. Только теперь особый „Комитетъ по дѣлу открытія и прославленія честныхъ останковъ митрополита Іосифа“, образованный въ Астрахани изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго викарнаго архіерея, епископа Иннокентія, занялся собраніемъ свѣдѣній объ исцѣле-

ніяхъ ¹⁾. По надлежащей провѣркѣ ихъ, Астраханское Епархіальное Начальство имѣеть войти въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ о причтеніи митрополита Іосифа къ лику святыхъ и объ открытіи честныхъ останковъ его для поклоненія, удовлетворяя тѣмъ давнишнему желанію астраханцевъ видѣть прославленнымъ іерарха-мученика, за вѣру, царя и отечество положившаго и самый животъ свой.

Жизнь доблестнаго астраханскаго іерарха можетъ быть представлена въ слѣдующихъ краткихъ чертахъ ²⁾.

Свититель митрополитъ Іосифъ былъ астраханскій уроженецъ. Какого происхожденія были родители его, неизвѣстно. Извѣстно лишь, что назывались они Климентъ и Варвара. Годомъ рожденія святителя указываютъ 1597-й ³⁾. Какое мірское имя носилъ святитель Іосифъ, неизвѣстно, — какъ неизвѣстно и то, при какихъ обстоятельствахъ и когда принялъ онъ монашеское постриженіе. Изъ періода дѣтскихъ лѣтъ святителя Іосифа сохранилось извѣстіе, что въ 1605 году, во время бывшаго тогда въ Астрахани смятенія, какой-то казакъ нанесъ столь сильный ударъ въ голову 8-ми лѣтнему отроку—будущему святителю, что послѣ того голова тряслась у него всю жизнь ⁴⁾. Въ 1649 г. Іосифъ былъ сдѣланъ архи-

¹⁾ „Астрах. Епарх. Вѣдом.“ за т. г. № 20, с. 799.

²⁾ Лучшее, хотя и нуждающееся въ восполненіи новыми данными, жизнеописаніе митр. Іосифа принадлежит перу б. инспектора Астраханской дух. Семинаріи *Я. В. Лебединскаго*—„Іосифъ, митрополитъ Астраханскій и Терскій“. Астрахань. 1885. Объ этой брошюрѣ имѣемъ намѣреніе говорить особо въ декабрьскомъ выпускѣ „Богосл. Листва“. По брошюрѣ Лебединскаго составлено популярное изданіе *о. І. Саввинскаго*—„Памяти Іосифа убіеннаго, митрополита Астраханскаго и Терскаго“. Астрахань. 1896.

³⁾ „Кончина Іосифа, митрополита Астраханскаго и Терскаго“.—„Правосл. Собесѣд.“ 1865 г., ч. III, с. 124.

⁴⁾ *Ibid.*

мандритомъ астраханскаго Троицкаго монастыря⁵⁾. 4 мая 1656 г. хиротонисанъ въ Москвѣ патриархомъ Никономъ въ архіепископа астраханскаго⁶⁾. Въ хиротоніи Іосифа участвовали большой соборъ греческаго и русскаго высшаго духовенства⁷⁾. 18 мая 1656 г. архіепископъ Іосифъ принимаетъ участіе въ соборномъ анафематствованіи протопопа Ивана Неронова⁸⁾. Въ 1662 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, архіеп. Іосифъ писалъ изъ Астрахани царю Алексѣю Михайловичу, что, согласно царскому указу отъ 4 февраля, онъ съ духовенствомъ совершаетъ „по печатнымъ канонникамъ“ положенныя молебствія о побѣдѣ царя надъ королемъ польскимъ Яномъ Казиміромъ и о соединеніи церквей (очевидно—пра-

⁵⁾ Этотъ древнѣйшій изъ монастырей г. Астрахани, начало которому положено еще при Іоаннѣ Грозномъ игуменомъ Кирилломъ, теперь упраздненъ, а храмъ во имя Св. Троицы приписанъ къ кафедральному собору. Историческое описаніе Астраханскаго Троицкаго монастыря издано *прот. Н. Т. Каменскимъ* (впоследствии Никаноромъ, архіеп. казанскимъ) въ Астрахани въ 1882 году.

⁶⁾ У о. *И. Саввинскаго* въ „Исторической запискѣ объ Астраханской епархіи за 300 лѣтъ ея существованія (съ 1602 по 1902 годъ)“. Астрахань 1903 г. на с. 37 сказано, что хиротонія Іосифа въ архіепископа Астраханскаго была 3 мая 1656 г. Но изъ изданныхъ *проф. А. П. Голубцовымъ* „чиновниковъ Московскаго Успенскаго Собора“ (М. 1908) видно, что пятая недѣля по Пасхѣ, въ которую была совершена хиротонія Іосифа, приходилась въ 1656 г. на 4 число малъ мѣсяца, см. с. 254.

⁷⁾ Въ „Книгѣ записной“ Моск. Усп. Собора перечислены лица, принимавшія участіе въ хиротоніи Іосифа. „А въ поставленіе служащихъ было“,—читаемъ въ „Книгѣ записной“,—„со государемъ патриархомъ: Антиохійскій патриархъ Макарей, Никѣйской митрополитъ, (Григорій), Новгородской митрополитъ Макарей, Ростовской митрополитъ Іона, Крутицкой митрополитъ Питиримъ, (л. 58) Тферской архіепископъ Лаврентей, Псковской архіепископъ Макарей, новооставленной архіепископъ Іосифъ Астраханской, Коломенской епископъ Александръ“. Далѣе перечисляются архимандриты, игумены и бѣлое духовенство. „І всѣхъ служащихъ 54 челоувѣка, а ставленниковъ не было“. *А. П. Голубцова*—„Чиновники Московск. Успенск. Собора., с. 255—256.

⁸⁾ *Ibid.*, с. 261. „Соборное дѣяніе на протопопа Неронова, въ иночествѣ старца Григорія, 1656 года“—напечатано въ „Матеріалахъ для исторіи раскола въ первое время его существованія“, ч. I, с. 124—133,

вославної и католической), а также внушаетъ паствѣ по-
ститься въ виду обстоятельствъ военнаго времени ⁹⁾).

Въ 1666 г. архіеп. Іосифъ особыми грамотами отъ собора
и царя Алексѣя Михайловича уполномачивается встрѣтить
съ подобающею честью въ Астрахани и проводить до Москвы
восточныхъ патріарховъ—александрійскаго Пансія и антиохій-
скаго Макарія, ѣхавшихъ черезъ Кавказъ въ Россію, по при-
глашенію царя Алексѣя Михайловича, для суда надъ патріар-
хомъ Никономъ и вообще—для устройства церковныхъ по-
рядковъ ¹⁰⁾. 21 іюня 1666 г. восточные патріархи съ ихъ
свитами вступили въ Астрахань, „градъ многолюденъ и кра-
сенъ зѣло“, а отсюда, спустя нѣкоторое время, въ сопро-
жденіи архіеп. Іосифа, направились на стругахъ по Волгѣ къ
Москвѣ. 15 сентября высокіе путешественники прибыли въ
Симбирскъ. Всюду, по поволжскимъ городамъ, ихъ принимали
съ большимъ почетомъ и подносили богатые дары. Отъ Сим-
бирска до Москвы патріархи поѣхали уже на лошадяхъ и
2 ноября 1666 г. были въ Москвѣ ¹¹⁾. Вмѣстѣ съ восточными
патріархами архіеп. Іосифъ участвовалъ, какъ членъ собора,
въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ въ ноябрѣ и декабрѣ
мѣсяцахъ 1666 года и въ низложеніи патріарха 12 декабря
того же года ¹²⁾.

Замѣтно было расположеніе къ архіеп. Іосифу царя
Алексѣя Михайловича, который остался доволенъ точнымъ

⁹⁾ „Акты Историческіе“, т. IV, № 165, с. 315—316.

¹⁰⁾ Грамота собора къ архіеп. Іосифу отъ 11 марта 1666 г. напечатана
въ „Дѣлѣ о патріархѣ Никонѣ“, изд. „Археогр. Коммис.“ СПб. 1897 года,
№ 44, с. 247—250. Грамота царя Алексѣя Михайловича, отъ того же
11 марта 1666 г., у *Н. Гиббенета*—„Историческое изслѣдованіе дѣла
патріарха Никона“, ч. 2. СПб. 1884 г., с. 902—903.

¹¹⁾ *Проф. А. А. Дмитриевскаго*—„Пріѣздъ въ Астрахань восточныхъ
патріарховъ Пансія Александрійскаго и Макарія Антиохійскаго и связан-
ное съ нимъ учрежденіе здѣсь митрополіи“. Астрахань. 1903 г., с. 4 и дал.

¹²⁾ *Н. Гиббенета*—„Историч. изслѣд. дѣла п. Никона“, с. 305 и дал.
Проф. Н. Ѳ. Каптерева—„Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михай-
ловичъ“, т. 2. Сергіевъ Посадъ. С. 323 и дал.

исполненіемъ со стороны архіеп. Іосифа воли царя касательно почетнаго приѣма восточныхъ патріарховъ, и осторожностью, проявленною Іосифомъ въ бесѣдахъ съ патріархами на темы изъ внутренней церковной политики въ Россіи. Благоволеніе къ архіеп. Іосифу царя, въ связи съ тѣмъ важнымъ значеніемъ, какое должна была имѣть въ XVII в. Астрахань, какъ крупный церковно-политическій пунктъ на юго-восточной, вѣчно неспокойной окраинѣ Россіи,—побудило восточныхъ патріарховъ, признательныхъ царю и архіеп. Іосифу за почетный приѣмъ и попеченіе въ пути, ходатайствовать предъ царемъ о награжденіи архіеп. Іосифа саномъ митрополита, съ правомъ возлагать на себя за богослуженіемъ саккосъ, и о возведеніи астраханской епархіи на степень третьей русской митрополіи. Ходатайство восточныхъ патріарховъ, къ которымъ присоединился и всероссійскій патріархъ Іоасафъ, было уважено царемъ, и 17 марта 1667 г., въ четвертую недѣлю великаго поста, въ день царскаго тезоименитства, архіеп. Іосифъ былъ возведенъ предъ литургіей въ санъ митрополита. На него „санъ возложили, и аксіосъ вѣли“. А „молитву говорилъ Паисій, папа и патріархъ александрійскій“¹³⁾. 2 іюля того же 1667 г., съ соизволенія царя Алексѣя Михайловича, митрополиту Іосифу предоставлено было патріархами

¹³⁾ „Дополненія къ Актамъ Историческимъ“, т. V, № 26. *Выходы патріаршіе*, с. 105. Грамота на санъ митрополита, за подписью трехъ патріарховъ—Паисія Александрійскаго, Макарія Антиохійскаго и Іосифа Московскаго и съ ихъ печатами, отъ 8 іюня 1667 года, напечатана въ т. IV „Актовъ Историческихъ“, № 196, с. 367—369. Саккосъ, возложенный на м. Іосифа, былъ привезенъ въ Россію восточными патріархами. Онъ—изъ шелковой, сученой съ золотомъ, ткани; цвѣта—„синеобразнаго“. На саккосѣ вытканы образа Спасителя съ благословляющими руками, при чемъ персты сложены въ именословное благословеніе. Между образами Спасителя—четверокопечные кресты. Есть извѣстіе, что саккосъ вытканъ при „древнѣйшихъ патріархахъ александрійскихъ“. Въ Россію онъ былъ привезенъ съ цѣлью нагляднаго показанія, какъ слагаются персты въ благословеніе на Востокѣ, и какой тамъ читается крестъ.—Саккосъ хранится въ ризницѣ кафедральнаго собора въ г. Астрахани. См. Я. Лебединскаго—„Іосифъ м. Астрах. и Терскій“, с. 10. второе примѣчаніе.

право шествовать на ослати въ недѣлю ваій, „якоже и преосвященнѣйшіи митрополити, курь Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ и курь Казанскій и Свіажскій и прочіи, якоже обычай есть Великороссійскаго государства святой Великороссійской церквѣ¹⁴⁾).

Такихъ высокихъ наградъ былъ удостоенъ въ Москвѣ святитель Іосифъ въ 1667 году, предъ отъѣздомъ своимъ въ Астрахань. Но не долго пришлось ему и его паствѣ астраханской наслаждаться относительнымъ миромъ. На Волгѣ, съ 1666 года, появилась большая шайка разбойниковъ, предводительствуемая донскимъ казакомъ Степаномъ Тимофеевичемъ Разинымъ, и своими злодѣяніями наводила страхъ и трепетъ на однихъ, а удалю и отвагою атамана—привлекала въ свои ряды другихъ, кому по сердцу пришлось вольное житье, сулимое Стенькой Разинымъ его „добрымъ молодцамъ“. Борьба съ поволжской вольницей оказалась трудною для правительственной власти, довольно слабо представленной въ астраханскомъ краѣ военной силой. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше разрасталось разбойническое движеніе, и тяжелѣе становилась борьба со Стенькой для астраханскихъ воеводъ. Кажется, послѣднею радостью, которую выпало на долю пережить митр. Іосифу, воеводамъ и прочимъ

¹⁴⁾ Грамота отъ 2 іюля 1667 г. напечатана въ IV т. „Актвъ Историческихъ“, № 199, с. 371. О чинѣ хожденія на ослати въ вербное воскресенье въ XVII в. См. въ книгѣ *прот. К. Т. Никольскаго*—„О службахъ Русской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ“. СПб. 1885 г. с. 48 и дал. Есть, однако, полное основаніе думать, что чинъ этотъ существовалъ въ Россіи гораздо ранѣе XVII в., какъ издавна существовалъ онъ въ Византійской церкви (см. *А. А. Дмитриевскаго*—„Древнѣйшіе патріаршіе типиконы—Святогробскій Іерусалимскій и Великой Константиновольской церкви“. Кіевъ, 1907 г., с. 118 и дал. и *прот. М. А. Лисицына*—„Первоначальный Славяно-русскій Типиконъ“. СПб. 1911 г., с. 156, примѣч. 177). Но къ XVII в. чинъ вышелъ изъ общаго употребленія у епархіальныхъ владыкъ и практиковался только нѣкоторыми русскими архіереями, составляя или принадлежность каедръ, или—личное преимущество и заслугу архіерея.

благонастроеннымъ астраханцамъ, былъ прїѣздъ въ Астрахань патріарха Макарія антиохійскаго въ августѣ мѣсяцѣ 1668 года. Патріархъ возвращался къ своей паствѣ изъ Москвы тою же дорогою, какою ѣхалъ въ Москву—черезъ Кавказъ. Сопровождаемый на этотъ разъ до Астрахани вновь назначеннымъ въ этотъ городъ воеводою, княземъ И. С. Прозоровскимъ, патріархъ Макарій вступилъ въ предѣлы астраханской епархіи въ концѣ іюля. 7 августа митроп. Іосифъ встрѣтилъ п. Макарія, съ хлѣбомъ и рыбою, за 50 верстъ отъ Астрахани. 10 августа онъ привѣтствовалъ патріарха торжественною рѣчью (она доселѣ сохранилась) въ самомъ городѣ. Въ своей рѣчи митр. Іосифъ указывалъ на важность того церковнаго дѣла, ради котораго патріархъ Антиохіи,—наместникъ божественнаго Луки, прїѣзжалъ въ Россію и которое успѣшно совершилъ, и призывалъ городъ Астрахань возрадоваться „прерадостью“, ибо „Антохія и всего востока священный верхъ“ благословляетъ пришествіемъ своимъ „великій сей городъ Астрахань“. Обращаясь затѣмъ къ патріарху и именуя его „архіерархомъ, сообразнымъ апостоламъ“, митрополитъ отъ своего лица и отъ лица „благочестивыхъ челоуѣковъ града“ выражаетъ полную благоговѣнія къ особѣ патріарха просьбу („сердцемъ говѣюще“), чтобы патріархъ, подающій миръ и благословіе городу Астрахани уже самымъ пришествіемъ своимъ, преподаль астраханцамъ благословіе и чрезъ возложеніе на нихъ преподобныхъ своихъ рукъ. „Многолѣтень буди, сохраняя стадо свое подъ вседержавною рукою Владыки Христа“,—такъ закончилъ митрополитъ Іосифъ свою привѣтственную рѣчь патріарху Макарію¹⁵⁾.

¹⁵⁾ Патріархъ Макарій не только содѣйствовалъ возведенію Іосифа въ санъ митрополита, а каедръ астраханской на степень митрополита,—онъ участвовалъ еще и въ хиротоніи Іосифа въ архіепископы 4 мая 1666 г. (см. примѣч. 7): въ сослуженіи съ п. Никономъ, „Онтиохійскій патріархъ Макарей сѣдѣлъ отъ южные стороны“ престола (А. П. Голубцова, цит. изд., с. 255). Между астраханскимъ и антиохійскимъ іерархами была, такимъ образомъ, сугубая духовная связь. Принявъ во вниманіе это, мы объяснимъ себѣ и ту особенную сердечность, которою дышетъ привѣтственная рѣчь м. Іосифа п. Макарію 10 авг. 1668 года.

Патріархъ остановился въ архимандричьихъ келліяхъ Троицкаго монастыря и прожилъ въ Астрахани до 3 сентября. Неоднократно онъ священнодѣйствовалъ въ соборѣ и возносилъ молитвы въ Троицкомъ монастырскомъ храмѣ. 3 сентября патріархъ отбылъ изъ Астрахани ¹⁶⁾.

Между тѣмъ, поразбойничавъ въ низовьяхъ Волги и побывавъ въ Яикѣ, Стенька Разинъ 23 марта 1668 г. выступилъ съ своей шайкой въ Каспійское море и больше года пропоздалъ тамъ, громя Персидскіе берега. Въ концѣ лѣта 1669 г. онъ снова возвратился къ Астрахани. Обруженный послѣ смѣлаго похода къ берегамъ Персіи ореоломъ героя—побѣдителя, Стенька чувствовалъ себя положительно *владыкою* въ шайкѣ, состоявшей изъ „воровскихъ“ казаковъ ¹⁷⁾, перемѣтнувшихся къ нему царскихъ стрѣльцовъ и всякаго сброда. Безпрекословно во всемъ повиновались разбойники своему атаману,—такъ велико было обаяніе дикой силы въ этомъ человѣкѣ. Но, надо сказать, въ 1669 г. Стенька Разинъ держался въ отношеніи къ астраханскимъ воеводамъ довольно скромно. Совсѣмъ не такъ началъ онъ держаться съ весны 1670 г., когда въ маѣ мѣсяцѣ поплылъ по Волгѣ къ Астрахани съ Дона, гдѣ онъ только что встрѣтилъ восторженный пріемъ. Въ эту пору обаяніе личности Разина на вольный народъ достигло апогея, а съ тѣмъ вмѣстѣ дошло до крайней степени и дерзость разбойника. Высланный противъ него изъ Астрахани флотъ немедленно передался на сторону Разина, лишь только сидѣвшіе на стругахъ стрѣльцы и вольные люди увидѣли подъ Чернымъ Яромъ разбойничью флотилію. Сла-

¹⁶⁾ Н. Гиббенса—„Историч. изслѣд. дѣла п. Никоза“, ч. 2, с. 412 и далѣе.

¹⁷⁾ Терминомъ „воровскіе казаки“ обозначались тѣ изъ казаковъ, которые не были признаны правительственною властью, такъ какъ бѣгая, шатаясь и составляя шайки, они не подчинялись никакому правительственному режиму. Признанные правительствомъ казаки назывались „вѣрными“. См. Н. Костомарова—„Историческія монографіи и изслѣдованія“, т. 2. СПб. 1872 г., „Бунтъ Стеньки Разина“, с. 201.

лись и астраханскіе стрѣльцы, когда Стенька показался подъ стѣнами Астраханц, 24 іюня 1680 г. Незадолго предъ тѣмъ астраханскіе стрѣльцы получили отъ воеводъ жалованье. Митрополитъ Іосифъ предоставилъ въ распоряженіе воеводы 600 рублей собственныхъ денегъ и 2 тысячи изъ Троицкаго монастыря на раздачу жалованья стрѣльцамъ, такъ какъ воеводская казна была пуста. Но не взирая на это, забывъ о присягѣ и не слушая увѣщанія воеводъ исполнить по совѣсти воинскій долгъ, стрѣльцы, безъ долгаго раздумія и колебанія, перешли на сторону Разина. Главный астраханскій воевода князь И. С. Прозоровскій былъ тяжело раненъ. Какъ бы подъ защиту святыни, принесли истекавшаго кровью князя въ соборъ, гдѣ митрополитъ преподаль ему св. Причастіе. Но разбойники не оставили умиравшаго князя въ покоѣ. Князь былъ взятъ ими изъ собора, возведенъ на „раскатъ“ и сброшенъ оттуда самимъ Стенькой Разиномъ¹⁸⁾. Началось кровопролитіе. Всѣ, противъ кого были озлоблены мятежники: дьяки, головы стрѣлецкіе, дворяне и дѣти боярскія, сотники и подьячіе—были схвачены, перевязаны, посажены подъ раскатъ и, въ концѣ концовъ, посѣчены мечами и бердышами предъ соборною церковью. Кровь лилась до приказной избы, „яко рѣка“. По приказанію Стеньки, тѣла убитыхъ были свезены въ Троицкій монастырь и свалены въ одну общую могилу. Старецъ, стоявшій надъ могилой, насчиталъ убитыхъ 441. Вмѣстѣ съ прочими брошено было въ могилу и тѣло князя Прозоровскаго¹⁹⁾. Потомъ разбойники начали грабежъ по церквамъ и домамъ, сопровождаемый дикимъ разгуломъ въ теченіе трехъ недѣль, пока Стенька былъ въ Астрахани. Во второй половинѣ іюля онъ оставилъ Астрахань, не преминувъ при отъѣздѣ своемъ совершить еще одно кровавое злодѣяніе—повѣсить вверхъ ногами на городской стѣнѣ старшаго сына воеводы князя Прозоровскаго шестнад-

¹⁸⁾ Ibid. с. 236 и дал.

¹⁹⁾ Я. Лебединскаго—„Іосифъ м. Астрах. и Терек.“, с. 13.

цатилѣтняго юношу Бориса, смѣло державшагося предъ разбойничьимъ атаманомъ на допросѣ, и жестоко, въ кровь, за сѣчь восьмилѣтняго малютку, брата его ²⁰). Митрополитъ Іосифъ, возлѣ котораго группировались въ Астрахани всѣ, кто не применуль къ шайкѣ злодѣя, пока избѣжалъ смерти. Вѣроятно, Стенька Разинъ сообразилъ, что не въ его интересахъ поднимать руку на митрополита. Онъ зналъ, что народъ питаетъ глубокое благоговѣніе къ святительскому сану, и могъ догадываться, что народъ отшатнется даже отъ него, любимаго атамана, разъ онъ осмѣлится поднять руку на святителя. Политики Разина въ отношеніи къ митрополиту, повидимому, придерживался сначала и Васька Уса, атаманъ Донскихъ казаковъ, оставленный Стенькой въ качествѣ главнаго начальника въ Астрахани. Самое бѣльшее, что сначала позволяли себѣ приспѣшники Васьки Уса въ отношеніи къ митрополиту, это — брань скверными словами. Она раздалась по адресу митрополита въ кровопролитіе 3 августа 1670 г., когда избиты были тѣ, кто уцѣлѣлъ въ рѣзню при Стенькѣ и противъ кого народъ питалъ ненависть. Слышались среди брани и угрозы. Но „не пришелъ еще часъ мой“, сказалъ тогда митрополитъ, видѣвшій (около того времени) знаменательный сонъ, будто „стоитъ палата, вельми чудна и украшена; въ той палатѣ сидитъ предоблій бояринъ Іоаннъ Семеновичъ (Прозоровскій) и сынъ его Борисъ Іоанновичъ и братъ Михаилъ Семеновичъ; и сидятъ они всѣ вмѣстѣ и пють питіе сладкое паче меда, а надъ головами ихъ сияютъ золотыя вѣнцы, украшенные каменьемъ многоцѣннымъ. Велѣли они и мнѣ сѣсть въ той же палатѣ, только не съ ними вмѣстѣ, а поодаль, а питья мнѣ не дали,—говорять промежь себя: онъ еще къ намъ не поспѣлъ“ ²¹).

²⁰) По имени тоже Бориса; см. *Н. Костомарова*—„Историч. моногр и и изслѣд.“, с. 292.

²¹) „Правосл. Собесѣдн.“ 1865 г. ч. III, с. 127, цитируетъ по ркн. „Сборнику“ Соловецк. библ. № 861. Приводятся и у *Н. Костомарова* цит. соч., с. 324; у *С. М. Соловьева*—„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, кн. 3, т. XI, второе изд. СПб., с. 325; у *Я. Лебединскаго*—„Іосифъ м. Астр. и Терск.“, с. 16.

2 ноября была получена митрополитомъ царская грамота, призывавшая мятежниковъ къ повиновенію и обѣщавшая помилованіе всѣмъ, кто изъявить готовность покориться царскому престолу. На другой день грамота была прочитана въ соборѣ предъ казаками, но вмѣсто того, чтобы побудить казаковъ къ раскаянію, она привела ихъ въ неистовство. Казаки бросились къ митрополиту и стали вырывать грамоту изъ его рукъ, а когда тотъ началъ было уговаривать казаковъ и „говорилъ (при этомъ) съ обличеніемъ многимъ, и называлъ ихъ еретиками и измѣнниками“, то „они—воры его—святителя называли чернцомъ и бранили позорною бранью“. „Зналъ бы ты свою келью“—кричали одни,—„что тебѣ до насъ за дѣло?“ „Знаешь ли ты раскатъ“? Другіе кричали: „Посадить его въ воду“! „Посадить въ заточеніе“! Вырвавъ изъ рукъ митрополита царскую грамоту, мятежники „отошли съ тою Государевою грамотою къ воровскому своему атаману“. Но всетаки митрополитъ оставилъ для себя три списка съ царской грамоты, очевидно съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность указывать на нихъ при новомъ архипастырскомъ своемъ призывѣ бунтовщиковъ къ раскаянію. Казаки провѣдали объ этомъ и 4 ноября приступили къ соборному ключарю Феодору Негодяеву, читавшему наканунѣ въ соборѣ, по порученію митрополита, предъ казаками грамоту, съ требованіемъ сказать: есть ли у митрополита списки съ царской грамоты. Казаки связали ключаря, пытали и били палками. „Не стерпя“ пытки, ключарь „сказалъ, что у него (митрополита) три списка“. Тогда казаки послали къ митрополиту есаула, „и тѣ три списка у него, святителя, съ нечестіемъ взяли“²²⁾.

Новому оскорбленію со стороны мятежниковъ митрополитъ подвергся 21 апрѣля 1671 г., въ великую пятницу. Астраханскій стрѣлецъ Ганка Ларіоновъ Шелудякъ явился къ митрополиту и доложилъ, что юртовскіе татары привезли изъ Москвы новыя Государевы грамоты, но не смѣя войти

²²⁾ „Акты Историческіе“, т. IV, № 226, с. 485.

въ городъ, стоять за Волгою. „И великій святитель, услыша такое радуясь такому дѣлу, послалъ соборнаго попа Петра съ тѣмъ великое дѣло и Ганкою Шелудякомъ къ тѣмъ ихъ (стрѣльцовъ) воровскимъ старшинамъ, къ астраханскимъ жителямъ—Ивашкѣ Красулину, да къ Обалмку Ондрееву съ товарищи, чтобы они къ нему, святителю, пришли, и о томъ бы съ нимъ поговорили и обратились бы къ истинѣ“. Однако, на зовъ митрополита стрѣлецкіе старшины не явились. Тогда онъ самъ „великій господинъ, предъ ефимономъ²³⁾, тогожь часа, вышелъ за Пречистенскія ворота, въ Бѣлый городъ, на базаръ“ (тамъ были и старшины), „и сталъ имъ говорить: „Православные де христіане! Вѣдомо мнѣ учинилось, что есть къ вамъ Великаго Государя милость, его Государева призывная грамота, привезли татаровя, а стоятъ де они за Волгою; а я де тѣхъ Государевыхъ грамотъ принять не смѣю, потому что де вы меня и первую Государевою грамотою поклепали, будто я съ властью и съ попами складывалъ и писалъ дома: и вы де, поѣдучи, возьмите сами и привезите ко мнѣ; а Василій де Государь—свѣтъ милостивъ, вины вамъ отдастъ“. Старшины отказались исполнить предложеніе митрополита, сославшись на то, что не смѣютъ ничего сдѣлать сами, безъ разрѣшенія атамана и пошли къ нему. Святитель направился въ соборъ. Явился къ собору и атаманъ—Васька Усъ „съ товарищи своими“. Одинъ изъ послѣднихъ, есауль Топорокъ, „сталъ въ то время его, святителя, укорять и бранить“. Выведенный изъ терпѣнія, митрополитъ замахнулся на есаула посохомъ и вскричалъ: „Врагъ окаянный, еретикъ и богоотступникъ! 24)

²³⁾ Т. е. предъ вечерней.

²⁴⁾ Мятеежники вели въ Астрахани ненотребный образъ жизни. Хотя они не обходились, въ иныхъ случаяхъ, безъ священниковъ, принуждая насиліемъ наиболѣе робкихъ изъ астраханскаго духовенства приводить къ присягѣ на вѣрность Стенькѣ Разину, вѣнчать незаконные браки и пр., но, съ другой стороны, грабежомъ въ храмахъ, надругательствомъ надъ святынею, несоблюденіемъ постовъ и открытымъ рази врагомъ (см. *Костомарова*, цит. соч. с. 291) они какъ бы подчеркивал-

И обращаясь ко всѣмъ, сталъ говорить: „Что вы не пови-
нуетесь великому Государю?“ „И они отъ него отъ собора
пошли всѣ прочь и стали бранить матерны; а у той собор-
ной церкви съ ними, ворами, былъ великой шумъ у него,
святителя, и того ихъ атамана Ваську Уса онъ укорялъ и
называлъ воромъ и измѣнникомъ“. Утромъ на другой день,
въ великую субботу, казаки нѣсколько разъ присылали къ ми-
трополиту за грамотами, но наконецъ удостовѣрились, что
грамоты еще не получены. Ивашко Овошниковъ съѣздилъ за
ними къ татарамъ за Волгу и въ шестомъ часу ²⁵⁾, принеся
грамоты въ соборъ, вручилъ ихъ митрополиту. „А какъ онъ,
святитель, въ соборной церкви ихъ распечатывалъ, и они,
воры, сами тутъ смотрѣли, атаманъ Васька Усъ съ товарищи;
и хотѣлъ имъ чести въ соборной церкви, и они, воры, тѣхъ
Государевыхъ грамотъ не слушали и пошли изъ церкви
въ свой кругъ“. Но митрополитъ рѣшилъ, во что бы то ни
стало, довести до свѣдѣнія мятежниковъ волю Государя, вы-
раженную въ грамотахъ. Онъ, „взявъ тѣ Государевы грамоты,
съ великимъ дерзновеніемъ пошелъ въ ихъ кругъ, со свя-
щенницы и съ домовыми дѣтьми боярскими и съ дворовыми
своими людьми“. Вступивъ въ казачій кругъ, митрополитъ
велѣлъ соборному протопопу Іоанну прочитатъ предъ мятеж-
никами обѣ царскія грамоты: одну къ мятежникамъ, другую—
къ нему. Когда грамоты были прочтены, казаки закричали:
„Вольно де писать имъ, боярамъ и самимъ; коли бы де была
Государева грамота, ино бъ де была за красною печатью; а
во—ся де онъ, митрополитъ, и самъ сложилъ со властями и
съ попами“. „И стали его бранить всячески, и говорили они,

пренебрежительное отношеніе къ уставамъ Православной Церкви и свое
отщепенство отъ нея. Отщепенцы же отъ Православной Церкви—всѣ,
безъ различія, на языкѣ того времени, къ которому принадлежитъ дѣ-
ятельность м. Іосифа, назывались *еретиками* (ср. опредѣленіе собора
1667 г., ч. 2 „Матер. для ист. раск.“, с. 219). Вотъ почему митрополитъ
употреблялъ это наименованіе въ обращеніи съ мятежниками.

²⁵⁾ По нашему счету—въ двѣнадцатомъ дня.

воры: Тужить по немъ раскатъ, еще того раскату осталось“! Слова о раскатѣ, вырвавшіяся изъ устъ наиболѣе озлобленныхъ на митрополита казаковъ, привели въ смущеніе другихъ, и тѣ стали удерживать товарищей: „Полно“, сказали они, „не тѣ дни теперъ захватили“. Напоминаніе о великихъ дняхъ остановило озлобленныхъ. Они согласились, что дѣйствительно нельзя вести митрополита на раскатъ въ великіе дни, а то,—прибавили разбойники, „ужь бы онъ, митрополить, узналъ у насъ, какъ атаманы—молодцы смуту чинять; вся смута и бѣда чинится отъ него, митрополита; онъ переписывается къ Москвѣ съ бояры, и съ Терекомъ, и съ Дономъ, и по его письму Терекъ и Донъ отъ насъ отложились“.

Угрозы мятежниковъ раскатомъ не испугали митрополита. „Онъ, великій господинъ, не убоится смерти, говорилъ имъ, ворами, всѣмъ въ томъ кругу: „Астраханскіе жители! велѣно по грамотѣ великаго Государя воровъ Донскихъ всѣхъ перехватать и посадить въ тюрьму до указа великаго Государя, а вамъ велѣно во всемъ ему, великому Государю, свои вины принести; онъ Государь-свѣтъ милостивъ, вины ваши отдасть, и вы то все положите на мнѣ, что онъ, великій Государь, васъ окаянныхъ ничѣмъ не велитъ тронуть“. Слова митрополита не возымѣли желаемого дѣйствія на бунтовщиковъ. „Кого намъ хватать и сажать въ тюрьму?—мы всѣ воры“, искренно признались они, и хотя слышались возгласы: „Возьмите митрополита и посадите въ тюрьму, или въ каменную будку“, казаки разошлись изъ „круга“, не причинивъ дальнѣйшихъ оскорбленій митрополиту, потому что „пристигла святая недѣля“. Царскую грамоту къ мятежникамъ взялъ у митрополита стрѣлецкій старшина Ивашко Красулинъ. Хотѣли было казаки отнять у митрополита и ту грамоту, которая была адресована ему лично, но попытка ихъ въ этомъ направленіи встрѣтила энергичный отпоръ со стороны митрополита: „хотя умереть“, сказалъ казакамъ митрополить, „а сей грамоты великаго Государя не отдамъ: у васъ у самихъ есть такова же Государева грамота“. „И тое Го-

судареву грамоту онъ, святитель, пришедъ въ соборную церковь, велѣлъ сохранить; и нынѣ та великаго Государя грамота въ соборной церкви ²⁶⁾.

Озлобленіе мятежниковъ противъ митрополита приняло особенно большіе размѣры послѣ того, какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ дошла до Астрахани страшная для бунтовщиковъ вѣсть, что Разинъ захваченъ въ Качальницкомъ вѣрными казаками (14 апрѣля) Бунтовщики признали митрополита виновнымъ въ случившемся, такъ какъ отпаденіе отъ Разина Дона и Терека объяснили они его вліяніемъ и даже письмами его. Это бунтовщики и высказали митрополиту въ „кругу“ 22 апрѣля. Но надежда на конечный успѣхъ дѣла пока не покидала мятежниковъ. Ближайшій сотрудникъ Васьки Уса, Оедька Шелудякъ, поплылъ вверхъ по Волгѣ къ Симбирску раздуть потухавшее пламя бунта. Однако, скоро и онъ увидѣлъ, что ихъ дѣло погибло. Астрахань осталась единственнымъ убѣжищемъ для бунтовщиковъ.

Поэтому, когда казаки извѣстили Оедьку Шелудяка, что митрополитъ—опасный для нихъ человекъ,—въ казачьемъ „кругу“, составленномъ Шелудякомъ, было рѣшено погубить митрополита, а съ нимъ и воеводу астраханскаго князя Семена Львова. Въ Астрахань былъ посланъ Шелудякомъ казакъ Коченовскій сказать, что онъ, Шелудякъ, тоже слышалъ о сношеніи митрополита съ Дономъ; благодаря митрополиту пойманъ Разинъ, а теперь всякое зло промышляется надъ его товарищами; нужно за все это раздѣлаться съ митрополитомъ, да и съ единомышленникомъ его—воеводой, княземъ Семеномъ Львовымъ ²⁷⁾.

А въ Астрахани и безъ того разгоралось среди бунтовщиковъ озлобленіе противъ митрополита. Послѣ пасхальной седмицы, въ Оомино воскресенье, бунтовщики взяли въ свой „кругъ“ соборнаго ключаря Оеодора Негодяева, едва успѣв-

²⁶⁾ Ibid., с. 485—486.

²⁷⁾ Н. Костомарова—„Историч. моногр. и изслѣд.“, т. 2, с. 332 и дал.

шаго отслужить обѣдню въ соборѣ, и стали спрашивать: „кто складывалъ грамоты и кто ихъ писалъ“? „И онъ ихъ, воровъ, обличалъ и укорялъ; и за то его они, воры, изъ круга велѣли взять казаку, прозвище Чеусу, и велѣли его за городомъ срубить“. Потомъ мятежники взяли съ митрополичьяго двора боярскихъ дѣтей митрополита: Семена Трофимова и Ѳедора Владыкина и предъявили имъ обвиненіе, что они вмѣстѣ съ митрополитомъ составляютъ ложныя письма и грамоты. Не слушая оправданія боярскихъ дѣтей, мятежники хотѣли было подвергнуть ихъ пыткамъ, но потомъ отмѣнили это рѣшеніе. „Что ихъ пытать, или рубить и казнить“! сказали мятежники. „Ихъ казнимъ, и послѣ ихъ у него, митрополита, иные будутъ писцы. Пора намъ приниматься за самого митрополита; уьемъ его—такъ въ городѣ у насъ и смуты не будемъ“. „И посажали ихъ за крѣпкіе свои караулы по воротамъ; и послѣ того, дни съ четыре спустя, ихъ вонъ выпустили, до убіенія его, святительскаго, за шесть дней“²⁸⁾.

Пробилъ часъ для доблестнаго іерарха. Свою вѣрность архипастырской присягѣ онъ долженъ былъ, по судьбамъ Божиимъ, запечатлѣть кровью. И вотъ при какихъ обстоятельствахъ и какъ принимаетъ митрополитъ Іосифъ мученической вѣнецъ.

Н. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

²⁸⁾ „Акты Историческіе“, т. IV, с. 487.

О новой программѣ по Закону Божію для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школь.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 6—13 октября текущаго года за № 7638 утверждена „пересмотрѣнная Училищнымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтомъ *программа* для преподаванія Закона Божія въ одноклассной церковно-при-

²⁸⁾ „Акты Историческіе“, т. IV, с. 487.

ходской школѣ съ объяснительной къ программѣ *запиской и введеніе* къ программѣ учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ“, и притомъ „съ тѣмъ, чтобы новая программа по Закону Божию была введена въ употребленіе въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ въ текущемъ учебномъ году“. Въ виду послѣдняго указанія каждому законоучителю, очевидно, слѣдуетъ, какъ можно поскорѣе, ознакомиться съ новой программой, чтобы, не теряя времени, ввести въ учебное дѣло тѣ измѣненія, которыя требуются ею.

Настоящія замѣтки имѣютъ своею цѣлью придти на помощь оо. законоучителямъ и показать имъ, какія послѣдовали измѣненія какъ въ учебной программѣ, такъ и въ такъ наз. введеніи къ программамъ и въ объяснительной запискѣ.

Такъ какъ новая программа, по примѣру прежней, начинается съ *введенія къ программѣ учебныхъ предметовъ церковно-приходскихъ школъ*, то свой обзоръ мы и начнемъ съ него.

Въ *введеніи*, какъ и прежде, говорится 1) о „значеніи церковно-приходской школы и отношеніи ея къ Церкви и просвѣтительно-пастырскимъ обязанностямъ священника“, и 2) объ „устройствѣ церковно-приходской школы“.

О „значеніи церковно-приходской школы“ въ новомъ введеніи говорится то же самое, что и въ прежнемъ. Новаго тутъ только двѣ редакціонныхъ поправки. Первая—въ указаніи, что „церковно-приходская школа, обязательно обучающая чтенію и пѣнію на церковно-славянскомъ языкѣ“, не только „увеличиваетъ число чтецовъ и пѣвцовъ и даетъ священнику несравненно болѣе средствъ для совершенія богослуженія съ подобающимъ благолѣпіемъ“, но „и *стремится сдѣлать каждого живымъ, сознательнымъ участникомъ въ общей молитвѣ едиными устами и единымъ сердцемъ*“ (подчеркнутое—прибавка). Вторая—это измѣненіе фразы: „начало ея (разум. церковной школы) коренится въ оглашеніи,

которое предшествовало крещенію или слѣдовало за нимъ“, — на такую: „начало ея коренится въ оглашеніи, которое соединялось съ крещеніемъ“.

Что же касается „устройства церковно-приходской школы“, то здѣсь, помимо редакціонныхъ поправокъ, есть два существенныхъ измѣненія, касающихся совершенія утренней молитвы. Они слѣдующія. Прежде всего изъ молитвъ, которыя должны быть пѣты, вычеркнуты— „Святый Боже“ и „Пресвятая Троице“ и вставлена „Богородице Дѣво“. Затѣмъ— главное— вводится чтеніе дневного Евангелія и высказывается пожеланіе— „вести и чтеніе житій святыхъ по крайней мѣрѣ особо чтимыхъ“. Чтеніе дневного Евангелія вмѣняется законоучителю и лишь „въ отсутствіе его, но съ его благословенія, можетъ читать Евангеліе и учитель и учительница“. Законоучителю вмѣняется въ обязанность сопровождать чтеніе Евангелія „краткой бесѣдой по поводу прочитаннаго и указаніемъ того назидательнаго урока, который дается намъ въ прочитанномъ Евангеліи“; учитель же или учительница читаютъ Евангеліе „безъ всякихъ объясненій и выводовъ“, а только „съ достоуважительнымъ благоговѣніемъ осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ началомъ чтенія и послѣ онаго“. Изъ редакціонныхъ поправокъ наиболѣе замѣтны пропускъ замѣчаній объ освѣженіи въ перемѣны классной комнаты открытіемъ форточки и объ отученіи дѣтей отъ драчливыхъ игръ и грубыхъ словъ и нарочитое подчеркиваніе, что ученики должны посѣщать Богослуженіе *вмѣстѣ съ учащими*.

Новаго въ самой программѣ по Закону Божію—1) раздѣленіе ея на 4 года (вмѣсто прежнихъ 3), 2) введеніе „начальныхъ свѣдѣній изъ исторіи христіанской Церкви“, 3) „примѣрный планъ изученія Катихизиса въ церковно-приходскихъ школахъ“ и 4) нѣкоторыя измѣненія и дополненія во всѣхъ отдѣлахъ Закона Божія—въ наученіи молитвъ, Священной исторіи, ученіи о Богослуженіи. Всѣ эти особенности лучше всего разсматривать по годамъ, начиная съ 1-го.

Къ 1-му году отнесено, какъ и въ прежней программѣ, изученіе молитвъ и сообщеніе важнѣйшихъ свѣдѣній изъ Священной исторіи. По существу программа этого года осталась прежняя. Измѣненія въ ней только такія. Во-1) предварительная бесѣда теперь оглавляется—„о Богѣ, Его свойствахъ и дѣйствіяхъ“ вмѣсто прежняго—„о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ“. Во-2) послѣ разсказа о наказаніи за грѣхъ и обтѣлованіи Спасителя вставлено „краткое обзорѣніе жизни людей послѣ грѣхопаденія до пришествія Спасителя“. Въ-3) въ наученіи молитвъ вставлены молитвы „за живыхъ и усопшихъ, святому, имя котораго носимъ: „Моли Бога о мнѣ“ и „краткія свѣдѣнія о храмѣ“.

Составъ курса 2-го года тоже остался прежній,—въ него отнесена Священная исторія Вѣтхаго и Новаго Завѣта и изученіе нѣсколькихъ молитвъ, причемъ нѣкоторыя измѣненія коснулись только Новозавѣтной Священной исторіи и отдѣла о молитвахъ. § 11 прежней программы требовалось только изученіе заповѣдей блаженства (Мѡ. V, 1—12); теперь этотъ параграфъ носить такое оглавленіе: „Нагорная проповѣдь: заповѣди блаженства (Мѡ. V,—12); ученіе о Промыслѣ Божіемъ, о неосужденіи ближняго, о силѣ молитвы (Мѡ. VI, 25—34; VII, 1—11)“. Затѣмъ въ Новозавѣтной Священной исторіи вставленъ новый параграфъ—„Ученіе Спасителя о двухъ главныхъ заповѣдяхъ Мѡ. XXII, 35—40“ (см. § 27). Въ отдѣлѣ же „наученіе молитвъ“ выпущены молитвы—„Владыко Боже, Отче Вседержителю“, тропари двенадцатыхъ праздниковъ, храма, свв. Кириллу и Меѡодію, и вставлены—молитва утренняя—„Къ Тебѣ, Владыко Человѣколюбче“, молитва Божіей Матери—„Милосердія двери“, и, кромѣ того, „краткое объясненіе Литургіи“, а при изученіи Символа вѣры и 10 заповѣдей требуются „краткія объясненія“.

Такимъ образомъ въ программѣ 1 и 2 года нѣтъ или очень мало такихъ измѣненій, которыя бы могли затруднять законоучителя при введеніи въ употребленіе новой программы

въ текущемъ же учебномъ году. Не то нужно сказать о программахъ 3 и 4 гг. Именно на эти годы, а главнымъ образомъ на 3-й, какъ разъ и падаютъ существенныя перемены въ программѣ Закона Божія.

Въ курсѣ 3-го года осталось въ прежнемъ видѣ только ученіе о Богослуженіи. Изъ остальныхъ же отдѣловъ—„начальныя свѣдѣнія изъ исторіи христіанской Церкви“ представляютъ изъ себя совершенно новое въ цѣломъ видѣ, а въ „наученіи молитвъ“ вводятся вновь тропарь соименному святому и молитвы предъ причащеніемъ и св. Ефрема Сирина. Что же касается 4-го года, то въ курсѣ его входитъ „краткій христіанскій Катихизисъ и въ связи съ нимъ повтореніе всего курса по Закону Божию, пройденнаго въ первые три года одноклассной церковно-приходской школы“, для чего и составленъ особый „примѣрный планъ“.

Безъ сомнѣнія, перемены въ программѣ 3 и 4 годовъ нужно отнести къ разряду тѣхъ, на которыя законоучитель долженъ обратить и самое большое вниманіе и немалыя усилія. Главныя трудности тутъ заключаются не столько въ приспособленіи уже пройденнаго къ требованіямъ новой программы, сколько въ прохожденіи *новаго*, требуемаго программой. Дѣло въ томъ, что для этого прохожденія не имѣется не только соотвѣтствующаго, но хоть сколько-нибудь подходящаго учебника. Очевидно, что во исполненіе опредѣленія Свят. Синода о.о. законоучителямъ предстоитъ не легкая работа—учить безъ учебника,—особенно это нужно сказать о „начальныхъ свѣдѣніяхъ изъ исторіи христіанской Церкви“ и о краткомъ христіанскомъ православномъ Катихизисѣ по „примѣрному плану“.

По содержанію своему новая объяснительная записка во многомъ сходна съ прежней. Она также разбивается на 3 раздѣла, изъ которыхъ 1 и 3 носятъ прежнія оглавленія, а оглавленіе 2-го нѣсколько измѣнено, а именно,—вмѣсто прежняго: „предметы Закона Божія въ церковно-приходской школѣ“,—поставлено такое: „предметы Закона Божія въ

одноклассной церковно-приходской школѣ и распредѣленіе ихъ по годамъ обученія“. Но тѣмъ не менѣ новая объяснительная записка многимъ отличается отъ прежней, причѣмъ отличіе это заключается не только въ редакціонныхъ измѣненіяхъ. Къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести 1) опущеніе второй половины перваго раздѣла (о значеніи Закона Божія) изъ прежней записки, 2) уничтоженіе „примѣчаній“ (3-хъ) въ третьемъ раздѣлѣ (о воспитательномъ значеніи предметовъ Закона Божія), 3) пропуски и измѣненія выраженій соотвѣтственно назначенію и составу новой программы. Остальныя измѣненія болѣе существенны, и всѣ они касаются „указаній“ относительно преподаванія предметовъ Закона Божія. Эти измѣненія лучше всего разсматривать по каждому предмету отдѣльно. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ.

1) По Священной исторіи.

Нужно сказать, что въ общей постановкѣ этого предмета, вопреки ожиданіямъ, не сдѣлано никакихъ измѣненій. По смыслу программы и объяснительной къ ней записки, изученіе священно-историческихъ событій не должно группироваться около одной центральной идеи (напр. сотеріологической) и дѣло законоучителя здѣсь сводится къ привитію ученикамъ въ живыхъ примѣрахъ первыхъ понятій о главныхъ обязанностяхъ какъ семейныхъ, такъ и общественныхъ, къ сообщенію взгляду ихъ на всѣ явленія человѣческой жизни религіознаго направленія, къ воспитанію и утвержденію въ сердцахъ ихъ вѣры въ Промыслъ Божій и къ укрѣпленію въ ихъ вниманіи и памяти важнѣйшихъ прообразовъ и пророчествъ о Мессіи. Поэтому новыя *указанія* относительно преподаванія этого предмета касаются главнымъ образомъ внѣшней технической стороны, и въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить большей опредѣленности и категоричности требованій въ новой запискѣ по сравненію съ прежней. Такъ, въ ней прежде всего ясно и рѣшительно указывается, чтобы каждый урокъ по Священной исторіи

предварительно рассказывался въ классѣ самимъ законоучителемъ. Этого требованія прежняя записка не предъявляла къ законоучителю,—оно въ ней только подразумѣвалось. Затѣмъ новая записка требуетъ, чтобы „Священный рассказъ былъ повторяемъ учащимися сначала при помощи вопросовъ законоучителя, а затѣмъ связано и послѣдовательно“, причемъ законоучителю вмѣняется въ обязанность „внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы учащіеся не употребляли какихъ либо грубыхъ и вульгарныхъ словъ, но выражались бы точно, правильно и ясно“. Въ прежней запискѣ объ этомъ не упоминалось. Къ числу новыхъ требованій нужно отнести и то, чтобы, въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго воспитанія, законоучитель выводилъ изъ священныхъ рассказовъ назидательные уроки для жизни и указывалъ тѣ религіозныя истины, которыя находятъ для себя подтвержденіе въ томъ или другомъ священномъ рассказѣ.

Если мы примемъ во вниманіе, что въ новой запискѣ сохранены и прежнія требованія о живости и впечатлительности рассказа законоучителя, о прочитываніи дѣтямъ соответственныхъ мѣстъ изъ Священныхъ книгъ, объ осторожномъ пользованіи картинами, о близости рассказа къ тексту священныхъ повѣствованій, то должны признать, что новой запиской предуказаны всѣ главнѣйшіе приемы преподаванія Священной исторіи.

2) По Церковной исторіи.

Тутъ въ сущности повторено то, что было сказано въ прежней запискѣ, разумѣется, съ соответствующими пропусками. Не говорится здѣсь и о внѣшней сторонѣ преподаванія,—нужно думать,—потому, что Церковная исторія есть продолженіе Священной, и слѣдовательно основные приемы преподаванія послѣдней вполне примѣнимы къ первой. Но намъ думается, что это всетаки слѣдовало бы оговорить.

3) По наученію молитвъ.

Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе перемѣна въ названіи даннаго отдѣла,—въ прежней запискѣ

онъ назывался „изученіемъ молитвъ“. Но и въ прежней запискѣ ясно говорилось, что въ отношеніи молитвы нельзя ограничиваться однимъ изученіемъ молитвъ и что главное здѣсь воспитаніе въ дѣтяхъ благочестиваго навыка къ молитвѣ,—соотвѣтственно чему дѣлались и указанія, которыя удержаны и въ новой запискѣ, хотя и въ нѣсколько измѣненной редакціи. Измѣненіе редакціи сдѣлано безъ сомнѣнія въ интересахъ большей ясности и опредѣленности, и, кстати сказать, въ новой запискѣ уже ясно отмѣчается предварительный способъ заучиванія молитвъ со словъ законоучителя, какъ обязательный по отношенію къ ученикамъ, не умѣющимъ еще читать. Относительно изученія молитвъ въ новой запискѣ замѣчается, что „при объясненіи молитвъ законоучитель главнымъ образомъ долженъ обращать вниманіе на то, чтобы дѣти поняли содержаніе молитвъ, т. е. къ кому мы обращаемся въ той или другой молитвѣ и съ чѣмъ, т. е. чего мы просимъ у Бога, Божіей Матери или святыхъ, если молитва просительная по содержанію, за что благодаримъ или прославляемъ Бога, Божию Матерь и святыхъ, если молитва благодарственная или хвалебная“. Этого замѣчанія не было въ прежней запискѣ и вставку его въ новой нельзя не прикѣтствовать, такъ какъ оно *положительнымъ* образомъ указываетъ, что именно должно быть объясняемо. Всѣ другія указанія,—объ объясненіи разныхъ выраженій въ молитвахъ при изученіи соотвѣтственныхъ мѣстъ изъ Свящ. исторіи, о вредѣ преждевременныхъ объясненій, о необходимости для поддержанія и укрѣпленія молитвеннаго настроенія въ ученикахъ примѣра учащихъ и окружающей среды и др.,—въ новую записку внесены изъ прежней.

4) По ученію о Богослуженіи.

Общія замѣчанія о цѣли этого отдѣла остались и въ новой запискѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были въ прежней. Но теперь прибавлено, на что должно обращать главное вниманіе при прохожденіи этого отдѣла и какъ этого

достигнуть. „При объясненіи Богослуженія, говорится въ новой запискѣ, законоучитель долженъ стремиться главнымъ образомъ къ тому, чтобы уяснить смыслъ христіанскаго Богослуженія, значеніе различныхъ священнодѣйствій, молитвословій и пѣснопѣній. Поэтому обязательно должны быть прочитаны въ классѣ на урокѣ и уяснены неизмѣнно повторяющіяся пѣснопѣнія и молитвословія всенощнаго бдѣнія и литургіи, а нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе доступныя для дѣтскаго усвоенія, и заучены наизусть“. Особенное вниманіе обращается дальше на эктеніи, — „содержаніе которыхъ должно быть усвоено и понято дѣтьми такъ, чтобы они сознательно молились во время произношенія ихъ священникомъ или діакономъ“, — на неопустительное посѣщеніе учениками въ праздничные дни храма Божія, на привлеченіе ихъ къ дѣятельному и сознательному участию въ совершеніи церковныхъ службъ чтеніемъ, пѣніемъ, прислуживаніемъ и осмысленнымъ совершеніемъ внѣшнихъ молитвенныхъ дѣйствій (изображенія крестнаго знаменія, поклоновъ поясныхъ и земныхъ, преклоненія головы, стоянія на колѣнахъ).

5) По Катихизису.

Переходя къ этому отдѣлу, объяснительная записка прежде всего отмѣчаетъ, что „изученіе краткаго Катихизиса отлагается на четвертый послѣдній годъ школы какъ въ виду сравнительной трудности этого предмета, такъ равнымъ образомъ и потому, что онъ является какъ бы сводомъ тѣхъ свѣдѣній, которыя были пріобрѣтены дѣтьми по Закону Божію въ предыдущіе годы, обобщеніемъ всего, ранѣе ими усвоеннаго“. Соответственно такому взгляду на Катихизисъ, какъ на сводъ—обобщеніе всѣхъ свѣдѣній по Закону Божію, объяснительная записка дальше и требуетъ, чтобы катихизическія истины освѣщались „соотвѣтствующими примѣрами изъ Священной и Церковной исторіи, указаніями на тѣ или другіе Богослужebные моменты и т. п.“, чтобы „около Катихизиса группировалось все пройденное дѣтьми по Закону

Божію“. Такое преподаваніе Катихизиса, по словамъ записки, „съ одной стороны, сдѣлаеть катихизическія положенія болѣе понятными, наглядными для дѣтей, съ другой стороны—сообщить характеръ единства и цѣлостности ихъ познаніямъ“. Требованіе прежней записки относительно точнаго заучиванія катихизическихъ опредѣленій, данныхъ въ руководствѣ, и замѣчанія ея относительно вопроса о формѣ усвоенія катихизическаго матеріала цѣликомъ внесены и въ новую. Но въ послѣдней есть еще два пункта, которые отличаютъ ее отъ прежней. Это,—во-1, требованіе „останавливать особенное вниманіе на тѣхъ пунктахъ православно-христіанскаго вѣроученія и правоученія, которые являются предметомъ пререканія со стороны мѣстныхъ сектантовъ, инославныхъ христіанъ и иновѣрцевъ“, и, во-2, требованіе,—„не ограничиваясь изученнымъ прежде матеріаломъ, вводить въ изложеніе катихизическихъ истинъ и такіе рассказы изъ Священной или Церковной исторіи, которые не были пройдены раньше, примѣнительно къ прилагаемому примѣрному плану изученія Катихизиса“. Первое требованіе вполне отвѣчаетъ запросамъ времени. Что же касается второго, то объемъ его, судя по примѣрному плану, не малый. Вотъ перечень этихъ дополненій, замѣченныхъ нами въ планѣ:

- 1) Заповѣдь Спасителя при посланіи учениковъ на проповѣдь. Мѣ. 28, 18—20.
- 2) Открытіе тайны воплощенія Іосифу. Мѣ. 1, 18—25.
- 3) Мѣдный змій. Числ. 21, 4—9 ср. Іоанн. 3, 14—15.
- 4) Благословеніе Іаковомъ своихъ дѣтей и пророчество о Мессіи. Быт. 49, 1—2, 8—10.
- 5) Явленіе Господа на морѣ Тиверіадскомъ. Іоанн. 21 гл.
- 6) Притчи о дѣвахъ и о талантахъ. Мѣ. 25, 1—30.
- 7) Бесѣда Господа съ Никодимомъ. Іоанн. III, 1—8.
- 8) Бесѣда Господа о таинствѣ крещенія. Іоанн. 6 гл., 48—58.
- 9) Преступленіе Давида и раскаяніе. 2 Цар. 11, 1—3, 14—17, 26—27; 12, 1—10, 13—14.

- 10) Обращеніе Закхея. Лук. 19, 1—10.
- 11) Испыленіе 10 прокаженныхъ Лк. 17, 11—19.
- 12) Хожденіе Спасителя по водамъ. Мѣ. 14, 22—34.
- 13) Притча о милосердномъ царѣ и безжалостномъ должникѣ. Мѣ. 18, 21—35.
- 14) Исторія праведнаго Іова.
- 15) Испышеніе Господа въ пустынь. Мѣ. 4, 4—11.
- 16) Мученики Маккавеев. 2 Макк. 6, 18—31; 7, 1—42.
- 17) Исторія Руѣи.
- 18) Отрокъ Іисусъ во храмѣ. Лук. 2, 41—52.
- 19) Ученіе Іисуса Христа о дани. Мѣ. 22, 15—22.

Кромѣ того, примѣрный планъ вводитъ не мало церковныхъ молитвъ и пѣснощній, напр. „Свѣте тихій“, „Единородный Сыне“, тропари 3, 6 и 9 часовъ, кондакъ Преображенія Господня, особенности Богослуженія въ Свѣтлую Седмицу, 50 псаломъ.

Таковы измѣненія, намѣчаемыя пересмотрѣнной Училищнымъ при Свят. Синодѣ Совѣтомъ программой Закона Божія, объяснительной запиской къ ней и введеніемъ въ программы учебныхъ предметовъ въ церковно-приходскихъ школахъ.

Мы не считаемъ себя вправѣ судить о цѣлесообразности этихъ измѣненій, но не можемъ не констатировать того, что ими вносится дѣйствительно нѣчто *новое* въ постановку религиозно-нравственнаго воспитанія въ церковно-приходскихъ школахъ. Будемъ надѣяться, что на практикѣ это *новое* скажется благотворными результатами.

Свящ. А. Дивногорскій

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1912 подписномъ году.

Въ 53 году своего существованія, журналъ нашъ будетъ издаваться по прежней программѣ, имѣющей цѣлью содѣйствовать православному духовенству въ его пастырскомъ служеніи. Въ прошлые годы журналъ давалъ статьи по вопросамъ пастырской и приходской дѣятельности, объ оживляющихъ приходскую жизнь организаціяхъ (приходскіе совѣты, братства и др.), по изъясненію Св. Писанія, по исторіи Церкви, по апологетикѣ, по исторіи и изъясненію богослуженія, по обличенію сектантства (главнымъ образомъ, по вопросамъ, выдвигаемымъ самими сектантами въ ихъ печати), о разныхъ отрицательныхъ теоріяхъ и теченіяхъ нашихъ дней, по современнымъ вопросамъ, какъ имѣющимъ обще-церковное значеніе, такъ и возбуждающимъ мѣстный интересъ и обсуждаемымъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, а также рассказы изъ быта духовенства и нѣкоторыя медицинскія свѣдѣнія; въ библиографическомъ листкѣ журналъ давалъ отзывы о современной литературѣ по вопросамъ касающимся вѣры и Церкви, въ сборникѣ „Проповѣди“—поученія на всѣ воскресные и праздничные дни. Редакція надѣется вести журналъ въ томъ же направленіи и въ 1912 г.

Для поддержанія болѣе живой связи своихъ читателей между собою и съ Редакціей, послѣдняя съ полной готовностью предлагаетъ страницы своего журнала всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться съ подписчиками журнала своимъ опытомъ, наблюденіями и мыслями.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и изъ 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго Листка“.

Кромѣ того, въ виду исполнившагося въ 1910 г. пятидесятилѣтія со дня смерти А. С. Хомякова, Редакція въ 1912 г. дастъ, въ качествѣ безплатнаго приложенія, избранныя богословскія сочиненія его (томъ въ 15—16 печатныхъ листовъ). А. С. Хомяковъ былъ замѣчательнымъ богословомъ, какъ въ смыслѣ выясненія положительнаго православнаго

ученія, такъ еще болѣе въ смыслѣ опроверженія католичества и протестантства. Онъ первый выяснилъ принципіальную противоположность между православіемъ и западными исповѣданіями по вопросамъ о Церкви, Св. Преданіи, вѣрѣ и дѣлахъ, общеніи съ Церковью небесной, таинствахъ и т. д. Всѣ эти пункты отличія онъ разсматривалъ не въ отдѣльности, а какъ цѣльную систему, вытекающую изъ одного основного начала—искаженія Западомъ ученія о Церкви. Поэтому его аргументы, поражающіе самый корень западныхъ заблужденій, являются незамѣнимымъ оружіемъ для защиты православія, что особенно важно при современной пропагандѣ католичества и весьма близкаго къ протестантизму сектантства.

Сверхъ этого подписчики 1912 г. могутъ выписывать изъ Редакціи „Толковый Типиконъ“ М. Скабаллановича по уменьшенной цѣнѣ.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи *шесть рублей*; за границу *8 руб.*

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть отсрочена до сентября м. 1912 г.

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать *25 к.*; можно марками.

Подписка принимается только на весь цѣлый годъ, на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 30-го ноября 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мериногов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть № 50. Подписка принимается въ редак-
цїи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

1911-го года декабря 11-го дня.

Содержаніе: I. Рождественская елка или звѣзда? Свящ. В. Пестряковъ.—
II. Нѣсколько словъ по поводу финляндскаго законопроекта. Кир.
Тихомировъ.—III. Святитель Іосифъ убійенный, Митрополитъ Астра-
ханскій и Терскій. (Окончаніе). Н. Пальмовъ.—IV. Важнѣйшія юри-
дическія разъясненія въ огражденіе церковныхъ земель и водъ отъ
постороннихъ захватовъ.—V. Замѣтка. Противоалкогольное сред-
ство.—IV. Воззваніе.

Рождественская елка или звѣзда?

(Къ предстоящему празднику Рождества Христова).

Болѣе 19 вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ родился
въ Виелеемѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и ангелы вос-
пѣли на небесахъ торжественную цѣснь мира. Радость иску-
пленія и спасенія людей отъ темной власти грѣха открылась
міру въ этомъ событіи и уже съ самыхъ древнихъ временъ
воспоминаніе или празднованіе этого событія, настраивая
людей на возвышенный ладъ, праздновалось самымъ торже-
ственнымъ образомъ. Къ церковно-богослужебному просла-
вленію Рождества Христова издревле присоединялось и про-
славленіе народное, свѣтское: Богомладенца Христа уже съ

давнихъ временъ изображаютъ художники въ картинахъ, прославляютъ поэты въ стихахъ, поетъ хвалу народное творчество въ народныхъ пѣсняхъ; въ честь Рождества Христова устанавливаются особыя народные обычаи. Въ живыхъ чертахъ описываетъ одинъ изъ нашихъ русскихъ обычаевъ прославленія Рождества Христова высокопреосвященный Димитрій, архіепископъ Одесскій.

„На святой Руси (Кіевской) къ церковно-богослужебному прославленію Христа, родившагося отъ Дѣвы, издревле присоединялось прославленіе младенца Христа виѣбогослужебное, церковно-народное. Церковно-народная поэзія въ теченіе вѣковъ сложила этотъ праздникъ славленія Христа-Младенца въ формѣ особыхъ рождественскихъ пѣсенъ, такъ называемыхъ колядъ (нѣкоторыя собраны въ „Богогласникѣ“). Колядованіе наполняло, по деревнямъ и теперь наполняетъ, всѣ дни и святые вечера рождественскихъ святокъ. Въ обстановочной части колядованія главное мѣсто занимала звѣзда— „Виолеемская звѣзда“. Ходили (и теперь ходятъ) со звѣздой дѣти и подростки, и колядовали у родныхъ, у знакомыхъ, а затѣмъ и просто подъ окнами у всѣхъ односельчанъ, и получали за колядованіе гостинцы. Колядованіе „со звѣздой“ происходило, главнымъ образомъ, по вечерамъ, когда освѣщенная внутри звѣзда производила извѣстный эффектъ. Колядовали не только дѣти, но и взрослые. Колядованіе этихъ послѣднихъ, кромѣ праздничнаго славленія Христа, имѣло цѣль и церковно-благотворительную. Эти колядники собирали пожертвованія, и не малыя, деньгами и вещами на благоуукрашеніе своего приходскаго храма, на пріобрѣтеніе цѣнной утвари церковной и проч. Виолеемская звѣзда въ рождественскомъ праздникѣ славленія Младенца-Христа имѣла у насъ глубокой трогательный церковно-народный смыслъ. Въ ней воплощалась вѣрность историческому евангельскому содержанію священныхъ событій“¹⁾.

¹⁾ Приход. чтеніе 1911 г. № 9.

Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ иноземныхъ примѣровъ, рождественская звѣзда совсѣмъ почти устранена, по крайней мѣрѣ въ городахъ, изъ праздничныхъ развлеченій; всюду ее вытѣсняетъ такъ называемая елка. Обычай ёлки позаимствованъ нами изъ за-границы. Явившись сначала въ столицахъ и крупныхъ центрахъ, среди образованныхъ и интеллигентныхъ людей,—въ послѣднее время онъ постепенно прививается и въ деревнѣ. Главнымъ проводникомъ этого обычая въ народную массу является школа гдѣ елка все больше завоевываетъ себѣ права. Даже въ нашемъ церковномъ кругу,—въ средѣ духовенства, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ церковно-приходскихъ школахъ,—елка является часто необходимой принадлежностью рождественскихъ праздниковъ, необходимымъ развлеченіемъ.

Широкое распространеніе, какое получила у насъ на Руси елка, вызываетъ нѣкоторое сѣтованіе и самыя разнообразныя возраженія. Прежде всего высказывается заслуживающее всякаго сочувствія сожалѣніе о томъ, что елка совсѣмъ устранила изъ дѣтскихъ развлеченій въ рождественскіе святки „виолеемскую звѣзду“. Причинъ на это можно указать не мало и прежде всего упадокъ, всюду замѣчаемый, религіознаго и церковнаго духа. Понизилось въ послѣднее время и поэтическое народное творчество; создавъ красивыя былины, сказки, народную пѣсню, это творчество вырождается въ частушки и фабричныя пѣсни сомнительнаго и вреднаго содержанія. Есть тутъ нѣкоторая вина и духовенства, не позаботившагося своевременно о томъ, чтобы развить и распространить симпатичный обычай хожденія со звѣздой.

Сочувствуя вполне возстановленію добраго стараго обычая—хожденія со звѣздой, распространенію его тамъ, гдѣ его раньше не было (въ сѣверныхъ губерніяхъ), мы тѣмъ не менѣе вовсе не видимъ особой необходимости духовенству ополчаться противъ елки.

Говорять, что елка не даетъ ни малѣйшаго намека на обстановку великаго вилеемскаго событія, что Вилеемъ никогда не видѣлъ ни ели, ни сосны и при видѣ рождественской елки можетъ возникнуть въ дѣтскихъ умахъ только ошибочное представленіе и о природѣ страны, гдѣ Христосъ родился, и объ обстановкѣ мѣста его рожденія.. Ригоризмъ нѣсколько крайній... Живымъ зеленымъ видомъ елка можетъ и должна напоминать о томъ, что Господь родился въ теплой странѣ, гдѣ не знаютъ нашихъ суровыхъ зимъ, что во время этого событія земля была покрыта зеленью, такъ что пастухи даже на ночь не загоняли скоть. Какъ символъ жизни и безсмертія, елка употребляется иногда при погребеніи: ею устилаютъ послѣдній путь умершаго къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Если держаться намъ въ обычаяхъ строгой параллели съ природой той страны, откуда возсіяло намъ солнце правды—Христосъ, то, пожалуй, намъ пришлось бы отказаться и отъ вербы въ день торжественнаго входа Господня въ Иерусалимъ и отъ березки въ Троицынъ день...

Указываютъ, далѣе, на то, что на елочныхъ празднествахъ бываютъ разныя излишества. „Присмотритесь, пишетъ „Колоколь“, какъ происходитъ празднованіе елки: круженіе около елки до неистовства, скачка, пляска подъ музыку, неблаговременное яденіе сластей. Послѣдствія: разстройство пищеваренія и нервной системы, бессонная или съ тревожнымъ сномъ безпокойная ночь, приглашеніе врача, лѣкарства, иногда пожары отъ елки, а Младенца Христа-то вспомнили? Не было и въ поминѣ“¹⁾.

На это можно сказать, что злоупотреблять можно всякимъ, самымъ хорошимъ дѣломъ. Хожденіе по деревнямъ со звѣздой, какое намъ приходилось наблюдать въ Малороссіи, ведетъ иногда тоже къ нежелательнымъ результатамъ; приходилось намъ выслушивать колѣдки, гдѣ библейскія событія перепутаны самымъ невозможнымъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ

¹⁾ № 1445, Ст. „На церковной стражѣ“.

селеніяхъ сборъ звѣздарей деньгами и продуктами поступаетъ не на благоуукрашеніе храма или иное какое либо доброе дѣло, а идетъ въ пользу славельщиковъ; при дѣлежкѣ бывають и споры, и солидныя выпивки въ складчину... Неужели же и хожденіе со звѣздой можно взять подъ сомнѣніе только потому, что иные изъ звѣздарей допускають кое-что лишнее?

Отъ устроителей и руководителей праздничнаго развлечения зависитъ, какой дать ему характеръ. Напримѣръ, въ Одессѣ въ епархіальномъ домѣ благотворительное общество дамъ духовнаго званія, устраивая вечеръ „виолеевской звѣзды“, раздаеть подарки и сладости дѣтямъ, какъ бываетъ и на елкахъ, и никакихъ злоупотребленій при этомъ не бываетъ. Отчего же необходимо предполагать ихъ при елкѣ?

Пришлось намъ прочитатъ и такую довольно наивную мысль, въ видѣ возраженія противъ елки, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя купить елку, иногда можетъ явиться не только у дѣтей, но и у взрослыхъ желаніе тайно срѣзать ее въ чужомъ саду... Но отчего же такое же нехорошее желаніе не можетъ явиться по отношенію къ чужой звѣздѣ? Устроить красивую, изящную звѣзду будетъ стоить не дешевле, чѣмъ дерево для елки; надъ „звѣздой“ нужно потрудиться, на что нуженъ досугъ, каковой не у всякаго имѣется...

Кстати замѣтимъ, что противники „елки“ совершенно напрасно толкують это дерево, какъ мертвое. Елка и срубанная долго сохраняетъ свою жизненную силу, а обсыпанная сухой елку кто же станетъ дарить своимъ дѣтямъ?..

Дѣлать попытки къ тому, чтобы вывести совсѣмъ устройство елокъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ рѣшительно никакой надобности: сама по себѣ елка, какъ развлечение, есть дѣло совершенно безобидное и безвредное. Обычай этотъ, далѣе, настолько распространился и укоренился, что уничтожить его и нѣтъ возможности: у многихъ это семейная традиція, съ которой связаны дорогія воспоминанія дѣтства

о родительской праздничной ласкѣ, заботѣ и вниманіи. Задача пастыря въ отношеніи этого развлеченія представляется намъ проще и благодарнѣе: охристіанизировать, осмыслить этотъ обычай, внести въ него содержаніе.

Въ нѣмецкихъ семействахъ передъ тѣмъ, какъ зажечь елку, глава семейства читаетъ по Библіи повѣствованіе о рожденіи Спасителя. На одной елкѣ намъ пришлось быть свидѣтелемъ такого разговора. Глубокаго старика сельскаго священника спросили, какой смыслъ имѣетъ елка? Старикъ надъ обычаемъ, какъ и большинство насъ, видно, никогда не задумывался, но все-же нашелся. „Видите“, сказалъ онъ, „елка, это живое дерево, это—вѣчно цвѣтущая звѣзда Христова—Церковь, а вѣтки—это христіане; мы живемъ и спасаемся, пока находимся въ единствѣ съ Церковью, пока не оторвались отъ нея. Крестъ подъ елкою—(обычная подставка) это основаніе Церкви; сладости для дѣтей—это сладость спасенія“. Усмѣхнувшійся на такое толкованіе студентъ, указывая на игрушки, украшавшія елку: лошадокъ, овецъ, золоченыхъ рыбокъ, спросилъ:

— А какое же отношеніе къ Церкви всѣ эти звѣри имѣютъ!.

— А эти, заявилъ старичекъ, уже имѣютъ отношеніе къ празднику; у нихъ въ ясляхъ былъ положенъ новорожденный Богомладенецъ Христосъ; не только людямъ, но и воямъ принесъ Господь облегченіе своимъ пришествіемъ.

Быть можетъ, наивно и безъ основаній проводилъ старикъ свои параллели, но слушателей старичка несомнѣнно растрогало это христіанское освѣщеніе обычая, желаніе придать ему религіозный смыслъ.

Хорошо, если возможно, завести и установить обычай виелеемской звѣзды въ той или другой мѣстности. Тамъ же, гдѣ укрѣнился обычай устройства елокъ, достаточно духовенству призывать родителей и воспитателей къ тому, чтобы они прежде всего раскрывали дѣтямъ религіозное значеніе праздника и проводили его по христіански. Еще лучше, что

изрѣдка и наблюдается, елку и виолеемскую звѣзду устраивать вмѣстѣ, что будетъ содѣйствовать большой торжественности дѣтскаго праздника. Такое соединеніе намъ пришлось видѣть въ одной народной школѣ. На эстрадѣ была установлена залитая огнями елка и не менѣе блестящая звѣзда. Торжество открылось пѣніемъ рождественскаго тропаря, затѣмъ шли стихотворенія на религіозные мотивы. Второе отдѣленіе вечера было патріотическое и эстетическое, съ строгимъ выборомъ пѣсенъ и стихотвореній. Закончился вечеръ также тропаремъ и раздачей дѣтямъ подарковъ. Елка на этомъ праздникѣ нисколько не мѣшала звѣздѣ, но оживляла и украшала дѣтское собраніе.

Дай Богъ, чтобы и вездѣ елки устраивались въ такомъ духѣ... ¹⁾

Свящ. В. Пестряковъ.

¹⁾ Всетаки „звѣзда“ ближе къ Церкви и какъ-то привлекательнѣе въ святые дни, чѣмъ елка. Ред.

Нѣсколько словъ по поводу финляндскаго законо- проекта.

Государственная Дума подавляющимъ большинствомъ голосовъ приняла законопроектъ о распространеніи на русскихъ подданныхъ, несостоящихъ финляндскими гражданами, дѣйствія финляндскихъ законовъ, о предоставленіи имъ правъ, которыми пользуются сами финляндцы. Славу Богу, могутъ сказать всѣ, кому дороги общеимперскіе интересы въ Финляндіи, кто читалъ и знаетъ о тяжеломъ правовомъ положеніи всѣхъ русскихъ людей въ этомъ краѣ, гдѣ почти ежедневно происходятъ кощунства и глумленія надъ правами и вѣрованіями русскихъ православныхъ людей.

Рѣчь новаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ В. Н. Коковцова, сказанная въ Г. Думѣ по поводу этого финляндскаго законопроекта, дышала глубокой любовью къ русскому

¹⁾ Всетаки „звѣзда“ ближе къ Церкви и какъ-то привлекательнѣе въ святые дни, чѣмъ елка. Ред.

народу, въ ней чувствовалась боль горькой обиды за русское угнетеніе. „Почему 150-ти миллионное населеніе остальной Россіи не можетъ пользоваться тѣми-же правами въ предѣлахъ маленькой части той же нераздѣльной Имперіи“? говорилъ В. Н. Коковцовъ, отстаивая свободу русскихъ въ Финляндіи. Господствующей націи открываются, повидимому, новые горизонты. Простой, добродушный, терпѣливый и честный русскій народъ начинаетъ пользоваться горячими симпатіями верховныхъ сановниковъ. Все это весьма отрадно.

Тѣмъ не менѣе, не скоро исчезнуть темные уголки, гдѣ этотъ добрый русскій народъ встрѣчаетъ крайне пренебрежительное отношеніе къ своимъ вѣковымъ завѣтамъ: своей православной вѣрѣ, любви къ своему Царю и родинѣ. Что онъ выносить теперь въ одномъ изъ этихъ темныхъ уголковъ — Финляндіи, одному только Богу извѣстно.

Трудно повѣрить, чтобы та Финляндія, которая выросла, окрѣпла, стала сильной и богатой подъ эгидой русскаго Царя, чтобы эта Финляндія, завоеванная 100 лѣтъ тому назадъ русской кровью, позволила себѣ довести русскихъ людей до того состоянія, въ какомъ они теперь тамъ находятся. Это состояніе прекрасно очерчено въ докладѣ думской комиссіи, составленномъ и прочтенномъ графомъ Бенигсеномъ. Поистинѣ скорбная повѣсть.

„Бывшіе въ 1708 году побѣдителями и господами Финляндіи, говоритъ графъ, теперь въ 1911 году русскіе оказались въ ней въ положеніи если не паріевъ, то въ положеніи едва терпимыхъ въ ней иностранцевъ. Къ какой бы отрасли жизни Финляндіи мы не обратились — государственной, религіозной и общественной, вездѣ мы видимъ для русскихъ ограниченія и ограниченія. Правомъ участія въ выборахъ сейма, правомъ участія въ общинномъ, сельскомъ и городскомъ самоуправленіи русскіе въ Финляндіи не пользуются; правомъ поступленія на государственную службу, за немногими исключеніями, русскіе точно также не пользуются; поступленіе въ учебныя заведенія края для русскихъ затрудне-

но. Напримѣръ, въ Гельсингфорскій университетъ поступленіе русскихъ зависитъ отъ произвола его ректора. Право профессиональной дѣятельности для русскихъ затруднено въ значительной степени. Даже въ такихъ мелочахъ, какъ, напримѣръ, право опеки, и тутъ для русскихъ поставлены затрудненія; смѣшно сказать, что русскій, умирая, не имѣетъ права назначить русскаго же опекуномъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Наконецъ, русскій языкъ, считающійся по силѣ нашихъ Основныхъ Законовъ общегосударственнымъ, въ Финляндіи не признается, за русскими признаются лишь нѣкоторыя ограничительныя права, подача прошеній въ финляндскія учрежденія, но и эти права крайне ограничены¹⁾.

Прискорбнѣе всего, что русскіе въ Финляндіи не обладаютъ и правомъ свободы въ дѣлахъ своей Православной Церкви. Цѣлый рядъ газетныхъ сообщеній открываютъ намъ въ этомъ отношеніи въ высшей степени грустную картину насилія, кощунства и глумленія надъ обрядами и вѣрованіями русскихъ православныхъ людей, и также оскорбленій священнослужителей Православной Церкви въ этомъ краѣ. Такъ, изъ 15-ти священнослужителей, живущихъ въ Гельсингфорсѣ, 12 уже были оплеваны публично на улицѣ. Особенно обострились и усилились эти преступныя дѣянія въ послѣдніе дни. Если въ началѣ финляндцы ограничивались тѣмъ, что наносили оскорбленія русскимъ священникамъ, воинскимъ чинамъ, торговцамъ и дѣлали ихъ жизнь невозможной, то съ теченіемъ времени безнаказанность этихъ преступныхъ выступленій повлекла за собою все болѣе и болѣе повышенное настроеніе финляндскихъ шовинистовъ и они стали оскорблять и русскую святыню—Православную Церковь. Дѣла ихъ въ этомъ отношеніи дошли до послѣднихъ предѣловъ. — Такъ, напр., газета „Новое Время“ № 12767 сообщаетъ о слѣдующемъ кощунственномъ престу-

¹⁾ См. стенографич. отчетъ при газетѣ „Россія“ № 1828 стр. 286.

плении финляндцевъ. Дѣло въ томъ, что около Валаамской обители расположены рыбныя ловли, принадлежація этому монастырю. Финляндскіе рыбаки неоднократно нарушали право собственности монастыря и ловили рыбу въ мѣстахъ для нихъ запрещенныхъ. Валаамская обитель долго терпѣла эти незаконныя дѣянія и въ концѣ концовъ виновные были привлечены къ отвѣтственности; тогда эти рыбаки отомстили Валаамской обители. Вотъ въ чемъ заключалась эта месть. Въ послѣднихъ числахъ августа с. г. финны разгромили часовню на принадлежащемъ монастырю островѣ Сосновцѣ. Всѣ окна часовни были перебиты, стѣны часовни, служившія святотатцамъ, очевидно, мишенью, покрыты дробью, вся внутренность часовни разгромлена, всѣ, находящіеся въ ней образа Богоматери, св. Сергія и св. Германа и другихъ, изрѣзаны въ куски, на образѣ св. Сергія выколоты глаза, а образъ Богоматери весь исцарапанъ и у находящагося у нея на рукахъ Предвѣчнаго Младенца вырѣзано чрево. О случившемся от. игумень сообщилъ своевременно сердобольскому ленсману, который не замедлилъ увѣдомить, что въ настоящее время святотатцевъ разыскать невозможно... Изъ свѣдѣній, доставленныхъ освѣдომительнымъ бюро, мы знаемъ, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ провѣрилъ эти извѣстія и онѣ оказались совершенно вѣрными.

Самъ собою является вопросъ: каково же правовое положеніе Православной Церкви въ Финляндіи, не въ дѣйствительности, а по закону? Ст. 1-я уст. иностранныхъ исповѣданій изд. 1857 г. гласить, или гласила—вѣриѣ: „первенствующая и господствующая вѣра въ Россійскомъ государствѣ есть христіанская, православная, католическая, восточнаго исповѣданія“; но первенство и господство это относится ли къ Великому Княжеству Финляндскому? Да, несомнѣнно, ибо дальше въ той же статьѣ читаемъ: „но и всѣ принадлежащіе къ сей Церкви подданные государства и иностранцы, какъ въ Имперіи, такъ и Царствѣ Польскомъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, пользуются, каж-

дый повсемѣстно, свободнымъ отправленіемъ свой вѣры и богослуженія“. Правда, въ позднѣйшихъ кодификаціяхъ и изданіяхъ эти слова—Царство Польское и Великое Княжество Финляндское—исключаются, ибо кодификаторъ не хотѣлъ сопоставлять Имперію съ Царствомъ Польскимъ и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ и считалъ, что Имперія обнимаетъ все. Итакъ, эта историческая справка, изданія 1857 года, намъ ясно указываетъ, что православная вѣра по нашему законодательству считается господствующей такъ же и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Но въ дѣйствительности мы видимъ совершенно другое. Очень характерно рисуетъ настоящее правовое положеніе православной вѣры въ этомъ краѣ одно дѣло Императорскаго финляндскаго сената за 1895 годъ. Супруги Нероновы пожертвовали землю въ Выборгской губ. для учрежденія женской монашеской общины—православной; по этому поводу возникла, переписка и вотъ что говоритъ сенатъ: „касательно основанія монастырей въ краѣ слѣдуетъ указать, что за упраздненіемъ при реформациі лютеранской церкви въ началѣ 1500 г. всѣхъ существующихъ здѣсь въ то время монастырей, подобныя учрежденія до сихъ поръ запрещены“.—И потомъ далѣе говорится, что „сіе запрещеніе не можетъ быть отмѣнено, и относится, слѣдовательно, также и къ православной вѣрѣ“,—это дословныя выраженія отзыва сената. Далѣе еще говорится въ этомъ отзывѣ, что, казалось бы, противорѣчить ихъ мнѣнію то, что существуютъ Валаамскій и Коневскій монастыри на Ладожскомъ озерѣ въ предѣлахъ Выборгской губерніи. Но тутъ сенатъ говоритъ, что „съ присоединеніемъ Выборгской губерніи нельзя было закрыть этихъ двухъ монастырей, ибо то были древнія церковныя учрежденія, на которыя значительная часть новыхъ гражданъ края смотритъ съ благоговѣніемъ“. Нужно замѣтить, что вопросъ о русскихъ монастыряхъ находился на разсмотрѣніи финляндскаго сейма въ 1888 г. и земскіе чиновники края тогда заявили, что „никоимъ образомъ не измѣняется запре-

щеніе для христіанъ, не исповѣдующихъ вѣры господствующей церкви, въ данномъ случаѣ, лютеранской, учреждать монастыри и, слѣдовательно, сеймъ подтвердилъ невозможность открывать православные монастыри въ этомъ краѣ. Но несмотря на этотъ отзывъ сената Государь Императоръ разрѣшилъ открыть упомянутую выше общину. Другое обстоятельство, затрудняющее положеніе православныхъ въ Финляндіи, это то, что по финскимъ законамъ лица, работающія въ празднично-лютеранскіе дни подвергаются штрафамъ, а посему русскіе ремесленники и торговцы, празднуя свои православные праздники, должны также праздновать и лютеранскіе, что въ высшей степени для нихъ тяжело. Наконецъ, нельзя не обратить вниманіе еще на одно невозможное юридическое положеніе православныхъ русскихъ въ дѣлахъ своей православной Церкви. Русскіе люди, не пользующіеся правами финляндскаго гражданства, не могутъ донинѣ участвовать въ дѣлахъ православнаго приходскаго попечительства въ Гельсингфорсѣ; право участія въ православномъ попечительствѣ обусловлено правомъ участія въ городскомъ самоуправленіи, каковымъ правомъ русскіе уроженцы не пользуются. Всѣ эти и подобныя имъ ограниченія и стѣсненія пробуждаютъ въ душѣ русскаго православнаго человѣка тяжелое чувство и давно вопіютъ, какъ говорится, къ небу. И вотъ теперь Государственная Дума съ своимъ законопроектомъ о равноправіи русскихъ въ Финляндіи становится на защиту нашихъ православныхъ братьевъ и тѣхъ мужественныхъ самоотверженныхъ дѣателей на поприщѣ церковномъ, которые работаютъ и отстаиваютъ православную вѣру отцовъ нашихъ въ этомъ краѣ. Спасибо великое скажетъ нашъ русскій народъ Гос. Думѣ за этотъ ея историческій шагъ!

Но, выступая за свободу для православной вѣры и защищая священныя права русскихъ, живущихъ въ Финляндіи, Гос. Дума, къ сожалѣнію, оставила безъ вниманія ту часть кореннаго православнаго населенія, которая сплошной массой занимаетъ весь юго-востокъ Финляндіи,—это карель. Въ

Финляндіи всего православныхъ по переписи 1900 года 46466 человекъ. Главный контингентъ этихъ православныхъ— карелы. Впервые упоминается о карелахъ въ уставѣ Новгородскаго князя Святослава въ 1134 г. Въ 1227 г. они окрещены въ православную вѣру княземъ Новгородскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ. Въ концѣ XVI-го вѣка при Московскомъ царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ Кареліи мы имѣемъ самостоятельную епископскую кафедру. Край этотъ въ то время былъ покрытъ сплошной сѣтью монастырей, отъ которыхъ, теперь, какъ мы знаемъ, осталось только два. Но въ лихолѣтіе начала XVII вѣка, въ смутные годы, когда насъ терзали, какъ внутреннія смуты, такъ нашествія съ запада ляховъ, а съ сѣвера шведовъ, послѣ восшествія на престолъ Михаила Ѳеодоровича, Россіи, чтобы получить миръ, пришлось сдѣлать тяжелыя уступки, и тогда послѣ Столбовскаго мира, въ 1616 г. Карелія перешла къ Швеции. Границей стало Ладожское озеро. И вотъ тутъ-то началось насильственное олютераненіе края, но чувства карельскаго народа были на сторонѣ православной вѣры и Россіи. Въ 1656 г., когда русскія рати вторглись въ Карелію, крестьянство поголовно стало на сторонѣ русскихъ, истребили кирки и пасторскіе дома, кирки, насильственно имъ навязанныя, но скоро Швеція одержала верхъ и карелы были объявлены внѣ закона, тогда $\frac{2}{3}$ всего карельскаго населенія выселилась оттуда въ коренную Россію, предпочитая сохраненіе своей православной вѣры даже своей тѣснѣйшей—ближайшей родины. Известно, что Великій Петръ вновь воссоединилъ Карелію съ государствомъ Россійскимъ и тутъ вновь утверждается православная вѣра, но при Александрѣ 1-мъ эта Карелія возвращается Финляндіи и снова начинается систематическое искорененіе православія, искорененіе, которое продолжается до нашихъ дней. И вотъ нынѣ мы стоимъ лицомъ къ лицу съ карельскимъ вопросомъ, и этотъ вопросъ неизбежно долженъ предстать предъ правительствомъ и Госуд. Думой во всемъ своемъ значеніи, во всей его грозной дѣйствительности. Бу-

демъ надѣяться на лучшіе дни, которые, несомнѣнно, настанутъ и для карель, когда русское православное народное самосознаніе еще болѣе укрѣпится и этотъ принципъ найдетъ себѣ сильное и безспорное выраженіе въ стѣнахъ Гос. Думы.

Несомнѣнно, что Гос. Дума, принимая нынѣшній законопроектъ о равноправіи русскихъ въ Финляндіи, дѣлаетъ первый шагъ въ смыслѣ проникновенія русскихъ интересовъ и русской опеки надъ Финляндіей; нужно полагать, что за нимъ послѣдуютъ дальнѣйшіе шаги, которые русской господствующей націи откроютъ новые горизонты, новые пути въ этомъ краѣ. И новый Предсѣдатель Совѣта Министровъ В. Н. Коковцовъ вѣрно сказалъ съ трибуны Гос. Думы: „я глубоко вѣрю, что настанутъ лучшіе дни; если мы проявимъ мудрую твердость, полную законмѣрность, то настанетъ то время, когда мы съ финляндцами столкнемся и другъ друга поймемъ. Они имѣютъ—и мы не касаемся и сохраняемъ въ неприкосновенности широкую мѣстную автономію, Всемилоствѣйше дарованную имъ нашими Государями, мы никогда не затронемъ мѣстную культуру, какъ шведскую, такъ и финскую, —Финляндія съ другой стороны будетъ, я въ это вѣрю, со временемъ уважать нашу православную вѣру и нашу государственность и права нашего русскаго народа“¹⁾.

Кир. Тихомировъ.

¹⁾ См. газету „Россія“. № 1828 с. г.

²⁾ См. № 49 за 1911 г.

Святитель Іосифъ убіенный, Митрополитъ Астраханскій и Терскій.

(Окончаніе ²).

Послѣ убіенія соборнаго ключаря Феодора Негодяева (1 мая), пришелъ къ митрополиту старшина Иванко Красулинъ съ товарищами и представилъ ему для подписи вой-

¹) См. газету „Россія“. № 1828 с. г.

²) См. № 49 за 1911 г.

сковой приговоръ, — явившійся результатомъ извѣстія, полученнаго предъ тѣмъ въ Астрахани, что Стенька схваченъ. Въ приговорѣ было сказано, чтобы крѣпко всеѣмъ держаться за начатое Разинымъ дѣло. Своей подписи къ приговору митрополитъ, конечно, не далъ. Напротивъ, „онъ, святитель, ихъ обличалъ многое множество и наказывалъ ихъ отъ Божественнаго Писанія, чтобы они отъ воровства перестали и обратились ко истинѣ, и вины бы свои къ Великому Государю принесли“. Въ отвѣтъ митрополиту мятежники „говорили съ большимъ невѣжествомъ и съ бранью, и они отъ него пошли“. Пошли, безъ сомнѣнія окончательно убѣдившись, что митрополитъ на ихъ сторону никогда не станетъ. А такъ какъ митрополитъ оказывается чрезъ то явнымъ врагомъ ихъ дѣла, то для казаковъ остается одно — убить митрополита, чтобы уже не находить въ немъ больше помѣхи для себя. Скоро сталъ извѣстенъ среди мятежниковъ и смертный приговоръ, вынесенный митрополиту и воеводѣ Астраханскому, князю Семену Львову въ „кругу“ Оедьки Шелудяка. Привезъ приговоръ казакъ Коченовскій. 11 мая (въ четвергъ) митрополитъ Юсифъ былъ вызванъ въ „кругъ“. Посланцы: Астраханскіе жители — Иванъ Севринъ и Стенька Севринъ, конный стрѣлецъ Ивашко Горшокъ и есаулъ Васька Кабановъ явились къ митрополиту въ соборную церковь, когда тамъ совершалась проскомидія. „Съ большимъ невѣжествомъ“ посланцы звали митрополита въ „кругъ“. Давно уже ожидавшій своего „часа“, митрополитъ, при видѣ дерзко настроенныхъ людей, понялъ, что этотъ „часъ“ теперь пришелъ. „Добро“, — отвѣтилъ митрополитъ: „вотъ я облачусь во всю святительскую одежду“. И вшедъ въ алтарь, сталъ облачаться, а тѣ воры у собору дожидались на паперти, и говорили они, воры, стоя: «что, митрополитъ съ попами не заперся ли въ алтарѣ? Мы пойдемъ въ кругъ, и, пришедъ, нечестью вытащимъ изъ церкви». А митрополитъ и не думалъ запирается въ алтарѣ: онъ облачался въ архіерейскія ризы. „И облачась, онъ, митрополитъ, велѣлъ бла-

говѣстить въ большой колоколь, чтобы сходилися священники, съ нимъ итти въ кругъ. И пошолъ въ кругъ онъ, святитель, съ протопопомъ и съ соборными священники, да съ нимъ же крестовой его попь Ефремъ и учужной его жъ попь Юсифъ Оселка“. Когда явились на благовѣсть нѣкоторые болѣе смѣлые священники и, не заставъ митрополита въ соборѣ, пошли было въ „кругъ“, то ихъ казаки въ „кругъ“ не пустили. Войдя въ „кругъ“ къ бунтовщикамъ, митрополитъ обратился къ атаману Васькѣ Усу съ вопросомъ: зачѣмъ звали его воры и клятвoprеступники? Столь смѣлый вопросъ изъ устъ облаченного во весь святительскій санъ митрополита, не убоявшагося назвать участниковъ „круга“ настоящимъ ихъ именемъ: „воры“ и „клятвoprеступники“, не могъ не смутить атамана. Васька Усъ заставилъ другого отвѣтить вмѣсто себя,—казака Коченовскаго, присланнаго Шелудякомъ. „Что ты сталъ“! сказалъ Васька Усъ Коченовскому. „Выступайся, съ чѣмъ пріѣхалъ отъ войска и говори ты перво“. Коченовскій началъ, обращаясь къ митрополиту: „Присланъ я отъ войска съ рѣчами, что ты воровски переписываешься съ Терекѣмъ, да съ Дономъ, и по твоему письму Терекъ и Донъ отложилися отъ насъ“. Митрополитъ отвѣтилъ на Коченовскаго слова такъ: „я съ ними не переписывался, а хотя бы и переписывался, ино— не въ Крымъ и не въ Литву; а я и вамъ говорю, чтобъ и вы отъ воровства отстали и Великому Государю вины свои принесли“. Тутъ въ „кругу“ многіе закричали: „Что онъ таить свое воровство, будто не переписывался будто? Какой онъ правой человѣкъ? Чтѣ онъ пришелъ въ кругъ съ крестомъ? Мы вѣдь и сами христіане, а ты будто пришелъ къ иновѣрнымъ!“ „И стали тѣ воры изъ круга выступатьъ, чтобы съ него, митрополита, одежды снять“. Но на защиту митрополита неожиданно выступилъ одинъ донской казакъ, по имени Миронъ. Онъ сталъ говорить товарищамъ: „Что вы, братцы,—на такой великой санъ хотите руки возложить? Намъ къ такому великому сану и прикоснуться нельзя“.

Слова казака вызвали взрывъ возмущенія. Казакъ Алешка Грузинкинъ первый бросился на Мирона и схватилъ его за волосы. Подбѣжали и другіе. Начали колоть, рубить и бить Мирона предъ глазами митрополита, затѣмъ вытащили вонь изъ „круга“ и тамъ убили. „И послѣ того, вскорѣ, приступили они, воры, къ протопопу и къ священникамъ, и стали толкать и бранить скаредною бранью; и говорили они, воры: „Снимайте съ митрополита санъ, онъ, митрополитъ, снималъ же съ Никона патріарха санъ““. Митрополитъ, видя ихъ воровское устремленіе, отдалъ изъ своихъ святительскихъ рукъ крестовому попу Ефрему крестъ, а шапку и панагію съ себя снялъ самъ и отдалъ учужному попу Іосифу, и тотъ попь Іосифъ почалъ его разоблачать, и онъ разоблачить не умѣлъ; и великій святитель оглянулся въ сторону и почалъ говорить протодіакону (Феодору): Что ты сталъ, не разоблачаешь? Уже приде часъ мой! „Прискорбна душа моя до смерти днесь!“²⁹⁾ И протодіаконъ снялъ омофоръ, и саккосъ, и всю одежду, и отдавалъ священникамъ; и великій святитель остался въ одной ряскѣ бархатной, въ черной, безъ камлавки, и въ то время камлавку взялъ съ учужнаго попа Іосифа Оселки, а его святительская камлавка была въ соборѣ съ рясою““. Когда съ митрополита были сняты архіерейскія ризы, казаки вытолкали изъ „круга“ священниковъ. „До васъ дѣла нѣтъ“, говорили казаки и повели митрополита пытать. пытка происходила на пороховомъ („зелейномъ“) дворѣ. «И Ларка (Ивановъ) палачъ снялъ съ него (митрополита) двѣ ряски, и связалъ онъ ему руки и ноги и продѣвъ дерево, повалилъ его на огонь, въ одной черной свиткѣ суконной; и та свитка на немъ загорѣлась, и онъ на немъ изорвалъ тое свитку въ лоскутье, и на огнѣ его жегъ нагого, наступя на брюхо ногою, и пыталъ: „Скажи де ты, митрополитъ, свое воровство, — какъ ты переписывался“? И онъ, великій святитель, ничего ему

²⁹⁾ Вторую фразу см. IV т. „Акт. Историч.“, с. 493.

отвѣта не далъ, только молитву творилъ, лежа на огнѣ, и его, Ларку, проклиналъ“. Палачу помогаль пытать митрополита солдатъ Сенька Сука. Разбойники допытались, что у митрополита есть въ келміи полтора ста рублей, взяли ихъ и раздѣлили между собою. Послѣ пытки, митрополита повели на „раскатъ“. Митрополитъ хромалъ, потому что ему „ногу помяли, пытаючи“. По дорогѣ на „раскатъ“ пришлось пройти мимо убитаго казака Мирона. Митрополитъ осѣнилъ тѣло его крестомъ и поклонился. Проходя далѣе мимо собора, митрополитъ остановилъ взоры на немъ и сотворилъ молитву. „А вель его на раскатъ Алешка Грузинкинъ“ съ другими казаками. „И возведши на раскатъ, посадили его на край раската къ востоку, противъ собору, и хотѣли его сринуть; и онъ, святитель, утрашился и ухватился за казака, и сволокъ было его съ собою; и они, воры, его удержали, да положили на бокъ, на краю же раската, и покатомъ его сверху низринули. А упалъ онъ, великій святитель, къ востоку, предъ раскатными дверьми, къ собору, правою щекою, и тое щеку сшибъ до крови, да изъ носа вышло руды съ половину горсти“. Совершившееся злодѣяніе поразило и утрашило даже самихъ злодѣевъ—убійць. „Какъ онъ, великій господинъ, на землю упалъ,—въ то время великъ стукъ и страхъ былъ; а они, воры, въ кругу утрашились и замолчали на долгое время. Съ треть часа стояли, новѣся головы, и ничего другъ къ другу не промолвили, и изумилися“. Прибѣжали изъ собора священники. Они увидѣли, что митрополитъ еще живъ. „Еще отъ него, святителя, духъ не отыде, трепетался“. Съ рыданіемъ припали священники къ умиравшему архинастырю и слезно прощались съ нимъ. А убійцы выслали есаула Аѳоньку Воронова съ палкой—прогнать священниковъ. „И тѣхъ поповъ онъ, Офонька, палкой билъ, и отъ тѣла святительскаго ихъ отбилъ, и до соборныя церкви ихъ бивъ, прогналъ“. Скончался святитель и лежалъ на землѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, „съ часъ“ времени. Тогда только убійцы вельли

священникамъ взять тѣло митрополита, сами же пошли расправляться съ воеводой княземъ Семеномъ Львовымъ³⁰⁾. „А до взятя его святительскаго тѣла, вси священницы, которые были, въ алтарь вшедь, въ соборной церкви объ немъ сѣтовали и плакали много, а имъ, ворамя, слышалось въ кругу, будто въ соборной церкви стукъ великой, и прислали они, воры, изъ кругу человекъ съ пятнадцать съ саблями, и говорили они: „Что вы, попы, въ церкви стучите“? и стали бить, и изъ церкви вонъ выбили; а въ то время у церкви двери были затворены, и никакого стуку не бывало“. Послѣ разрѣшенія [убрать тѣло убитаго митрополита, „взявъ его святительское тѣло, протопопъ со священницы на коврѣ внесли въ соборную церковь, въ одной его холодной ряскѣ, въ которой онъ скинуть на землю, и его святительское тѣло и мучительныя раны всѣмъ соборомъ досматривали: и на немъ, святителѣ, спина и около чрева все изожжено и черно, и пузыри отъ огня великіе, борода и волосы подпалены; и въ той ряскѣ его, святителя, облачали безъ свитки, со стихи облачальными, по ихъ святительскому чину, и положили его въ уготованномъ гробѣ, и стоялъ въ соборной церкви сутки“. На другой день, „въ шестомъ часу дни“, ³¹⁾ въ большой колоколь «не часто», какъ звонятъ при кончинѣ архіереевъ, зазвонили—«для позыву священницъ». «И священницы вси въ соборную церковь сошлись, и всѣмъ соборомъ пѣвъ нацъ нимъ, святителемъ, большую панихиду и съ провоженіемъ, гробъ его, со святыми его мощами, поставили во уготованномъ его ископанномъ мѣстѣ, подъ соборнымъ придѣломъ, подъ алтаремъ Аѳанасія и Кирилла, патриарховъ Александрійскихъ, отъ его святительскаго двора съ правою сторону; и стоялъ непокрытъ девять дней, а въ десятый день гробъ его досками заградили и каменьемъ выклали гробницу». ³²⁾

³⁰⁾ Пыталъ, а послѣ зарубилъ князя Львова тотъ же палачъ Ларка Ивановъ. „Акты Истор.“, т. IV, с. 492.

³¹⁾ По нашему счету—въ двѣнадцатомъ часу.

³²⁾ Акты Историч., с. 487 и дал.

Такъ закончилась жизнь великаго патріота—святителя Іосифа. И кто знаетъ, когда сильнѣй сказалось вліяніе его безстрашно-обличительныхъ рѣчей: при жизни, или по смерти. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя не задуматься надъ тѣмъ *сильнѣйшимъ* впечатлѣніемъ, которое произвела на *всѣхъ* смерть митрополита. Молча, въ тупомъ изумленіи, „съ треть часа“, стояли возлѣ сверженнаго съ раската святителя его убійцы. А вѣрующіе видѣли по ночамъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ съ раската митрополитъ, три горящія свѣчи: „отъ середнія свѣчи аки искры и пламя велико, и надъ нею аки кубецъ“³³⁾. Наблюдавшій такое чудное знаменіе стрѣлецъ Ивашко Глухой показалъ на допросѣ въ 1672 г. еще и то, что онъ получилъ тогда исцѣленіе ноги, которая у него болѣла, и, въ память этого исцѣленія, онъ „поставилъ образъ Успенія Пресвятыя Богородицы надъ окошкомъ, гдѣ митрополитъ погребенъ“. Правда, на другой день послѣ убійства митрополита мятежники составили вторую „запись“, „что имъ, ворами, стоять противъ бояръ и измѣнниковъ, и умирать имъ другъ за друга“, и силой принудили духовенство приложить руки къ этой записи³⁴⁾; но уже одно то, что понадобилась *вторичная* запись, свидѣтельствуетъ о неувѣренности бунтовщиковъ въ благополучномъ для нихъ исходѣ начатаго „дѣла“, а также—о сомнѣніи въ надежности тѣхъ, кто держался за бунтовщическое дѣло скорѣе подъ вліяніемъ страха предъ грознымъ атаманомъ и есауломъ, чѣмъ по собственному желанію и убѣжденію. Развалъ произошелъ въ станѣ мятежниковъ. Сначала онъ былъ задавленъ, на нѣкоторое время, приходомъ въ Астрахань, изъ подъ Самары, Ѳедьки Шелудяка съ его шайкою. Ѳедька энергично взялся за командованіе мятежниками послѣ смерти Васьки Уса, умершаго отъ червивой болѣзни. Но *раздѣленіе* среди мятежниковъ подтачивало самый корень ихъ дѣла, и чѣмъ дальше,—

³³⁾ Ibid. с. 494.

³⁴⁾ Ibid. с. 491.

тѣмъ больше. Послѣ неудачныхъ стычекъ въ началѣ сентября съ царскими войсками, явившимися въ концѣ августа къ Астрахани подъ начальствомъ боярина и воеводы И. Б. Милославскаго, мятежники засѣли въ Астрахани и не принимали никакихъ уже наступательныхъ движеній. А когда черкесскому князю Казбулату Муцалову, помогавшему съ отрядомъ черкесовъ Милославскому, удалось какинь то образомъ заманить къ себѣ Шелудяка и задержать,—среди мятежниковъ поднялось сильное *волненіе*, которое окончилось тѣмъ, что партія сторонниковъ сдачи одержала верхъ и настояла на изъявленіи покорности царскому престолу, каковое и было принято Милославскимъ ³⁵⁾. 27 ноября Милославскій вошелъ въ городъ ³⁶⁾.

³⁵⁾ С. М. Соловьева—„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, кн. 3, т. XI, изд. второе, СПБ., с. 330.

³⁶⁾ Обстоятельства сдачи мятежниковъ астраханскихъ боярину и воеводѣ И. Б. Милославскому изложены въ особой правительственной деклараціи—„сказкѣ“ о бунтѣ Стеньки Разина и о подавленіи разбойничьяго движенія, отъ 15 янв. 1780 (1672) г.;—см. томъ шестой „Доголовней“ къ „Актамъ Историческимъ“, № 12, с. 70 и дал.

По поводу убійства м. Юсифа, кн. С. Львова и др. въ „сказкѣ“ читаемъ: „По лукавству своему“, участники „круга“, во главѣ съ Ѳедькой Шелудякомъ, „въ письмахъ своихъ, писали въ Астрахань къ Васькѣ Усу, будто тотъ митрополитъ и князь Семень ссылаются съ Донскими казаками и по ихъ будто письму воръ Стенька пойманъ, а надъ ними промышляютъ всякое зло. И Астраханскіе жители, не познавъ ихъ лукавства, чая тому быти истинѣ, того архіерея Божія, носящаго образъ Архіерея Великаго прошедшаго небеса, безо всякаго страха безстыднымъ дерзновеніемъ взяли и, отъ сана архіерейскаго обнажа, жгли и всячески мучили яко простоядина, и по многихъ мукахъ суровиі сыродцы, не имѣюще права милости, отъ чего бѣ и бусурманы устыдились, то мученическое гѣло бросили съ роскату; а князь Семену Львову, по многихъ томленіяхъ и мукахъ, голову отрѣзали; а дворянъ и дѣтей боярскихъ, и приказныхъ и всякихъ чиновъ людей, которые, будучи въ Астрахани, великому Государю служили, всѣхъ побили, а иныхъ съ роскату бросили, учиня то все писали къ Ѳедькѣ Шелудяку, что они по волѣ его учинили, не разсуждая воли Бога, что ихъ постигнетъ въ предьудущіе дни. И онъ Ѳедька, угодникъ діаволь, собесѣдникъ Іудинъ, предалъ того архіерея на убіеніе, яко древній Іуда, вмѣсто серебрянниковъ обрадовался тому убіенію, ради

Насколько сильное впечатлѣніе (въ смыслѣ *вразумленія*) произвела на жителей Астрахани мученическая смерть митрополита Іосифа, объ этомъ свидѣлствуютъ также и позднѣйшія событія, именно—событія 1705 года. Опять возникла въ Астрахани въ этомъ году смута! Бывшій тогда митрополитомъ астраханскимъ Сампсонъ долженъ былъ поспѣшно удалиться изъ города, такъ какъ бунтовщики грозили его убить. Когда, однако, первый взрывъ возмущенія прошелъ, и многіе изъ бунтовщиковъ одумались, митрополитъ вернулся въ городъ и въ святительскомъ облаченіи, съ посохомъ м. Іосифа въ одной рукѣ и съ крестомъ того же митрополита въ другой,—вышелъ къ бунтовщикамъ на площадь. Приблизившись къ толпѣ, митрополитъ сказалъ, указывая на посохъ: „Вотъ посохъ митрополита Іосифа, убитаго бунтовщиками напрасно“, и этимъ напоминачіемъ о невинномъ мученикѣ-митрополитѣ такъ подѣйствовалъ на толпу, что она, выслушавъ увѣщаніе архинастыря покориться предержавшимъ властямъ, бросилась къ городскимъ Вознесенскимъ воротамъ, за которыми стоялъ съ войскомъ воевода Шереметьевъ, отворила ворота и приняла воеводу въ городъ. Бунтъ прекратился³⁷⁾.

Святитель Іосифъ митрополитъ пострадалъ на 75 году жизни. Въ первый разъ гробъ съ его останками былъ вынутъ изъ могилы и поставленъ среди собора для поклоненія

невозбраннаго входа въ Астрахань“, с. 72. О смерти Васьки Уса, начальствовавшаго надъ казаками при исполненіи ими смертнаго приговора надъ м. Іосифомъ, кн. С. Львовымъ и др., въ „сказкѣ“ находятся такія слова: „третьей губитель православныхъ христіанъ“ (послѣ казненныхъ—Стеньки Разина и Ѳедьки Шелудяка) „Васька Усъ злѣ скончался“. Что „Васька Усъ злою смертію скончался“, сказано и въ грамотѣ ц. Алексѣя Михайловича къ архіеи. Вологодскому и Бѣлозерскому Симону, отъ 23 янв. 7180 (1672) г., извѣщающей о побѣдѣ царскихъ войскъ надъ мятежниками въ Астрахани; *рук. Кіево-Собійской библ. № 68, л. 6 об.* По словамъ историковъ, „злою смертію“ принесла Васкѣ Усу червивая болѣзнь (*Соловьевъ*, цит. соч. с. 330, см. выше).

³⁷⁾ *Я. Лебединскаго*—„Іосифъ м. Астрах. и Терск.“, с. 34. примѣч.

на три дня въ 1672 году, когда прибылъ въ Астрахань новый архипастырь Пароеній. Граждане г. Астрахани приходили просить *прощенія* у почивающаго въ гробѣ святителя: бунтовщики, оставшіеся въ живыхъ, сами за себя, а за умершихъ, убитыхъ и казненныхъ—ихъ дѣти³⁸⁾.

Въ наши многоятежные дни благовременно просить Господа, чтобы изволилъ онъ церковно прославить доблестнаго іерарха-мученика, и чтобы вторично, но уже навсегда, былъ открытъ гробъ его съ честными останками, да молитвами святителя-патріота и благодатью отъ гроба его *умирится на Руси православныхъ жителство*, погибнетъ дерзость враговъ Россіи и окрѣпнетъ у всѣхъ насъ мужество твердо стоять за русскія національныя святыни: за вѣру православную, за царя самодержавнаго и за благо народное.

Н. Пальмовъ.

³⁸⁾ Ibid. с. 32.

**Важнѣйшія юридическія разъясненія въ огра-
жденіе церковныхъ земель и водъ отъ посторон-
нихъ захватовъ.**

На страницахъ Псковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (№ 19 т. г.) священникъ *Алмазовъ* дѣлится своими юридическими познаніями по вопросу о владѣніи земельною собственностью церквей.

„По мѣсту моего священства въ двухъ сельскихъ приходахъ,—говоритъ авторъ, мнѣ пришлось провести много сложныхъ и запутанныхъ земельныхъ дѣлъ, начиная отъ канцеляріи Земскаго Начальника и кончая судебнымъ заломъ С.-Петербургской Судебной Палаты. Начинать, я, конечно,

³⁰⁾ Ibid. с. 32.

съ адвокатовъ. Но когда убѣдился, что у каждаго адвоката на первомъ мѣстѣ плата, безотносительно къ тому: выигралъ или проигралъ дѣло, то взялся самъ за изученіе законовъ и веденіе дѣлъ. По отсутствію юридическаго образованія и судебной практики, въ первое время, конечно, допускалъ много промаховъ. Однако, рукъ не опускалъ и въ результатѣ изъ послѣдней судебной инстанціи всегда возвращался съ побѣдой въ пользу церковнаго достоянія.

Обращаю вниманіе, прежде всего, на 563 ст. X тома, которая всѣхъ юридически неопытныхъ вводитъ въ печальное заблужденіе. „Межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія: равнымъ образомъ не могутъ быть разрушены давностью и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ; права, заключающіяся въ томъ именно, чтобы они опредѣляли пространство владѣній и оставались навсегда безспорными, и всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально обмежеванныхъ должны быть разрѣшаемы, въ отношеніи окружности дачи, законами о размежеваніи земель“ (1845 г. апр. 23). Такъ гласитъ эта статья. На основаніи буквального смысла ея каждый землевладѣлецъ, возобновляя только межевые признаки, считаетъ себя совершенно спокойнымъ за цѣлость своей земли. А вотъ тутъ и можетъ оказаться страшная и непоправимая ошибка. Правительствующій Сенатъ и, на основаніи его разъясненій, Судебныя Палаты—съ Окружными Судами—понимаютъ эту статью такъ, что генеральная межа шириною въ сажень на всемъ своемъ протяженіи не подлежитъ давности, но на все то, что за межою—давность простирается, и споры объ этихъ захватахъ никогда не могутъ быть разрѣшены „законами о размежеваніи земель“, а исключительно судебно-исковымъ порядкомъ. Сколько въ этомъ случаѣ представляется искушеній благодушію и добротѣ о.о. настоятелей. Является бѣднякъ и проситъ поселиться или проситъ не гнать его, если онъ поселился при прежнемъ настоятелѣ. Ну, какъ не разчувствоваться сердобольному батюшкѣ при видѣ этой „си-

роты“. Такъ и живетъ человѣкъ нѣсколько лѣтъ безъ всякихъ документовъ, по милости о. настоятеля, уважаетъ его и молится о здравіи его. Но вотъ проходитъ 6 мѣсяцевъ, и эту „сироту“ уже и Земскій Начальникъ не можетъ прогнать. А когда прошло 10 лѣтъ, его не можетъ прогнать и Сенатъ, и своему о. благодѣтелю поселившійся на церк. землѣ уже и шапочки не кривить, потому что наступила земская давность. Потому, о.о. настоятелямъ нельзя безъ контрактовъ, засвидѣтельствованныхъ, а еще прочнѣе, внесенныхъ въ книгу договоровъ Волостного Правленія, ни одного пришельца пускать за церковную межу.

Теперь о земской давности. Этимъ правомъ особенно смущаться не приходится. Давность—вещь очень обусловленная и растяжимая, а посему и побѣдимая. Законъ для признанія давности предъявляетъ очень много серьезныхъ требованій и условій, въ силу которыхъ можно разбить не только десятилѣтнюю, но и столѣтнюю давность. Въ своемъ рѣшеніи отъ 1893 г. Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ давность на церковныя земли. Правда, въ 1902 году онъ же снова простеръ земскую давность на церковныя земли, но въ данномъ случаѣ необходимо имѣть въ виду, что, согласно 401 ст. IX тома, церковныя земли не отчуждаемы, какъ вѣчное Божіе достояніе. А принимая во вниманіе, что на церковной землѣ, вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ настоятелей, на одномъ году бываетъ нѣсколько хозяевъ, если бы въ 1902 г. нашелся бы энергичный церковный дѣятель и по какому нибудь дѣлу 1-го Департам. Сената перенесъ бы на Общее собраніе всѣхъ кассац. департам. Прав. Сената, то это высшее судебное учрежденіе, несомнѣнно, навсегда отмѣнило бы земскую давность на церковныя земли... Потому, нельзя халатно относиться къ судебнымъ рѣшеніямъ относительно церковныхъ земель. Въ особенности это нужно сказать относительно рѣшенія Земскаго Начальника, Съѣзда, и Губерн. Присутствія. Всегда слѣдуетъ помнить, что эти инстанціи защищаютъ только фактическое владѣніе, касаться же *права*

собственности они не могутъ по закону. И если бы въ этихъ судебныхъ учрежденіяхъ состоялось неблагопріятное рѣшеніе для церкви и даже бы оно вошло въ законную силу,—причтъ, убѣжденный въ неправильности его, долженъ, не пропуская 10-ти лѣтняго срока, перенести дѣло въ общія судебныя учрежденія, т. е. прежде всего, въ Окружный Судъ, который даже не будетъ разсматривать рѣшеніе мировыхъ учреждений.

Теперь относительно церковной собственности на воды. Согласно 387 ст. X тома законъ нашъ считаетъ воду принадлежностью земли. Вода безъ земли юридически не мыслится. Потому, на воду нѣтъ никакой давности. Если бы кто-либо, захвативъ церковную воду, провладѣлъ бы 100 лѣтъ, но разъ вода примыкаетъ къ берегу церковной земли и въ планѣ или въ межевой книгѣ не сдѣлано оговорки, что „причтъ не имѣетъ права на водное владѣніе“, всегда можно выиграть дѣло въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ порекомендовать уважаемымъ о.о. настоятелямъ посерьезнѣе относиться къ писанію Кліровыхъ Вѣдомостей. Непремѣнно нужно писать ихъ на форменной синодальной бумагѣ и вписывать въ нихъ подробно всѣ земельныя и водныя владѣнія, число десятинъ и названія плановъ. Необходимо также упоминать про арендные договоры, которые должны быть засвидѣтельствованы о. Благочиннымъ, а, при представленіи на судъ, и Консисторіей. Кліровыя Вѣдомости для насъ представляютъ единственное подобіе, хотя и жалкое, крѣпостнаго документа. Вѣдь ни въ Консисторіи, ни въ храмахъ не сохранилось по большей части ни указовъ, ни жалованныхъ грамотъ, ни купчихъ, ни вводныхъ листовъ и другихъ крѣпостныхъ документовъ на древніе Екатерининскіе нарѣзы церковной земли. Тогда какъ у нашихъ противниковъ на рукахъ всевозможные вотчинные и крѣпостные документы, а у защитниковъ церковныхъ интересовъ имѣется въ большинствѣ случаевъ одинъ межевой документъ — планъ. Поэтому, отцы, нужно болѣе

внимательно относиться къ церковнымъ архивамъ и бережно въ нихъ хранить всякаго рода документы. А еще больше нужно стоять на стражѣ церковной земельной собственности не уступать любителямъ захватнаго права ни одну ея пядь.

ЗАМѢТКА.

Противоалкогольное средство.

Алкоголизм—слѣдствіе потребности нервной системы въ возбудителяхъ. Если удовлетворить эту потребность ядомъ болѣе слабымъ и менѣе вреднымъ, чѣмъ алкоголь, то къ послѣднему начинаетъ пробуждаться полное отвращеніе. Тувимъ предложилъ пользоваться небольшими дозами атропина. Послѣ введенія въ организмъ атропина наступаетъ полное возбужденіе нервной системы, послѣ чего алкоголь даетъ только перевозбужденіе, связанное съ ощущеніемъ тяжести и общаго недомоганія. Вкусъ водки и пива становится противнымъ и вызываетъ рвоту. Д. Пероттъ, примѣняя дозы атропина (0,001—0,01 въ день), не вызывалъ этимъ никакихъ побочныхъ разстройствъ въ организмѣ. Торговецъ, выпивавшій въ сутки 5 бутылокъ водки, послѣ атропиноваго лѣченія совершенно пересталъ пить. Сапожникъ, получившій отъ запоя бѣлую горячку, на третій день послѣ лѣченія атропиномъ совершенно не переноситъ вкуса водки. Содержатель буфета, пившій непрерывно въ теченіе 17 лѣтъ, черезъ 2 недѣли бросаетъ пить. Инженеръ, тщетно лѣчившійся отъ запоя гипнозомъ, по истеченіи 3 недѣль прекращаетъ употребленіе спиртныхъ напитковъ, и много др. случаевъ. Лѣченіе атропиномъ представляетъ удобство еще въ томъ смыслѣ, что можетъ быть примѣнено безъ вѣдома и согласія больного (Колоколь).

ВОЗЗВАНІЕ.

Братья и сестры о Господѣ!

Въ Оренбургской епархіи (Оренбургская губернія и Тургайская область) наступилъ сильный голодъ, особенно среди переселенцевъ изъ Россіи. Повторяется тяжелый 1891 годъ. Ужасы голода нынѣшняго года тяжелѣе, чѣмъ это можно представить. Къ Оренбургскому Епархіальному Начальству голодающіе обращаются съ просьбами о совершеніи *последней литургіи: исповѣдуемся, —* пишутъ несчастные, *— и причастимся, чтобы встрѣтить голодную смерть...* Чье сердце не дрогнетъ, слыша объ этихъ ужасахъ?! Подобныя извѣстія не единичны...

Православные христіане! Откликнитесь! Неужели Святая Русь допустить своихъ дѣтей до голодной смерти?! Да не будетъ этого! Освободите, православные, своихъ братьевъ отъ ужасовъ голодной смерти! Придите на помощь, чѣмъ кто можетъ.

Пожертвованія принимаются въ г. Оренбургѣ, у Предсѣдателя Епархіальнаго Комитета по оказанію помощи голодающимъ, Преосвященнаго *Діонисія*, Епископа Челябинскаго.

При семъ № разсылается объявленіе редакціи, „Русскій Па-ломникъ о подпискѣ на 1912 годъ.“

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ, 8-го декабря 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Аки. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерингов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 51.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года декабря 18-го дня.

Содержаніе: I. Значеніе А. С. Хомякова для православнаго богословія. Н. Гумилевскій.—II. Богослуженіе въ навечеріе и въ праздникъ Рождества Христова въ старой Москвѣ, въ эпоху всероссійскихъ патриарховъ. Н. Пальмовъ.—III. Можетъ ли благодать Божія дѣйствовать чрезъ недостойныхъ пастырей? Свящ. А. Введенскій.—IV. Городское пастырство. Свящ. К. Архангельскій.—V. Опечатка.

Значеніе А. С. Хомякова для православнаго бо- гословія.

Многосторонній ученый, обладавшій глубокими познаніями въ разнообразныхъ сферахъ человѣческой мысли и науки, А. С. Хомяковъ заявилъ себя незаурядными трудами и въ области православнаго богословія. Въ этой области А. С. Хомяковъ занимался, главнымъ образомъ, тѣми пунктами христіанскаго вѣроученія, въ которыхъ восточное богословіе расходится съ западнымъ; выяснивъ существенное различіе между тѣмъ и другимъ, онъ сумѣлъ придать православной полемикѣ съ западными исповѣданіями новую постановку. Въ прежней про-

тивокатолической и противопротестантской полемики Хомяковъ замѣтилъ тотъ существенный недостатокъ, что православные полемисты занимались опроверженіемъ отдѣльныхъ пунктовъ, а не цѣльной системы того и другого исповѣданія. вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе неясности того основного начала, изъ котораго истекаютъ частныя пункты разногласія между восточнымъ и западнымъ богословіемъ, православные богословы часто при опроверженіи католиковъ заимствовали аргументацію у протестантовъ и наоборотъ. Но такой способъ веденія полемики давалъ поводъ думать, что у Православной Церкви нѣтъ самостоятельной богословской системы, что православіе представляетъ собою нѣчто среднее между католичествомъ и протестантствомъ. Для опроверженія такой ложной мысли Хомяковъ считалъ необходимымъ выяснитъ принципиальное отличіе православнаго богословія отъ западнаго. Отыскивая корень и источникъ западныхъ заблужденій, Хомяковъ выяснилъ чрезвычайно важное для сравнительнаго богословія положеніе, что оба главныхъ западныхъ исповѣданія—католичество и протестантство, при всей своей противоположности въ рѣшеніи отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, имѣютъ въ своей основѣ одни и тѣ же начала, существенно отличныя отъ основныхъ началъ восточнаго православія. Поэтому доводы, высказываемые Хомяковымъ, въ отличіе отъ прежней полемической аргументаціи, одинаково направляются какъ противъ католичества, такъ и противъ протестантства.

Основнымъ источникомъ западныхъ отступленій Хомяковъ призналъ искаженіе ученія о Церкви; поэтому и въ богословской системѣ самого Хомякова ученіе о Церкви занимаетъ центральное положеніе. По опредѣленію Хомякова, „Церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, но единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати“. Живя божественной и благодатной жизнью, Церковь является святой, но эта святость принадлежитъ лишь Церкви во всей ея совокупности. Будучи святою, Церковь поэтому является и

единственной хранительницей богооткровенной истины, такъ какъ „благодать вѣры не отдѣльна отъ святости жизни, и одна община и ни одинъ пастырь не могутъ быть признанными за хранителей всей вѣры, какъ ни одинъ пастырь, ни ни одна община не могутъ считаться представителями всей святости церковной“. Необходимость святости для постиженія истинъ вѣры открывается изъ того, что пониманіе идей о Богѣ и Божественной жизни недоступно для такого человѣка, который самъ не переживалъ общенія съ Богомъ, жизнь котораго не согласована съ жизнью Божественной, какъ для слѣдого недоступно правильное пониманіе словъ „свѣтъ и мѣтъ“. Поэтому богооткровенныя истины представляются вполне ясными только для всей Церкви, объединенной любовью: „понятія о мѣрѣ Божественномъ недоступны человѣческой мысли, пребывающей въ уединеніи своей личной немощи и порочности, а постигаются только Духомъ Божиимъ, который открываетъ ихъ нравственному единству христіанскаго общества“. Отсюда вытекаетъ необходимость для каждаго христіанина жить одною жизнью съ Церковью и вѣровать тому и такъ, чему и какъ учить вѣровать Церковь.

Иное отношеніе къ истинамъ вѣры установилось въ западной церкви. Внесши добавленіе (Filioque) во вселенскій символъ вѣры безъ вѣдома православнаго Востока и вопреки соборнымъ постановленіемъ, Римская церковь поставила свое частное, провинціальное мнѣніе выше вселенскаго церковнаго сознанія и тѣмъ внесла въ познаніе богооткровенной истины тотъ самый принципъ раціонализма, который полное свое развитіе получилъ въ протестантствѣ: „частное мнѣніе, личное или областное (это все равно), присвоившее себѣ въ области вселенской Церкви право на самостоятельное рѣшеніе догматическаго вопроса, заключало въ себѣ постановку и узаконеніе протестантства, то-есть: свободы изслѣдованія, оторванной отъ живого преданія о единствѣ, основанномъ на взаимной любви“. Религіозный раціонализмъ именно въ томъ и состоитъ, что постиженіе истинъ вѣры отрывается отъ

нравственной чистоты и святости, что постижение это признается делом не цѣльной духовно-нравственной природы чловѣка, а отелеченнаго логическаго мышленія; отсюда вытекаетъ свобода религіознаго изслѣдованія, т. е. признаніе права и способности каждаго христіанина постигать истинны вѣры собственнымъ разсудкомъ. Такая свобода ведетъ къ полному отрицанію Церкви, какъ цѣльнаго организма, живущаго одною религіозно-нравственною жизнью, какъ живого организма истинны и любви, каковое отрицаніе мы и видимъ въ протестантствѣ. Но западная церковь, вступивши на путь религіознаго рационализма, не могла сразу дойти до послѣднихъ его выводовъ, такъ какъ въ ней еще живы были остатки вселенскаго преданія: вмѣсто того, чтобы объявить свободное рѣшеніе догматическихъ вопросовъ правомъ каждаго христіанина, она усвоила „исключительную привилегію на обладаніе Святымъ Духомъ“ опредѣленному мѣсту—Риму. Римскій папа, признанный непогрѣшимымъ авторитетомъ въ вопросахъ вѣры независимо отъ его личной святости, сдѣлался для западныхъ христіанъ своего рода оракуломъ. „Для христіанина этотъ оракулъ ниспадалъ въ разрядъ явленій матеріальнаго свойства, тѣхъ явленій, которыхъ законы могутъ и должны подлежать изслѣдованіямъ одного разума; ибо внутренняя связь чловѣка съ Церковью была порвана. Законъ чисто-внѣшній, и слѣдовательно разсудочный, заступилъ мѣсто закона нравственнаго и живаго, который одинъ не боится рационализма, ибо объемлетъ не только разумъ чловѣка, но и все его существо“. Съ уничтоженіемъ внутренней, живой связи между членами Церкви, для поддержанія церковнаго единства потребовалось рабское молчиненіе всѣхъ одному верховному иервосвященнику; внутреннія, нравственныя отношенія между членами Церкви замѣнились внѣшними, юридическими: „единный, живой законъ единенія въ Богѣ вытѣсненъ былъ частными законами, носящими на себѣ отпечатокъ утилитаризма и юридическихъ отношеній“. Соответственно съ этимъ, самыя отношенія между Богомъ и чловѣкомъ въ западномъ бого-

ловія представляются основанными на юридическихъ началахъ: права и обязанности, заслуги и награды, удовлетворенія и возмездія; отсюда—чистилище, сверхдолжная заслуги, индульгенціи и т. п. Но разь ставши на путь рачіонализма, западное религіозное сознаніе не могло остановиться на рабскомъ подчиненіи вышнему авторитету папы. Естественнымъ послѣдствіемъ римскаго раскола явился дальнѣйшій расколъ—протестантскій. Однако, ведя борьбу противъ отдѣльныхъ католическихъ заблужденій, протестантство не только не способствовало очищенію христіанской истины, а повело къ еще большому извращенію ея, такъ какъ выходило изъ тѣхъ же ложныхъ основъ, на которыхъ покоится и католичество.—раціонализма и юридизма. Хомяковъ съ удивительнымъ глубокимъмысліемъ показываеъ, какъ отдѣльные пункты католическаго и протестантскаго ученія по одному и тому же вопросу—о Св. Преданіи и Св. Писаніи, о вѣрѣ и дѣлахъ, о дѣйствіи благодати въ таинствахъ, объ отношеніи Церкви земной къ Церкви небесной,—будучи противоположными другъ другу, все же имѣютъ одну и ту же логическую основу и потому оказываются одинаково ложными и одинаково исключаются православнымъ ученіемъ, исходящимъ изъ совершенно иного начала.

За подробнымъ изъясненіемъ всѣхъ этихъ пунктовъ отсылаемъ читателей къ самимъ богословскимъ сочиненіямъ А. С. Хомякова. Но и сказаннаго достаточно для того, чтобы видѣть, какое важное значеніе имѣютъ труды Хомякова для православнаго богословія, и какую пользу можетъ принести ознакомленіе съ ними, особенно въ настоящее время, когда Православной Церкви приходится защищаться отъ пропанды со стороны католичества и протестантствующаго сектантства. Въ сознаніи этого важнаго значенія редакція „Руководства для сельскихъ пастырей“ и предположила дать своимъ подписчикамъ въ качествѣ бесплатнаго приложенія при журналѣ богословскія произведенія А. С. Хомякова. *Н. Гумилевскій.*

Богослуженіе въ навечеріе и въ праздникъ Рождества Христова въ старой Москвѣ, въ эпоху всероссійскихъ патріарховъ.

Большой Успенскій соборъ не при всѣхъ патріархахъ былъ мѣстомъ торжественнаго богослуженія въ навечеріе праздника Рождества Христова. Иногда патріархъ съ „властями“ и клиромъ ѣздилъ въ приходскую церковь Рождества Христова, гдѣ на другой день бывалъ храмовой праздникъ, и тамъ совершались службы, положенныя въ навечеріе Рождества. Къ празднику пріѣзжалъ и царь со свитою. Такъ бывало, напр., при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, который послѣ царскихъ часовъ и обряда многолѣтствованія въ Успенскомъ соборѣ, на вечерню и обѣдню ѣхалъ съ духовенствомъ въ церковь Рождества Христова, а въ соборѣ для службы оставались только „недѣльный попъ съ дьякономъ“¹⁾. Но все равно, совершалась ли служба навечерія въ приходскомъ храмѣ, или въ соборѣ, она совершалась при патріархахъ весьма торжественно. Конечно, въ соборѣ торжественность службы усугублялась благолѣпіемъ еще и внѣшней обстановки главнаго столичнаго храма, съ которымъ не могла соперничать въ этомъ отношеніи ни одна московская церковь. Вотъ почему, думаемъ, запись сохранившаяся отъ временъ патріарха Никона (отъ 1658 г.), который, какъ извѣстно, особенно заботился о торжественности патріаршей службы, приурочиваетъ службу навечерія Рождества Христова къ Успенскому собору²⁾.

Благовѣсть къ вечерней службѣ въ навечеріе Рождества Христова полагался при патріархахъ въ различное время. Ударяли къ вечернѣ въ „старый большой“, или въ „новый“

¹⁾ См. „Р. д. с. п.“ за 1908 г. т. третій, № 51: „Обрядъ многолѣтствованія въ навечеріи Рождества Христова“, с. 360—361.

²⁾ А. П. Голубцова: „Чиновники Московскаго Успенскаго собора и выходы патріарха Никона“. М. 1908 г., с. 290.

колоколь на соборной колокольнѣ и въ „шестомъ часу“ дня и „за часъ до вечера“. А если вечерня соединялась съ литургіей, то—и „какъ два часа дни съ четвертью ударить“, и въ „пол третья часа“³⁾. Время считалось въ старой Москвѣ по солнцу. Въ минуту восхожденія солнца, на Московскихъ часахъ били 1 часъ дня; когда же солнце заходило, били 1 часъ вечера или ночи. Дневнымъ часамъ велся свой счетъ, а ночнымъ—свой. И отъ того, что количество дневныхъ и ночныхъ часовъ, сообразно съ восходомъ и заходомъ солнца, измѣнялось почти чрезъ каждые двѣ недѣли, въ старинныхъ святцахъ помѣщались особыя таблицы, указывающія въ часахъ продолжительность дня и ночи по числамъ мѣсяцевъ. Такъ, 12 декабря день имѣлъ въ Москвѣ 7 часовъ, а ночь 17; съ этого числа день начиналъ прибывать, и ночь сокращалась⁴⁾. Принимая во вниманіе, что 24 дек. солнце восходитъ въ Москвѣ, приблизительно, въ 8 ч. 25 м. утра, а заходитъ около 4 дня, мы можемъ высчитать и время благовѣста къ службамъ навечерія Рождества Христова въ эпоху патріарховъ. „Шестой“ часъ дня будетъ равняться теперешнему времени послѣ 1 ч. 25 м. дни; время опредѣляемое словами: „за часъ до вечера“ будетъ соответствовать нашимъ тремъ часамъ дня; „два часа дня съ четвертью“ равняется 10 ч. 40 м., и „пол третья часа“—10 ч. 55 м. утра.

Патріархъ входитъ въ соборъ „по чину“. Отъ самой келліи идутъ предъ нимъ пѣвчіе и подъяки въ бѣлыхъ стихаряхъ и поютъ „стихи“. Встрѣченный въ соборѣ властями и прочимъ духовенствомъ, патріархъ творитъ входныя молитвы, лобызаетъ св. иконы и облачается на „своемъ святительскомъ мѣстѣ“. „А облаченье на немъ, государѣ“, въ 1658 г., „было ряловое: стихарь бѣлый обьяринный, патра-

³⁾ Ibid. с. 173, 217, 290.

⁴⁾ И. Е. Забѣлина—„Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI—XVII ст.“ М. 1862, ч. с. 88—89.

хиль и поясъ меньше, поручи низанные, палица, савь (Спасскій, амфоръ вредній, митра средняя; панагія ишмовая, крестъ⁵⁾). Бѣлаго цвѣта облаченія полагались и для прочихъ „властей“ и духовенства, сослужившихъ съ патриархомъ⁶⁾. По облаченіи патриарха, въ соборъ входилъ со свитою царь. Онъ являлся почти всегда въ этотъ день въ церковь въ бѣлой шелковой шубѣ, съ кованнымъ золоченымъ кружевомъ и золотною вышивкою. Бояре также были въ бѣлымъ тафтяныхъ шубахъ⁷⁾. „И тако начинали вечерню, и пѣли вечерню по уставу“⁸⁾. На Господи возвахъ стихирь пѣлись по гласу, а славникъ — „на распѣвъ, греческаго переводу“⁹⁾. Величественно совершался вечерній входъ¹⁰⁾. „Государь святѣйшій патриархъ Свѣте тихій самъ пѣлъ со властью, идучи въ алтарь, и потомъ въ алтарѣ кадиль“¹¹⁾. Слѣдовали затѣмъ, по порядку Службы, прокимень, пареміи и божественная литургія Василия Великаго. По заамвонной молитвѣ, патриархъ разлаивалъ антидоръ („дору“) и творилъ отпустъ.

⁵⁾ А. П. Голубцова, лит. изд. с. 290. Надо сказать, что облаченія патриарховъ (особенно это было замѣтно у Никона) раздѣлялись по драгоцѣнности на три разряда: были „наряды“ — *большой, средній и малый*, с. XXXIV. Сообразно съ важностью праздника, патриархи облачались въ тѣ или другія „святительскія ризы“.

⁶⁾ Ibid. с. 217.

⁷⁾ И. Е. Забѣлина, лит. соч., с. 306—307.

⁸⁾ Нѣтъ свѣдѣній, была ли въ употребленіи въ Москвѣ при патриаршемъ входѣ въ навечеріи Рождества особая рождественская звѣзда, въ преднесеніи которой совершался въ древности вечерній входъ подь Рождество на Востокъ, какъ это видно изъ приведенной у проф. А. А. Дмитриевскаго, въ его *Толкѣ*, выдержки изъ рчи, XI—XII в. № 62 библиотеки лавры св. Саввы Овещаннаго. Какъ *ἐξήγηται ὁ ἀρκευτικὸς πρὸς τὸν ἱερώην καὶ διακόνον ἐκ τῆς ἐκδοκῆς κατὰ τὸν εὐχρηστικὸν καὶ πρὸς τὸν ἐπίσκοπον κατὰ τὸν ἱερώην καὶ διακόνον*... „Опис. литургия, рукописей, хранящ. въ библиот. прав. Востока“, т. I. Кіевъ. 1895 г., с. 157. Проф. Голубцова дѣлаетъ остроумное предположеніе, что звѣзда составлялась посредствомъ искусной комбинаціи „возженныхъ свѣчей“, см. — „Соборные чиновники и особенности службъ по нимъ“, М. 1897 г., с. 182. примѣч. Если это было такъ, то образованная изъ возженныхъ свѣчей звѣзда представляла для взора богомольцевъ чудное зрѣлище, переносящее мысль ихъ къ звѣздѣ Велемской.

Объ 1658 г. и. Никонъ возвратился къ болѣе древней практикѣ относительно возглашенія царскаго и патріаршаго многолѣтія—стала совершать этотъ чинъ по окончаніи литургіи⁹⁾. Къ началу многолѣтствованія, соборные ключари ставили среди церкви два подсвѣчника съ свѣчами предъ иконой праздника на аналоѣ. Пѣвчіе поддіаки среди церкви пѣли тронарь и кондакъ праздника греческаго распѣва. И послѣ того архидіаконъ съ амвона начиналъ „кликать“ многолѣтіе. „А пѣвчіе съ поддіаки по клиросамъ пѣли: На многа лѣта, по трижды противъ двухъ первыхъ кличъ, а противъ третьей кличи большія пѣли: На многа лѣта, большее. Потомъ (архидіаконъ) государю святѣйшему патріарху кликалъ многолѣтіе, и пѣвчіе съ поддіаки пѣли: Исполайти деспота, трижды; а государынѣ царицѣ и государю царевичу и царевнамъ пѣли по трижды: Многа лѣта, меньшаго распѣва“. Патріархъ во время многолѣтія стоялъ въ облаченіи въ царскихъ вратахъ, окруженный „властьми“. „И какъ совершился чинъ о многолѣтіи, и государь святѣйшій патріархъ, розоблачась въ алтарѣ и вышедъ со всѣми властьми, государю царю здравствовалъ; также и ему государь царь“. Послѣ сего, царь отправлялся во дворець, а патріархъ—въ „свою государеву крестовую палату“. Патріарха провожали изъ собора „только одинъ лампадарь до лѣстницы и, проговоря: Тонъ деспотинъ, поклоняся великому архіерею“, возвращался въ соборъ, „а великій архіерей, обращяся, осѣнялъ на всѣ страны“¹⁰⁾.

Отъ временъ царя Михаила Феодоровича и п. Филарета Никитича (отъ 1622 г.) сохранилась запись, что въ „1 часъ ночи (т. е. въ 4 ч. дня, по нашему счету) ходятъ протопопы къ государю славити, таже—къ патріарху и (къ великой старицѣ¹¹⁾) только съ крестомъ... А славятъ: Хри-

⁹⁾ „Р. д. с. и.“ за 1908 г., с. 362—364.

¹⁰⁾ Проф. А. П. Голубцова, цит. изд., с. 290—291.

¹¹⁾ Къ матеріи п. Алексѣя Михайловича, инокинѣ Марѣѣ, жительствовавшей въ Вознесенскомъ монастырѣ.

стось ражается славите, таже слава и нынѣ, кондакъ праздни-
ника; тажъ протопопъ глаголетъ молитву, и потомъ благо-
славляетъ государя: а славятъ все вмѣстѣ¹²⁾. Славившее
Христа духовенство получало денежную мзду отъ царя, пат-
ріарха и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, къ которымъ
являлось. Кромѣ денежнаго подарка государь угощалъ во
дворцѣ соборный причтъ еще и медомъ (бѣлымъ и краснымъ),
который подавался въ золотыхъ и серебряныхъ ковшахъ
приближенными къ государю придворными лицами. Размѣръ
славленнаго колебался между 12 р. и 8 алтынами съ 2 день-
гами (25 коп.) на соборъ, смотря по рангу причта. Особенно
отличившіеся на многолѣтствованіи пѣвцы и архидіаконъ
получали особо изъ собственныхъ рукъ царя по рублю и по
два въ добавленіе къ тому, сколько было назначено по пер-
воначальной смѣтѣ¹³⁾.

Повечеріе пѣлось „по кельямъ“¹⁴⁾.

Н. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹²⁾ Ранѣе того, духовенство, собиравшееся во дворецъ со всеѣхъ мо-
сковскихъ соборовъ, славило „по соборамъ, невдругъ, порознь“, проф.
А. П. Голубцова, цит. изд., с. 31. Молитву читалъ, вѣроятно, протопопъ
Благовѣщенскаго собора: онъ былъ духовникомъ царя и оказывался, та-
кимъ образомъ, старѣйшимъ въ ряду прочихъ соборныхъ московскихъ
протопоповъ.

¹³⁾ „Канунъ праздника Рождества Христова“. Кіевъ. 1903 г., с. 21.

¹⁴⁾ Проф. А. П. Голубцова, цит. изд., с. 31.

Можетъ ли благодать Божія дѣйствоватьъ чрезъ недостойныхъ пастырей?

(Къ нашей полемикѣ со штундо-баптистами).

Православная Церковь учитъ, что благодать Божія подается вѣрующему человѣку чрезъ всякаго пастыря, какъ достойнаго, такъ и недостойнаго, потому что каждый изъ нихъ совершаетъ священнодѣйствія не своею силою, но Божіей, данной ему при посвященіи въ священный санъ.

Совсѣмъ иначе разсуждаютъ сектанты. Они оспариваютъ церковную точку зрѣнія по данному вопросу и говорятъ: благодать Божія не можетъ подаваться чрезъ недостойныхъ, порочныхъ и безнравственныхъ пастырей. Она если и подается, то только достойнымъ, избраннымъ, святымъ.

Въ защиту своего мнѣнія сектанты опираются на такой примѣръ изъ книги „Дѣяній Апостольскихъ“.

„Симонъ, увидѣвъ, что чрезъ возложеніе рукъ Апостольскихъ подается Духъ Святой, принесъ имъ деньги, говоря: дайте и мнѣ власть сію, чтобы тотъ, на кого я возложу руки, получалъ Духа Святаго. Но Петръ сказалъ ему: серебро твое да будетъ въ погибель съ тобою, потому что ты помыслилъ даръ Божій получить за деньги; *нѣтъ тебѣ во семь части и жребія, ибо сердце твое не право предъ Богомъ*“¹⁾...

Обратите вниманіе на слова: „нѣтъ тебѣ во семь части и жребія, ибо сердце твое не право предъ Богомъ“... Что означаютъ они?—спрашиваютъ сектанты и тутъ-же отвѣчаютъ: а то, что благодать Божія не можетъ подаваться тому, въ комъ совѣсть не чиста. „Ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? что общаго у свѣта со тьмою? какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ? какая совмѣстность храма Божія съ идолами“²⁾ А такъ какъ ваши попы, резонерствуютъ

¹⁾ Дѣян. 8 гл. 18—21 ст.

²⁾ 2 Корине. 6 гл. 14—16 ст.

далѣе сектанты, „служать не Господу нашему Іисусу Христу, а своему чреву, и ласкательствомъ и краснорѣчіемъ обольщаютъ простодушныхъ“¹⁾ и суть „пьяницы, бійцы, сварливы, корыстолюбивы“ то, значить, чрезъ нихъ не можетъ подаваться благодать Божія. А если такъ, то и всѣ заши тайства—пустой звукъ, самообманъ, самообольщеніе, ничего болѣе: „святая святымъ“!

Вопросъ весьма серьезный. Возраженіе дѣльное. Обсудимъ же его по возможности со всѣхъ сторонъ.

Сектанты говорятъ: „святая—святымъ“, т. е. что благодать Божія подается только избраннымъ, святымъ.

Но вѣдь святыхъ въ полномъ смыслѣ слова сего среди людей, живущихъ на землѣ, и нѣтъ, и не было. Всѣ люди грѣшны. Всѣ повинны предъ Богомъ. Даже пророки, апостолы, праведники и тѣ не безъ грѣха. Такъ, сильный вѣрою пророкъ и Боговидецъ Моисей по-временамъ былъ маловѣрнымъ²⁾. Мужественный Іовъ въ тяжкихъ мукахъ тяжкой проказы проклялъ день своего рожденія и ночь своего зачатія³⁾. Первоверховный Апостолъ Петръ троекратно отрекся отъ своего Господа и Учителя⁴⁾.

Если же столпы вѣры временами колеблются, если души праведныхъ людей иногда обуревались грѣховными помыслами и сомнѣніями, малодушіемъ и слабостями, то возможно ли не быть слабостямъ и даже порокамъ въ средѣ православныхъ пастырей? Вѣдь они—не ангелы. Они—простые, обыкновенные люди, подверженные грѣховнымъ наклонностямъ въ той степени и мѣрѣ, въ какой подвержено все вообще человѣчество. Какъ же можно тогда отъ нихъ требовать идеальной святости и безукоризненной чистоты? Если среди двѣнадцати Самимъ Богомъ избранныхъ Апостоловъ оказался одинъ недостойный,

¹⁾ Римл. 16 гл. 18 ст.

²⁾ Числ. 20 гл. 1—12 ст.

³⁾ Іова, 3 гл. 1 ст.

⁴⁾ Мате. 26 гл. 68—75 ст.

то что удивительнаго въ томъ, что среди многихъ десятковъ тысячъ православныхъ священнослужителей встрѣчаются иногда недостойные пастыри, не соответствующіе духу евангельскаго ученія и требованіямъ апостольскихъ завѣтовъ?

— Удивительнаго, конечно, здѣсь нѣтъ ничего, говорятъ намъ сектанты. Но вотъ вопросъ: дѣйствуетъ ли благодать Божія чрезъ такихъ недостойныхъ лицъ? Мы думаемъ, что нѣтъ.

А мы, православные, думаемъ совсѣмъ обратное. Мы не только думаемъ, допускаемъ, но глубоко увѣрены въ томъ, что спасительная благодать одинаково подается какъ чрезъ достойныхъ, такъ и недостойныхъ пастырей. И наша вѣра въ это не слѣпая, безъ всякихъ основаній и доказательствъ, но вѣра разумная, находящая для себя достаточную опору рѣшительно во всемъ: и въ Св. Писаніи, и въ исторіи, и въ здравомъ смыслѣ.

Обратимся къ Св. Писанію. Развѣ оно не даетъ никакихъ основаній къ благопріятному рѣшенію поставленнаго нами вопроса? Напротивъ, даетъ, да еще сколько! почти въ каждой священной книгѣ мы находимъ примѣры того, что благодать Божія, въ томъ или другомъ видѣ ея, подается не только чрезъ достойныхъ, но весьма часто и чрезъ недостойныхъ лицъ. Вспомнимъ, напримѣръ, нечестиваго волхва Валаама. Развѣ Господь не подавалъ чрезъ него духовнаго благословенія неблагодарнымъ іудеямъ¹⁾? Или вспомнимъ еще нечестиваго Іуду Искаріота. Развѣ онъ не творилъ чудесъ²⁾? Развѣ Господь не сообщалъ чрезъ него своей благодати, хотя онъ былъ предатель, воръ³⁾, діаволь⁴⁾. А первосвященникъ Каиафа? Вѣдь онъ былъ недостойнъ священнаго сана, такъ какъ искалъ смерти Христа, осудилъ и предалъ Его

¹⁾ Числ. 23 гл.

²⁾ Мате. 10 гл. 1—9 ст.

³⁾ Іоан. 12 гл. 6 ст.

⁴⁾ Іоан. 6 гл. 70 ст.

на смерть. И однако Господь говорилъ чрезъ него, подавалъ ему благодать пророчества. Мы, напримѣръ, знаемъ, что онъ предсказалъ смерть Спасителя не за свои грѣхи, а за грѣхи людей ¹⁾. Возьмемъ еще Авимелеха. Онъ тоже былъ нечестивымъ, неоднократно прогнѣвлялъ Бога, впадалъ въ идолопоклонство. Не смотря на это, онъ все-таки удостоился Божественнаго откровенія. Ему свыше дано было знать, что Авраамъ—пророкъ ²⁾.

При желаніи число такихъ примѣровъ можно было бы увеличить если не втрое, то, по крайней мѣрѣ, вдвое; но, думаемъ мы, и этихъ вполне достаточно. И эти немногіе примѣры всѣхъ и каждаго убѣждаютъ въ томъ, что благодать Божія часто подается грѣшнымъ, порочнымъ и, значить, недостойнымъ лицамъ. А если такъ, а въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, то, значить, она можетъ подаваться и недостойнымъ пастырямъ.

Косвенное подтвержденіе сдѣланнаго нами вывода мы встрѣчаемъ и въ посланіяхъ апостола Павла. Апостоль Павелъ говоритъ, что власть и право пастырей Церкви низводитъ благодатную силу на вѣрующихъ исходить отъ Бога. „Увѣренность (въ дѣйствіи благодати въ сердцахъ вѣрующихъ чрезъ служителей Божіихъ) мы имѣемъ въ Богѣ чрезъ Христа, не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что отъ себя, но способность наша—отъ Бога. Онъ далъ намъ способность быть служителями новаго завѣта ³⁾. Сокровище сіе мы носимъ въ глиняныхъ сосудахъ, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не намъ ⁴⁾. Ибо сила Господня въ немощахъ совершается“ ⁵⁾.

Если-же премудрость Божія открывается не премудрымъ, а младенцамъ, если сила Господня въ немощахъ совершается,

¹⁾ Иоан. 11 гл. 50—51 ст.

²⁾ Быт. 20 гл. 7 ст.

³⁾ 2 Коринѣ. 3 гл. 4—6 ст.

⁴⁾ 2 Коринѣ. 4 гл. 7 ст.

⁵⁾ 2 Коринѣ. 12 гл. 9 ст.

если благодать Божія и въ глиняныхъ сосудахъ проявляется, то ясно, какъ Божій день, что и чрезъ недостойныхъ пастырей можетъ подаваться Божественная благодать. Ибо такія выраженія какъ: „въ немощахъ совершается“, „глиняные сосуды“ могутъ быть приложимы только къ недостойнымъ пастырямъ, а отнюдь не къ добрымъ, разумнымъ священникамъ.

Итакъ, Православная Церковь утверждаетъ, что благодать Божія во всей своей силѣ можетъ проявляться и чрезъ недостойнаго пастыря.

Почему такъ?

Потому что въ извѣстныя минуты эта благодать можетъ подчинить себѣ душу пастыря, преобразовать его по духу Христову и, такимъ образомъ, дѣлаетъ его способнымъ выступить въ качествѣ Христова служителя.

Вспомнимъ пророка Валаама. Онъ за деньги готовъ былъ продать язычнику свой пророческій даръ и проклясть вѣрный Богу народъ, т. е. Израиля. Но вотъ восшелъ онъ на гору, увидѣлъ раскинушіеся предъ нимъ шатры Израиля и скинію завѣта, стоящую посреди стана, и Израиля, молящагося предъ ней, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чающихъ спасенія отъ Бога и отъ алтаря Его. И открылись уста его. вмѣсто проклятія они изрекли благословеніе народу Божію.

Было бы ошибкой думать, что сила Божія только механически дѣйствовала чрезъ пророка Валаама, т. е. заставляла его говорить то, чего онъ на самомъ дѣлѣ не хотѣлъ говорить. Тутъ дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Причина сего лежитъ гораздо глубже, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Пророкъ вмѣсто проклятія произнесъ благословеніе, намъ думается, вотъ почему. Народъ, чающій спасенія отъ скиніи и распростертый ницъ предъ кивотомъ завѣта, пробудилъ въ пророкѣ духъ служенія истинѣ и правдѣ, жалость къ народу и жажду спасенія его. И вотъ благодать, жившая въ Валаамѣ, заговорила устами его, и онъ низвелъ на Израиля Божіе благословеніе и Божію благодать, хотя, можетъ быть, на

другой же день онъ снова пошелъ бы къ Валааму съ предложениемъ продать ему даръ Божій 4).

То, что было съ Валаамомъ, то случается и съ каждымъ недостойнымъ пастыремъ настоящаго времени.

Итакъ, Св. Писаніе даетъ благопріятное рѣшеніе поставленнаго нами вопроса. Оно путемъ многочисленныхъ примѣровъ и изреченій ясно говоритъ, что Божественная благодать подается чрезъ всѣхъ пастырей, какъ достойныхъ, такъ и недостойныхъ, и что священнодѣйствія ихъ спасительны для вѣрующихъ, потому что они проходятъ служеніе, Самимъ Богомъ установленное для низведенія на вѣрующихъ благодати Божіей, и еще потому, что Господь Своею благодатию, „немощная врачуеть и оскудѣвающая восполняетъ“.

Кромѣ Св. Писанія, и Св. Преданіе рѣшаетъ означенный вопросъ въ подобномъ же духѣ и направленіи. Такъ, еще съ первыхъ вѣковъ авторитетные представители христіанской Церкви утверждаютъ то же самое, что и мы защищаемъ теперь. Правда, сектанты отвергаютъ Св. Преданіе, какъ источникъ вѣры, и потому весьма недоброжелательно относятся къ твореніямъ св. Отцевъ и Учителей Церкви. Тѣмъ не менѣе, мы всетаки иллюстрируемъ свою мысль святоотеческими изреченіями. Пусть сектанты косо смотрятъ на приводимыя нами цитаты, пусть отрицаютъ ихъ авторитетность, пусть не считаются съ ними вовсе, но они должны такъ или иначе отвѣтить на тѣ аргументы, какіе выставила святоотеческая мысль въ защиту благодатнаго служенія недостойныхъ іереевъ. Эти аргументы продиктованы отчасти Св. Писаніемъ, а отчасти здравымъ человѣческимъ смысломъ. Посему игнорировать ихъ не удобно, не логично, не правильно. Нужно дать тогъ или иной отвѣтъ. Посмотримъ же, что скажутъ сектанты по поводу разсужденій церковныхъ писателей.

Мысли св. Отцевъ по данному вопросу таковы:

4) „Передъ стѣной“. „Передъ тайной“. Москва. 1906 г. стр. 109.

Св. Григорій Богословъ пишетъ: „Разсуди такъ: у тебя два перстня: одинъ золотой, другой желѣзный, и на обоихъ вырѣзанъ одинъ и тотъ же царскій ликъ и обоими ты сдѣлалъ печати на воску. Чѣмъ одна печать отлична отъ другой? Ничѣмъ. Распознавай вещество печати на воску и, если ты мудрѣе всѣхъ, скажи, который оттискъ желѣзнаго или золотого перстня? Ибо хотя вещество различно, въ начертаніи нѣтъ различія. Такъ и крестителемъ и исповѣдникомъ да будетъ у тебя всякій священникъ, потому что хотя бы одинъ превосходилъ другого по жизни, но сила крещенія (равно какъ и другихъ таинствъ) одинакова, и посему одинаково можетъ привести тебя къ совершенству всякій іерей, наставленный въ той же вѣрѣ“¹⁾.

Еще яснѣе говоритъ по данному вопросу св. Іоаннъ Златоустъ. Вотъ его слова:

„Божія благодать дѣйствуетъ и чрезъ недостойныхъ. Богъ дѣйствовалъ и чрезъ Валаама, сквернаго чловѣка; открывалъ будущее и Фараону, и Навуходносору; и Каіафа пророчествовалъ, самъ не зная, что говорилъ, и другіе нѣкоторые изгоняли бѣсовъ именемъ Христа, хотя сами не были Христовы; потому что все это бываетъ не для совершающихъ, а для другихъ“²⁾.

И въ другомъ мѣстѣ:

„Съ Каиномъ говорилъ Богъ ради Авеля, съ діаволомъ ради Іова, къ Фараону говорилъ ради Іосифа, къ Навуходносору ради Даниіла, и волхвы откровеніе получили“³⁾.

„Случается, что начальники бываютъ злые и невоздержные, а подчиненные добрые и воздержанные, міряне живутъ благочестиво, а священники порочно; и если бы благодать всегда искала достойныхъ, то не было бы ни кре-

¹⁾ Твор. св. Отець. т. 3. стр. 298—299

²⁾ Бесѣды на 14 посл. ап. Павла. Бесѣда 8-я на 1 Кор. гл. 3.

³⁾ Бесѣды на 14 посл. ап. Павла. Бесѣда на 1 гл. посл. къ Колос. нравоуч. 3.

щенія, ни совершенія Тѣла Христова. Но теперь Богъ дѣйствуетъ и чрезъ недостойныхъ и благодать крещенія нисколько не терпитъ вреда отъ дурной жизни священника. Говорю это для того, чтобы кто-нибудь изъ предстоящихъ, наблюдая за жизнью священника, не соблазнялся касательно совершаемыхъ имъ таинствъ. Человѣкъ ничего не приноситъ въ нихъ отъ себя, но все есть дѣло силы Божіей; Онъ дѣйствуетъ на васъ въ таинствахъ“¹⁾).

Еще сильнѣе мысль Златоуста выразилась въ такихъ словахъ:

„Что тебѣ до того, что священникъ скверный и злой? Но если и добрый и благочестивый за тебя Бога молятъ, что пользы, если ты самъ злой? Также тебѣ не вредитъ и скверный, если ты самъ вѣренъ Богу и угоденъ Ему, ибо вся благодать отъ Бога: священникъ только уста отверзаетъ, творить же все Богъ“²⁾).

Что можно сказать противъ такихъ простыхъ, безхитростныхъ разсужденій нашихъ знаменитыхъ церковныхъ вѣтій?—Рѣшительно ничего. Развѣ мыслимо идти противъ логики? Развѣ можно возставать противъ здраваго смысла? Развѣ можно идти въ разрѣзъ съ простыми, азбучными истинами?—Конечно, нельзя. И потому наши сектанты упорно молчатъ. Не говорятъ ни за, ни противъ святоотеческихъ соображеній. Но это гробовое ихъ молчаніе самымъ краснорѣчивымъ образомъ говорить въ пользу несостоятельности сектантскаго лжеученія.

Такимъ образомъ, и Св. Писаніе и Св. Преданіе и здравый человѣческій разумъ одинаково убѣдительно говорятъ о томъ, что и чрезъ недостойныхъ пастырей подается людямъ Божественная благодать.

Теперь пойдемъ далѣе.

¹⁾ Бесѣды на 14 посл. ап. Павла. Бесѣда на 3 гл. посл. къ Колос.

²⁾ Св. Злат. изъ прол. 4 февр.

Мы того мнѣнія, что если бы и въ Св. Писаніи и въ Св. Преданіи ни одного слова не встрѣчалось въ пользу установленнаго нами положенія, то и въ такомъ случаѣ невозможно было бы согласиться съ сектантами и допустить ими защищаемую мысль.

Почему такъ?

Да потому, что мы, благодаря этому, впади бы въ полнѣйшее противорѣчіе со Св. Писаніемъ.

Спаситель міра далъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ, а въ ихъ лицѣ и всѣмъ пастырямъ Церкви, власть „вязать и рѣшить“ грѣхи. Онъ говорилъ: „и дамъ вамъ ключи царствія небеснаго и что свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“¹⁾. „Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся“²⁾.

Справедливо ли послѣ этого утверждать, что священникъ не можетъ прощать грѣховъ, такъ какъ и онъ грѣшнень? Если Самъ Богъ далъ ему такую власть, то какъ люди могутъ оспаривать ее у священника? Нѣтъ, мы не должны смотрѣть на то, достоинъ или недостоинъ пастырь:—не онъ разрѣшаетъ, а чрезъ него Самъ Богъ дѣйствуетъ. Если станемъ иначе смотрѣть на это, то вовсе окажемся безъ покаянія. Не будетъ тѣхъ, кто долженъ „вязать и рѣшить“, потому что предъ судомъ Божьей правды всѣ мы повинны, и грѣшны, и недостойны.

Итакъ, и чрезъ недостойныхъ пастырей дѣйствуетъ благодать Божія ради ихъ священнаго сана, а потому должно почитать и недостойныхъ пастырей изъ уваженія къ ихъ священному сану и пользоваться отъ нихъ благодатными священнодѣйствіями и таинствами.

Законоучитель Одесской 2-й мужской
гимназіи, священникъ Александръ Введенскій.

¹⁾ Матѳ. 18 гл. 18 ст.

²⁾ Іоанн. 20 гл. 23 ст.

Городское пастырство.

Городская паства за послѣднее время представляет слишкомъ тернистую почву для пастырскаго дѣланія. Общественная жизнь современнаго города пестритъ такими грубыми аномаліями, предъ которыми, пожалуй, блѣднѣютъ утонченные пороки древне-классическаго міра. Параллельно быстрому развитію культуры и особенно техники увеличиваются и людскіе пороки. Современный городъ положительно стонетъ подъ бременемъ ихъ, и задыхается въ удушливой атмосферѣ безнравственности. Интересы плоти здѣсь имѣютъ доминирующее значеніе. Подъ грудою заботъ о куплѣ и продажѣ почти незамѣтны запросы духа, безсмертныя стремленія къ высшему и идеальному. Безчестныя сдѣлки, ложь и обманъ здѣсь—обычныя явленія. Необыкновенная роскошь однихъ и гнетущая бѣдность другихъ такъ переплелись въ нашихъ, особенно большихъ, городахъ, что положительно нѣтъ возможности ихъ распутать. Пьянство, грубое и утонченное, соединенное съ обычными своими спутниками: развратомъ и пошлостію, такъ вкоренились въ городскомъ населеніи, что и то и другое сдѣлалось зауряднымъ явленіемъ городской жизни, не обращающимъ на себя вниманія. А разложеніе семьи?! А гибнущее юношество?! А необыкновенное развитіе порнографической литературы и многое, многое другое, налагающее мрачную тѣнь на фізіономію города?

Эта крайне удушливая нравственная атмосфера современнаго города болью отзывается въ душѣ каждаго порядочнаго человѣка, преслѣдующаго въ жизни, кромѣ узко-эгоистическихъ цѣлей, еще и общественное благо. Тѣмъ болѣе пастыри Церкви, которые обязаны охранять чистоту нравовъ ввѣренныхъ имъ людей, не должны быть равнодушными при видѣ этой потрясающей картины человѣческихъ беззаконій.

Въ моменты какихъ-либо стихійныхъ бѣдствій: землетрясеній, пожаровъ, эпидемій и др., невольно пробуждаются

дремлющія общественныя силы къ дѣятельному и самоотверженному служенію общественному благу. Знаніе, капиталъ и трудъ объединяются въ одномъ общемъ стремленіи—оказать посильную помощь страждущимъ. Какой въ эти моменты подъемъ духа! Какой энтузіазмъ и самоотверженность! Волна увлеченій альтруистическими чувствами неволью какъ-то захватываетъ всѣхъ и каждого, заставляя пріобщиться къ общей работѣ на пользу ближнимъ.

Но вотъ на нашихъ глазахъ совершается то же самое стихійное бѣдствіе, только въ области духа. Въ такую критическую минуту пастыри Церкви, которымъ ввѣрено спасеніе людей, кажется, безъ всякихъ размысленій должны бы встать на защиту и спасеніе гибнущихъ душъ человѣческихъ. Вѣдь на ихъ глазахъ гибнутъ тысячи душъ, которыя при усиленныхъ заботахъ можно бы возстановить къ новой и лучшей жизни. Но къ великому прискорбію приходится повторить слова Христа Спасителя, что „жатвы много; дѣлателей же мало“ (Лук. X, 2).

Наше городское духовенство, въ силу сложившихся обстоятельствъ, могло заботиться объ удовлетвореніи духовныхъ запросовъ своихъ пасомыхъ. Оно перегружено всякими дѣлами и обязанностями и положительно разрывается на части. Правда, всѣ эти обязанности большею частію не имѣютъ почти никакого отношенія къ пастырскому дѣланію, но все же ихъ нужно исполнять неукоснительно, потому что этого требуетъ подлежащее начальство.

Городскому пастырю постоянно приходится торопиться. Наскоро справивши дневную церковную службу, онъ бѣжитъ то въ школу, то въ консисторію, то въ училищное отдѣленіе или еще въ какое-либо епархіальное учрежденіе, гдѣ имѣется у него то или другое дѣло. Такъ онъ вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, цѣлый день, а вечеромъ у него масса кабинетнаго дѣла,—или провѣрка какихъ-либо чужихъ документовъ, или веденіе разнаго рода кассовыхъ книгъ и проч. При такой сложной системѣ всякаго рода дѣлъ, взва-

ленныхъ на плечи городского духовенства, самый идеальнѣйшій пастырь не можетъ добросовѣстно исполнить свои пастырскія обязанности.

Вотъ каковы нужды городской паствы и условія пастырской дѣятельности среди этой паствы. Что же дѣлать? Неужели оставить дѣло въ такомъ видѣ, какъ оно ведется? Нѣтъ. Даже непосредственное чувство заставляетъ искать выхода изъ создавшагося ненормальнаго положенія вещей?

Относительно ненормальныхъ условій пастырской дѣятельности среди городской паствы можно сказать одно, что ихъ нужно измѣнить и создать новыя и лучшія. Нѣтъ ничего проще сдѣлать, какъ то, чтобы разъ навсегда освободить пастыря отъ постороннихъ обязанностей. Быть не можетъ, чтобы некому было поручить то тяжелое бремя, которое несетъ вотъ уже много-много лѣтъ наше городское духовенство. Вѣдь въ клирѣ есть діаконы и псаломщики. Они-то что дѣлаютъ въ долгое свободное время отъ службы? Почему не использовать эту незанятую часть клира? На эти должности къ городскимъ приходамъ можно привлечь людей и солидныхъ и дѣльныхъ. Имъ можно поручить всю сложную махинацію дѣлъ, не относящихся къ пастырству и однако возложенныхъ на городскихъ пастырей.

Возьмемъ законоучительство въ городскихъ школахъ. Сколько оно отнимаетъ времени у пастыря и какъ много, съ другой стороны, опущеній въ школѣ въ силу того, что весьма часто онъ никакъ не можетъ явиться туда на свои уроки по неотложнымъ приходскимъ обязанностямъ. А между тѣмъ, какъ легко избѣжать этихъ обоюдныхъ лишеній. Школьное законоучительство городскіе пастыри могутъ передать или спеціальнымъ законоучителямъ, или низшимъ членамъ клира, конечно, имѣющимъ на это право по своему образовательному цензу. Вѣдь каждый отдѣльный законоучитель свободно можетъ взять пять начальныхъ городскихъ школъ, при шести недѣльныхъ урокахъ въ каждой, что доставить ему тридцать недѣльныхъ уроковъ, которые онъ вполнѣ мо-

жетъ дать при полной свободѣ отъ другихъ обязанностей. Принимая же въ расчетъ самый минимальный окладъ въ каждой школѣ 120 руб. въ годъ, пять школъ дадутъ ему 600 руб. въ годъ. Слѣдовательно, такой законоучитель получитъ безусловно болѣе, чѣмъ получаетъ обычно псаломщикъ. Поэтому можно надѣяться, что окончившіе курсъ нашихъ духовныхъ семинарій охотнѣ пойдутъ въ законоучители, нежели въ псаломщики куда-либо въ глухую и захолустную деревушку, гдѣ скука да безлюдье увлекаютъ молодого человѣка въ нежелательную сторону.

Это же дѣло. законоучительство въ городскихъ приходскихъ школахъ, можно поручить, и низшимъ членамъ клира, псаломщикамъ и діаконамъ. Послѣдніе должны, конечно, имѣть соотвѣтствующій образовательный цензъ. Думается, что вообще въ образовательномъ отношеніи городское духовенство должно стоять выше сельскаго. Слѣдовательно, если ряды низшихъ членовъ клира въ сельскихъ приходахъ пополняются полуграмотными кандидатами, то къ городскимъ приходамъ было бы цѣлесообразнѣе опредѣлять на должности діакона и псаломщика лицъ съ семинарскимъ образованіемъ. Этого требуютъ не только сложныя обязанности городского духовенства, но и условія жизни города вообще. Болѣе образованное духовенство, конечно, подняло бы пастырскій авторитетъ, такъ пошатнувшійся за послѣднее время, особенно въ городахъ. Образованные клирики были бы прекрасными помощниками городскихъ священниковъ въ ихъ пастырской дѣятельности вообще и въ законоучительствѣ въ частности. Дѣятельное участіе клира въ пастырскомъ душепопеченіи дастъ пастырямъ возможность проникновеннѣе относиться къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, а для самихъ клириковъ это будетъ хорошей практической подготовкой къ будущей самостоятельной пастырской дѣятельности.

Если законоучительство въ начальныхъ школахъ несовмѣстимо съ исполненіемъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей городскими священниками, то тѣмъ болѣе это нужно

сказать о законоучительствѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Законоучительство въ этихъ заведеніяхъ—въ высшей степени трудное и отвѣтственное дѣло. Переживаемое время, время переоцѣнки жизненныхъ цѣнностей, выдвинуло массу всевозможныхъ вопросовъ, волнующихъ современную колеблющуюся молодежь, съ нетерпѣніемъ ждущую рѣшенія этихъ жгучихъ вопросовъ времени. Въ виду этого, законоучитель, чтобы оставаться на высотѣ своего положенія, долженъ быть свѣдущимъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія. Ему необходимо зорко слѣдить за современной духовной и свѣтской литературой, чтобы быть въ курсѣ жизненныхъ интересовъ. Однимъ словомъ, трудъ законоучителя среднеучебнаго заведенія, по условіямъ времени, въ высшей степени сложный и отвѣтственный, и во всякомъ случаѣ на него нельзя смотрѣть, какъ на побочное занятіе. Законоучитель долженъ быть свободенъ отъ какихъ бы то ни было стороннихъ обязанностей. При этомъ только условіи онъ можетъ всего себя и весь свой досугъ отдать на воспитаніе молодого поколѣнія.

Между тѣмъ въ настоящее время городское духовенство обременено уроками въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Ясное дѣло, что эту важную обязанность оно не въ силахъ исполнять совершенно добросовѣстно. Самое лучшее, что бываетъ при такомъ совмѣстительствѣ, такъ это то, что приходскій пастырь, законоучитель только официально ведетъ свои уроки, не влягая въ нихъ души. Но часто бываютъ нежелательныя опущенія уроковъ, что вноситъ страшное разстройство въ школьную жизнь, нарушая въ ней нормальный порядокъ. Пишущему эти строки недавно пришлось слышать отъ одного начальника средняго учебнаго заведенія, что у него законоучитель—приходскій священникъ—весьма часто вмѣсто восьми недѣльныхъ уроковъ даетъ въ школѣ одинъ или два въ недѣлю. Ясное дѣло, что такой законоучитель, являясь гостемъ въ школѣ, не можетъ сродниться съ учащимися'

жить ихъ жизнью и ихъ интересами, а потому его трудъ едва ли можетъ имѣть успѣхъ.

Выходъ изъ этого положенія единственный—не братья приходскимъ священникамъ за дѣло, которое требуетъ, чтобы ему посвящены были всѣ силы и отдано было все вниманіе, тѣмъ болѣе, что на должность законоучителя средняго учебнаго заведенія охотно идутъ лица съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Въ случаяхъ же недостатка послѣднихъ эту должность можно предоставить и лицамъ съ семинарскимъ образованіемъ. Изъ нашихъ священниковъ многіе съ охотою пойдутъ на эту должность, потому что она и идейная сама по себѣ, и хорошо обезпеченная.

Противъ устраненія приходскаго городского духовенства отъ законоучительства какъ въ низшихъ, такъ и къ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, можно сдѣлать одно только возраженіе. Школьное учительство—это одна изъ сторонъ пастырскаго душепопеченія, ибо пастыри прежде всего должны вліять на подростяющее поколеніе. Но мы говоримъ о раздѣленіи труда для большей продуктивности его, а не о томъ, чтобы совсѣмъ закрыть пастырю доступъ къ школѣ. Вѣдь въ школахъ законоучительствовать будутъ пастыри же, только свободные отъ приходскихъ обязанностей и не связанные какими-либо другими заботами. Мы настаиваемъ на томъ, чтобы и школа имѣла пастыря, преданнаго школьному дѣлу, и приходъ не лишался бдительнаго пастырскаго надзора, имѣя во главѣ себя не требоисправителя пастыря, а проникновеннаго и самоотверженнаго служителя Церкви Божіей.

Если возможно избавить городскихъ пастырей отъ школьнаго законоучительства, то тѣмъ болѣе не только возможно, но и прямо необходимо избавить ихъ отъ различнаго рода обязанностей по епархіальнымъ учрежденіямъ. Наши городскіе пастыри несутъ на своихъ плечахъ всю сложную машину епархіальныхъ учреждений. Они служатъ и въ консисторіи, и въ училищныхъ совѣтахъ и членами совѣтовъ въ школахъ

духовнаго вѣдомства, и въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. На исполненіе этихъ обязанностей имъ приходится тратить массу времени и силъ и все это въ ущербъ главному дѣлу—пастырскому душепопеченію. Въ теченіе дня городского пастыря вездѣ можно видѣть: и въ консисторіи, и въ училищныхъ совѣтахъ, и въ банкахъ, гдѣ ему приходится производить операціи по учрежденіямъ духовнаго вѣдомства, только не видно его на приходскомъ дѣлѣ. Отъ постели больного онъ бѣжитъ, формально исполнивъ свое пастырское дѣло, потому что тамъ гдѣ-либо его уже ждутъ въ назначенный часъ на засѣданіе. Въ моменты радостей семейныхъ онъ не можетъ посѣтить домъ своихъ пасомыхъ, чтобы удержать естественныя проявленія этой радости въ границахъ христіанской дозволенности. И вотъ пасомые, не видя вблизи себя любящаго пастыря и не чувствуя надъ собою сдерживающей отеческой руки его, въ дни печали и скорби предаются безграничному унынію, доходящему до отчаянія, а въ минуты свѣтлой радости увлекаются чрезмерными удовольствіями, омрачающими эту радость. Все это чувствуетъ пастырское сердце и болѣзненно скорбитъ по поводу вредныхъ и гибельныхъ опущеній. Но эти острые укоры совѣсти скоро забываются въ массѣ всевозможныхъ хлопотъ и заботъ, которыя тяжелымъ бременемъ лежатъ на плечахъ городского пастыря.

Какой же исходъ изъ этихъ неприятныхъ коллизій, тормозящихъ пастырское дѣланіе. И на этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть единственный: необходимо освободить пастыря Церкви отъ стороннихъ обязанностей, препятствующихъ ему по совѣсти исполнять свое пастырское дѣло. Всѣ эти приватныя обязанности городского духовенства опять таки удобнѣе и лучше поручить специальнымъ лицамъ, не связаннымъ другими какими-либо дѣлами. Вѣдь нельзя же на самомъ дѣлѣ все городское духовенство обращать на службу епархіальныхъ учрежденій, преслѣдующихъ исключительно интересы самаго же духовенства. Пастыри прежде всего должны

быть пастырями, служителями Церкви Божіей, созидающими спасеніе людей, а не какими нибудь бухгалтерами или постоянными канцелярскими чиновниками. Развѣ существуютъ въ какомъ-либо еще другомъ вѣдомствѣ, кромѣ духовнаго, учрежденія безъ специальныхъ представителей ихъ, занятыхъ жизнью и интересами только этихъ учреждений? Вѣдь отъ правильной организаціи дѣла зависятъ его результаты. Почему же въ нашемъ вѣдомствѣ всѣ учрежденія обслуживаются почти Христовымъ именемъ, даровымъ трудомъ, или трудомъ, вознаграждающимся разнаго рода знаками отличія?

А вѣдь, кажется, чего бы лучше и проще, какъ поручить веденіе дѣла въ различныхъ епархіальныхъ учрежденіяхъ специалистамъ? Правда, при этомъ пришлось бы имѣть нѣкоторый матеріальный ущербъ, но, думается, онъ сторицею вознагражденъ бы при болѣе правильномъ веденіи дѣла. Опытъ съ нѣкоторыми епархіальными учрежденіями, получившими самостоятельную специальную администрацію, краснорѣчиво убѣждаетъ въ томъ, что въ такихъ случаяхъ не только не бываетъ никакого матеріального ущерба, но, наоборотъ, всегда бываетъ замѣтенъ ощутительный приростъ матеріальныхъ средствъ. Такъ, епархіальные свѣчные заводы, склады церковныхъ вещей, гдѣ они учреждены, замѣтно лучше функционируютъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ они поручены отдѣльнымъ лицамъ, занятымъ однимъ только этимъ дѣломъ. Конечно, въ такомъ случаѣ за духовенствомъ всегда остается право контроля надъ епархіальными учрежденіями и надзора за правильнымъ веденіемъ дѣла въ нихъ. Въ лицѣ епархіальныхъ сѣздовъ оно всегда можетъ провѣрять ихъ, какъ это и дѣлается въ настоящее время.

Что касается того, что нѣкоторымъ городскимъ пастырямъ приходится засѣдать въ консисторіи и въ совѣтахъ духовно-учебныхъ заведеній въ качествѣ членовъ ихъ, то эта обязанность, большею частію, возлагается на заслуженныхъ протоіереевъ, настоятелей видныхъ приходо́въ, т. е.

людей въ большинствѣ случаевъ, по самому своему положенію, а иногда и возрасту, свободныхъ отъ приходскихъ обязанностей. Во всѣхъ почти городахъ прочно установился обычай, въ силу котораго эта духовная аристократія освобождается отъ черныхъ приходскихъ дѣлъ и выступаетъ предъ своею паствою только въ праздничные дни, представляя въ время богослуженія. Ясное дѣло, что этихъ почтенныхъ лицъ удобнѣе и лучше всего использовать въ качествѣ представителей отъ духовенства для засѣданія въ консисторіи и духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Отвлеченіе ихъ отъ прихода не повредитъ приходскому дѣлу, а для самихъ почтенныхъ старцевъ все же будетъ опредѣленное дѣло, соотвѣтствующее ихъ жизненному опыту и практикѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. *К. Архангельскій.*

Опечатка.

Въ № 49, на стр. 325, на строкѣ 19 напечатано: санъ возложили, а должно быть сакъ возложили.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 13-го декабря 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Ащ. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Борчакъ-Новицкаго Мерингов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть **№ 52.** Подписка принимается въ редак-
цїи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

1911-го года декабря 25-го дня.

Содержаніе: I. Передъ подпиской. Свящ. В. П.—II. Богослуженіе въ в-
вечеріе и въ праздниѣ Рождества Христова въ старой Москвѣ
въ эпоху всероссійскихъ патріарховъ. (Окончаніе). Н. Пальмовъ.—
III. Городское пастырство. (Окончаніе). Свящ. К. Архангельскій.—
IV. Непринужденная бесѣда. Свящ. Н. Лицскій.—V—Замѣтки. а)
Новое чудо святителя Николая.—б) Среди духовенства.

Передъ подпиской.

Подписка въ самомъ разгарѣ... Для издателей газетъ и журналовъ зима—то же, что для труженника-земледѣльца лѣто—время жатвы, усиленнаго „сбора“, которымъ, въ значительной степени, опредѣляется впередъ результатъ цѣлаго года. Могутъ быть всякія случайности и въ теченіи года, но фундаментъ благополучія все таки—здѣсь, въ зимней подпискѣ. И издатели всевозможнѣйшихъ періодическихъ изданій не дремлютъ, расхваливая свой товаръ, зазывая въ свою лавочку. Какая уйма денегъ идетъ на рекламу, трудно даже учесть, и къ какимъ только средствамъ ни прибѣгаютъ, чтобы показать товаръ лицомъ, съ наилучшей стороны! Какая ни-

будь тощя газетенка, грязная и неопрятная во всѣхъ отношеніяхъ, напрягая послѣднія силы, ухитряется выпустить рекламный № на отличной бумагѣ, съ хорошимъ шрифтомъ, прекрасными рисунками; послѣдній пятакъ ставится ребромъ въ расчетъ на обывательскій рубль. Газетные проспекты наперебой расхваливаютъ свое направленіе, пестрятъ громкими именами лицъ, весьма часто не принимающихъ въ дѣйствительности никакого участія въ томъ или другомъ изданіи. Всевозможнымъ обѣщаніямъ нѣтъ границъ: тутъ и цѣлая сотня книгъ и цѣлая бібліотека модныхъ писателей и ассортименты книгъ, имѣющихъ удовлетворить всѣ запросы духа читателей, всѣ ихъ житейскія нужды и прежде всего въ самообразованіи. Литература, служеніе печатному слову, какъ видимъ, превращается въ рынокъ, въ безпорядочную толкучку.

Какъ реагируетъ читатель на весь этотъ гвалтъ и этотъ походъ на его карманъ? Разно. Есть читатель интеллигентный, главнымъ образомъ читатель городской. Это—воробей стрѣлянный и на мякинѣ его не проведешь: разбирается онъ въ направленіи періодическихъ изданій, научился уже и отличать шарлатанскія предпріятія, имѣющія единственную цѣль—очистить карманъ ближняго, отъ изданій солидныхъ.

Къ сожалѣнію, есть еще самый многочисленный читатель простецъ, читатель, думающій, что порядочность въ издательскомъ дѣлѣ кто-то гарантируетъ, что издатели это такіе благородные люди, которые ни о чемъ другомъ не думаютъ, какъ о благѣ и просвѣщеніи ближняго. Этотъ же читатель мало разбирается и въ направленіи газетъ и журналовъ и всего чаще выбираетъ себѣ для выписки журналъ или газету единственно по внѣшнимъ признакамъ.

Реклама на такихъ читателей дѣйствуетъ неотразимо и навѣрняка. Для нихъ прежде всего лестно и непонятно, какимъ образомъ и откуда газетчикъ, оперирующий въ *самомъ* Петербургѣ, вдругъ знаетъ о существованіи его, читателя, въ какой нибудь Голодаевкѣ. Обиліе приложеній дѣйствуетъ на воображеніе, а настойчивая реклама доканчиваетъ дѣло;

истребляетъ читатель ежедневно присылаемыя ему объявленія всевозможнѣйшими способами, но все же капля точить и камень, и обывательская десница въ концѣ концовъ извлекаетъ изъ кошелька потребную для издателя кредитку. Очень часто довѣрчиваго читателя, попавшаго на рекламную удочку, ожидаетъ горькое разочарованіе: обѣщанныя бібліотеки оказываются белибердой, напечатанной такъ неряшливо, что ее невозможно даже читать; самые газеты и журналы высылаются неаккуратно; бываетъ и хуже: получивъ подписную плату, иной издатель высылаетъ 2—3 номера и дальше свои обязательства къ подписчику считаетъ выполненными.

Неисправность въ полученіи газеты и журнала сначала подписчикомъ объясняется неисправностью почты, временными затрудненіями редакціи, но наконецъ читатель постигаетъ истину и узнаетъ, что его обѣгорили и онъ сдѣлался жертвою мошенничества.

Чаще всего на удочку попадаютъ простецы, но нерѣдко и нашъ братъ священникъ. Это доказываютъ посланія отцовъ іереевъ въ газеты (надо же въ чемъ нибудь отвести душу), какія приходится порою читать, съ жалобами на того или другого издателя.

По этому поводу намъ и хотѣлось-бы сказать нѣсколько словъ, особенно о газетахъ. Привычка слѣдить за тѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, привычка къ чтенію въ нашемъ пастырскомъ кругу есть, но въ направленіи періодическихъ изданій, въ томъ, чему они служатъ и чего хотятъ, духовенство подчасъ не разбирается и въ то не вдумывается и читаетъ, что попало. Отсюда духовенство, соблазняясь подчасъ широковѣщательными рекламами, мѣняетъ газеты и журналы, дѣлается жертвою обмана; иногда выписываетъ такія изданія, которыя ему вовсе не къ лицу выписывать и читать. На Западѣ существуетъ такъ называемая клерикальная пресса, отстаивающая христіанство и церковные интересы, западное духовенство считаетъ своимъ долгомъ поддерживать ее; у насъ этой прессы почти нѣтъ и мы идемъ вразбродъ, читая

что попало. Можно наблюдать интересныя явленія въ этой области, какъ какой нибудь архи—правый старичекъ батюшка не брезгаетъ выписывать и читать вонючія „Бирживыя Вѣдомости“ или иную погань, иногда даже съ увлеченіемъ, не замѣчая того, что газета эта противоцерковная и противорелигіозная. Отъ насъ, отъ духовенства, часто беретъ примѣръ народъ, заимствуется газетами, выписываетъ то, что и священники. Мы еще не сознали значенія прессы и обязанности читателя—поддерживать и пропагандировать тѣ органы печати, которые намъ сродни, поддерживаютъ наши интересы, стоятъ за наши идеалы; поэтому и хочется намъ сказать передъ новогодней подпиской нашимъ собратьямъ—читателямъ: „берегите карманы, не выписывайте газетъ вредныхъ, враждебныхъ Церкви и государству, не посылайте грошей, заработанныхъ у алтаря, на газеты, у которыхъ идеаль—разрушеніе алтарей и развращеніе народа“.

Свящ. В. П.

Богослуженіе въ навечеріе и въ праздникъ Рождества Христова въ старой Москвѣ, въ эпоху всероссійскихъ патріарховъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Ко всенощному бдѣнію подь праздникъ Рождества Христова благовѣсть полагался при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ „за семь часовъ“, т. е. послѣ 11 ч. вечера. Съ теченіемъ времени, благовѣсть сталъ производиться позднѣе. Такъ, сохранилась записъ о благовѣстѣ „за девять часовъ“, т. е. послѣ 1 ч. ночи, а при патріархѣ Никонѣ, какъ гласитъ другая записъ, отъ 1658 г., „ко всенощному благовѣстили за 10 часовъ“, т. е. послѣ 2 ч. ночи ¹⁵⁾. Патріархъ всегда при-

¹⁾ См. № 51 за 1911 г.

¹⁵⁾ Проф. А. П. Голубцова, цит. изд., с. 31, 173, 218, 291.

сутствовали за всенощнымъ бдѣніемъ въ Успенскомъ соборѣ и принималъ участіе въ богослуженіи. Что касается до царей, то Михаилъ Феодоровичъ за всенощной въ соборѣ не бывалъ; онъ слушалъ всенощную и утреню „у себя, въ Золотой палатѣ, или въ Столовой“¹⁶⁾. Царь же Алексѣй Михайловичъ съ супругой являлся ко всенощной въ Успенскій соборъ¹⁷⁾.

Сначала въ соборъ приходилъ патріархъ. Онъ шель „со славою“. Его сопровождали отъ келліи иподіаконы и поддіаки въ красныхъ стихаряхъ. Иподіаконы и поддіаки пѣли праздничныя пѣснопѣнія („стихи“) „по станицамъ“. Войдя въ соборъ, патріархъ творилъ молитву, становился на „своемъ государевомъ мѣстѣ“ и осѣнялъ оттуда благословеніемъ духовенство и народъ. Пѣвчіе и поддіаки пѣли при этомъ: *εις πολλὰ ἔτη, δέσποτα*. За патріархомъ входилъ въ соборъ царь съ царицей. Патріархъ благословлялъ ихъ „животворящимъ крестомъ“. Протопопъ и архидіаконъ, облаченные въ шитыя жемчугомъ ризы, окадивъ храмъ, начинали мѣнимоны. „Съ нами Богъ“ пѣли пѣвчіе дьяки, при п. Никонѣ— „греческаго распѣва“¹⁸⁾. На литію при п. Филаретѣ выходили, кажется, одни только „власти“, безъ патріарха. Патріархъ Никонъ „сходилъ“ на литію „на сходъ“ самъ. Пѣснопѣнія, положенныя на литіи, а затѣмъ на стиховнѣ, на благословеніи хлѣбовъ и послѣ—на утрени, пѣлись частію соборною братіей по знаменному распѣву, а частію пѣвчими дьяками и поддіаками на гласъ и съ „греческаго перевода“. Молитву на благословеніи хлѣбовъ читалъ патріархъ. Запись 1658 г. отмѣчаетъ, что п. Никонъ молитву „говорилъ въ меньшемъ греческомъ облаченіи“.

По отпустѣ литіи, слѣдовало положенное по уставу чтеніе, а затѣмъ начиналась, въ уставномъ же порядкѣ, утреня, воз-

¹⁶⁾ Ibid. с. 31.

¹⁷⁾ Ibid. с. 218.

¹⁸⁾ Ibid. с. 291.

вѣщаемая народу звономъ въ колокола съ соборной колокольни. Во время второй статіи каѳизмъ, патріархъ входилъ въ алтарь и облачался къ величанію, вмѣстѣ съ „властьми“. Ключари, между тѣмъ, поставляли среди церкви аналой, покрытый „паволокою“, и возлагали на аналой икону праздника. Поддіаки разстилали для патріарха коверъ и клали на него орлець. Оканчивалось чтеніе каѳизмъ, и раздавалось торжественное пѣніе хвалебнаго псалма. „А какъ пѣвчіе учнутъ пѣти Хвалите имя Господне“, читаемъ въ записи 1622 г., „патріархъ со властьми изъ алтаря выходитъ, и становится на своемъ мѣстѣ среди церкви, а власти и священники—отъ патріархова мѣста по обѣ стороны“. Раздавъ свѣчи „властьямъ“ и священникамъ, патріархъ бралъ кадило и совершалъ каждое сначала „окрестъ“ аналой, а затѣмъ—въ алтарь и во всей церкви, „по обычаю“. „И по каждомъ, цѣлуетъ патріархъ праздникъ святаго Рождества, потомъ—власти, и священники, и весь освященный соборъ; потомъ прикладываются православные христіане“. Въ записи 1658 г. отмѣчено, что у патріарха „на величаніи облаченіе было меньшее, митра средняя“¹⁹⁾.

Послѣ поклоненія иконѣ праздника, патріархъ входилъ съ „властьми“ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ въ алтарь и разоблачался. Протопопъ и архидіаконъ продолжали службу. Евангеліе читалось протопопомъ въ алтарь, при звонѣ колоколовъ на соборной колокольнѣ. Великое славословіе поддіаки, по старинному обычаю, пѣли на амвонѣ. Въ 1658 г. славословіе исполнялось „Кіевское“, и пѣли его уже не одни поддіаки, но „пѣвчіе съ поддіаки“²⁰⁾.

Въ записяхъ не сохранилось опредѣленныхъ свѣдѣній, когда прикладывался къ праздничной иконѣ царь, если бывалъ на утренней службѣ подъ Рождество Христово въ Успенскомъ соборѣ. Но по записи 1658 г., въ каковой годъ

¹⁹⁾ Ibid. с. 291.

²⁰⁾ Ibid. с. 31 и с. 291.

царь Алексѣй Михайловичъ съ супругой молились въ Успенскомъ соборѣ, какъ будто выходить, что царь совершалъ поклоненіе праздничному образу послѣ заутрени, на первомъ часѣ; тогда принималъ царь и помазаніе елеемъ. Въ записи читаемъ: „На первомъ часу къ праздничной иконѣ среди церкви было цѣлованіе, и стихиру пѣли пошы знаменную; и было маслопомазаніе, а въ заутреню масло топилось (въ стаканѣ скудельномъ) предъ праздничною иконою, что на налоѣ, и паникадилѣ томъ, что предъ Успенскою иконою повѣшено. И потомъ государь святѣйшій патріархъ говорилъ молитву: Владыко многомилостиве, и первый часъ, и конечный отпустъ“²¹). Помазаніе молящихся елеемъ отъ лампы праздничной иконы и именно въ концѣ утрени, во время *литіи* (которая, въ сущности, и совершена была п. Никономъ въ концѣ рождественской заутрени въ 1658 году), составляетъ особенность іерусалимскаго устава обители св. Саввы Освященнаго и засвидѣтельствована древними греческими списками этого устава²²).

Приложившись къ св. иконѣ и принявъ отъ патріарха помазаніе елеемъ, царственная чета оставляла соборъ. За царемъ и царицей уходилъ изъ собора патріархъ. „И государь, святѣйшій патріархъ“, читаемъ въ записи 1658 г., „отпустя государя царя и государыню царицу, поиде въ свою крестовую палату со всѣми властью, а предъ нимъ, государемъ, пѣвчіе и поддіаки пѣли стихи; а поддіаки были въ красныхъ стихарѣхъ. И пришедъ въ крестовую палату, въ началѣ пѣли исполати деспота меньшую, и государь святѣйшій патріархъ осѣнялъ“.

Предъ обѣдней, патріархъ съ „властью“ и духовенствомъ славилъ Христа у царя во дворцѣ. Патріархъ шель изъ своей крестовой палаты во дворецъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ въ предшествіи ключаря съ св. водою и животворящимъ крестомъ на серебряномъ блюдѣ. При п. Фи-

²¹) Ibid. с. 291.—292

²²) И. Д. Мансветова—„Церковный Уставъ (Типиконъ), его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви“. М. 1885 г., с. 210.

ларетѣ, во время процессіи „отроки“ пѣли „трехстрочное пѣніе“, а при п. Никонѣ „пѣвчіе съ поддіаки“ (облаченными въ золотые стихари) „пѣли стихи“²³). Государь встрѣчалъ патріарха въ сѣняхъ дворца и принималъ отъ патріарха осѣненіе животворящимъ крестомъ,—окропленіе св. водою, а затѣмъ благословеніе рукою. „И благословляетъ (патріархъ) государя животворящимъ крестомъ, и кропитъ государя св. водою, его царскую шанку, и благословляетъ государя рукою, и спрашиваетъ государя о его царскомъ здравіи“²⁴). По входѣ въ Золотую (или въ Столовую) палату, которая къ празднику убиралась дорогими коврами и сукнами,²⁵) патріархъ читалъ „Достойно есть“ и творилъ отпустъ „по чину“. Здравствуясь съ государемъ, патріархъ благословлялъ его и вновь окроплялъ св. водою. При п. Никонѣ въ 1658 г., „пришедъ къ государю царю въ Золотую палату, пѣли пѣвчіе и поддіаки тропарь Рождество Твое, Христе Боже нашъ, греческаго переводу, Слава и нынѣ Дѣвая днесъ. И говорилъ діаконь: Въ славу великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, а пѣвчіе и поддіаки пѣли отвѣты и государю царю о многолѣтнемъ здравіи прославляли по тетради, что греческаго переводу, а пѣвчіе съ поддіаки пѣли многолѣтіе средняго перевода. И потомъ святѣйшій государь патріархъ государю царю здравствовалъ“²⁶). „И потомъ сядутъ государь и патріархъ по своимъ мѣстамъ, каждо близь себе“, читаемъ въ записи 1622²⁷). „И мало посидѣвъ и возставъ, патріархъ глаголетъ Достойно есть; таже патріархъ благословляетъ государя крестомъ, кро-

²³) Проф. А. П. Голубцова, цит. изд., с. 32 и 292.

²⁴) Ibid. с. 32.

²⁵) И. Е. Забѣлина, цит. соч., с. 309.

²⁶) Проф. А. П. Голубцова, цит. изд., с. 292.

²⁷) Государь садился на свое „государево мѣсто“, патріархъ—въ кресло. Мѣсто для государя и кресло для патріарха ставились рядомъ, въ переднемъ углу палаты. Для бояръ и думныхъ людей назначались лавки по стѣнамъ палаты. Ближніе люди меньшихъ рязрядовъ на царскихъ пріемахъ обычно стояли. Е. И. Забѣлина, цит. соч., *ibid.*

пить святою водою и исходитъ изъ палаты Благовѣщенскою папертію“. Иногда патріархъ проходилъ съ царемъ изъ Золотой палаты въ хоромы государыни. Такъ было, напр., въ 1658 г. „И пошли къ государынѣ царицѣ въ хоромы и, пришедъ въ сѣни, пѣли тропарь и кондакъ по тому же. А государь царь и государь святѣйшій патріархъ пошли къ государынѣ царицѣ въ хоромы и, пришедъ, святѣйшій государь патріархъ говорилъ молитву: Владыко многомилостиве, и потомъ прославлялъ о многолѣтнемъ здравіи государя царя и государыню царицу и благословлялъ“²⁸⁾. Когда патріархъ уходилъ съ соборомъ изъ дворца (Благовѣщенскою папертью, или „переходы“), государь провожалъ его до сѣней. По выходѣ изъ дворца, соборные ключари благословлялись у патріарха благовѣстить къ обѣднѣ. Благовѣсть къ обѣднѣ въ день Рождества Христова, по соборнымъ чиновникамъ, производился и „въ поль-часа дни“²⁹⁾, и въ „поль 2 часа дни“³⁰⁾, т. е. и въ 9, и въ 10 ч. утра по нашему счету. Благовѣстили „долго“³¹⁾.

Патріархъ Филаретъ ѣздилъ служить обѣдню на Рождество Христово къ празднику, а Крутицкаго митрополита посылалъ „къ великой старицѣ“, въ Вознесенскій монастырь. Въ Успенскомъ соборѣ оставался „недѣльный попъ съ діакономъ“³²⁾. Къ празднику пріѣзжалъ и царь. Но п. Никонъ, кажется, предпочиталъ служить въ Успенскомъ соборѣ. На литургію изъ соборной ризницы выносились „сосуды, и покровы, и евангелія большія, и облаченіе лучшее, и наложъ большой“³³⁾.

Входъ патріарха на литургію обставлялся обычною въ великіе праздники торжественностью. Сотворивъ положенныя

²⁸⁾ Проф. А. П. Голубцова, цит. изд., с. 32 и 292.

²⁹⁾ Ibid., с. 32.

³⁰⁾ Ibid., с. 292.

³¹⁾ Ibid., с. 32.

³²⁾ Ibid., с. 32—33.

³³⁾ Ibid., с. 218.

молитвы и приложившись къ иконамъ, патріархъ облачался въ самыя дорогія патріаршія облаченія. На п. Никонъ въ 1658 г. на литургіи въ Рождество Христово были: „стихариновый, золотой, объяринной, парамандъ, патрахѣль, поясъ, поручи, полица, амѳоръ, понагія, крестъ—большое все; сакъ Фотіевскій большой“. Сообразно съ облаченіемъ патріарха, блистали богатствомъ и облаченія сослужащихъ ему. Такъ, въ 1658 г. „на архидіаконѣ и на діаконѣхъ, и на поддіаконѣхъ, и на поддіакахъ стихари были золотые“³⁴⁾. Число служащихъ съ патріархомъ въ этомъ году было 75 человекъ.

Когда приходилъ въ соборъ въ полномъ царскомъ нарядѣ государь съ государыней и со свитой, патріархъ благословлялъ государя и государыню крестомъ, окроплялъ св. водой и преподавалъ имъ благословеніе рукою.

Предваряемая часами, литургія совершалась „по чину“.

По заамвонной молитвѣ, ключарь ставилъ среди церкви столъ, покрытый пеленой, и поставлялъ на столъ *кутью*, которая освящалась патріархомъ. Послѣ молитвы и „Буди имя Господне“, патріархъ раздавалъ „дору“ государю, государынѣ и всѣмъ присутствующимъ въ храмѣ, а по отпустѣ „чолъ поученіе въ Миней мѣсячной, въ большой, слово на Рождество Христово“. Послѣднее дѣлалъ, кажется, одинъ только п. Никонъ. По прочтеніи поученія, пѣвчіе и поддіаки пѣли патріарху *Τὸν δεσπότην*, и патріархъ разоблачался въ алтарѣ.

Царь съ царицей, получивъ благословеніе отъ патріарха, уходили во дворець. Въ 1658 г. государыня вышла изъ собора послѣ государя, „западными дверями“, такъ какъ прикладывалась къ св. иконамъ и къ мощамъ чудотворцевъ, пѣчивающихъ въ соборѣ. Потомъ уже и патріархъ, проводивъ царя и царицу, уходилъ въ крестовую свою палату, чтобы, немного отдохнувъ, направиться отсюда во дворець. къ цар-

³⁴⁾ Ibid., с. 292.

ской трапезѣ, обычно приговляемой въ день Рождества Христова во дворцѣ „на патріарха, властей и боярь“ ³⁵).

Въ 1658 году „столь былъ у государя царя въ Золотой палатѣ, а пѣвчіе и подіаки за столь (патріарха) не проводжали. И пѣли въ столь стихи греческаго переводу и члиторжественникъ о Рождествѣ Христовѣ; а заздравной чаши не было“ ³⁶).

Такъ праздновался день Рождества Христова въ старой Москвѣ, въ эпоху великихъ Московскихъ царей и святѣйшихъ всероссійскихъ патріарховъ.

Н. Пальмовъ.

Городское пастырство.

(Окончаніе) ¹⁾.

Освобожденіе городского духовенства отъ постороннихъ обязанностей, какъ мы видѣли, неотложно необходимо. Пастырское душепопеченіе въ городѣ—такое сложное дѣло, съ которымъ и свободный человѣкъ едва можетъ справиться. Здѣсь ключемъ бьетъ жизнь со всѣми ея отрицательными сторонами. Поэтому городскому пастырю всегда нужно быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ. Онъ долженъ правильно и умѣло реагировать на всѣ запросы общественной жизни. Въ его рукахъ имѣется вѣрнѣйшее средство къ этому—Слово Божіе, гдѣ онъ найдетъ самые вѣрные и принципиальные отвѣты на всѣ животрепещущіе вопросы времени. Этотъ неизсякаемый источникъ мудрости одинъ только можетъ утолить духовную жажду современнаго человѣчества. Поэтому

³⁵⁾ *И. Е. Забѣлина*, цит. соч., с. 309.

³⁶⁾ *А. П. Голубцова*, цит. изд., с. 293.

¹⁾ См. № 51. за 1911 г.

пастыри должны открыть его предъ своею паствою, они должны ревностно и настойчиво заняться церковнымъ учительствомъ.

Учительство въ дѣятельности городского пастыря должно стать существенною и главною стороною. Если въ настоящее время невѣріе и колебаніе основъ вѣры и нравственности сильно проявляются и въ сельской глуши, то въ городахъ то и другое приняло рѣзкую, вызывающую форму. Тамъ на каждомъ шагу можно встрѣтиться съ открытымъ глумленіемъ надъ религіозными святынями народа. Установленія Церкви, святая истины вѣры и нравственности христіанской подвергаются ожесточеннымъ нападкамъ со всѣхъ сторонъ. Въ виду этого не глухой и робкій голосъ пастыря требуется въ городѣ на церковной каедрѣ, а мощный и увѣренный, разбивающій, какъ молоть, всѣ злобныя нападки на христіанство.

Между тѣмъ, голосъ пастыря здѣсь почти совершенно замолкъ, а если гдѣ и слышится, то все же почему то не привлекаетъ сочувствія паствы. И вѣдь нельзя сказать, что эта послѣдняя не нуждается въ церковной проповѣди, не ощущаетъ жажды духовной. Напротивъ, городская паства имѣетъ громадныя духовныя запросы, удовлетворенія которымъ ищетъ на сторонѣ, потому что не находитъ его у законныхъ пастырей Церкви. Очевидно, церковная проповѣдь пріобрѣла какое-то нежелательное направленіе, не отвѣчающее современнымъ духовнымъ запросомъ паствы. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить тотъ фактъ, что появленіе проповѣдника на церковной каедрѣ вызываетъ массовый уходъ молящихся изъ храма, такъ что проповѣднику приходится говорить предъ опустѣвшей аудиторіей. Такое небреженіе къ Слову Божію объясняется не тѣмъ, конечно, что проповѣди городскихъ пастырей страдаютъ внѣшними недостатками. Нѣтъ, весьма часто слушатели оставляютъ проповѣдниковъ, говорящихъ безъ тетрадки, живымъ словомъ. Очевидно, индифферентное отношеніе городской паствы къ церковной

проповѣди вытекаетъ изъ болѣе вѣскихъ основаній. А такія основанія, дѣйствительно, есть.

Въ современной церковной проповѣди замѣчаются два крупныхъ недостатка, благодаря которымъ проповѣдникамъ приходится выступать предъ опустѣвшей аудиторіей. Эти недостатки—безжизненность и тенденціозность проповѣди.

Первый недостатокъ является характерной чертой вообще нашихъ казенныхъ, официальныхъ проповѣдей. Обычно проповѣдникъ беретъ за точку отправленія типичный текстъ изъ евангельскаго или апостольскаго чтенія и начинаетъ развивать выраженную въ немъ мысль по пунктамъ, сопровождая свою рѣчь, для большей доказательности, выдержками изъ Свящ. Писанія. Въ концѣ концовъ, послѣ продолжительныхъ разсужденій о той или другой вѣроучительной или нравоучительной истинѣ, проповѣдникъ дѣлаетъ краткій выводъ, нравственное приложеніе къ слушателямъ, большею частію общаго характера, чуждаго конкретности.

Такія проповѣди вѣками слушаетъ нашъ русскій народъ, вынося изъ нихъ своимъ вѣрующимъ сердцемъ лишь одно, что жизнь человѣческая далека отъ правды Божіей, а какъ приблизить ее къ ней, этого онъ не слышитъ. Ему говорятъ, что нужно исправиться, и это онъ сознаетъ, а какъ исправиться, объ этомъ ему не говорятъ. Такая недосказанная истина вѣками развивала въ слушателяхъ необыкновенную жажду правды Божіей, съ одной стороны, и постоянную неудовлетворенность этой жажды съ другой. Вслѣдствіе этого, начинается историческое исканіе русскимъ народомъ правды Божіей, такъ талантливо подмѣченное и изображенное у нашихъ писателей Достоевскаго и Толстого. По отношенію же къ церковной проповѣди православный слушатель, наконецъ, составилъ опредѣленное мнѣніе, что она не даетъ отвѣта на мучающіе его вопросы. Съ появленіемъ проповѣдника на церковной кафедрѣ слушатель напередъ знаетъ, о чемъ онъ будетъ говорить, и убѣжденъ, что онъ не от-

кликнется на скорби и радости его жизни, а потому не считаетъ нужнымъ его слушать.

Въ настоящее время многими пастырями подмѣченъ этотъ недостатокъ, и предпринимаются шаги къ его исправленію. Но, къ сожалѣнію, обычно одна крайность вызываетъ другую. Такъ случилось и съ нашею проповѣдью. Желая придать ей жизненный характеръ, нѣкоторые изъ проповѣдниковъ сдѣлали ее средствомъ пропаганды партійныхъ политическихъ интересовъ. Русское общество, какъ извѣстно, въ настоящее время распалось на два лагеря, враждующихъ между собою. Каждая изъ этихъ сторонъ указываетъ свои средства къ спасенію и оздоровленію отечества. Эта партійность вкралась и въ церковную проповѣдь. Наши проповѣдники, увлекаясь исцѣленіемъ общественныхъ недуговъ, незамѣтно сошли съ позиціи христіанскихъ благовѣстниковъ и занялись несвойственнымъ имъ дѣломъ политиканства. Путь этотъ слишкомъ скользкій и опасный, чтобы его держаться. Жизненности въ проповѣди можно достигъ инымъ путемъ. Христосъ и Апостолы говорили на самыя жизненныя темы, затрагивали въ своихъ рѣчахъ самыя животрепещущіе вопросы, благодаря чему привлекали къ себѣ громадныя массы народа. Однако эта жизненность въ ихъ неподражаемой проповѣди заключалась не въ вопросахъ политики, а въ томъ, что своимъ благовѣстіемъ они отвѣчали духовной жадѣ народа, откликались на скорби и радости слушателей, удовлетворяли религіозно-нравственнымъ нуждамъ человѣка. Такую проповѣдь народъ слушалъ съ увлеченіемъ, забывая о своихъ естественныхъ потребностяхъ, слушалъ не часъ и не два, а нѣлыми днями. Современнымъ проповѣдникамъ необходимо взять за образецъ эту проповѣдь, чтобы мало-по-малу приблизить церковное учительство къ тому древнему благовѣстію, которое такъ цѣлительно дѣйствовало на духовные недуги слушателей.

Кромѣ того, церковное проповѣдничество, по обстоятельствамъ времени, должно имѣть опредѣленную организа-

цію. Жизнь городского населенія настолько разнообразна, что ее никакъ нельзя подвести къ одному знаменателю: Въ городѣ есть фабрики и заводы съ массою рабочаго люда, живущаго своими интересами; есть ночлежные дома и пріюты съ своеобразнымъ населеніемъ, имѣющимъ свои нужды и заботы; есть мѣста заключенія, гдѣ преступные члены общества живутъ своимъ исключительнымъ патологическимъ міровоззрѣніемъ. Нечего уже и говорить про то, что въ городѣ есть интеллигентный классъ людей, который также является предметомъ пастырскихъ заботъ. Въ виду этого, церковное учительство здѣсь должно обнаруживаться въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ.

Между тѣмъ, въ нашихъ городахъ пастырское учительство не имѣетъ почти никакой организаціи, если не считать таковой при кафедральныхъ соборахъ. Эта послѣдняя носитъ слишкомъ оффиціальныи характеръ и по этому не достигаетъ добрыхъ результатовъ. Здѣсь проповѣдникъ говоритъ предъ совершенно случайными слушателями, не знающими его. Ясное дѣло, что въ такомъ случаѣ и ожидать нельзя отъ проповѣди задушевности и теплоты. Послѣ такой проповѣди слушатели выходятъ изъ храма съ пустою душою.

Давно бы слѣдовало оставить эту казенную проповѣдь, тѣмъ болѣе, что кафедральный храмъ является самымъ удобнымъ мѣстомъ для авторитетнаго голоса первосвященника. Зачѣмъ выступать случайнымъ проповѣдникамъ тамъ, гдѣ долженъ слышаться любящій голосъ ангела Церкви? Первосвященникъ носить въ себѣ неизсякаемый родникъ благодати Божіей, которую онъ долженъ сообщать не только чрезъ таинства Церкви, но и чрезъ слово истины. Евангелистъ Лука свидѣтельствуетъ, что народъ, слушающій ученіе Христово, „дивился словамъ благодати, исходящимъ изъ устъ Его“ (IV, 22). Этимъ словомъ благодати и нынѣ наши архипастыри могутъ внести въ души вѣрующихъ миръ и успокоеніе. Архіерейскія богослуженія посѣщаются людьми самыхъ разнообразныхъ положеній и профессій. Здѣсь можно встрѣ-

тить и людей образованныхъ, и видныхъ представителей общества, и простыхъ ремесленниковъ, и, наконецъ, деревенскаго земледѣльца, съ умиленіемъ и восторженнымъ удивленіемъ созерцающаго благолѣпіе архіерейскаго богослуженія. Прекрасная богослужебная обстановка оказываетъ самое благотворное дѣйствіе на эту православную массу, пробуждая въ ней наилучшее настроеніе. Чувствуется необыкновенный подъемъ духа среди молящагося люда, воздыхающаго о своихъ нуждахъ и скорбяхъ и ждущаго милости Божіей. Этими моментами молитвеннаго восторга нужно пользоваться, чтобы щедрою рукою бросать сѣмена христіанской вѣры и благочестія на добрую почву сердца человѣческаго. Вотъ тутъ-то задушевное слово архипастыря и можетъ оказать ощутительное дѣйствіе на сердца вѣрующихъ.

Вмѣсто существующей организаціи проповѣдничества при кафедральныхъ соборахъ, гораздо полезнѣе для дѣла организовать проповѣдничество въ различныхъ мѣстахъ города съ спеціальною цѣлью воздѣйствія на людей, обездоленныхъ въ жизни. Ночлежные дома, фабрики и заводы и др. мѣста стеченія этого люда—вотъ нетронутое поле дѣятельности для городскихъ пастырей! Въ настоящее время эта часть городского населенія находится внѣ сферы пастырскаго вліянія. У насъ почему-то не считаютъ нужнымъ обратить вниманіе на этотъ обездоленный людъ. Между тѣмъ, именно эти люди во времена Спасителя первые откликнулись на Его благовѣстіе. Они шли массами за Божественнымъ Учителемъ. Ихъ наболѣвшее сердце представляло удобную почву для сѣянія Слова Божія. Поэтому Христосъ Спаситель щедро сѣялъ на этой нивѣ сѣмена вѣры и благочестія, которыя давали обильные плоды. По Его примѣру, и современнымъ пастырямъ необходимо имѣть самое тщательное пастырское попеченіе о трудящемся людѣ, о различнаго рода неудачникахъ въ жизни. Эти люди жаждутъ пастырскаго утѣшенія, потому что душа человѣческая всегда носить въ себѣ стремленіе къ идеальному и радостно отзы-

вается на всякій призывъ къ нему. Вотъ для утоленія этого духовнаго глада и необходимо въ каждомъ городѣ организовать проповѣдническіе кружки для бѣднѣйшаго населенія. Это вполне возможно сдѣлать за счетъ той ненужной официальной проповѣднической организаціи, которая существуетъ въ каждомъ городѣ при кафедральныхъ соборахъ. Но, конечно, для пользы дѣла необходимо, чтобы эта организація существовала на свободныхъ началахъ.

Если же при кафедрѣ епископа необходимо имѣть образцовое проповѣдничество, то лучше всего для этой цѣли имѣть спеціального проповѣдника. Онъ будетъ преслѣдовать опредѣленные задачи и цѣли, имѣть предъ своими глазами опредѣленныхъ слушателей. Слѣдовательно, онъ будетъ говорить не предъ чуждою паствою, а предъ близкими и понимающими его людьми. У насъ почти во всѣхъ городахъ существуютъ такъ называемые епархіальные миссіонеры для обращенія заблудшихъ въ лоно Церкви. Съ этою цѣлью они въ городахъ и селахъ устраиваютъ словесные турниры съ уклонившимися отъ Церкви, приводящіе послѣднихъ къ еще большей враждѣ и злобѣ противъ Церкви. Вѣдь, кажется, всѣ согласны въ томъ, что для излѣченія болѣзни необходимо устранить причину ея. Такъ не лучше ли будетъ поступить такъ же и въ данномъ случаѣ? Для борьбы съ иновѣрцами не лучше ли оздоровить въ религіозномъ отношеніи православную массу, открывши предъ нею во всей полнотѣ духовныя блага, являемыя Словомъ Божиимъ? Вѣдь православная масса буквально алчетъ, томимая духовнымъ голодомъ. Не находя удовлетворенія его у законныхъ пастырей, она обращается къ лживымъ учителямъ и тамъ, вмѣсто истинной пищи, получаетъ суррогатъ ея, отъ котораго образуются неисцѣльныя духовныя болѣзни. Для успѣха миссіи гораздо лучше было бы вмѣсто официальныхъ миссіонеровъ, или наряду съ ними, учредить спеціальныхъ проповѣдниковъ при кафедрахъ епископовъ. Можетъ быть, они, какъ совершенно свободные отъ всякихъ стороннихъ занятій, сумѣли бы по-

ставить церковное проповѣдничество на прежнюю высоту. Можетъ быть, они оживили бы его настолько, что оно снова явилось бы могущественнѣйшимъ средствомъ Церкви въ дѣлѣ просвѣщенія людей свѣтомъ Христова ученія.

Кромѣ того, институтъ специальныхъ проповѣдниковъ, думается, могъ бы способствовать и внѣшнему развитію проповѣди. Наше проповѣдничество давно уже стоитъ на точкѣ замерзанія. Въ немъ незамѣтно даже стремленія къ болѣе или менѣе оригинальному раскрытію христіанскихъ истинъ и аргументаціи ихъ. Здѣсь все ведется по избитому шаблону. Такой убійственный консерватизмъ въ нашей проповѣди отчасти объясняется тѣмъ, что проповѣдники, по самымъ условіямъ своего служебнаго положенія, не имѣютъ никакой возможности заниматься самостоятельной разработкой проповѣдическихъ темъ. Пастыри, какъ мы видѣли, перегружены служебными обязанностями. Поэтому, въ случаяхъ выступления на церковной кафедрѣ, они волей-неволей вынуждены обращаться къ готовымъ образцамъ проповѣдей. Специальный же проповѣдникъ, конечно, будетъ находиться въ иныхъ условіяхъ. При полной свободѣ отъ всякихъ постороннихъ обязанностей, онъ можетъ отдать всѣ свои силы, дарованія и досугъ на служеніе слову Божію. Конечно, эту отвѣтственную должность въ Церкви Божіей нужно предоставлять людямъ не только безукоризненно благонастроеннымъ и благонамѣреннымъ, но и отличающимся большой богословской и даже научной эрудиціей. Въ настоящее время христіанское ученіе подвергается болѣе, чѣмъ когда-либо, злостнымъ нападкамъ невѣрія. Въ области же практической жизни и дѣятельности выдвинуты такіе жгучіе и животрепещущіе вопросы, которые, во всякомъ случаѣ, требуютъ самаго спокойнаго и деликатнаго обсужденія. Вотъ почему кафедральные проповѣдники должны быть съ прекрасной научно-богословской подготовкой.

Въ заключеніе своей замѣтки считаемъ долгомъ заявить, что выраженные нами взгляды на задачи и средства пастыр-

скаго душепопеченія въ городѣ мы отнюдь не склонны считать единственно возможными и правильными и исключительно приложимыми въ жизни. Мы только подаемъ слабый голосъ о крупныхъ неформальностяхъ въ пастырскомъ служеніи при городскихъ приходахъ и о возможныхъ средствахъ устраненія этихъ ненормальностей. Можетъ быть, этотъ голосъ будетъ поддержанъ и другими собратіями, благодаря чему явится оживленный обмѣнъ мыслей по этому вопросу. Безъ сомнѣнія, по этому важному вопросу возможны и инья, болѣе авторитетныя соображенія, чего, конечно, дай Богъ! Мы же, съ своей стороны, еще разъ кратко повторяемъ, что необходимо городскихъ пастырей освободить отъ стороннихъ дѣлъ и дать имъ возможность оставаться только пастырями. Необходимо и самимъ пастырямъ воспрянуть отъ духовной спячки и ревностиѣ заняться учительствомъ. Голосъ ихъ долженъ раздаваться всюду, иначе стадо духовное, изнуренное голодомъ, уйдетъ отъ нихъ. Мы переживаемъ важнѣйшій моментъ переоцѣнки жизненныхъ цѣнностей. Этотъ моментъ имѣетъ рѣшающее значеніе для будущей жизни, и если его не использовать въ пастырскихъ цѣляхъ, то это будетъ непростительной оплошностью современныхъ пастырей.

Священникъ *К. Архангельскій.*

Непринужденная бесѣда.

Не такъ давно, въ одинъ изъ высокаторжественныхъ дней мнѣ пришлось говорить очередную проповѣдь въ соборѣ. Между прочимъ, я проводилъ въ своей проповѣди мысль о томъ, что есть области труда, гдѣ женщина можетъ достигать успѣшныхъ результатовъ съ меньшей затратой усилій, чѣмъ мужчина, какъ и наоборотъ, въ другихъ областяхъ трудъ мужчины всегда будетъ болѣе продуктивнымъ, чѣмъ трудъ женщины, вслѣдствіе именно коренной разницы въ природныхъ свойствахъ и дарованіяхъ мужчины и женщины. Я не

отрицаль, что женщина можетъ стать хорошимъ администра-
торомъ, судьей, даже, если хотите, полководцемъ, равно какъ
мужчина могъ бы быть хорошей бонной, нянькой, братомъ
милосердія и т. д., но именно потому, что и мужчина и
женщина въ этихъ случаяхъ должны были бы трудиться въ
областяхъ, мало соотвѣтствующихъ ихъ природнымъ дарова-
ніямъ, обоимъ пришлось бы для достиженія успѣшныхъ ре-
зультатовъ затрачивать слишкомъ много усилій, гораздо больше,
чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы каждый взялся за дѣло, со-
отвѣтственное природнымъ его дарованіямъ; пришлось бы до
нѣкоторой степени какъ-бы передѣлывать природу. Для по-
ясненія своей мысли я приводилъ примѣры изъ исторіи и
современной дѣйствительности. Между прочимъ, я привелъ
картинный разсказъ Тургенева объ одной дѣвушкѣ изъ выс-
шаго общества, которая, отказавшись отъ личнаго счастья,
ушла въ сестры милосердія во время послѣдней русско-
турецкой войны и буквально положила жизнь свою „за
други своя“.

Кончилось богослуженіе. Выхожу изъ храма и направ-
ляюсь домой.

— Батюшка! Батюшка!—слышу позади себя голосъ.
Оборачиваюсь и вижу: за мной спѣшитъ незнакомый госпо-
динъ, довольно пожилой, въ формѣ чиновника, интеллигент-
ной наружности.

— Простите пожалуйста. Мнѣ хочется съ вами побесѣ-
довать. Я, видите ли... Позвольте представиться: Иванъ
Егоровичъ Звонаревъ.

Я назвалъ себя.

— Уже по одной фамиліи моей вы можете заключить о
томъ, что я изъ духовныхъ. Да, я—сынъ священника и об-
разованіе получилъ въ духовной академіи, но, какъ видите,
не пошелъ въ священники, а пристроился по другому вѣ-
домству. Тѣмъ не менѣе я люблю Церковь, православное
богослуженіе, люблю хорошую церковную проповѣдь. И вотъ

сегодня я съ удовольствіемъ прослушалъ вашу проповѣдь и позвольте за нее пожать вашу руку.

— Благодарю за комплиментъ, котораго, однако, я не заслуживаю.

— Ну, нѣтъ, вы не скромничайте. Я не говорю комплиментовъ, а мнѣ дѣйствительно было пріятно слушать васъ. Хотя долженъ вамъ сказать, что я—довольно строгій критикъ и даже до нѣкоторой степени избалованный, такъ какъ я слышалъ дѣйствительно хорошихъ проповѣдниковъ: Харьковскаго Амвросія, Одесскаго Никанора и даже нѣкоторыхъ извѣстныхъ пасторовъ за-границей. И если вамъ не противно побесѣдовать со мною на эту тему, то позвольте попросить васъ зайти на минутку ко мнѣ. Моя квартира въ пяти шагахъ отсюда.

Разумѣется, я очень охотно согласился, и мы зашли въ квартиру Ивана Егоровича.

Оказалось, что Иванъ Егоровичъ—старый холостякъ, служить по акцизу, получаетъ весьма приличное жалованье, занимаетъ роскошную квартиру, много читаетъ, о чемъ свидѣлствуетъ обширная библіотека въ его кабинетѣ; путешествовалъ не разъ съ образовательною цѣлью за-границу и, повидимому, человѣкъ дѣйствительно весьма и разносторонне образованный.

Мы расположились въ кабинетѣ, куда хозяинъ распорядился подать чаю.

— Я сказалъ вамъ, началъ Звонаревъ, что я строгій критикъ проповѣдниковъ, и вы сейчасъ увидите, что это такъ. Не нравятся мнѣ по большей части проповѣди нашихъ пастырей. И главный недостатокъ нашихъ проповѣдниковъ тотъ, что они не хотятъ нисколько приспособляться къ намъ. слушателямъ изъ свѣтской интеллигенціи. Вѣдь знаете же вы, что мы, свѣтскіе интеллигенты, даже тѣ изъ насъ, что продолжаютъ ходить въ церковь,—мы вѣруемъ лишь немножко, Для насъ Евангеліе, правда, святая книга, да и то чудеса евангельскія насъ иногда соблазняютъ; что касается другихъ

книгъ Библии, то большинство изъ насъ не хочетъ признавать ихъ божественнаго авторитета. А вы что же дѣлаете? Вы въ своихъ проповѣдяхъ пичкаете насъ текстами Библии и думаете, что разъ текстами этими доказана какая-либо мысль, то ужъ этого и достаточно. Достаточно для строго православнаго человѣка, а вѣдь мы же не таковы въ большинствѣ. А бываетъ хуже. Бываетъ, что проповѣдникъ ссылается на мнѣнія святыхъ отцовъ Церкви, авторитета которыхъ мы уже рѣшительно не признаемъ, или же приводитъ доказательства и примѣры изъ житій святыхъ; а вѣдь житія-то эти, по нашему мнѣнію, по мнѣнію большинства, лишь басни, благочестивые вымыслы. Это ужъ, извините за откровенность, никуда не годится. Стоишь съ опущенными въ землю глазами и краснѣешь за оратора, а иногда даже негодуетъ, злишься на него: неужели, думаешь про себя, можно быть настолько наивнымъ, чтобы явный вымыселъ признавать за дѣйствительность!

— Дѣйствительно, вы—слишкомъ строгій критикъ, говорю я. Но, кажется, вы ошибаетесь, утверждая о большинствѣ вѣрующей интеллигенціи, что она такъ именно смотритъ на авторитетъ Библии.

— Увѣряю васъ, нисколько не ошибаюсь. Большинство изъ насъ именно таковы. Мы немножко лишь вѣруемъ. Мы—не богословы и не понимаемъ, что, отвергая авторитетъ Библии, мы тѣмъ самымъ обрѣзываемъ крылья у своихъ вѣрованій, мы лишаемъ ихъ почвы. Этого мы не понимаемъ и думаемъ, что можно быть христіаниномъ безъ Библии; тѣмъ болѣе мы склонны такъ думать, что еще въ школѣ намъ библейскіе тексты, ой, какъ горько доставались! Скажу вамъ больше: не только интеллигенція та, которая ходитъ въ церковь, не можетъ быть названа православной въ нашемъ семинарскомъ смыслѣ, но и простой православный народъ вѣруетъ по своему, а не по катихизису Филарета. Не вѣрите?

— Да, сомнѣваюсь.

— Иванъ, поди-ка сюда!—позвалъ хозяинъ лакея.

Иванъ вошелъ въ кабинетъ.

— Ты въ этомъ году говѣлъ?

— Какъ же-съ, говѣлъ.

— Причащался?

— Вѣстимо, и причащался.

— А для чего ты это дѣлалъ? Скажи-ка намъ.

Иванъ недоумѣвающе пожалъ плечами.

— Ну, говори же.

— Да вѣдь всѣ такъ дѣлають.

— А для чего,—не знаешь?

— Такъ предками заведено. Опять же, скажемъ, ежели кому холостому жениться надо, такъ берется, значить, объ исповѣди свидѣтельство.

— А ты какъ полагаешь: что важнѣе—причастіе, или крещенская святая вода?

— Не знаю, право, смущенно улыбался Иванъ. Кажись такъ, что одинаково. Святую воду на-тощакъ пьють, причастіе тоже. У покойнаго батюшки святая вода крещенская по десяткамъ лѣтъ сохранялась въ бутылки и не портилась ни-ни.

— Ну, хорошо, ступай себѣ.

Иванъ ушелъ.

— Ну, что скажете? Нужно вамъ замѣтить, что Иванъ мой—человѣкъ не глупый, окончилъ сельскую школу и очень вѣрующій, часто ходитъ въ церковь, чтитъ праздники. А вы видите, какъ онъ освѣдомленъ въ катихизисѣ. И вѣдь дѣло-то тутъ не просто въ невѣжествѣ. Совсѣмъ нѣтъ. Навѣрное, онъ и въ школѣ слышалъ и въ храмѣ ему не разъ говорили о тайнѣ причащенія, о томъ, что тутъ истинное тѣло, истинная кровь Христова не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Однако же, онъ ни за что не хочетъ буквально этого понимать и ни за что не повѣритъ этому, какъ вы его ни убѣждайте.

— Нѣтъ, не могу согласиться съ вами въ этомъ случаѣ,—сказалъ я Ивану Егоровичу. А самому въ то же время

припомнились случаи изъ собственной пастырской практики въ деревнѣ, случаи, показывающіе, что мнѣніе Ивана Егоровича, пожалуй, и не вполне фальшиво. Спѣшить, напр., крестьянинъ за священникомъ, чтобы напутствовать святыми тайнами больного отца, или мать, и тутъ же объясняетъ батюшкѣ, почему онъ объ этомъ безпокоится: не дай Богъ—умреть безъ причастія, такъ вѣдь тогда сколько хлопотъ съ полиціей! И единственно только это его и безпокоитъ. Припомнились мнѣ и другіе случаи и факты изъ жизни крестьянина-малоросса, факты, свидѣтельствующіе о его міровоззрѣніи, о его склонности къ рационализму и скептицизму. Не даромъ вѣдь въ Малороссіи особенно распространены секты рационалистическаго характера, а равно и такія, которыя отрицаютъ безсмертіе души, будущую жизнь и т. д. Вотъ почему я и говорю, что, быть можетъ, въ словахъ Ивана Егоровича и есть доля правды, т. е., что крестьянинъ, даже православный, вѣритъ какъ-то по своему и не потому, что не знаетъ ученія Церкви по тому или другому вопросу, нѣтъ, а именно потому, что не хочетъ признавать этого церковнаго ученія. Возможно, что именно поэтому лакей Ивана Егоровича святое причастіе ставитъ наравнѣ со святой крещенской водою.

— Мы, однако, нѣсколько уклонились въ сторону,—продолжалъ Иванъ Егоровичъ. Собственно, для меня важно установить тотъ фактъ, что для насъ, свѣтскихъ интеллигентныхъ людей, которые лишь немножко вѣрують, а такихъ большинство, что для насъ тексты Священнаго Писанія, которыми вы уснащаете свои проповѣди, не имѣютъ того значенія, какое вы имъ придаете, а потому мы остаемся не удовлетворенными такими вашими проповѣдями.

— Чего же вы требуете отъ проповѣди?

— Прежде всего, чтобы проповѣдь была принаровлена къ слушателямъ, чтобы она считалась съ нашимъ психическимъ, такъ сказать, содержимымъ, съ нашимъ духовнымъ

багажомъ, нашими воззрѣніями, вкусами, потребностями и проч.

— И потакала бы этимъ воззрѣніямъ, вкусамъ, потребностямъ?

— О, нѣтъ, я не то хочу сказать. Моя мысль другая. Имѣйте терпѣніе выслушать.

— Хорошо, говорите.

— Читаль я гдѣ-то, что какіе-то дикари, увидавъ въ первый разъ въ жизни маленькія лодочки у берега моря, очень ими заинтересовались, тогда какъ рядомъ стоявшіе большіе корабли даже не обращали на себя ихъ вниманія. Что это значить? Это значить, что большой корабль настолько превышаетъ тотъ умственный уровень, какой имѣется у дикаря, что у послѣдняго, въ его представленіяхъ и понятіяхъ, въ его умственномъ кругозорѣ не оказывается рѣшительно ничего аналогичнаго тому новому явленію, которое у него сейчасъ предъ глазами, ничего такого, съ чѣмъ бы можно было связать это новое явленіе, которое по этому самому и проходитъ незамѣченнымъ, нисколько не задѣвая его любопытства. Какое-нибудь самое поразительное открытіе въ области, скажемъ, химіи можетъ привести въ восторгъ спеціалиста, а мы съ вами отнесемъ къ нему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ; какой-ниб. вновь найденный глиняный черепокъ съ клинообразными надписями изъ до-историческихъ временъ Ассиро-Вавилоніи—цѣлый, быть можетъ, кладъ для археолога; и попадись такая драгоценность въ руки намъ съ вами,—мы вѣдь, пожалуй, швырнемъ ее прочь. Когда намъ расскажутъ про нашего знакомаго Петра Петровича, что его покинула жена Анна Семеновна, мы этимъ сообщеніемъ будемъ заинтересованы больше, чѣмъ извѣстіемъ о крушеніи поѣзда съ десятками человѣческихъ жертвъ гдѣ-нибудь въ Америкѣ. Отчего это? Оттого, что эти погибшіе американскіе янки ровно никакого отношенія къ вашей и моей особѣ не имѣли, тогда какъ съ Петромъ Петровичемъ и Анной Семеновной насъ связывали многоразличныя отношенія, ко-

торыя такъ или иначе будутъ затронуты послѣднимъ событіемъ въ ихъ жизни. Вотъ чѣмъ объясняется степень нашего вниманія къ тому или другому предмету или явленію. Стало быть, если вы хотите заинтересовать слушателей вашей проповѣдью, то сдѣлайте такъ, чтобы предметъ проповѣди затрагивалъ что-нибудь уже имѣющееся въ душѣ слушателя, такъ или иначе касался обычнаго круга его идей, представленій, обычной сферы его чувствованій и т. д.

— Я понимаю васъ: вы имѣете въ виду психологическій законъ апперцепціи.

— Да, да, совершенно вѣрно, и придаю ему огромное значеніе въ дѣлѣ возбужденія, такъ называемаго, пассивнаго вниманія слушателей. А проповѣдники наши по большей части вовсе не считаются съ этимъ закономъ. На дняхъ я слушалъ въ одномъ храмѣ проповѣдь о христіанскомъ воспитаніи въ семьѣ. Проповѣдникъ все время толковалъ объ Анфусѣ, Ноннѣ, Моникѣ и другихъ святыхъ женахъ древности и въ заключеніе сказалъ: слѣдуйте-моль примѣру этихъ святыхъ женъ. Ну, и что же?—Да ровно никакого впечатлѣнія на слушателей. А почему?—Да просто потому, что вѣдь эти Нонны, Моника, Анфусы и проч. слишкомъ далеки отъ насъ; ихъ духовный міръ, ихъ настроенія, чувствованія, условія жизни, въ которыхъ онѣ находились,— все это не наше, намъ чуждо, намъ мало понятно. Возьмите что-нибудь къ намъ болѣе близкое, возьмите дѣйствительное лицо, или же хотя бы даже художественный образъ любящей матери-христіанки у когонибудь изъ нашихъ писателей, нарисуйте живыми красками ея любовь, ея мечты, радости, скорби, страданія,—и вы увидите, что результатъ получится иной. Вы замѣтили, съ какимъ интересомъ, затаивъ дыханіе, слушали сегодня васъ, когда вы словами художника рисовали образъ этой самоотверженной дѣвушки, которая, покинувъ семью, отказавшись отъ личнаго счастья, пошла въ сестры милосердія ухаживать за ранеными солда-

тами и умерла тамъ, на чужбинѣ, въ глухой болгарской деревушкѣ?

— Но видите ли, тутъ я позволилъ себѣ нѣкоторую вольность: не принято у насъ это.

— Вотъ это то и странно. Почему же въ проповѣди не допускать художественныхъ образовъ? Развѣ Христосъ въ своихъ притчахъ не говорилъ именно этими художественными образами? Развѣ его Лазари, безжалостные заимодавцы, любостыжательные богачи и проч., развѣ это не тѣ же художественные образы, взятые именно для того, чтобы ту или другую сентенцію, то или другое нравственное правило представить болѣе конкретно и, такимъ образомъ, глубже запечатлѣть въ сердцахъ слушателей?

— Года три тому назадъ,—продолжалъ Звонаревъ, помолчавъ немного,—я былъ за границей и слышалъ проповѣдь одного нѣмецкаго пастора въ Бременѣ. Я поразила его умѣньемъ сразу же, съ первыхъ словъ всецѣло завладѣвать вниманіемъ слушателей. Вотъ какъ онъ началъ свою рѣчь. „Какъ-то на дняхъ,—сказалъ онъ,—иду я по городу. Тороплюсь по дѣлу и потому не обращаю вниманія на снующую по улицамъ толпу. Но вотъ прохожу мимо одного магазина и вижу на окнѣ большихъ размѣровъ художественную гравюру. Она меня остановила, какъ и нѣкоторыхъ изъ толпы, также остановившихся поглядѣть на нее. Гравюра носила названіе: „Діана, или Христосъ“? Едва успѣлъ проповѣдникъ это сказать, какъ толпа жадно наострила вниманіе. И это вполнѣ понятно. Вѣдь многіе изъ слушателей, вѣроятно, сами видѣли и любовались этой картиной, или по крайней мѣрѣ слышали толки о ней въ обществѣ, быть можетъ, читали въ газетахъ. Такимъ образомъ, проповѣдникъ касался предмета близкаго, знакомаго. Развѣ не интересно послушать, каково же его мнѣніе объ этомъ предметѣ? Дальше проповѣдникъ излагаетъ сюжетъ картины. На ней изображена дѣвушка-христіанка предъ статуей Діаны. Рядомъ съ нею молодой человѣкъ, быть можетъ, ея женихъ. Дальше

толпа воиновъ, которые нетерпѣливо ожидаютъ, рѣшится ли молодая христіанка сдѣлать возліаніе Діанѣ, чего отъ нея требуютъ подъ угрозой смерти, или же она останется вѣрною Христу, за что должна будетъ умереть отъ ихъ руки. Молодой человѣкъ умоляюще устремилъ свой взоръ на возлюбленную, просить ее не губить своей молодой жизни, обѣщая ей счастье любви. Но въ глазахъ у дѣвушки можно прочесть рѣшимость лучше умереть, чѣмъ измѣнить Христу. Дальше проповѣдникъ говоритъ о томъ, что и въ наше время у христіанина могутъ быть подобныя же соблазны измѣнить вѣрѣ, измѣнить Церкви. Вниманіе слушателей оставалось такимъ же полнымъ и напряженнымъ во все продолженіе рѣчи, такъ какъ проповѣдникъ иллюстрировалъ свои мысли примѣрами и образами изъ близкой къ слушателямъ дѣйствительности. Послѣ этого я зашелъ въ книжный магазинъ и купилъ томикъ проповѣдей этого пастора и прочелъ его съ наслажденіемъ. Всѣ его проповѣди носятъ характеръ такой же, какъ эта, о которой я только что рассказалъ, т. е., онъ постоянно умѣетъ говорить о предметахъ близкихъ къ слушателямъ и отсюда переходить къ тѣмъ выводамъ, сентенціямъ, нравственнымъ правиламъ, какія желаетъ обосновать, доказать, запечатлѣть въ сердцахъ слушателей. А вы объ этомъ вовсе не заботитесь; вамъ важно, чтобы ваша мысль была логически обоснована и доказана, и доказательствъ этихъ вы ищете въ Библии, въ твореніяхъ святыхъ отцовъ, въ житіяхъ святыхъ. Но я уже сказалъ, что ни Библия, ни тѣмъ болѣе творенія святыхъ отцовъ, а равно житія святыхъ для насъ вовсе не представляются такимъ авторитетомъ, какимъ вы ихъ считаете, т. е., ваши Филареты, Макарии и т. д. Между свѣтскою интеллигенціей, даже вѣрующей, вы рѣдко встрѣтите человѣка православнаго въ вашемъ смыслѣ этого слова.

— Это очень печально, если такъ,—сказалъ я.

— Печально, и я согласенъ съ вами, но это фактъ, съ которымъ нельзя же не считаться. Я вамъ не надоѣлъ?

— Нѣтъ, пожалуйста.

— Ну, такъ я еще немножко побраню васъ. Большинство нашихъ проповѣдниковъ не умѣютъ обойтись безъ тетрадки, которая ужасно портитъ впечатлѣніе и отъ хорошей проповѣди. Пора бы бросить эти тетрадки, пора бы научиться произносить, а не читать проповѣди. Кстати о произношеніи. Разъ въ недѣлю Мясопустную я слышалъ проповѣдь о Страшномъ судѣ. Проповѣдникъ читалъ по тетрадкѣ и читалъ изъ рукъ вонъ плохо. „Идите отъ Мене, проклятіи, во огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его“. Эти слова Христа батюшка произнесъ такимъ тономъ, какъ бы говорилъ: идите, миленькіе, въ теплую комнатку, гдѣ васъ обогрѣютъ и накормятъ. Помилуйте! Нельзя же такъ! Мы въ этомъ отношеніи достаточно избалованы: мы слышимъ ораторскія рѣчи въ судѣ, публичныя лекціи профессоровъ, слышимъ декламацию артистовъ въ театрѣ, мы умѣемъ цѣнить искусство декламации,—а въ храмѣ намъ преподносятъ въ этомъ отношеніи нѣчто совсѣмъ неслучайное. И вотъ что замѣчательно. Приходилось мнѣ не разъ бывать въ семинаріи на литературныхъ вечерахъ. Съ наслажденіемъ слушалъ декламацию семинаристовъ. И эти же семинаристы, сдѣлавшись священниками, на церковной каѳедрѣ являются совсѣмъ неумѣлыми проповѣдниками. Чѣмъ это объяснить, право, не знаю.

— Вы, дѣйствительно, строгій критикъ,—говорю я.

— Я же предупредилъ васъ объ этомъ. Извините, впрочемъ. Съ моей стороны было въ высшей степени неделикатно пригласить гостя съ тѣмъ, чтобы читать ему нотации. Но право же, я отъ чистаго сердца. Повторяю: я люблю Церковь, люблю богослуженіе и хорошую проповѣдь и только потому высказалъ вамъ свое откровенное мнѣніе по вопросу, который меня самого интересуеть. Насколько я правъ,—это ужъ судите сами.

— Знаете что. То, что я сегодня отъ васъ слышалъ, я думаю представить на судъ пастырей. Пусть кто-нибудь

выскажется по поводу вашихъ замѣчаній о церковномъ проповѣдничествѣ. Быть можетъ, съ вами кое въ чемъ можно будетъ согласиться. Вы ничего противъ этого не имѣете?

— О, да, конечно!

— Ну, тогда такъ и сдѣлаемъ.

И я распрощался съ Иваномъ Егоровичемъ.

Свящ. *Н. Липскій.*

ЗАМѢТКИ.

а) Новое чудо Святителя Николая. 1)

18-го сентября сего года въ квартиру мою, помѣщающуюся на Рождественкѣ, въ домѣ № 58, была привезена чудотворная икона Святителя Николая, ежегодно бывающая въ Ярославлѣ изъ Бабаевского монастыря, Костромской епархіи, въ періодъ времени отъ 8-го сентября по 17-е октября.

Пока священнослужитель съ причтомъ пѣли водосвятный молебенъ съ акаѳистомъ Угоднику Божію, прислуга, крестьянка Кашиинскаго уѣзда, Цотуповской волости, дер. Юрьева, Пелагея Васильевна Волнухина, послѣ прочтенія Св. Евангелія, отправилась на кухню посмотриѣть, готовъ-ли самоваръ къ чаю, которымъ мы желали угостить, по окончаніи молебна, іеромонаха съ причтомъ.

Взявъ кипящій самоваръ, Пелагея однимъ пальцемъ правой руки стала отворять дверь изъ кухни въ комнату. Въ это время ручка самовара какъ-то выскользнула изъ ея лѣвой руки, самоваръ, висѣвшій въ ея правой рукѣ, опрокинулся на бокъ, и кипяткомъ облилъ ей лѣвую руку, бокъ и ногу; крышка упала и горячіе уголья посыпались на полъ.

Свидѣтелемъ всего происходившаго былъ крестьянинъ Костромской губ., Нерехтскаго уѣзда, дер. Юрина, Михаилъ Константиновъ Бѣляшинъ, по занятію—стекольщикъ, который

1) Костромск. Епарх. Вѣдом. 1911 г. № 22.

въ это время вставляя въ кухонной рамѣ стекло въ форточку. Несмотря на крикъ стекольщика о томъ, что она обожглась, Пелагея, по его словамъ, не чувствуя никакой боли, испугалась лишь того, что пролила самоваръ, и тотчасъ-же снова налила его и стала разогрѣвать.

Только уже по окончаніи молебна, со слезами на глазахъ, сообщила Пелагея во всеуслышаніе о той милости, которую оказалъ ей Святитель Николай: никакихъ слѣдовъ ожога отъ пролившагося на нее кипятку ни на рукѣ, ни на прочихъ частяхъ тѣла у нея не оказалось; ни малѣйшей боли не замѣчалось, и Пелагея совершенно здорова и по сіе время.

Милость Божія, по заступничеству Святителя Николая, открыто явлена была на глазахъ всей семьи моей, подтверждающей вмѣстѣ со мною истину вышеизложеннаго.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.

докторъ медицины *Кацауровъ*.

в) Среди духовенства.

И. Бачалдинъ высказываетъ въ „Смол. Епарх. Вѣд.“ сожалѣніе о гибели литературныхъ талантовъ среди духовенства.

„Если бы писательская жилка, живая, жизненная, была развита гармонично, то возможна-ли была бы необычайная скудость, почти отсутствіе въ литературѣ художественныхъ описаній быта духовенства, его своеобразной душевной жизни? Одинъ Потапенко—хорошій беллетристъ въ этой области, отчасти (только отчасти!) Гусевъ-Оренбургскій, Елеонскій ¹⁾... и только. Дали-ли духовные воспитанники (хотя бы и наиболѣе симпатичный послѣдній изъ упомянутыхъ) что-нибудь подобное старцу Зосимѣ (въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“) До-

¹⁾ Къ означеннымъ писателямъ надо относиться съ осторожностью: больше они изображаютъ отрицательныя стороны въ жизни духовенства,— для чего? не для униженія-ли послѣдняго? *Ред.*

стоевскаго и „Соборянамъ“ Лѣскова — писателей и воспитанниковъ свѣтской школы? Психологія пастырства — не ученая и теоретическая, а опытная и творчески (художественно) воспроизведенная самими пастырями — гдѣ она?

Всѣ эти мысли возникли у меня (странно сказать!) по поводу чтенія... „Воспоминаній судебнаго дѣателя“ Кони, печатавшихся въ „Русской Старинѣ“. Очень интересная вещь.

Прочитавши ее, одинъ старецъ-священникъ сказалъ мнѣ со вздохомъ: „Какихъ, какихъ не пишется воспоминаній! Однихъ только нѣтъ — воспоминаній священниковъ изъ области ихъ пастырства. Какая психологія открывается священникамъ на ежегодной исповѣди! Какія страшныя тайны говорятся духовникамъ! Какъ все это интересно, важно, поучительно, трогательно!.. Сотни лѣтъ — десятки, сотни тысячъ священниковъ исповѣдуютъ, часто потрясаются сами отъ развертывающихся предъ ними душевныхъ драмъ... и что же? Подѣлились-ли когда-нибудь, подѣлились-ли своими впечатлѣніями? Вѣдь пастыри много полезнаго могли бы почерпнуть въ подобныхъ воспоминаніяхъ. Скажутъ, можетъ быть, исповѣдь — тайна. Конечно. Но если черезъ 40 лѣтъ старецъ-священникъ вспомнить, не называя именъ, если лѣтъ черезъ 80, какъ часто бываетъ съ мемуарами, будетъ это напечатано, — чья душа пострадаетъ отъ этого, чья тайна будетъ нарушена? Какъ хотите, глубоко жаль, что мы, пастыри, не пишемъ воспоминаній, не ведемъ дневниковъ“.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 21-го декабря 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Авц. Общ. печат. в изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерингов. ул. д. № 6.